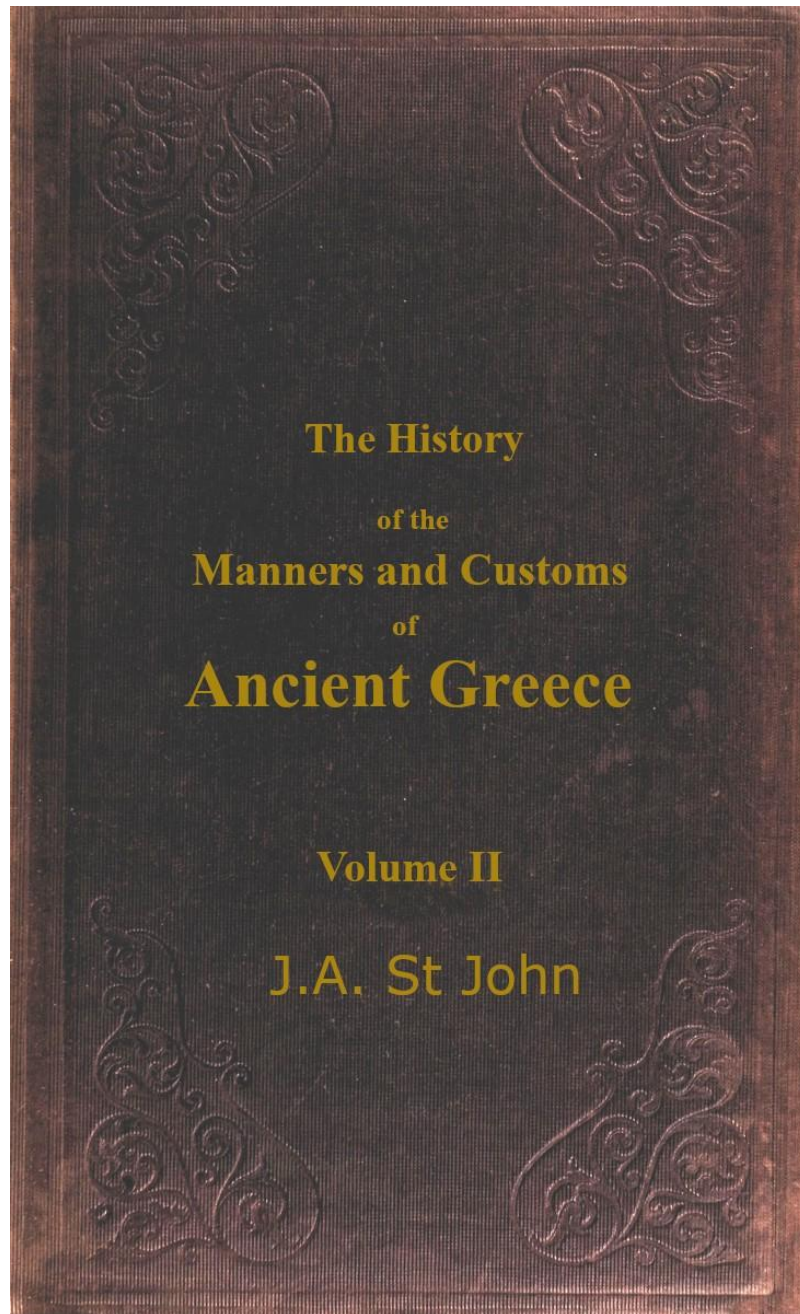


История нравов и обычаев Древней Греции, том 2 (из 3)

Джеймс Августус Сент-Джон



The Project Gutenberg eBook of The History of the Manners and Customs of Ancient Greece, Volume 2 (of 3).

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История нравов и обычаев Древней Греции, том 2 (из 3)

Автор: Джеймс Огастус Сент-Джон

Дата выхода: 16 марта 2022 года [eBook #67637]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: R. Bentley, 1842

Кредиты: KD Weeks, Turgut Dincer и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF THE MANNERS AND CUSTOMS OF ANCIENT GREECE, VOLUME 2 (OF 3) ***

Примечание переводчика:

Сноски собраны в конце каждой главы и снабжены ссылками для удобства пользования.

Незначительные ошибки, допущенные типографией, были исправлены. Пожалуйста, обратитесь к [примечанию](#) транскриптора в конце данного текста, чтобы получить подробную информацию о решении любых текстовых проблем, возникших во время его подготовки.

Все исправления выделены подчеркиванием. При наведении курсора на исправление оригинальный текст отображается в небольшом всплывающем окне.

Все исправления обозначены гиперссылками, которые ведут к соответствующей записи в таблице исправлений в примечании в конце текста.

ИСТОРИЯ НРАВОВ И ОБЫЧАЕВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

BY J. A. ST. JOHN.

В ТРЕХ ТОМАХ.

VOL. II.

ЛОНДОН:

RICHARD BENTLEY, NEW BURLINGTON STREET,
Ординарный издатель Ее Величества.
1842.
ЛОНДОН:
Напечатано С. и Дж. Бентли, Уилсоном и Фли,
Bangor House, Shoe Lane.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

КНИГА III.

ГЛАВА	СТР АНИ ЦА
IV. Церемонии бракосочетания	1
V. Положение замужних женщин	28
VI. Туалет, платье и украшения	50

КНИГА IV.

I. Частные жилища	75
II. Мебель для дома	97
III. Пища гомеровских времен - мясо, рыба и т. д.	125
IV. Птица, фрукты, вино и т. д.	150
V. Развлечения	170
VI. Развлечения (продолжение)	197
VII. Театр	220
VIII. Театр (продолжение)	248

КНИГА V.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

I. Вилла и хозяйственный двор	269
-------------------------------	-----

II.	Сад и фруктовый сад	301
III.	Виноградники, урожай и т. д.	335
IV.	Исследования фермера	362
V.	Различные процессы в сельском хозяйстве	381
VI.	Пастушеская жизнь	401

ИСТОРИЯ

СВОЕГО

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

.

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

КНИГА III.

ГЛАВА IV.

БРАЧНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Когда решался вопрос о браке, будь то любовь или интерес, деловая часть сделки, которая во всех странах крайне неромантична, поручалась, как и в Китае, женщине-свахе,^[1] чьи профессиональные обязанности, по-видимому, считались важными. Она доносила предложения влюбленных до семьи его любовницы, а точнее, возможно, ломала лед и прокладывала ему дорогу. В более ранние века мужчины, несомненно, сами выполняли эту деликатную работу или поручали ее своим родителям; так, у Гомера мы видим, как Ахилл заявляет, что его отец Пелей должен выбрать ему жену. Еще раньше, если верить некоторым распространенным традициям, мужчины вообще обходились без таких предварительных условий и жили "более милостиво" с первыми попавшимися на их пути женщинами; это состояние варварства, из которого, как говорят, их вызволил Цекропс.^[2] Но, к кому бы ни относилась эта басня, она явно недостойна ни малейшего доверия. О временах, погруженных в такую бездну невежества, не сохранилось бы ни одной записи, даже о многих последующих революциях нравов, затрагивающих близкую к цивилизации орбиту. Если, однако, традиция возникла в результате реальных нововведений в нравах, она может относиться к частичной отмене полигамии, которая, независимо от того, была ли она сделана Кекропсом или нет, стала важным шагом в продвижении греков к полированной жизни.

Но если Сесропс когда-либо жил и не должен рассматриваться как простое мифологическое творение, мы все равно должны отвергнуть сравнительно современную традицию, которая переносит его из Египта. Придя с Востока, он, скорее всего, ввел бы многоженство, чем наоборот. С любой точки зрения эта традиция абсурдна, поскольку она одновременно представляет жителей Аттики дикарями и людьми, достигшими значительных успехов в науке гражданского управления. Они уже вышли из состояния патриархального правления, отнюдь не самого низкого, и достигли монархического периода в истории общества - ведь Кекропс женится на дочери царя Актеоса - но не сделали и первого шага в утонченности,^[3] не преодолели барьер, отделяющий самого грубого дикаря от варвара, - не сделали открытия,

что для сохранения общества о детях нужно заботиться и содержать их, что невозможно, пока у них нет других отцов, кроме общины. Поэтому мы должны отвергнуть эту кекропийскую легенду и признать, что с самых ранних времен, о которых сохранились какие-либо записи, жители Эллады женились и выходили замуж.

Какой бы ни была первоначальная практика греков, следы полигамии еще долго были заметны в их нравах. Геракл содержал сераль, достойный османского султана. Его жены, подобно женам странствующего брамина, были разбросаны в удобных местах по стране, чтобы, где бы он ни бродил, он мог найти ночлег и развлечения; но, поскольку слухи о его различных заведениях распространялись, ревность дам в конце концов была возбуждена и оказалась для него роковой. И Эгей, и его брат Паллас, и старый Приам, и Агамемнон, и Тесей, и почти все государственные деятели героических времен изображены как обладатели гарема. Действительно, если судить по практике принцев, то можно подумать, будто полигамия - закон всех стран; настолько привычно для них преступать в этом вопросе общественное мнение. До сих пор среди некоторых писателей бытует мнение, что у Сократа было две жены, а нежный характер Ксантиппы, возможно, побудил его решиться на вторую! Но даже этот усердный искатель скандалов, Афиней,^[4] отвергает эту историю, которая, несомненно, возникла благодаря какому-то софисту, который был в долгу перед философом. Однако если не в сыне Софрониска, то, по крайней мере, в Филиппе Македонском цари героических времен нашли точного подражателя. Этот пеллесский лис, хотя и не водил с собой, подобно персидскому монарху, армию наложниц в свои военные походы, но, руководствуясь политикой или другими мотивами, заключил множество браков, не меньше, пожалуй, чем Геракл. Сатирос завещал нам любопытный отчет о матримониальных подвигах его величества. Во время его долгого правления, длившегося от двадцати до четырех с половиной лет, блюда одного брачного пира не успевали остыть, как готовился новый. С июня по июнь не было ничего, кроме трюфелей и богатых супов. Я не могу перечислить всех дам, которые благодаря любви Филиппа претендовали на роль цариц Македонии; но будет уместно назвать несколько, чтобы показать, как нравственность его подданных должна была улучшиться благодаря его примеру. Первой дамой, чья приземленная привлекательность покорила сердце Филиппа, была *Андате*, иллирийка, от которой у него родилась дочь, названная Цинной. За ней последовала *Фила*, сестра Дерды и Макате. Следующими его женами были две фессалийки, *Фере* из Никесиполиса, мать Фессалонии, и *Филинна* из Лариссы, мать Аридэоса. Если бы он искал только женщин, этого было бы достаточно; но у Филиппа были другие взгляды, и, сочтя брак более быстрым способом расширить свои владения, чем завоевание, он тут же добавил к списку *Олимпию*, которая принесла ему в приданое Молосское царство и, как всем известно, была матерью Александра. Если бы коварный принц остановился на этом, потомки, не обращая внимания на его безнравственность, могли бы похвалить его благоразумие. Но, воодушевленный успехом, он продолжил увеличивать число своих цариц. За Олимпией последовала *Меда*, дочь Киталаса, царя Фракии, и, наконец, *Клеопатра*, сестра Гиппострата и племянница Атталаса. К этому времени он уже несколько преклонных лет, так как Александр, сын Олимпии, приближался к совершеннолетию. На пиру, устроенном в честь этого нового брака, когда вино разошлось, как это было принято у македонцев, Атталос, который, вероятно, выпил немало, заметил: "Наконец-то у нас будут законные принцы, а не бастарды!" Присутствовавший при этом Александр, возмущенный таким оскорблением, бросил свой кубок в лицо Атталоса, который приветствовал его таким же образом. После этого, поняв, как будут развиваться события, Олимпия бежала в Молоссию, а Александр - в Иллирию. Филипп дожил до того, что имел от Клеопатры одну дочь, Европу; но вскоре после этого, по наущению, как предполагают, Олимпии и Александра, был убит Павсанием.^[5]

Обычные люди, однако, были удержаны от совершения подобных безнравственных поступков законами, особенно в Афинах, где к браку относились со всем благоговением, причитающимся великому палладиуму цивилизации. Как необходимое следствие, безбрачие не могло быть иначе как неблаговидным, так что для человека, стремящегося к общественной чести, обладание женой и детьми было не менее необходимым, чем средства к существованию.^[6] У спартанцев холостяки были отданы на милость женщин и подвергались очень суровым наказаниям. Во время празднования некоторых праздников их хватала толпа буйных вираго, каждый из которых мог задушить быка,^[7] и в насмешку тащила вокруг алтарей богов, получая от кулаков своих нежных мучительниц такие удары, которые регулярная практика бокса приучила молодых дам наносить.^[8]

"А дамы иногда бьют очень сильно".

Но мы будем менее склонны осуждать этот несколько неженственный обычай, если учтем, что в древнем мире, не меньше, чем в современном, незамужние и бездетные женщины пользовались лишь незначительным уважением. И это чувство, которое ни на минуту не затихает в обществе, лучше, чем изречения тысяч сентименталистов, учит тому, каково истинное происхождение любви.

О препятствиях к браку, возникавших у древних народов из-за родства или кровосмешения, достоверно известно очень мало. В героические века все союзы, кроме союзов родителей со своими детьми, были законными; так, в "Одиссее" мы видим, как шесть сыновей Эолоса сочетались браком со своими шестью сестрами, - нравы прежних времен, оставленные на земле, все еще сохранялись среди богов.

Ифидамос взял в жены сестру своей матери,^[9] а Алкиной, отнюдь не распутный и безнравственный принц, соединился с дочерью своего брата;^[10] Дейфобос после смерти Париса овладевает Еленой,^[11] а провидец Эленос соединился в браке с Андромахой, вдовой своего брата Гектора.^[12] Но, не приводя других примеров, мы можем, исходя из практики, вменяемой богам, среди которых едва ли какая-либо степень родства была препятствием для брака, заключить, что в очень ранние века мало кто испытывал угрызения совести по этому поводу. Более поздние мифологи даже приписывали Зевсу незаконную связь с его дочерью Афродитой,^[13] но клеветнически, и в противоречии с лучшими античными авторитетами.^[14] Природа, действительно, так императивно запретила союз родителей с их собственными детьми, что позитивные законы, запрещающие столь гнусные связи, во все века были почти не нужны, хотя суеверие волхвов^[15] в древности и распутство пап и принцев в современности обвиняли в преступлении этих естественных границ.

Если верить софисту Наукратису, то и среди афинян был один выдающийся человек^[16], который жаждал репутации равного виновника.

Брак братьев со своими родными сестрами в поздние века считался незаконным; но не так обстояло дело со сводными сестрами по отцовской линии, на которых закон не запрещал жениться.^[17] Записанных примеров тех, кто воспользовался этой привилегией, немного; но среди них мы находим великого Кимона, сына Мильтиада, который из любви к Корнелию Непосу и в полном соответствии с нравами своей страны взял в жены его сестру Эльпинику.^[18] Плутарх тоже говорит об этом союзе как о публичном и законном, но Афиней^[19] характерно намекает, что Эльпиника была всего лишь любовницей своего брата. Спартанское законодательство придерживалось иного мнения о том, что такое сестринские отношения. Здесь отец был главным, и поэтому с маточной сестрой, не являющейся близкой родственницей, можно было заключать брак.^[20] Все связи по прямой линии восхождения или

нисхождения были запрещены; но запрет не распространялся на боковые ветви: дядям разрешалось брать в жены своих племянниц, а племянникам - своих теток.

Точный возраст, когда афинский гражданин мог законно взять на себя бремя семьи, как утверждают, без доказательств, хотя и не совсем без вероятности, был определен Солоном; ведь в те века такие вопросы, как предполагалось, входили в законные рамки законодательства.^[22] Они приписывали сезону молодости гораздо большую продолжительность, чем соответствует нашим представлениям. В действительности считалось, что она длится до тридцати пяти или тридцати семи лет, больше или меньше: вступая в менее цветущую область мужественности, мужчины нуждаются в помощи и утешении помощницы. Но если такой закон и существовал, он часто нарушался: ранние браки, хотя и менее распространенные, возможно, чем в наше время, постоянно упоминаются как историками, так и поэтами. Опасения по поводу слишком большого роста населения уже в те ранние века заставляли философов тщетно пытаться найти сдерживающие факторы, которые непреодолимые импульсы природы всегда делают недейственными; и, рассматривая в этом свете постановление, приписываемое Солону,^[24] они, с некоторыми изменениями, принимают его в своих политических трудах. Платон,^[25] в соответствии с представлениями Гесиода, устанавливает для мужчин брачный возраст в тридцать лет; но Аристотель, который в большинстве вопросов предпочитал отличаться от своего учителя, позволяет своим гражданам на семь лет больше свободы. Для женщин подходящий возраст, по его мнению, составляет около восемнадцати лет. Он объясняет это тем, что таким образом муж и жена будут вместе процветать и увядать, а их потомство, унаследовав цветение и бодрость своих родителей, будет сразу^[26] здоровым телом и энергичным умом.

Зима, в особенности январь, который назывался Гамелион, или "месяц бракосочетания", считался самым подходящим временем^[27] года для празднования свадьбы; и если дул северный ветер, как это часто случалось в это время года, то это обстоятельство считалось особенно благоприятным. Этому представлению приписывают несколько физиологических причин, например, то, что во время преобладания этого ветра человеческий организм особенно нервен и полон энергии; что дух, следовательно, легок, а нрав и настроение милы, веселы и гибки. Возможно, свою лепту в утверждение этого убеждения внесли и затухающие искры древнего суеверия: к этой четверти неба, как к всеобщему Кеблеху, обращались все цивилизованные народы древности как к дому своих богов; в этом направлении направлены все проемы египетских пирамид; туда и по сей день обращаются китайцы и брамины, когда молятся, а в священной скинии евреев стол с хлебами^[28] также обращен на север. Внимание также уделялось лунному влиянию; поскольку, если этому не мешали другие обстоятельства, было принято назначать полнолуние, когда отмечался праздник, называемый *Теогамия*, или "Бракосочетания богов", чтобы сама религия своими величественными и почтенными церемониями могла освятить союз смертных, заключенный под ее эгидой.

На эту практику есть несколько ссылок у древних писателей. Агамемнон в Еврипиде на вопрос жены о времени свадьбы Ифигении отвечает, что она должна состояться

"Когда блаженная луна свой серебристый круг заполнит".

И Фемида, отдавая Фетиду Пелею, чтобы положить конец раздорам богов, выбирает то же время для совершения брачного обряда.

"Но когда в тот торжественный вечер

Луна разделилась,

Для вождя пусть она оставит

Ее прекрасную девственную зону в стороне".

Большинство древних народов, таких как евреи, индийцы, фракийцы, германцы и галлы, рассматривали женщин как товар на рынке; и в этом отношении греки ранних времен были совершенно согласны с ними, покупая и продавая своих женщин, как скот.^[31] Но постепенно, по мере того как нравы становились более полированными, этот варварский обычай был прекращен, хотя, в память о нем, даже в самые цивилизованные времена все еще делались подарки как отцу, так и невесте. Тем не менее, мы должны остерегаться, чтобы не сделать слишком много выводов из этих подарков; ведь столь же примитивным и распространенным был обычай, навязывавший отцам необходимость выдавать дочерей замуж.^[32] В случае смерти мужа эта супружеская доля также переходила к детям, так что если вдова решала - как это иногда бывает,^[33] - во второй раз пуститься в супружеское плавание, ее отец был призван предоставить новое снаряжение. Но если муж уставал от своей лучшей половины и настаивал на разводе, или если после его смерти сыновья оказывались достаточно неестественными, чтобы прогнать мать с отцовской крыши, право на все приданое возвращалось к ней.^[34]

Стороны обычно обручались до брака своими родителями. А молодых женщин, чьих родителей уже не было в живых, выдавали замуж их братья, деды или опекуны. Мужья на смертном одре иногда распоряжались руками своих жен, как в случае с отцом Демосфена, который завещал Клеобулу Афобосу, которого он также назначил опекуном своих детей. В этом случае вдове лучше было самой выбрать. Афобос завладел приданым и согласился исполнять обязанности опекуна, чтобы грабить детей; но от брака он отказался. Другой пример - Формион, который, будучи рабом^[35] у богатого гражданина и ведя себя ревностно и верно, сразу получил свободу и вдову своего господина. Во всех серьезных делах афиняне были очень методичным народом, и все, вплоть до обручения или женитьбы на жене, проводили с вниманием к форме, достойным самого причудливого гражданина нашего собственного великого города.

Поттер с большой наивностью отмечает, что, прежде чем жениться, мужчины должны были обеспечить себя домом для жизни. Обычай был хорошим, и экономный старый поэт Аскра, взявшийся просветить своих соотечественников в вопросах экономики, прямо говорит об этом: "Сначала постройте дом, и пусть он будет жить в нем".

"Сначала постройте дом, а жена пусть преуспеет":

что, несомненно, является лучшим советом, чем если бы он сказал: "Сначала женись на жене, а потом подумай, куда ее пристроить". И мы видим, что даже среди пасторальных барышень, которые, по мнению современных поэтов, делают свое мясо и питье из любви и вешают на себя тряпку или две из нее, чтобы уберечься от стихий, в древности задавали своим возлюбленным вопросы об удобствах. "Ты очень настойчив, мой дорогой Дафнис, и клянешься, что любишь меня; но сейчас вопрос не в этом. Есть ли у тебя дом и гарем, куда ты мог бы меня отвезти?"

Но какими бы благоразумными они ни считались, афиняне все же были более благочестивы, чем бережливы. Прежде чем девственница покидала дом своего детства и переходила из состояния, которое она испытала и в большинстве случаев, возможно, находила счастливым, в совершенно незнакомое ей состояние, обычай требовал совершения, день перед свадьбой, нескольких религиозных церемоний, чрезвычайно значительных и красивых. До сих пор в поэтической глубине своих таламои они считались многочисленными

нимфами, прикрепленными к поезду девственной богини леса. Собираясь стать членами послушничества, более соответствующего природе, чем католическая церковь, они сочли себя обязанными просить у своего божества разрешения перенести свое поклонение с нее на Гимена; и, чтобы легче было его получить, они в простоте сердца приблизились к ней с корзинами, полными подношений, которые им надлежало преподнести, а ей - принять.^[38] Артемида также не была единственным божеством, которому по такому случаю хотели придать благосклонности с помощью жертвоприношений и молитв. Приносили жертвы и нимфам, тем прекрасным созданиям, которыми фантазия греков наполняла ручьи и фонтаны родной земли.^[39] Выполнив эти обряды, будущую невесту с помпой проводили в цитадель, где торжественно приносили жертву Афине, богине-покровительнице государства, с молитвами о счастье, особенно о даре высшей мудрости.^[40] Гере, а также судьбам,^[41] как богиням, следившим за состоянием брака и строго наказывавшим тех, кто преступал его священные законы, преподносились дары и давались обеты; А на один или все их алтари дева клала прядь своих волос, в более отдаленные эпохи, возможно, и всю, в знак того, что, получив мужа, она должна сохранить его другими средствами, кроме красоты и искусства туалета".^[42] В Мегаре молодые женщины посвящали свои отрезанные локоны Ифиноэ. На Делосе - Гекаэрге и Опсу,^[43] а аргосские девы, как и афинянки, совершали этот обряд в честь Афины.^[44]

Совершив вышеупомянутые и подобные им обряды, выполнив свои непосредственные обязанности перед богами и внушив себе глубокое чувство священных обязательств, которые они собирались заключить, они приступали к исполнению брачных церемоний, по-прежнему сочетая религиозные обряды со всеми частями сделки. Был назначен благоприятный день, и родственники и друзья обеих сторон собрались в роскошных нарядах в доме отца невесты, где все дамы семьи были заняты чтением молитв и подношениями. По завершении этих домашних церемоний невесту в сопровождении ее паранимфы или подружки невесты выводили на улицу жених и один из его самых близких друзей,^[45] которые сажали ее между собой в открытую повозку.^[46] Их платья, как и подобает, были самыми богатыми и великолепными. Полные, струящиеся, самых ярких цветов, платья жениха^[47] сверкали золотыми украшениями и распространяли вокруг, когда он двигался, облако духов. Сама невеста, одаренная тем безошибочным вкусом, который отличал ее нацию, предстала в наряде одновременно простом и великолепном - простом по контуру, по массам, по складкам, великолепном по блеску оттенков и по великолепному и дорогому стилю украшений. Она не была, как какая-нибудь современная придворная дама, сиянием драгоценных камней, безвкусно нагроможденных друг на друга; но сквозь снежную марлю ее вуали проглядывали драгоценный филер и короноподобный сфедон, который, вместе с венком из цветов,^[48] украшал ее темные локоны; а между складками ее пурпурной мантии, расшитой золотом, виднелись ее бесцветные пальцы со множеством колец, сверкающих драгоценными камнями. Шею и руки опоясывали нити жемчуга Красного моря; в ушах мерцали подвески, разнообразно украшенные индийскими драгоценными камнями; а на ногах, частично скрытых ниспадающей мантией, виднелась часть сандалий с золотыми ремешками, усыпанная изумрудами, рубинами или жемчугом. Но все эти украшения часто не могли отвлечь взгляд от тех, которыми она была обязана природе. Ее роскошные волосы, которые у восточных женщин часто достигают земли:

Ее волосы гиацинтового цвета,

когда она оставляет свои складки внизу,

Как среди фрейлин на балу

Она стояла выше их всех,

И по мрамору, где ноги ее

Сияли белее горного снега,

Пока из облака, породившего ее

Она упала и поймала одно пятно земли;

Волосы ее, говорю я, благоухающие нежными благовониями,^[49] такими, как нард из Тарсоса, франт из Кипра, эссенция роз из Кириены, лилий из Игены или Киликии, свободно спадали кольцами на плечи, а спереди были ограничены филе и кузнечиками из золота.^[50] Более скоропортящиеся украшения, в виде венцов из мирта, дикого тимьяна,^[51] мака, белого кунжута, с другими цветами и растениями, священными для Афродиты, украшали головы как невесты, так и жениха.^[52]

За ними следовали родственники и друзья, образуя в большинстве случаев длинную и величественную процессию, которая в окружении толп зрителей медленно двигалась к храму, тысячи людей разбрасывали цветы или духи на своем пути и громкими восклицаниями сравнивали счастливую пару с самыми пылкими и прекрасными из своих нимф и богов.^[53] Тем временем несколько друзей невесты, рассеянных среди толпы, с тревогой следили за благоприятными предзнаменованиями, желая вместе с каждым присутствующим отвести все, что суеверие учило их считать неблагоприятным. Считалось, что ворон, появившийся в одиночестве, предвещает печаль или разлуку, в то время как пара воронов,^[54] вылетевших из соответствующей четверти неба, предвещала идеальный союз и счастье. Пара черепаховых голубей из всех предзнаменований считалась самой лучшей.^[55]

Достигнув храма, жених и невеста были встречены у дверей священником, который вручил им по маленькой веточке плюща в знак тесных уз, которыми они собирались соединиться навеки. Затем их проводили к алтарю,^[56] где церемонии начинались с жертвоприношения телицы,^[57] после чего торжественно обращались к Артемиде, Афине и другим богиням-девственницам. Затем молились Зевсу и его супруге, верховным божествам Олимпа;^[58] не обошли вниманием и древних богов, Ураноса и Гею, чей союз порождает плодородие и изобилие;^[59] - далее по порядку почитались Грации, чья улыбка проливает на жизнь ее сладчайшее очарование, и Судьбы, которые укорачивают или продлевают ее по своему желанию; и, наконец, Афродита, мать Любви, и из всего воинства небесного самая прекрасная и благодетельная для смертных".^[60] После вскрытия жертвы из нее вынимали желчь и бросали за алтарь.^[61] Прорицатели, сведущие в гаданиях, осматривали внутренности, и если их вид вызывал тревогу, то бракосочетание прерывалось или откладывалось. При благоприятном исходе обряд проходил так, словно был освящен улыбкой богов. Невеста отрезала один из своих локонов, который, накручивая на веретено, клала в качестве подношения на алтарь Афины, а жених, подражая Тесею, делал аналогичное подношение Аполлону, привязывая, как эмблему своей жизни вне дома, горсть травы или зелени.^[62] Затем родители или друзья последовательно обращались ко всем остальным богам, покровителям брака, и, завершив обряд, отец девственницы, положив руку жениха на руку невесты, говорил: "Я дарю тебе свою дочь, чтобы глаза твои радовались законному потомству". Клятву нерушимой верности давали оба, и церемония завершалась новыми жертвоприношениями.

Исполнение столь многочисленных обрядов обычно занимало весь день, так что, прежде чем невесту проводили в ее будущий дом, наступали вечерние сумерки. Этот час, по мнению

некоторых, был выбран для того, чтобы скрыть румянец юной жены.^[64] И вот началась светская часть церемонии. Многочисленные сопровождающие, несущие зажженные факелы,^[65] бежали впереди процессии, а группы веселых молодых людей, танцующих, поющих или играющих на музыкальных инструментах, окружали брачную машину. Подобная практика существовала во всей Греции, даже во времена Гомера, который в своем описании Щита вызывает в нашем воображении живую картину героической свадебной процессии:

"Здесь священная пышность и пиршества радуют,

И торжественный танец, и гимнический обряд.

По улицам новобрачных ведут,

С горящими факелами, к брачному ложу.

Юные танцовщицы в круг заключены

Под тихий звук флейты и серебра цитры.^[66]

По ярмарочным улицам матроны в ряд,

Стоят в своих подъездах и наслаждаются зрелищем".

Песня, исполняемая по этому случаю, получила название "Каретная мелодия", от кареты, в которой ехала супружеская пара во время исполнения песни.^[68]

Дом жениха, старательно подготовленный к приему невесты, был обильно украшен гирляндами и ярко освещен. У беотийцев, когда дама в сопровождении мужа спускалась с повозки, ее топорище сжигали, чтобы показать, что, найдя дом, она больше не будет им пользоваться.^[69] Празднование брачных обрядов обычно приводит людей в хорошее настроение, по крайней мере первый день; и новобрачные женщины в Афинах нуждались во всем, что могло помочь им пройти через толпу церемоний, которые окружали входы в дома их мужей. Символы домашнего труда, песты, сита,^[70] и так далее, встречали взор молодой жены со всех сторон. Сама она, во всей пышности своего наряда, несла в руках глиняную ячменную плошку.^[71] Но, чтобы утешить ее, на заднем плане за ситами и пестиками появились очень красивые пироги с кунжутом,^[72] с вином, фруктами и другими бесчисленными лакомствами, сопровождаемые радостными и приветливыми лицами. Песнопения,^[73] с другими песнями, благоухающими "радостью и молодостью", звучали в залах, ставших теперь ее собственными. Веселье и восторг привели ее в пиршественный зал, где появился мальчик, обвешанный терновыми ветвями и дубовыми сучьями, усыпанными желудями, который, когда умолкли глашатаи эпиталями, прочел древний гимн, начинавшийся словами: "Я избежал худшего и нашел лучшее." Этот гимн, составляющий часть богослужения, совершаемого афинянами во время праздника, учрежденного в честь открытия кукурузы, благодаря которому люди были избавлены от поедания желудей, они ввели в число брачных церемоний, чтобы показать, что супружеский союз настолько же превосходит безбрачие, насколько пшеница превосходит мачту. По окончании декламации в зал вошел отряд танцующих девушек, увенчанных миртовыми венками и одетых в легкие туники, доходящие чуть ниже колен, как мы до сих пор видим их на античных геммах и вазах, которые своими разнообразными, свободными и несколько распушенными движениями ярко представляли всю теплоту и энергию страсти.

Пир, который последовал за этим, в Афинах, чтобы предотвратить бесполезную расточительность, был подвергнут проверке некоторыми магистратами. На нем

присутствовали представители обоих полов, но, в соответствии с общим духом их нравов и институтов, дамы, как и в Египте, сидели за отдельными столами.^[75] Можно предположить, что на этих развлечениях, помимо прочих благ, потреблялось большое количество сладостей, поскольку женщина, занимавшаяся их замешиванием и приготовлением, а также совершавшая брачные жертвоприношения, считалась достаточно важной, чтобы иметь отдельное название, (δημιουργός),^[76] а торт невесты, который, несомненно, был венцом ее искусства, получил имя Гамелиос. Общее устройство банкета, однако, они поручили заботам своего рода майордома, который получил прозвище Трапезопойос.^[77]

Среди князей и вельмож Македонии брачный банкет, как и следовало ожидать, сильно отличался от экономных развлечений афинян; но поскольку это может помочь нам понять изменения, внесенные в эллинские нравы завоеваниями Александра и его преемников, я попрошу у читателя разрешения представить ему описание, завещанное нам античностью, великолепного банкета^[78], устроенного на свадьбе Караноса.

Гости, числом двадцать человек, сразу же по входе в дом жениха были увенчаны по его приказу золотыми шленгидами,^[79] каждый стоимостью в пять кусков золота. Затем их ввели в пиршественный зал, где первым предметом, поставленным перед ними, когда они заняли свои места за столом, был, без сомнения, очень приятный предмет, состоящий из серебряного кубка, преподнесенного каждому в подарок, который, осушив, они передавали своим сопровождающим рабам, которые, по обычаю страны, стояли позади их мест с большими корзинами, предназначенными для хранения подарков, которыми их одаривал хозяин пиршества.^[80] Затем перед каждым членом компании поставили бронзовый солонец коринфской работы, полностью покрытый пирогом, на котором в большом количестве были разложены жареные птицы, утки, вальдшнепы, гусь и другие лакомства. Вслед за ними на тумбах рабов появились многочисленные блюда, от которых гости должны были откусывать на месте. Затем внесли вместительный серебряный поднос, также покрытый пирогом, на котором были навалены гуси, зайцы, дети, другие пироги, искусно сделанные, голуби, горлицы, куропатки и множество другой подобной дичи, которую также, после того как ее отведали, я полагаю, передали слугам.^[81]

Когда ярость голода была утолена, а это должно было произойти очень скоро, они омыли руки, после чего принесли венцы, сплетенные из всевозможных цветов, и вместе с ними другие золотые шленгиды, равные по весу первым, которые для проформы были возложены на головы компании, прежде чем они попали в корзины, стоящие сзади.

Пока они еще находились в каком-то исступлении радости, вызванной щедростью жениха, к ним вошел отряд флейтисток, певиц и родосских исполнителей на самбуке,^[82] обнаженных, по мнению некоторых, хотя другие сообщают, что на них была легкая туника. Когда эти исполнительницы вдоволь насладились своим искусством, они удалились, чтобы дать дорогу другим женщинам-рабыням, неся каждая по паре ваз для благовоний, вмещавших по котиле, одна из золота, другая из серебра, скрепленных золотой тесьмой. Такую пару получал каждый гость. По сути, княжеский жених, чтобы, как мы полагаем, его друзья разделили с ним радость бракосочетания, вместо ужина одарил каждого из них состоянием; Ибо сразу же вслед за вышеописанным подарком принесли несколько серебряных блюд, каждое из которых было достаточных размеров, чтобы вместить большого жареного поросенка, уложенного на спину, с открытой грудной клеткой и начиненного всевозможными деликатесами, которые были зажарены вместе с ним, такими как дрозды, метрæ, бекафики, с желтком яиц, вылитым вокруг них, устрицы и петушки. Из этих блюд каждый присутствующий получал одно, с его содержимым, а сразу после него - еще одно, содержащее горячего шипящего ребенка. После этого Каранос, заметив, что их корзины

переполнены, велел преподнести им плетеные корзины и изящные хлебницы, оплетенные слоновой костью.^[83] Восхищенная его щедростью, компания громко аплодировала жениху, выражая свое одобрение хлопаньем в ладоши. Затем последовали другие подарки, а также парфюмерные вазы из золота и серебра, которые преподносили компании парами, как и прежде. Когда суэта улеглась, внезапно ворвался отряд артистов, достойных участвовать в празднике Хитра,^[84] в Афинах, а вместе с ними итифалли, жонглеры и обнаженные женщины-чудотворцы, которые танцевали на головах в кругах из мечей и извергали огонь изо рта. По окончании этих представлений они с еще большим усердием и жаром принялись пить из вместительных золотых кубков, причем их вина, теперь уже менее смешанные, чем прежде, были тасийским, мендийским и лесбийским. Затем на серебряной подставке появилось стеклянное блюдо диаметром в три фута, на котором были разложены все виды жареной рыбы. К этому прилагались серебряные хлебные корзины, наполненные каппадокийскими булочками, часть из которых они съедали, а остальное отдавали своим рабам. Затем они омыли руки, их увенчали золотыми коронами, вдвое тяжелее прежних, и преподнесли третью пару золотых и серебряных ваз, наполненных благовониями. К этому времени они уже совсем обезумели от вина и начали поистине македонское состязание, в котором победителем становился тот, кто больше проглотит; Протей, внук того, кто был благодетельным спутником Александра Македонского, выпивал за один раз до галлона и восклицал.

"Больше всего радости в душе у того.

Кто осушит самую большую чашу".

Огромный кубок был передан ему Караносом, который объявил, что каждый человек должен считать своей собственностью ту чашу, содержимое которой он может выпить. На это девять доблестных вакханок разом поднялись и стали стремиться опорожнить кубок раньше других, а один несчастный, завидуя их удаче, сел и разрыдался оттого, что ему придется уйти без чаши. Хозяин дома, однако, не желая, чтобы кто-то остался недоволен, подал ему пустую чашу.^[85]

Теперь вошел хор из ста мужчин, чтобы запевать эпифаламию; а за ними танцующие девушки, одетые в образы нимф и nereid.

Пьянка все еще продолжалась, и с наступлением вечерней темноты круг зала внезапно расширился: череда белых занавесей, простиравшихся по всему периметру и скрывавших его размеры, была поднята, а из многочисленных ниш в стене, из многочисленных углублений в стене, открываемых скрытыми механизмами, на гостей обрушилось сияние факелов, которые, казалось, несли целые отряды богов и богинь: Гермес, Пан, Артемида, Возлюбленные и множество других божеств, каждый из которых держал в руках по факелу и дарил свет собравшимся смертным.

Пока каждый выражал свое восхищение этим приспособлением, на квадратных подносах с золотыми ободками внесли кабанов истинно эриманфских размеров, утыканных серебряными копьями, и по одному подарили каждому из компании. Самим *весельчакам* ничто не казалось столь достойным похвалы, как то, что при демонстрации чего-либо удивительного все они смогли встать на ноги и сохранять перпендикулярность, несмотря на то что были доверху нагружены вином.

"Наши рабы, - рассказывает один из гостей, - сложили в корзины все подарки, которые мы получили, и труба, по обычаю македонцев, возвестила об окончании трапезы". Каранос приступил к той части пиршества, в которой участвовали только маленькие чашки, и

приказал рабам быстро разлить вино; то, что они пили в этот второй раз, считалось противоядием от того, что они проглотили раньше.

Теперь, как можно предположить, они были в подходящем состоянии, чтобы развлечься, и к ним вошел шут Мандрогенес, потомок, как говорили, афинянина Стратона. Этот профессиональный джентльмен долго сотрясал их бока от смеха, а закончил свои представления танцем со своей женой, старухой лет восьмидесяти.^[86] Этот приступ веселья, похоже, восстановил аппетит и сделал их готовыми к дополнительным лакомствам, которые завершали достижения дня. Они состояли из разнообразных сладостей, которые становились еще более соблазнительными из-за маленьких украшенных слоновой костью рожков, в которых они лежали, изысканных пирожных с Крита, Самоса и Аттики, в коробках, в которых они были привезены.

Ипполох, чьему энтузиазму в описаниях хорошего настроения читатель обязан вышеприведенными живописными деталями, завершает свое важное повествование замечанием, что, когда они поднялись, чтобы уйти, их беспокойство о приобретенном богатстве полностью отрезвило их. Затем он добавляет, обращаясь к своему корреспонденту Линсею: "А ты, друг мой, оставаясь в Афинах в полном одиночестве, наслаждаешься лекциями Теофраста с твоим тимьяном, ракирой и нежными витками, смешиваясь с весельем Линнеевского и Хитрейского праздников. Мы же сами присматриваемся: одни к домам, другие - к поместьям, третьи - к рабам, чтобы купить их на те богатства, которые упали в наши корзины на ужине у Караноса".

На этом брачный пир был завершен, невесту проводили в гарем при свете факелов, вокруг одного из которых, называемого "Гименеевым факелом", ее мать, главная среди факелоносцев, закручивала шнурок для волос,^[87] развязавшийся в этот момент с ее головы. Удаляясь в брачную палату, невеста, повинаясь законам, съедала айву вместе с женихом в знак того, что их первая беседа должна быть полна сладости и гармонии.^[88] Гости продолжали веселиться с музыкой, танцами и песнями до глубокой ночи.^[89]

На рассвете следующего утра друзья вновь собрались и приветствовали их новой эпифаламой, увещевая сойти с беседки, чтобы насладиться красотами рассвета,^[90] которые в этом теплом и благодатном климате даже в январе не уступают майскому утру у нас. Появившись в присутствии поздравляющих, жена в знак привязанности преподнесла мужу богатый шерстяной плащ,^[91] отчасти, по крайней мере, сделанный ее собственными прекрасными руками. По этому же случаю отец невесты отправил в дом зятя множество дорогих подарков, состоящих из кубков, бокалов или ваз из алебаstra или золота, кроватей, кушеток, канделябров или шкатулок для духов или косметики, гребней, шкатулок для драгоценностей, дорогих сандалий или других предметов обихода или роскоши. И чтобы столь яркий пример его богатства и щедрости не остался незамеченным, все это с большой помпой доставлялось в дом жениха женщинами-рабынями, перед которыми шествовал мальчик, одетый в белое, с факелом в руке, в сопровождении юноши-корзинщика, одетого, как канефора в священных процессиях.^[92] Схожие по духу обычаи до сих пор сохранились у первобытных горцев Уэльса, где новобрачные, занимающие средние и низшие ступени жизни, полностью обставляют свои дома за счет добровольных пожертвований не только родителей, но и друзей. Однако получатели должны в свою очередь доказывать равную щедрость, когда кто-либо из членов семьи дарителя берется за домашнее хозяйство.

1. Προμνηστρία. Aristoph. Nub. 41. et Schol. Poll. iii. 41.

2. Athen. xiii. 2. Мистер Митфорд слишком полагается на "традиции, принятые в полированные века", когда, опираясь на авторитет таких традиций и таких писателей, как Юстин (ii. 6.), приходит к выводу, что до времен Кекропса жители Аттики по уровню знаний и цивилизации уступали самым диким дикарям. Hist. of Greece, i. 58. На легенды и авторов такого рода нельзя полагаться. Если общество существовало, то существовало и все "необходимое" для него; поэтому, если брак был таковым, он не мог быть неизвестным. Кроме того, как случилось, что тот же самый Сесропс, который ввел брак, не научил их также сеять кукурузу, которая, если Египет был, когда он его покинул, цивилизованной страной, должна была быть ему так же знакома, как и брак? Это самое необходимое приобретение, однако, они должны были сделать много веков спустя, во время правления Эрехтея. Юстин, ii. 6.

3. Cp. Goguet, Origine des Lois. iv. 394, где этот ученый автор самым рыцарским образом отстаивает принятую теорию. Аполлодор, однако, представляет Цекропса автохтоном, συμφύες ἔχων σῶμα ἀνδρὸς καὶ δράκοντος. iii. 14. 1.- Причина, по которой о нем говорили, что он имеет две природы - получеловека и полузмеи, - объяснялась очень разнообразно и весьма фантастично. Диодор Сикул (i. p. 17) объясняет его право считаться наполовину человеком и наполовину зверем тем, что он по своей воле был греком, а по природе - варваром. Однако он полагает, что именно зверь цивилизовал человека. Другие объясняют διφυῆς несколько иначе, имея в виду, что он был гигантского роста и понимал два языка: διὰ μῆκος σώματος οὕτω καλούμενος, ὅς φησιν ὁ Φιλόχορος, ἥ ὅτι Αἰγυπτίων τὰς δύο γλώσσας ἠπίσταντο.-Euseb. Евстафий, знакомый с мифологическими баснями, переводит стрелки на Хекропса, полагая, что тот, поселившись в Аттике, мог цивилизовать не афинян, а себя. Он считает его ἀπὸ ὄφεως εἰς ἀνθρώπων ἐλθεῖν, ἐπεὶ δὲ ἐκεῖνος ἐλθὼν εἰς Ἑλλάδα καὶ τὸν βάρβαρον Αἰγυπτιασμόν ἀφείς, χρηστοὺς ἀναλάβετο τρόπους πολιτικοῦς.-In Dionys. Peneg. p. 56.

4. Deipnosoph. xiii. 2.- Сравните рассказ в Diogenes Laertius, ii. 5. 10.- Поведение Сократа, который женился на Ксантиппе, чтобы доказать доброту своего нрава, было подражаемо, как нам говорят, одной христианской дамой, которая "просила св. Афанасия приобрести для нее из вдов, питающихся церковным корбаном, старую женщину, угрюмую, раздражительную и нетерпеливую, чтобы она в обществе столь неблагородного человека имела возможность часто упражняться в терпении, прощении и милосердии" - Джереми Тейлор "Жизнь Христа", i. 384.

5. Athen. xiii. 5.

6. Dinarch. in Demosth. § 11. Cp. Poll. viii. 40. Comm. p. 644.

7. Аристоф. Lysistrat. 78, seq.

8. Афины. xiii. 2.

9. Hom. Il. λ. 221, seq.

10. Hom. Odys. η. 55, seq.

11. Keightley, Mythology, p. 490.

12. Serv. ad Virg. Æn. iii. 297.

13. Virg. Cir. 133.

Sed malus ille puer, quem nec sua flectere mater,

Iratum potuit, quem nec pater, atque avus idem

Юпитер.

14. К исправлению Валькернера в "Еврипе". Hippol. 536, где вместо ὁ Δίος παῖς он читает ὀλίγος παῖς, следует, я думаю, принять. Diatrib. in Eurip. Perd. Dram. xv. p. 159, с. Вся его защита Зевса на этот счет является триумфальной. Все же следует сравнить заметки Монка, Бека, Масгрейва и "Классический журнал", vi. 80, следует сравнить.

15. Diog. Laert. Proœm. § 6. На эту практику, вероятно, ссылается Еврипид в "Андромахе", ст. 173, sqq., где Гермiona с презрением описывает распутные нравы варваров. Катулл, осуждая нечестивую развращенность своего современника, замечает

"Nam Magus ex matre et gnato gignatur oportet,

Si vera est Persarum *impia religio*".

Epig. lxxxiii. 3, seq. В наше время в подобных преступлениях обвиняли папу Александра VI и императора Шах-Джехан. Бейль, Dict. Hist. et Crit. Art. Alexandre VI. и Bernier, Voyages, t. i. О запрещенных степенях кровосмешения см. Sepulveda, de Ritu Nupt. et Dispens. i. § 20, где он говорит, что папа может разрешить все союзы, кроме тех, что заключаются между родителями и детьми. "Et ideo hodiè non ligant, nisi quatenus ab ecclesia sunt assumptæ; ac propterea Papa dispensare potest cum omnibus personis, nisi cum matre et patre, ut matrimonium contrahant." Card. Cajetan. ap. Sepulved. ub. sup.

16. Алкивиад. Athen. xii. 48. xiii. 34. Лисий, fr. p. 640.

17. Sch. Aristoph. Nub. 1353.

18. Corn. Nep. Vit. Cim. i. Plut. Cim. § 4, где мы находим обвинение этой дамы в любовной связи с художником Полигнотом, который представил ее портрет среди троянских дам в "Стоа Пицилии".

19. Deipnosophist. xiii. 56. Мурет, Var. Lect. vii. i. обсуждает этот вопрос, но не бросает на него нового света. - Andocides cont. Alcibiad. § 9, называет причиной изгнания Кимона его любовную связь с Эльпинидой. Однако мы видим, что Архептолис, сын Фемистокла, женился на своей сводной сестре Мнесиптолеме. Плут. Themistocl. § 32.

20. Meurs. Themis Attica. i. 14. Philo. De Leg. Spec. ii. Eurip. Orest. 545. sqq.

21. Cp. Herod. v. 39. Pausan. iii. 3, 9.

22. Censor. de Die Natal. 14.

23. Так, Мантитей у Демосфена женится в восемнадцать лет, повинувшись желанию отца - Contr. Bœot. ii. § 1.

24. Аристотель. Polit. ii. 7. vii. 14. Gœttling. - Cp. Malthus on Population, i. 9, 10.

25. Repub. v. t. vi. p. 237. De Legg. vi. t. vii. p. 452. Гесиод, Opp. et Dies, 696. Gœttling.

26. Polit. vii. 16. Hist. Anim. vii. 5, 6. Cp. Tac. de Mor. Germ. 20. Just. Instit. t. x. Brisson. de Jur. Nupt. p. 99.

27. Olympiod. in Meteor. c. 6. Meurs. Grec. Fer. v. 240.
28. Exod. xl. 22.
29. Iphigen. in Aul. 717.
30. Пиндар, Isth. Od. viii. 41, seq. Перевод Г. Ф. Кэри, восхитительный по своей близости и духу, стр. 212.
31. Аристотель. Polit. ii. 6. Tacit. de Mor. Germ. 18. Heracl. Pont. v. Θρακων. Leg. Salic. Art. 46. Hist. Gen. des Voy. vi. 144. Cp. Goguet, Orig. des Loix, i. 53.
32. В тех случаях, когда отцы не могли дать им приданое, мы видим дочерей, стареющих в отцовском поместье. Demosth. in Steph. i. § 20. Приданое часто было значительным, иногда доходило до ста мин. § 18.
33. Об их стремлении узнать замыслы судьбы в этом отношении см. Аристоф. Lysist. 597.
34. Goguet, Orig. des Loix, iii. 127, sqq.
35. Demosth. pro Phorm. § 8-10.
36. Opera et Dies, 405.
37. Феокрит. Eidyll. xxvii. 36.
38. Theocrit. Eidyll. ii. 66, ibique Schol.
39. Schol. Pind. Pyth. iv. ap. Meurs. Græc. Fer. p. 238.
40. Suid. v. προτέλεια. t. ii. p. 629. v. Æschyl. Eumen. 799. Cp. Coel. Rhodig. xxviii. 24.
41. Poll. iii. 38. Schol. Pind. Pyth. x. 31. Аристоф. Thesmoph. 982. Куст.
42. Poll. iii. 38. ibique Comm. p. 529, seq. Cp. Spanh. Observ. in Callim. 149, 507. Юноши обычно обрезают волосы по достижении возраста половой зрелости. Athen. xiii. 83.
43. Pausan. i. 43. 4. Callim. in Del. 292. Spanh. Observat. t. ii. p. 503, sqq.
44. Stat. Theb. ii. 255, с древним комментарием Лутатия.
45. Πάροχος. Suid. v. Ζεῦρος ἡμιονικὸν. t. i. p. 1123, b. Eurip. Helen. 722, sqq.
46. Это была обычная практика. Когда невесту вели домой пешком, ее называли χαράιπους - термин неуважения, не далеко ушедший по значению от нашего слова "топтать". Poll. iii. 40.
47. Аристоф. Plut. 529, et Schol. Suid. v. βαπτά. t. i. p. 533, b.
48. Eurip. Iphig. in Aul. 905. Эту чашу возлагала на голову невесты ее мать. Hopfn. in loc.-In Locrensibus usu erat, ut matronæ ex lectis floribus nectant coronas. Nam emptagestare certa, vitio dabatur. Alex. ab Alexand. p. 58. b.
49. Aristoph. Plut. 529. id. Pac. 862.
50. Thucyd. i. 60.
51. Σισυμβρία. Диоскор. ii. 155.

52. Schol. Аристоф. Av. 160. В Беотии невесту венчали тростником из дикой спаржи, колючего, но сладкого растения. Плут. Conjug. Præcept. 2. Бион. Эпитафия. Адон. 88. О брачных коронах см. Paschal. De Coronis, lib. ii. c. 16. p. 126, sqq.
53. Charit. Char. et Callir. Amor. iii. 44.
54. Orus Apollo Hieroglyph. viii. p. 6. b.
55. Meziriac sur les Epitres d'Ovide, p. 190, sqq. Ælian de Animal. Nat. iii. 9. Alex. ab Alexand. ii. 5, p. 57, b.
56. Theod. Prodrom. de Rhodanth. et Dosicl. Amor. ix.
57. Eurip. Iphig. in Aul. 1113.
58. Poll. iii. 38.
59. Procl. in Tim. t. v, Meziriac. p. 155.
60. Etym. Mag. 220, 53. sqq. Cp. Plut. Conj. Præcept. proœm. t. i. p. 321. Tauchnitz.
61. Плут. Conj. Precept. 27. Cœl. Rhodig. xxviii. 21.
62. Meurs. Lect. Att. iii. 6, 106, sqq. Herod. iv. 34.
63. Menand. ap. Clem. Alexand. Stromat. ii. p. 421, a. Heins.
64. Поттер, арх. Græc. ii. 281.
65. Эврип. Helen. 722. Гесиод, Scut. Геракл. 275 и др., где говорится, что факелы несет Дмоэс.
66. У Гесиода процессию возглавляет отряд цветущих девственников, играющих на форминксе. αἱ δ' ὑπὸ φόρμιγγων ἄναγον χορὸν ἱμερόεντα. За ними следует группа юношей, играющих на сириноксе. См. примечание Гетлинга к Scut. Heracl. 274, p. 117, sqq.
67. Илиада, σ. 490, sqq. Перевод Поупа.
68. Ἀρμάτειον μέλος. Лейснер в своих заметках о Босе (Antiq. Græc. Pars. iv. c. ii. § 4.) отмечает, что у Суидаса, Гесихия и Евстафия (ad Il. χ. p. 1380. 5) эти слова имеют иное значение, чем то, которое вместе с Босом и Поттером (Antiq. Græc. ii. 282) принял я. Но в отрывке, процитированном Анри де Валуа (ad Harpocrat. p. 222), они, по-видимому, имеют то значение, которое было дано им выше.
69. Plut. Quæst. Roman. xx. 19. Valckenaer ad Herodot. iv. 114.
70. Poll. iii. 37.
71. Poll. i. 246.
72. Schol. Aristoph. Pac. 834.
73. Athen. xiv. 10. Anac. Od. xviii. Schol. Hom. Il. σ. 493. Pind. Pyth. iii. 17. Dissen. Schol. ad v. 27.
74. Suid. v. ἔφουγον κακὸν. t. i. p. 1113, d.
75. Luc. Conviv. § 8. В гробах Эйлитии, в Фиваиде, мы находим грубую фреску, изображающую брачный пир, на котором мужчины и женщины сидят так, как описано в тексте.

76. Schol. Аристоф. Рас. 421. Poll. iii. 41. Вода для ванны, которой по этому случаю пользовалась невеста, по древнему обычаю, была принесена из фонтана Эннеакруноса. Etym. Mag. 568, 57, seq.
77. Poll. iv. 41.
78. Athen. iv. 2, seq.
79. Ср. Schol. Аристоф. Eq. 578. "Ἔστι τι στλεγγίς, δέρμα κεχρυσωμένον, ὃ περὶ τὴν κεφαλὴν φοροῦσι.-Poll. vii. 179.
80. Когда хозяин оказывался менее богатым или щедрым, люди иногда, по развращенности более поздних веков, пытались украсть то, что не могли получить в подарок. Так, софист Дионисодор был обнаружен у Лукиана с кубком, засунутым в грудь его мантии.-Conviv. seu Lapith. § 46.
81. Этот своеобразный вид либеральности оставался в моде до самого позднего времени:- καὶ ἄμα εἰς ἐκικόμιστο ἡμῖν τὸ ἐντελὲς ὀνομαζόμενον δεῖπνον, μία ὄρνις ἐκάστω, καὶ κρέας ὑὸς, καὶ λαγῶα, καὶ ἰχθὺς ἐν ταγήνου, καὶ σησαμοῦντες, καὶ ὅσα ἐν τραγεῖν, καὶ ἐξῆν ἀποφέρεισθαι ταῦτα. Luc. Conviv. § 38.
82. Самбуке - струнный инструмент треугольной формы, изобретенный поэтом Ибикосом. Иногда его называли lambukè, поскольку он использовался чантерами ямбического стиха - Suid. in v. t. ii. p. 709, c. d. Poll. iv. 59.
83. Казобон особенно подробно объясняет этот отрывок, чтобы никто не впал в исключительную ошибку, полагая, что эти брачные корзины были сделаны из плетеных ремешков слоновьей кожи: "*Lora elephantina* fortasse aliquis capiat de *corio elephantis*: sed ἰμάντας arbitror appellare Hippolochum *virgas subtiles ex ebore*, quibus ceu vimine utebantur in contexendis panariis istis."-Animadv. in Athen. t. vii. p. 392.
84. Вид. Animadv. in Athen. t. vii. p. 393. Meurs. Græcia Feriata. i. p. 30, seq.
85. Подобным образом Александр, сын Филиппа, принимая девять тысяч человек на брачном пиру в Сузах, подарил каждому из них золотой кубок и оплатил все их долги, составлявшие почти десять тысяч талантов -Plut. Alexand. § 70.
86. Если бы в Англии восхищались восьмидесятилетними танцорами, то, по словам лорда Бэкона, из них можно было бы легко сформировать армию, поскольку "у нас, говорит он, едва ли найдется деревня, если она хоть сколько-нибудь населена, но в ней есть мужчина или женщина четырехсотлетнего возраста; А несколько лет назад в графстве Херефорд был май-гейм, или моррис, состоящий из восьми мужчин, чей возраст, подсчитанный вместе, составлял восемьсот лет, так как то, что одни из них хотели из ста, другие превышали столько же." История жизни и смерти, стр. 20.
87. Сенека. Фебаис, Акт. iv. 2, 505.
88. Plut. Conjug. Præcept. i. t. i. p. 321. Meurs. Them. Att. i. 14, p. 39. Petit. Legg. Att. vi. i. p. 449.
89. См. Douglas, Essay on certain points of resemblance between the ancient and modern Greeks, p. 114, и Chandler, Travels, ii. 152.
90. Феокрит, Eidyll. xviii. 9.
91. Ἀπαυλιστηρία. Poll. iii. 40.

ГЛАВА V. ПОЛОЖЕНИЕ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН.

Из духа, пронизывающего все предыдущие церемонии, видно, что замужние женщины пользовались в Афинах многочисленными внешними знаками уважения. Теперь мы должны войти в гарем и посмотреть, как они там жили. Большинство, пожалуй, заблуждений, преобладающих в этом вопросе, вызваны одним очень очевидным упущением - неумением провести различие между преувеличениями и сатирой комических поэтов, большая часть которых во всех странах была направлена против женщин, и трезвой правдой истории, менее поразительной и, следовательно, менее приятной. Однако, чтобы понять афинян, мы должны довольствоваться тем, что они были такими, какими были, со многими добродетелями и многими пороками, часто грешили против своих женщин, но никогда, как правило, не обращались с ними жестоко. Более того, если верить не самым презренным свидетельствам, их ошибки, когда они заблуждались, казалось бы, лежали в противоположном направлении.^[93]

Конечно, хозяйка семьи в Афинах не была поставлена выше необходимости распространять свою заботу на управление своими домочадцами, хотя слишком многие даже там пренебрегали этим, превращаясь в подобие тех бездушных, бесполезных существ, без сердца и головы, которые в наше время часто заполняют модные гостиные и имеют репутацию, переведенную в докторские коммуны. О женском образовании я уже говорил, вместе с несколькими актами и церемониями, которые привели афинскую женщину к самой высокой и почетной должности, которую ее пол может занять на земле. В этих новых отношениях она разделяет со своим мужем тот домашний патриархальный суверенитет, изображения которого изобилуют в Священном Писании. Каким бы великим ни был дом, она была королевой всего, что находилось за дверями. Все рабы, мужчины и женщины, находились под ее властью.^[94] Каждому она распределяла его обязанности и отдавала свои приказы; А когда не было детей, требующих ее заботы, ее часто можно было видеть сидящей в глубине гарема, у ткацкого станка, окруженной, как гомеровская принцесса, своими служанками,^[95] смеющейся, болтающей или, вместе с ними, упражняющей свой сладкий голос в песнях,^[96] тех естественных всплесках мелодии, которые спонтанно срывались с губ людей, чья повседневная речь напоминала музыку соловья.

Ксенофонт в своем интересном труде "Экономика" представляет афинского дворянина, открывающего Сократу внутренний распорядок своей семьи. На этой картине жена занимает важное место на переднем плане. Она, по сути, является главной фигурой, вокруг которой с бесконечной деликатностью и эффектом группируются различные обстоятельства композиции. Молодая и красивая, она выходит вперед, колеблясь и краснея от того, что ее уличили в некоторых незначительных экономических промахах. Муж берет ее за руку, они беседуют в нашем присутствии, и в то время как внутреннее устройство греческого дома безоговорочно открыто, мы обнаруживаем точную основу, на которой муж и жена жили в Афинах, и состояние более полного доверия, большей взаимной привязанности, более

внимательной нежности с одной стороны, или женской надежды и любви с другой, было бы трудно себе представить.

Ишомохос, я признаю, должен рассматриваться как благоприятный образец; он объединяет в своем характере качества предприимчивого и просвещенного деревенского джентльмена с качествами политика и оратора не меньшего порядка, а его честность как гражданина привносит в его домашние манеры воздух смешанного величия и сладости. Описывая разговор, который вскоре после свадьбы состоялся между ним и его молодой женой, он замечает: "Когда мы вместе осмотрели наши владения, я заметил ей, что без ее постоянной заботы и надзора ничто из того, что она видела, не принесет нам большой пользы. И, взяв иллюстрацию из науки политики, я показал, что в хорошо управляемых государствах недостаточно того, чтобы были приняты хорошие законы, но чтобы были избраны надлежащие люди для охраны этих законов, которые не только награждают похвалой тех, кто оказывает им должное послушание, но и наказывают за их нарушение. Теперь, любовь моя, - сказал я, - ты должна считать себя хранительницей нашего внутреннего содружества и распоряжаться всеми его ресурсами, как командир гарнизона распоряжается солдатами, находящимися в его подчинении. На вас полностью лежит ответственность за поведение каждого человека в доме, и, подобно королеве, вы должны хвалить и награждать послушных и покорных, а несговорчивых сдерживать наказаниями и упреками. Эта высокая обязанность не должна казаться вам обременительной; ведь хотя обязанности вашей должности могут показаться более заботливыми и требующими большего напряжения, чем мы требуем даже от домашних, эти большие заботы вознаграждаются большими удовольствиями; поскольку, какие бы способности они ни проявляли в улучшении или защите имущества своего хозяина, мера их преимуществ все равно зависит от его воли, а вы, как его совместный владелец, пользуетесь правом применять его по своему усмотрению. Отсюда следует, что как лицо, наиболее заинтересованное в ее сохранении, вы должны с радостью встретить трудности, превосходящие ваши возможности".

Внимательно выслушав несколько причудливые рассуждения экономиста, Сократ с нетерпением ждал результата, ведь даме, от которой он ожидал столь мудрого "королевича", было всего пятнадцать лет. Однако его вера в женственность была велика, и Ксенофонт, который лишь отражает из менее блестящего зеркала сократовскую мудрость, передает под маской Исхомаха смешанные убеждения как мастера, так и ученика. Нравственная красота диалога и его правдивость по отношению к природе были бы потеряны, если бы дама хоть немного уклонилась от обязанностей своего высокого поста. Но ее честолюбие сразу же пробудилось. Безвестность, на которую во времена Перикла женщины были обречены нравами страны, теперь уже не казалась желанной, и любовь к славе побуждала ее к необычным усилиям.^[97] Ее ответ весьма характерен. С безошибочным тактом своего пола, опередив мужа, она попросила его поверить, что он составил бы крайне ошибочное мнение о ее характере, если бы хоть на мгновение предположил, что забота об их общем имуществе может оказаться для нее обременительной: напротив, действительно тягостным было бы требовать от нее пренебрежительного отношения к нему!

Мужчины всегда думают, что делают комплимент женщине, когда приписывают ей мужское понимание, и таким образом, по сути, ставят ее на самый высокий интеллектуальный уровень, известный им. Сократ использовал этот стиль комплимента, говоря о жене Исхомаха. И здесь я могу заметить, что нам не нужно другого доказательства того, насколько афиняне отличались в отношении женщин от восточных людей, с которыми их сравнивали, кроме одного лишь факта, что они открыто говорили с незнакомцами о своих женах. На Востоке едва ли можно нанести мужчине большее оскорбление, чем поинтересоваться его

женским положением. Самое большее, что делает старый друг, - это спрашивает: "Хорошо ли у тебя дома?" В то время как в Афинах женщины были неизменной темой в любой компании; это доказывает, что там их рассматривали в ином свете. В самом деле, чувства Исомаха, во всех отношениях достойные самых рыцарских людей древности, могли возникнуть только в обществе, где преобладали справедливые и возвышенные представления о женской добродетели; ведь под словом "высокодушие" он объединяет все изысканные и достойные качества, которыми может обладать нежная женщина.

Но, возможно, читатель не будет недоволен, если мы резко представим на сцене афинскую супружескую пару, обсуждающую в его присутствии вопрос, тесно связанный с домашним счастьем. Риск преувеличения невелик. Картина написана Ксенофонтом, писателем, чьи сдержанные и трезвые краски скорее уменьшают, чем подчеркивают поэтические черты его темы.

Боже мой! воскликнул Сократ, судя по этому рассказу, понимание твоей жены должно быть в высшей степени мужским.

Нет, но позволь мне, - ответил муж, - представить тебе убедительное доказательство ее высокого ума, показав, как по одному представлению она уступила мне в одном чрезвычайно важном вопросе.

Продолжайте, - вскричал философ, не находивший Ксантиппу такой покладистой, - продолжайте, ибо, поверьте мне, друг, я испытываю гораздо большее наслаждение, созерцая деятельные добродетели живой женщины, чем мне доставила бы самая изысканная женская форма, нарисованная карандашом Зевксиса.

Заметив, сказал Ишомохос, что моя жена стремится с помощью косметики^[98] и других туалетных искусств сделать себя более красивой и румяной, чем она вышла из рук природы, и что она носит туфли на высоких каблуках, чтобы прибавить себе роста, - скажи мне, жена,^[99] начал я, сочтешь ли ты меня достойным участником твоей судьбы, если, скрывая истинное положение дел, я буду стараться казаться богаче, чем я есть, выставляя перед тобой кучи фальшивых денег, ожерелья из позолоченного дерева вместо золота и шкафы из поддельного пурпура вместо подлинного?

Нет, - воскликнула моя жена, прерывая меня, - не делай такого пагубного предположения: это то, в чем ты не мог быть виновен. Ибо, будь у тебя такой характер, я бы никогда не смог полюбить тебя от души.

Ну, а вступая в брачные узы, разве мы не наделяем друг друга собственностью?

Люди так говорят.

И вправду говорят: а раз так, то не могу ли я более искренне выразить свое уважение к вам, тщательно следя за своим здоровьем и самочувствием, и демонстрируя вашему взору естественные оттенки мужественного цвета лица, чем если бы, пренебрегая ими, я предстал с румяными щеками, глазами, обведенными краской, и всем своим обликом фальшивым и пустоватым?

В самом деле, - ответила она, - я предпочитаю родной цвет ваших щек любому искусственному блеску, и никогда не могла бы с таким восторгом смотреть ни в какие глаза, как в ваши - яркие и сияющие здоровьем.

Тогда не верьте мне меньше, сказал я; но будьте уверены, что, по моему мнению, нет оттенков, столь прекрасных, как те, которыми природа украсила ваши щеки". Это правило действительно действует повсеместно. Ведь даже в низшем творении каждое живое существо больше всего радуется особям своего вида. Так и с человеком, которому ничто не доставляет такого истинного удовольствия, как созерцание образа собственной природы, отраженного в другой, более совершенной форме человечества. Кроме того, фальшивые красавицы, хотя и могут обмануть любопытный взгляд посторонних,^[100] неизбежно должны быть обнаружены людьми, постоянно живущими вместе. Женщины обязательно выглядят неиспорченными, когда только встают утром, не успев обновить туалет; а пот, или слезы, или воды ванны и в другое время смывают их искусственный цвет лица.

И что же, во имя всех богов, она на это ответила? спросил Сократ.

Что? - ответил муж. А то, что на будущее время она откажется от всех причудливых украшений и согласится предстать в том простом изяществе и красоте, которыми она обязана природе.

В Спарте женатые люди, как и во Франции, занимали отдельные кровати; но среди афинян и в других частях Греции преобладал другой обычай. То же замечание можно отнести и к героическим векам. Одиссей и Пенелопа, Алкиной и Арета, Парис и Елена занимают одну и ту же комнату и одно и то же ложе. Женщины в "Лисистрате" Аристофана ссылались на это обстоятельство в оправдание своего позднего появления на женском собрании, проходившем перед днем, а Евфилет в оратории Лисия по поводу убийства Эратосфена, который свободно допускает нас в глубины гарема, подтверждает этот факт, за исключением того, что когда мать сосала своего собственного ребенка, она обычно спала с ним в отдельной постели. В Византии также преобладала подобная практика, о чем мы узнаем из очень забавного анекдота. Питон, оратор этого города, который, как и Фальстаф, был ростом около двух ярдов в талии, однажды подавил восстание, шуточно намекнув на эту часть домашней экономики. "Мои дорогие сограждане, - обратился он к разъяренной толпе, - вы видите, какой я толстый. Моя жена еще толще меня, и все же, когда мы согласны, одна маленькая кровать вмещает нас обоих; но если мы начинаем ссориться, весь дом становится слишком мал, чтобы вместить нас".

Выше мы видели, насколько абсолютной была власть женщин над своими домочадцами, и эта власть также распространялась на их детей. Отец, несомненно, мог оказывать, когда хотел, значительное влияние; но поскольку большую часть времени он проводил за границей, занимаясь бизнесом или политикой, главная ответственность за их раннее образование, первую подготовку их интеллекта, первое укоренение их морали и формирование их принципов ложилась на мать.^[102] Действительно, были писатели, которым это обстоятельство казалось обстоятельством, достойным сожаления. Но их суждения, вероятно, были искажены теорией. В первоначальной дисциплине ума большие достижения и опыт мира нужны меньше, чем такт, чтобы различать и терпеливо применять те мельчайшие стимулы к действию, которые женщины обнаруживают с большей проницательностью, чем мы. В этом деле, всегда приятном истинной матери, обычно помогали кормилицы; не стоит, как замечает Крамер, винить афинских женщин, если они не считали, как это было принято в последующие времена, весь свой долг выполненным, когда они передавали своих детей кормилице.

Из сказанного ясно, что афинская женщина, добросовестно исполнявшая свои обязанности, была очень мало подвержена унынию. Она вставала утром с жаворонком, будила своих рабов, распределяла между ними все обязанности,^[103] руководила работой яслей, а в часто

повторяющиеся дни отправлялась за границу для совершения обрядов, специально отведенных для ее пола. Но одним из следствий демократии является чрезмерное влияние на женщин.^[104] И это влияние, если в силу воспитания или иных причин они оказываются роскошными или тщеславными, непременно должно оказаться пагубным для государства. В Афинах число женщин этого класса, крайне ограниченное вначале, быстро увеличилось во время упадка республики, и комические поэты, заменяя часть целым, наделяют своих соотечественниц качествами, присущими исключительно им. Но поскольку успех таких писателей зависит от изобретательной экстравагантности и преувеличения, мы должны быть начеку против их инсинуаций. Их вера в существование добродетели, мужской или женской, во все века, если судить по их произведениям, была очень слабой. По их мнению, если с начала мира и была одна хорошая женщина, то не больше. Поэтому, когда эти бойкие карикатуристы описывают женский демос как чрезмерно пристрастившихся к вину^[105] и закладывающих свой гардероб, чтобы купить его, как вынуждающих мужчин своей неводержанностью держать свои погреба под замком и ключом, и все равно побеждающих их, изготавливая фальшивые, как образующих незаконные связи и прибегающих к самым смелым уловкам для продвижения своих интриг, мы должны обязательно предположить, что они развлекались за счет истины; Хотя отрицать, что среди афинян было достаточно примеров женщин, о которых можно сказать все это, было бы нелепо.

Мы знаем, что там, где мысли замужних дам сосредоточены главным образом на одежде и показе, их беспокойство часто очень мало связано с их мужьями. А если они и стремятся вызвать восхищение вне дома, то лишь как средство достижения цели, которая в слишком многих случаях сводится к интригам. Существуют доказательства того, что среди афинских дам было немало тех, чья праздная жизнь и роскошные привычки привели к естественным результатам - распущенным принципам и беспутным манерам. Красота Алкивиада привлекала их толпами,^[106] хотя мы не читаем, что, подобно другому очень красивому персонажу современной республики, сын Клиниаса находил необходимым носить с собой дубинку, чтобы защищаться от их назойливости. Они выезжали за границу, тщательно одетые и украшенные лишь для того, чтобы привлекать взгляды людей,^[107] и, посеяв таким образом первые семена интриг, заботились о том, чтобы взрастить и довести их до зрелости. Ловкая выдумка друзей Фальстафа, благодаря которой он благополучно выбрался из дома Форда в корзине, была не так уж нова, как, возможно, представлял себе Шекспир. Его предшественники на афинской сцене уже открыли стратагемы, столь же счастливые среди их соотечественниц, чьи любовники, как мы видим, пробирались в гарем, завернутые в солому, как карпы, или пролезали через отверстия, нарочно сделанные прекрасными руками в карнизах, или взбирались на завистливые стены с помощью этих вульгарных приспособлений, называемых лестницами.^[108]

Законы Афин, однако, были скромнее, чем их женщины. Ибо из самого вмешательства в законы видно, что пример спартанских дам, которые пользовались привилегией непристойно выставлять себя напоказ, нашел многочисленных подражателей среди женской демократии. Чтобы подавить этот неподобающий вкус, было принято постановление, что любая женщина, замеченная на улице в непристойном *deshabille*^[109], должна быть оштрафована на тысячу драхм, и, чтобы добавить позора к денежным соображениям, имя преступницы с суммой штрафа записывалось на табличке и вешалось на некое платанное дерево в Керамике. Однако что именно, по мнению Филиппида, добившегося принятия закона, считалось *непристойным дезертирством*, определить трудно. Возможно, оно заключалось в слишком большом обнажении груди, для прикрытия которой дамы в более отдаленные эпохи, похоже, очень зависели от вуали. Так, в беседе Елены с Афродитой, по словам поэта, она увидела свою прекрасную шею, пылающее

желанием лоно и глаза, сияющие жидким блеском. Ее одежда скрывала все остальное.^[110] Поскольку в обычае было появляться на публике в вуали, целью закона Филиппидов могло быть просто принуждение к соблюдению этой древней практики. Судьи, осуществлявшие надзор за этой весьма деликатной частью афинской полиции, назывались "регуляторами женщин" - должность, которую в наше время взял на себя султан Махмуд. Их выбирали двадцать человек из числа самых богатых и добродетельных граждан, и по своей должности они напоминали римских цензоров и аналогичных магистратов в некоторых других государствах.^[112]

Дурное влияние женщин такого рода,^[113] которые, по выражению Мильтона, во что бы то ни стало хотели ездить в своих каретах и шестерках, было замечено и оплакано философами. В их тщеславных и легкомысленных представлениях, по крайней мере, частично, можно проследить любовь к власти, к пустяковым отличиям, к нечеловеческим удовольствиям, которыми заразились афиняне к упадку своей республики. Ими были отравлены источники воспитания и посеяны семена тех неумеренных искусственных желаний, которые подтачивают и низвергают государства. Напрасно философы прививали умеренность и сдержанность, в то время как матери внушали юношам разные мнения. Уроки Академии перерастали и пресекались в гареме. Такие дамы, несомненно, огорчались бы, если бы их мужья довольствовались малым^[114] (как это было с Ксантиппой) и не причислялись к правителям, поскольку их влияние среди собственного пола таким образом уменьшалось. Они хотели, чтобы те были страстными поклонниками Маммоны, охотно ссорились и ругались в судах или церкви, а не культивировали домашние привычки или философское спокойствие и довольство; и в разговоре со своими сыновьями они старались бы рекомендовать максимы, обратные отцовским, со всеми изворотами, знакомыми женщинам их характера.^[115]

Наш обзор женского общества в Афинах был бы неполным, если бы мы не упомянули о хетайрах, которые оказывали столь сильное влияние на нравы и судьбы государства. Они занимали примерно то же положение, что и тот же класс женщин в современных сообществах: культурные умы, изысканные и элегантные манеры, но едва ли заслуживающие того, чтобы их рассматривали в том свете, в котором их выставил один выдающийся историк.^[116] Их положение, однако, было аномальным и напоминало скорее любовниц королей в наше время, чьи пороки терпимы в силу их ранга, чем плебейских грешниц, чьи недостатки рождения и состояния исключают их из хорошего общества. Очень трудно правильно понять представления древних об этих женщинах. С первого взгляда нас шокирует, когда мы узнаем, что во время одного из праздников им разрешалось входить в храмы в компании скромных дам. Но в какой христианской стране их не пускают в церковь?^[117] Опять же, в наших театрах матроны и придворные сидят в одной ложе, а в Афинах даже иностранкам не разрешалось приближаться к помещению, отведенному для гражданок. Тем не менее, хотя в этом вопросе они были столь строги, в их собственных домах им разрешалось иногда посещать^[118] и получать наставления из их уст, как в турецких гаремах дамы получают наставления от альме.

Здесь не разрешается приподнимать занавес с манер этих дам. Но их положение, несущее зло государству своим пагубным влиянием на умы молодежи, должно быть всесторонне объяснено, прежде чем можно будет составить правильное представление о внутреннем устройстве афинского содружества, о зародышах распада, которые оно таило в своем собственном лоне, или о преждевременном увядании, которое бездуховная система нравов в основном способствовала произвести. Несомненно, вопрос о том, следует ли вообще мириться с существованием такого класса людей, сопряжен с трудностями, почти

непреодолимыми. Они существовали всегда, и поэтому, возможно, можно сделать вывод, что они будут существовать всегда; но это не оправдывает Солона в том, что он санкционировал законодательными актами модификацию моральной порочности, унижительную для человека и, следовательно, пагубную для государства. Делать зло, чтобы пришло добро, - это такой же солицизм в политике, как и в этике. В этом вопросе мне не хватает привычной мудрости афинского законодателя. Сам Ликург не мог принять ничего более противоречащего справедливым принципам или более подрывающего героические чувства.

Гетайры,^[119] признанные законом и едва ли запрещенные общественным мнением, можно сказать, представляли собой своего рода монархическую закваску в самом сердце республики; Они разделяли с софистами, которых я уже изображал, привязанности распущенной честолубивой молодежи, жаждущей одновременно удовольствий и отличий, поощряли дорогие вкусы и роскошные привычки, увеличивали, следовательно, их склонность к казнокрадству, делили с беспринципными государственные трофеи и энергично прокладывали путь к битве при Херонее. Но если их существование было вредно для общества, то и для них самих оно часто было полным горечи. В юности, несомненно, когда красота дышала вокруг них своими чарами, они были надуты и опьянены фимиамом лести^[120] - их разговор, одновременно энергичный и ученый, казался полным очарования - их дома, просторные, как дворцы, и великолепно украшенные, были местом, куда стекался люд, Сократ не гнушался беседовать с Теодотом или перенимать красноречие от Аспазии. Но когда наступила старость, что они собой представляли? Оказалось, что живые репризы и гротескные экстравагантности, которые радовали, когда исходили из прекрасных уст, у старухи выглядели тускло и бедно. Морщины, деформировавшие их черты, были столь же фатальны для их мудрости, которая покидала их жилище и становилась доминицием для последней красавицы, привезенной из Ионии. Опустошенные таким образом, самые знаменитые Хетайры стали объектом для сатиры даже самых клоунов. Остроумие, с которым они накрывали на стол, едва ли могло защитить их от насмешек агоры.

"Как ты продаешь свою говядину?" - спросил Лаис у молодого мясника на рынке мяса.

"По три оболы за хан", - ответил мясник.

"И как ты смеешь, - сказала увядшая красавица, - здесь, в Афинах, притворяться, что пользуешься варварскими весами?"

Слово в оригинале означало старуху и карийскую гирю, но ей было удобно понимать его в последнем смысле.^[121]

Почитаемые и пренебрегаемые попеременно, они в целях самозащиты придерживались узких и заинтересованных принципов. Кроме того, будучи варварами по происхождению, они принесли с собой из родных мест верование, наиболее соответствующее их призванию: "Давайте есть и пить, ибо завтра мы умрем". Они часто были азиатскими дровосеками и поэтому известны под именем "странных женщин", хотя совершенно точно, что многие гражданки время от времени пополняли их ряды, одни под давлением невзгод, другие из предпочтения к такому образу жизни. Однако следует признать, что их образование было гораздо более мужским, чем у других женщин. Они изучали все науки, кроме морали, и скрывали недостаток скромности ослепительным блеском своего остроумия. Поэтому среди людей, для которых интеллект был почти всем, их общество было желанным и высоко ценилось, возможно, не государственными деятелями, но остроумцами, поэтами, софистами и модными молодыми людьми.

Сохранилось множество *метких замечаний*, произнесенных этими дамами. Однажды за столом философ Стилпо обвинил Гликерию в том, что она развращает нравы молодежи.

"Друг мой, - сказала она, - мы оба виноваты, ибо ты, в свою очередь, развращаешь их умы бесчисленными формами софистики и заблуждений. И если люди становятся несчастными, то какая разница, кто тому причиной - философ или вежливый человек?"

Именно ей изначально принадлежит шутка, несколько заезженная, но редко приписываемая ее настоящему автору. Один джентльмен, преподнес ей очень маленький кувшин вина, попытался повысить его ценность, притворившись, что ему шестнадцать лет. "Тогда, - ответила она, - это очень мало для его возраста". Гнафина, еще одна представительница сестринства, тоже осыпала свои разговоры искрометным остроумием, но оно слишком сильно отдавало профессией, чтобы его можно было пересказать. Однако некоторые из ее изречений стоит перенести, хотя они должны от этого пострадать. Чтобы остановить рот одного болтуна, заметившего, что он только что прибыл из Эллеспонта: "И все же, - заметила она, - мне ясно, что вы ничего не знаете об одном из главных городов этой страны!" "Какой же это город?" - "Сигейон" (в котором, по-видимому, есть отсылка к слову "Тишина"), - ответил Гнатена. Несколько шумных галантов, которые, будучи ее должниками, пытались запугать ее угрозами, однажды заявили, что снесут ее дом, и приготовили кирки и мотыги. "Я не верю этому, - ответила она, - ибо, если бы вы верили, вы бы обязались заплатить то, что вы мне должны". Комический поэт заметил одной из этих дам, что вода в ее цистерне восхитительно холодная: "Она всегда была такой, - ответила она, - с тех пор как у нас вошло в привычку бросать в нее ваши пьесы". Очень остроумна реплика Мелитты в адрес тщеславного человека, который, как говорят, бесславно бежал с поля боя. Случилось так, что она ела зайца, который ей, похоже, очень понравился, и наш солдат, желая привлечь к ней внимание, спросил, знает ли она, какое животное самое быстрое в мире. "Беглец", - ответила Мелитта.

Тот же вкус, который в наше время побуждает многих высокопоставленных особ жениться на оперных танцовщицах и актрисах, в древности способствовал честолюбию гетайров, многие из которых из своего униженного положения становились женами сатрапов и принцев. Так было с Гликерой, за которой после смерти Пифионики Гарпалос послал из Афин и поселил в своем царском дворце в Тарсосу. Он требовал, чтобы ее приветствовали и считали своей царицей, и отказывался короноваться, если она не была вместе с ним. Он даже имел твердость воздвигнуть в городе Россос ее медную статую рядом со своей собственной.^[123] Герпилида, одна из тех же сестер, завоевала сердце Аристотеля и была матерью Никомаха. Она пережила философа и была заботливо обеспечена его завещанием.^[124] Даже Платон, чей гений и добродетель до сих пор вызывают восхищение человечества, поддался чарам Археанассы, хетайры из Колофона, чью красоту, надолго пережившую ее молодость, он отметил в сохранившейся эпиграмме.^[125]

Однако из всех этих дам, не считая Фрины и сицилийской Лаис,^[126] Аспазия^[127] получила самую широкую известность. Эта прославленная женщина, наделенная от природы умом, еще более прекрасным, чем ее красивая форма, оказывала на судьбы Афин влияние, недоступное даже самой великой царице. Ее гений, остававшийся незамеченным в течение некоторого времени, постепенно притягивал к ней всех, кого любовь к литературе или честолюбие побуждали развивать свой ум. Ее дом стал своего рода клубом, где ежедневно обсуждались вопросы красноречия, политики, философии, смешанные с балаганом, и куда прибегали даже дамы самого высокого ранга, чтобы перенять у Аспазии те достижения, которые уже начинали входить в моду. Сократ признавался, что отчасти приобрел от нее свои знания риторики, и весьма вероятно, что он мог отнестись к привычке беседовать с

человеком, столь одаренным от природы, столь отшлифованным редким обществом, к той изысканной легкости и непринужденности манер, которые характеризуют его привычную диалектику. Несомненно, мы можем приписать часть приобретенной ею репутации желанию опорочить Перикла. Считалось, что, присвоив ей многие из его выступлений, они смогут спустить его на свой уровень. По влиянию и известности она была афинской мадам Роланд, хотя и жила в менее беспокойные времена.

Имя Фрины, хотя и не столь знаменитое, до сих пор знакомо каждому, отчасти, возможно, благодаря обвинению, выдвинутому против нее в суде Гелиэи,^[128] Эвтиосом. Она была уроженкой Феспий, но обосновалась в Афинах, и ее любил оратор Гиперид, который взялся ее защищать. Можно предположить, что его мольбы были красноречивы. Полагая, однако, что на судей он не произведет особого впечатления, он вызвал ее в суд и, как бы случайно, обнажил ее грудь,^[129] справедливость и красота которой, пышущей муками и ужасом - ведь это был вопрос жизни и смерти, - так подействовала на августейших судей, что немедленно последовало ее оправдание. Гелиастов, славящихся своими справедливыми решениями, заподозрили в этом случае в излишней снисходительности, хотя обвинение, вероятно, было основано на каком-то легкомысленном предлоге нечестия; и, чтобы предотвратить повторение подобной пристрастности в будущем, был принят указ, запрещающий вымогать жалость у суда или, во всяком случае, вводить обвиняемого, будь то мужчина или женщина, в присутствие судей. Именно на ее фигуру в основном опирался Апеллес, рисуя свою Афродиту, поднимающуюся из моря, как сама Фриния поднялась перед всей Грецией на берегу в Элевсисе; Пракситель также создал по той же модели свою Афродиту Книдскую.^[130] Этот скульптор, который был соперником Гиперида, да и всех Афин, в привязанности к Фрине, позволил ей однажды сделать выбор из двух статуй его собственной работы - Эроса и Сатира. Обнаружив с помощью хитрости, что сам он предпочитает первую, она последовала его совету и посвятила крылатого бога в одном из храмов родного города. Восхищаясь ее красотой, несколько джентльменов по подписке воздвигли в ее честь золотую статую в Дельфах. Она была работы Праксителя и стояла на колонне из белого мрамора Пентеликоса, между статуями Архидамы, царя Спарты, и Филиппа, сына Аминты. Надпись на ней гласила.

"Фрина, из Феспии, дочь Эпикла".

Увидев эту статую, киник Кратес воскликнул: "Вот трофей эллинского распутства!".

Конечно, не стоит ожидать, что среди женщин такого класса мы найдем доказательства женской правды или стойкой привязанности. Но человеческое сердце иногда торжествует над неблагоприятными обстоятельствами.^[131] История сохранила память о более чем одном подвиге, совершенном гетайрами, чтобы показать, что женщина не всегда отбрасывает другие свои добродетели, хотя привычно попирает ту, которая является для нее границей между честью и бесчестьем.

Птолемей, сын Филадельфа, командуя гарнизоном Эфеса, взял с собой придворную Ирину, которая, когда его фракийские наемники подняли мятеж, бежала вместе с ним в храм Артемиды, где они пали вместе, окропив алтарь своей кровью.^[132] Алкивиад тоже из всех своих друзей не нашел никого, кто бы поддерживал его в беде, кроме Гетайры, которая с радостью пожертвовала своей жизнью ради него, а когда убийцы Фарнабаза выполнили свою задачу, исполнила, подобно другой Антигоне, последние обязанности над пеплом любимого ею человека.^[133] Можно было бы добавить и другие анекдоты, столь же достойные их чувств и верности, но эти достаточно иллюстрируют их характер и ту оценку, которую они в целом получали.

93. Например, общественное мнение считало более жестоким убийство женщины, чем мужчины. Prob. xxix. 11.

94. Она будит их по утрам.- Аристоф. Lysist. 18. Этот комический поэт дает краткую зарисовку утренней работы афинской женщины, которая делала их выход на улицу в такой час затруднительным:-Χαλεπή τε γυναικῶν ἔξοδος- ἡ μὲν γὰρ ἡμῶν περὶ τὸν ἄνδρ' ἐκύπτασεν- ἡ δ' οἱ κέτην ἤγειρεν- ἡ δὲ παιδίον κατέκλινεν- ἡ δ' ἔλουσεν- ἡ δ' ἐψώμισεν.-Lysist. 16, sqq.

95. Точно такая же картина представлена в интерьере дворца Ясона в Фере, где мы видим мать тирана за работой в окружении своих служанок.-Polyæn. Стратаг. vi. i. 5.

96. Plat. de Legg. t. viii. p. 36.- У фракийцев и многих других народов женщины занимались сельским хозяйством, как в Англии и Франции, пастухами и пастушками, а также любой другой трудоемкой работой, как и мужчины.-Id. ib.

97. О том, что эта страсть заставляла женщин слишком часто вмешиваться в политику, можно судить по замечанию Теофраста, что быть сведущими в науке домашнего хозяйства было для них более почетно.-Stob. 85. 7. Gaisf.

98. Xen. Œcon. x. ii. 60. Среди восточных народов, как мы видим, существовал своеобразный коллирий для белков глаз. Vochart, Hieroz, Pt. ii. p. 120.

99. Γύναι, термин величайшей ласки у греков, как и французское "ma femme". В этом вопросе наш язык более изощрен. Практика, которую осуждает Исомахос в тексте, была широко распространена в Греции, где некоторые слои общества, которые не могли позволить себе ничего лучшего, имели обыкновение, выкрасив остальную кожу в белый цвет, красить щеки тутовым соком, а веки - черной краской по краю. Поэтому в жаркую погоду из уголков их глаз иногда текли сумрачные ручейки, а розы таяли на щеках и падали в грудь. Они также подражали старости, покрывая волосы белой пудрой (Athen. xiii. 6.) Кроме того, одно время в моде было выдвигать локоны вперед, чтобы скрыть лоб, как это было принято во Франции и Англии в течение части XVIII века.- Лукиан, Dial. Meret. i. t. iv. p. 123.

100. Cp. Лукиан, Амор. § 42. Aristoph. Nub. 49.

101. Athen. xii. 74.

102. Ксеноф. Œcon. vii. 12. 24. Cp. A. Cramer. de Educ. Puer. ap. Athen. 9. Этот писатель остро замечает (p. 13), что слова καὶ αὐτός ὁ πατήρ в Plat. Protag. p. 325. d. показывают, что отец редко вмешивался в это дело. Поэтому мать с ранних лет пользовалась большей любовью и почитанием, чем отец. Casaub. ad Theoph. Char. p. 187.

103. Аристоф. Lysist. 18. Платон, восхищавшийся этой практикой, требует от своих воздушных гражданок, чтобы они шли и делали то же самое. Καὶ δὴ καὶ δέσποιναν ἐν οἰκίᾳ ὑπὸ θεραπαινίδων ἐγείρεσθαι τινων καὶ μὴ πρώτην αὐτὴν ἐγείρειν τὰς ἄλλας, αἱ σὺν χρόνῳ λέγειν χρὴ πρὸς αὐτοὺς δοῦλον τε καὶ δούλην καὶ παῖδα, καὶ εἴ πως ἦν οἶον τε, ὅλην καὶ πᾶσαν τὴν οἰκίαν κίαν. De Legg. vii. t. viii. p. 40. Bekk.

104. Cp. Plat. de Rep. t. vi. p. 102.

105. Арист. Lysist. 113, seq. 205.

106. Ксеноф. Memor. i. 2. 24. Ἀλκιβιάδης δ' αὖθις διὰ μὲν κάλλος ὑπὸ πολλῶν καὶ σεμνῶν γυναικῶν θηρώμενος. κ. т. л.

107. Aristoph. Nub. 60. Замужние дамы иногда выезжали в каретах со своими мужьями. Demosth. cont. Mid. § 44. Даже в Спарте мы находим молодых дам, обладающих повозками, называемыми Canathra, напоминающими по форме грифонов или козлиных оленей, в которых они ездили за границу во время религиозных процессий. Plut. Ages. § 19. Cp. Xenoph. Ages. p. 73. Hutchin. cum not. et add. p. 89. Athen. iv. 16, cum annot. p. 449. Scheffer, de Re Vehic. i. 7. p. 68. Тот же обычай преобладал в Фессалии и других местах. Athen. xii. 37. Роскошные дамы в Афинах благоухали даже подошвы своих ног. Их лапчатые собаки жили в большом достатке и спали на милетских коврах. Афины. xii. 78.

108. Ксенарх. ап. Афины. xiii. 24.

109. Ἀκοσμοῦσαι. Harpocrat. v. ὅτι χίλιας. к. т. л. Поттер, Arch. Græc. ii. 309, понимает его закон как означающий женщин, которые буквально *лаконично* появлялись на улицах. "Раздетые", - говорит он. Но будет ли ἀκοσμοῦσαι, о которой говорит Мюрсий, Lect. Att. ii. 5, 62, переводит как "inornatius", будет иметь такое значение? Κόσμος γυναικῶν не означает, как замечает Кюн, *ornamentum mulierum*, ни ἀκοσμοῦσαι *inornatius prodeuntes feminæ*; но κόσμος - это εὐταξία, а ἀκοσμοῦσαι означает ἀτακτοῦσαι, то есть женщин, которые вели себя как угодно вопреки приличиям и хорошим манерам, что, несомненно, делают лица, появляющиеся в непристойной одежде на публике. -Ad. Poll. viii. 112. p. 763. О нравах тирренских женщин см. Athen. xii. 14. sqq.

110. Il. γ. 396. sqq. Cp. 141.

111. Γυναικόσμοι. Poll. viii. 112.

112. Cp. Арист. Pol. iv. 15. 120.

113. О роскошных манерах сиракузских женщин см. Athen. xii. 20. В подобных расстройствах можно обнаружить первые зародыши упадка государств; по этой причине благоразумные государственные деятели даже в олигархиях стремились сдерживать развратные нравы женщин. Так, Фра Паоло: "Пусть женщины будут целомудренны, а для этого пусть живут вдали от мира; несомненно, что всякая открытая развратность впервые возникла из приветствия, из улыбки" - i. § 20. К этому добавим мнение пифагорейки Финтис: ἴδια δὲ γυναικὸς, τὸ οἰκοῦρὲν, καὶ ἔνδον μένειν καὶ ἐκδέχεσθαι καὶ θεραπεύειν τὸν ἄνδρα. Stob. Florileg., 74. 61. Однако и философская дама, и венецианский монах подтверждают свои взгляды авторитетом Перикла: τῆς τε γὰρ ὑπαρχούσης φύσεως μὴ χείροσι γενέσθαι, ὑμῖν μεγάλη ἡ δόξα, καὶ οἱ ὅτι ἐπ' ἄρσεσι κλέος ἦ. Thucyd. ii. 45. Помимо уединенной жизни, от дам также ожидалось, что они будут культивировать добродетель молчания. Soph. Ajax, 293. Hom. Il. ζ. 410.

114. Которыми, согласно Платону, обычно являются образованные люди. De Repub. t. vi. p. 173.

115. Платон. De Repub. viii. 5. t. ii. p. 182. Stallb.

116. Mitford, Hist. of Greece, iii. 4. sqq. Похоже, что для этих женщин не было обычным делом воспитывать детей, которых они рожали, особенно когда они были девочками. Они прибегали к практике детоубийства, чтобы остаться на свободе. Лукиан, Hetair. Diall. ii. 5. iv. 124.

117. Кроме того, из одного отрывка Лукиана следует, что дамы и гетеры вместе посещали общественные бани -Diall. Hetair. xii. 4.

118. Ср. Antiphon. Nec. Venef. § 5.

119. Порок вообще суеверен; и эти дамы, соответственно, когда теряли возлюбленного, вместо того чтобы приписать это превосходящей красоте или достижениям соперниц или общей любви к новизне человечества, всегда предполагали, что были применены чары.- Luc. Диалл. Hetair. i. t. iv. 124.

120. Статуи, например, иногда воздвигались в их честь -Winkelm. iv. 3. 7. Они, как правило, были хорошо образованы, и, вероятно, не было ни одного человека, который бы не умел читать - Дрозе в "Лукиане", жалуясь на философа, который не пускал ее любовника, замечает, что его раб приходил вечером с запиской от своего молодого господина -Diall. Hetair. x. 2. 3.

121. Athen. xiii. 43. где слово κύβδα.- Турецкая практика топить провинившихся женщин в мешках - это всего лишь подражание тому, что делал древний тиран, который избавлялся от злых старух подобным образом.-Idem. x. 60. Во Франции также раньше было принято, чтобы избежать скандала публичного суда, чтобы дворяне и господа были рассмотрены наедине королем, который, когда он мог убедиться в их виновности, приказывал, чтобы их "без всякой моды на суд положили в мешок и в ночное время, слугами маршала, бросили в реку и утопили". Фортеस्कью, Лауд, Легг. Angl. chap. 35. p. 82. b.

122. Athen. xiii. 47.

123. Афины. xiii. 50.

124. Athen. xiii. 56.-Diog. Laert. v. 12.

125. Diog. Laert. iii. 31.

126. Она была родом из Гиккары, но в детстве попала в плен и была увезена в Коринф, откуда этот город обычно считается местом ее рождения.-Athen. xiii. 54.- Ср. Thucyd. vi. 62. Sch. Aristoph. Lysist. 179.

127. О младшей Аспазии, которая пользовалась репутацией самой красивой женщины своего времени, мы имеем следующую зарисовку у Илиана: "Ее волосы были русыми и спадали слегка развевающимися кольцами. У нее были большие полные глаза, нос, склонный к аквилегии, (ἑπίγρυπος) и маленькие тонкие уши. Ничто не могло быть нежнее ее кожи, а цвет лица был свеж, как роза, за что финикийцы называли ее Мильто, или "Цветущая". Ее румяные губы, приоткрываясь, обнажали зубы белее снега. Кроме того, она обладала очарованием, на котором так часто останавливается Гомер в своих описаниях красивых женщин, - маленькими, хорошо сформированными лодыжками. Ее голос был так полон музыки и сладости, что тем, с кем она говорила, казалось, что они слышат песни Сейрен. В довершение всего она была похожа на горадиевскую Пиппу, simplex munditiis, не терпящую излишней пышности и украшений" -Hist. Var. xii. 1. Некоторые, однако, не восхитились бы носом Мильто: так, юноша из Теренция (Heauton, v. 5. 17. seq.) "Что? Я должен жениться".

"Rufamne illam virginem

Cæsiam, sparso ore, adunco naso?

Non possum, pater."

Аристотель (Rhet. i. 2) не недооценивает слегка аквильный нос; а Платон, похоже, скорее восхищался им в людях.-Repub. v. § 19. t. i. p. 392.-Stallb., где философ называет его королевским носом.

128. Poseidip. ap. Athen. xiii. 60.

129. Честный старина Бертон, от которого ускользали лишь немногие анекдоты подобного рода, считает, что эта уловка была единственной его защитой - "Анатомия меланхолии", ii. 222.

130. Athen. xiii. 59. seq.

131. Athen. xiii. 59.- По мнению Лукиана, они тоже были не корыстны и с радостью лишали себя всех личных украшений, чтобы, подобно многочисленным сестрам, одарить ими любимого человека.- Diall. Hetair. vii. 1.

132. Athen. xiii. 64.

133. Плут. Alcib. § 39.

ГЛАВА VI.

ТУАЛЕТ, ПЛАТЬЕ И УКРАШЕНИЯ.

Описав состояние и влияние женщин, необходимо рассмотреть одно из главных средств, с помощью которого они достигали и поддерживали свою империю. На первый взгляд может показаться, что это исследование едва ли заслуживает всех тех усилий, которые я на него потратил; но, поскольку одежда древних связана, с одной стороны, с прогрессом полезных искусств, таких как прядение, ткачество, крашение и т. д., а с другой - с формами и развитием скульптуры, ее едва ли можно отнести к вопросам, не имеющим особого значения. Кроме того, костюм и украшения народа часто оказывают важную помощь в постижении национального характера, являясь, по сути, своего рода практическим комментарием к умственным привычкам, тону и принципам морали, преобладающим в тот или иной период среди них.

Одежда гречанок, о которой публика обычно получает некоторое представление из сохранившихся памятников античного искусства, можно сказать, регулировалась теми же законами вкуса, которые руководили развитием национального гения в скульптуре и живописи. Каждый предмет их одежды, казалось, точно гармонировал с остальными. Ничто из той гротескной экстравагантности, которая в некоторых мимолетных капризах моды превращает наших современных дам, с их надутыми рукавами-шарами и болезненно деформированными талиями, в множество хобгоблинов из китовой кости и муслина, никогда не было позволено изуродовать богатый контур греческой женщины. Поскольку она вышла прекрасной из рук природы, ее гордостью было сохранить эту прелесть. Ее одежда, соответственно, создавалась не для того, чтобы замаскировать или скрыть ее формы, а для того, чтобы изящными складками, плавными изгибами, богатыми и со вкусом подобранными орнаментами дать столько указаний на ее безупречную симметрию и совершенство, сколько может быть совместимо с деликатностью ее пола и строгостью общественной морали. Таким

образом, искусство одежды, как и все остальное, связанное со вкусом и красотой, достигло в Греции своего наивысшего совершенства. Женщина, задрапированная в соответствии с распространенной в лучшие века афинского содружества модой, представляла собой объект, не имеющий себе равных по элегантности и изяществу. От белоснежной вуали, которая, вероятно, затеняла ее лицо, и кольчуги цвета авеню или гиацинта до сандалий из белого атласа и золота, украшавших ее маленькие лодыжки, глаз не мог обнаружить ничего вульгарного, аффектированного или неуместного. Великолепие без показухи, блеск красок, но блеск, гармонирующий со всем, что с ним соприкасалось; великолепие многочисленных драгоценностей и золотых безделушек, но никакой показухи или желания ослепить. Казалось, что все стоит там, где стоит, потому что это было его надлежащее место.

Но в Спарте, где не было особой склонности к искусству или утонченности,^[134] преобладал костюм, являющийся антиподом всего этого. Костюм девственниц в некоторых отношениях отличался от костюма матрон, и это отличие проистекало из особенностей манер, в которых, если не в чем другом, они походили на англичан. В некоторых ионических странах, как и в настоящее время на континенте, девушек до замужества оберегали с особой строгостью. В Спарте, напротив, и вообще среди дорийцев^[135] им разрешалось, как и в Англии, гулять за границей в компании с молодыми людьми и, разумеется, заводить привязанности по собственному усмотрению. В этом, как и в одежде, они сохранили обычаи древности; у Гомера мы видим, как троянские дамы наводят Гектору тревожные справки о своих отношениях и друзьях в поле и выходят из дома в сопровождении только своих служанок. Замужние женщины вели более уединенный образ жизни, и когда они выходили за границу, мода требовала, чтобы они были покрыты, как мы узнаем из следующей апофтегмы Хариллоса, который на вопрос, почему девы выходят за границу непокрытыми, а матроны скрывают свои лица, отвечал: "Потому что первым надлежит найти себе мужей, а вторым - сохранить тех, что у них есть".

Главной или, скорее, единственной одеждой дорийских девиц был хитон, или гиматий,^[137] из шерстяного материала, без рукавов, но застегивающийся на обоих плечах большой застёжкой, а на груди собирающийся в подобие броши. Этот халат без рукавов, редко доходивший более чем до половины колена, к тому же оставался открытым до определенного места с обеих сторон,^[138] так что юбки или крылья, распахиваясь при ходьбе, полностью обнажали конечности, что очень напоминало одежду бедуинских женщин,^[139] разрезанную до подмышек, но туго стянутую поясом на талии. Когда пояс снимали, он доходил до икр ног,^[140] и тогда, если бы не боковые разрезы, был бы таким же элегантным, как голубая сорочка современных египтянок, которая открыта спереди от шеи до талии.^[141] Когда они были одеты в это единственное одеяние, вся их форма дышала здоровьем, а лицо - скромностью, в их облике, несомненно, присутствовала простая элегантность, не менее привлекательная, чем изысканная и продуманная *мизансцена* ионийской или аттической девушки. В таком наряде была одета Мелисса, дочь Прокла из Эпидавра, когда, когда она разливала вино рабочим своего отца, Периандр, коринфянин,^[142] увидел и полюбил ее. Замужние женщины, однако, не появлялись на публике в сорочке, но, отправляясь за границу, надевали вторую одежду, которая, по-видимому, очень напоминала гиматии их мужей.^[143]

О простом гардеробе дорийской дамы, который в древности составляли все женщины эллинской расы, можно сказать очень мало. Совсем иначе обстоит дело с женским гардеробом жительниц Аттики, где женщины, хотя и не уступали никому в личной красоте, проявляли такую плодовитость в вопросах одежды, что, казалось, только от этого зависело становление их империи. По этой причине было бы напрасно претендовать на описание всех

их одеяний и украшений, а также искусства туалета, с помощью которого они были приспособлены для своих целей. Чтобы сделать это должным образом, потребовался бы целый том. Но все, что можно вместить в одну короткую главу, я приведу, поскольку меня не удерживают никакие угрызения совести, которые в свое время задержали перо одного очень ученого писателя, опасавшегося, что, если он продолжит, его могут принять за рывшегося в записях будуара афинской дамы!^[144]

Основной одеждой,^[145] отвечающей современной сорочке, была белая туника до земли,^[146] в некоторых случаях без рукавов и застегивающаяся на плечах на пуговицы, в других - со свободными свисающими рукавами, спускающимися до запястья и скрепленными через определенные промежутки на руке серебряными или золотыми аграфами.^[147] Она собиралась в тесные складки под грудью с помощью пояса,^[148] или ленты, иногда скрепленной спереди узлом, иногда застёжкой.^[149] Это внутреннее одеяние, сделанное в ранние века из тонкого льна,^[150] изготовленного в Аттике или привезенного из Тира, Египта или Сидона, в последующие времена стало изготавливаться из муслина из Тарентума или ткаться на дому из египетского хлопка. Однако использование льна для этих целей не было полностью вытеснено. Очень красивый сорт с острова Аморгос, одного из Кикладских островов, вплоть до очень позднего периода часто заменял собой байсос, или тонкий муслин из Египта; И эта островная ткань,^[152] белоснежная или пурпурная, могла соперничать с тончайшим батистом, будучи самой нежной и полупрозрачной,^[153] как тарентинские и коанские жилеты римских дам, лидийские халаты цвета песка или шелковые сорочки турецких фавориток, описанные леди Монтегю.^[154] Именно в тунике из этого льна Лисистрата у Аристофана советует афинским дамам появляться перед мужьями, чтобы в полной мере продемонстрировать великолепие своих прелестей.^[155]

Поскольку аморгинейский лен часто, а возможно, и повсеместно, окрашивался в пурпурный цвет, из этого сделали вывод, что чисто белого не производилось; но это, как замечает Бохарт^[156], скорее всего, ошибка. В любом случае, он был необычайно тонким, превосходящим, по мнению Суидаса^[157], даже биссо и карбасос, или кипрский газон, и, похоже, имел тонкую, похожую на марлю текстуру, подобно драпировке из "сотканного воздуха", которую Петроний^[158] набрасывает на своих женских персонажей.

Поверх хитона надевался более короткий халат, не достигающий ниже колен и ограниченный выше поясницы широкой лентой. В некоторых случаях она имела рукава и была насыщенного пурпурного или шафранового цвета, обычно украшенная, как и хитон, широкой каймой из разноцветной вышивки. К ним, чтобы завершить прогулочный наряд, добавлялась великолепная мантия, обычно пурпурная, расшитая золотом, которая, будучи небрежно накинутой на плечи,^[159] легко развевалась по лицу, открывая нижнюю одежду, изысканно расположенную с целью показать все контуры фигуры, особенно талии и груди. Афинские дамы, как и наши, очень ревностно относились к репутации обладательниц прекрасной фигуры, и природа иногда подводила их, прибегали к искусству и носили то, что, как я полагаю, в среде миллинеров называется *бюстами*.^[160] Мне жаль, но я вынужден добавить, что в Афинах также были матери, которые предвосхитили нас в абсурдности тугой шнуровки и изобрели корсеты, чтобы сжать живот и иным образом уменьшить фигуру своих дочерей до какого-то искусственного стандарта, который они уже начали устанавливать вопреки природе.^[161] Некоторые женщины, опасаясь потолстеть, собирали на тонкой шерсти летнюю росу, которую затем выжимали и пили, полагая, что эта жидкость обладает пагубными свойствами, особенно восходящая роса.^[162]

Как и восточные дамы в наши дни, они редко выходили за границу без вуали, которая представляла собой легкую прозрачную ткань белого или пурпурного цвета из Коса или

Лаконии. Она со вкусом накидывалась на голову, поднималась спереди на острие сфендона,^[163] как в современной Италии гребнем, и развевалась по плечам и по спине блестящими складками. Но это было не единственное покрытие, которое они использовали для головы. Те современные авторы, которые так думают, ошибаются, поскольку как из свидетельств современников, так и из многочисленных сохранившихся произведений искусства ясно, что они очень часто носили шапочки или чепчики. Несколько примеров приводятся в работе г-на Хоупа "Костюмы древних";^[164] и Мнесилохос у Аристофана, переодевшись женщиной, чтобы присутствовать на празднике Деметры, как Хлодий на празднике Бона Деа, хочет одолжить у Агатона сетку или митру для головы. "Возьмешь ли ты мой ночной колпак?" - спрашивает поэт. "Именно, - отвечает Еврипид, - это как раз то, что нам нужно".

Но до сих пор мы едва перешли к списку их гардероба, перечисляя некоторые предметы которого, я должен попросить у читателя разрешения использовать оригинальные термины, поскольку наш язык в большинстве случаев не дает нам эквивалента. И, во-первых, следуя порядку Поллукса, который не соблюдает никаких принципов классификации, мы имеем *Эломис*, халат с рукавами, противопоставленный *Экзомису*, у которого их не было. *Диплоидион* - просторный плащ или мантия, достаточно вместительная, чтобы носить ее вдвоем. *Полудиплоидион* - более скудная мантия; *катастиктос*, украшенная цветами или фигурками животных, или богато отмеченная пятнами; *катагогис*, *эпиблема*, или плащ, и *пеплос*,^[166] - слово весьма двусмысленное, использовавшееся для обозначения вуали или мантии, дивана или покрывала для колесницы. Как правило, оно обозначало одежду вдвое большего размера, чтобы при желании ее можно было надеть или накинуть, как плащ, на все тело, как видно из Пеплоса Афины.^[167] То, что это слово иногда использовалось для обозначения туники, следует из Ксенофонта, который говорит, что "пеплос, снятый сверху, показывал грудь". Он, однако, считает, что это была часть мужского костюма.

Еще одним предметом женской одежды была *зома* - короткий жилет, плотно прилегающий к фигуре и украшенный по низу бахромой, как явствует из фрагмента Эсхила в "Ономастиконе". Персонаж Менандра также восклицает: "Разве ты не видишь кормилицу, одетую в зому?" - ибо, добавляет Поллукс, ее обычно носили старые женщины. Элегантное шерстяное платье, называемое *парапеху*, белое, но с пурпурными рукавами, было привезено из Коринфа и, по-видимому, часто носилось гетайрами.^[169] Другие одежды, похоже, были затронуты средним классом граждан, которые, будучи не в состоянии одеваться в пурпур,^[170] отличительный цвет богатых и знатных, ввели в моду *паруфы* и *паралурги*, одежды, украшенные с обеих сторон пурпурной полосой. Так как достоинство должно быть связано с обширными драпировками, наши горожанки не скупилась на материал, их платья ниспадали до земли и демонстрировали многочисленные складки, нарочно созданные на концах лентой, проходящей по краю. Эти одежды обычно были льняными; но когда у Гомера говорится, что дама закутана в свою сияющую мантию, поэт^[171] предполагает, что имеется в виду тонкий, легкий шерстяной плащ, похожий на белые бурнусы туниских и египетских дам.^[172]

Некоторые виды платьев получили свое название от их цвета; например, *Crocotos* - церемониальное одеяние шафранового цвета, *Crocotion* - уменьшительное от него же; *Omphakinon* - цвета недозрелого винограда, который, хотя и был предписан женщинам, пользовался большой популярностью у Александра Македонского. Современные дамы восхищаются платьями цвета блохи, и, образом, у древних были свои платья неестественного оттенка, называемые *Killios*, от дорического названия осла, а затем *Onagrinos*,^[173] которые, если они действительно напоминали дикого осла по оттенку, должны

были быть чрезвычайно красивыми. Была еще алая одежда с названием *Coccobaphes*, *Sisys*, толстый тяжелый плащ, также называемый *Hyphandron Himation*, похожий на *Amphimallos*, который имел двойную основу и был волосатым с обеих сторон.^[174]

Чтобы не расширять этот список платьев, не терпящий отлагательств, перейдем к главным украшениям для головы,^[175] в которых греческие дамы проявили необычайный вкус и изобретательность.^[176] Среди них одним из самых элегантных был *ампикс*, косынка, которой они скрепляли волосы спереди. Иногда он состоял из куса золотой вышивки, место которой часто занимала тонкая пластинка из чистого золота, усыпанная драгоценными камнями. Еще одно гомеровское украшение, *кекруфалос*,^[177] можно упомянуть только как критическую загадку, которая поставила в тупик всех комментаторов; в таком же положении находится и *анадесма Плектэ*^[178]; все, что мы знаем, это то, что она нашла свое место в женском головном уборе, хотя в качестве митры или диадемы Аполлоний не в состоянии определить. Возможно, под другим названием это был изящный венок или гирлянда, состоящая из ароматных цветов, переплетенных или связанных вместе их стеблями, описанная Поллуком среди женских украшений.^[179]

Другим предметом такого же двусмысленного характера был *пилеон*, предположительно получивший свое название от *φύλον*, *лист*. Афиней,^[180] на подобную тему, возможно, один из лучших авторитетов, описывает его как корону, которую спартанцы во время некоторых праздников возлагали на голову Геры. Несомненно, однако, что самым изысканным и элегантным из этого класса женских украшений был *каликс* - золотой сирикс или тростник, продетый в виде кольца через каждый локон, чтобы держать их отдельно.^[181] Евстафий описывает его как кольцо, напоминающее распутившуюся, но не раскрытую розу; и это объяснение не будет противоречить объяснению Гесихия, если мы предположим, что золотые трубки заканчивались в форме этого цветка. *Строфион* был лентой или филе^[182], которым женщины подвязывали свои волосы, как мы узнаем из многих древних статуй. Художника Паррасия, который скреплял свои пышные локоны белой строфой, обвиняли в женоподобности.^[183] Название, однако, похоже, применялось к любому виду ленты, даже к широкому поясу, который носили для поддержки груди: "Когда я развязала строфион, греческие орехи выпали", - говорит девушка у Аристофана.^[184] Одноименное украшение носили также жрецы.^[185]

Опистосфендон,^[186] одно из женских украшений, перечисленных в одном из фрагментов Аристофана, носили только на сцене. Свое собственное название *сфендон* он получил из-за сходства с пращей, широкой и приподнятой спереди,^[187] и заканчивающейся узкими точками на затылке, где она завязывалась. На комической сцене его иногда носили в спортивных целях, держа переднюю часть за спиной.^[188] *Анадесма*^[189] - позолоченная филенка или диадема из золота, использовавшаяся, как и *строфион*, для обхвата лба. Каково было точное назначение или форма *ксаниона*, другого золотого украшения, модного в далекой древности, не удалось выяснить в эпоху Поллука, который говорит, что многие писатели предполагали, что это был *comb.comb*. Среди них Гесихий, Суидас,^[190] и Фаворин. Но один современный ученый с большей вероятностью предполагает, что это был некий талисманый идол, который носили как заклинание против сглаза.^[191] В самом деле, в *Etymologicon Magnum*,^[192] прямо отмечается, что эллинские женщины считали его своим филактерием.

Кольца для ушей, которые носили гречанки, отличались большим разнообразием. Самые древние назывались *Hermata*, о которых упоминается и в Илиаде, и в Одиссее.^[193] Они обычно украшались тремя изумрудными каплями,^[194] по этой причине афиняне называли их *Triopia* или *Triopides*,^[195] а другие греки *Triophthalma* или "тройной глаз". Под этим словом, как

сообщает нам древний грамматик, некоторые понимали животное вроде жука, якобы имеющее три глаза, отчего ожерелье с тремя гиалиновыми или хрустальными глазами, отходящими от него спереди, также называлось тем же именем. Поллукс^[196] предполагал, что серьги Геры были украшены тремя уменьшенными фигурками из драгоценных камней или золота, вероятно, богинь. *Диопос*, по-видимому, представлял собой серьгу с двумя каплями. *Спираль* у Гомера^[197] означает скорее серьгу, чем браслет, и получила свое название из-за круглой формы или кривизны; но спиральные золотые кольца вокруг трости Паррасия также названы Афинеем *геликами*.^[198] Другим названием этого вида серег было *Heliktes*.^[199] В эолийском диалекте серьги назывались *Siglai*, в дорийском *Artiala*. Особый вид, называемый комическими поэтами *Enclastridia* и *Strobelia*, имел золотые капли в форме сосновой шишки.^[200] Два очень любопытных вида серег были *Caryatides* и *Hippocampia*, первые представляли в миниатюре архитектурные фигуры, так называемые, вторые - маленьких лошадок с хвостами, заканчивающимися рыбой. Были также серьги с каплями в виде кентавров и других фантастических творений.^[201]

Названия и фигуры ожерелий были не менее многочисленны.^[202] Украшенный драгоценными камнями ошейник, плотно прилегающий к горлу, под названием *Перитрахелион* был главным из этих украшений, другим из которых был *Перидерайон*.^[203] *Гиподерайон*, как и его название, представлял собой ожерелье, низко свисающее на грудь, и то же самое было с *Гормосом*.^[204] О *Tantheuristos Hormos* можно получить мало информации, по этой причине комментаторы изменили текст; но наиболее вероятным является предположение, что он получил свое название из-за мигания и сверкания драгоценных камней, свисающих с него на грудь.^[205] *Triopis* - это вид ожерелья, отличающийся тем, что на нем в виде капель свисали три звезды или драгоценные камни, похожие на глаза. Это самое модное ожерелье было известно под разными названиями: *катема*, *катетер*, *маннос* или *моннос* у дорийцев.^[206]

Браслеты и нарукавники также отличались большим разнообразием. Одни носили выше локтя и назывались *Brachionia*, другие - *Pericarpia*, или *Echinoi*, окружали запястья и часто были в виде витых золотых змей, которых ненавистник женщин Лукиан превратил бы в настоящих змей.^[207] *Пселлии* или браслеты-цепочки носили очень часто; *клидоны* украшали только богатых и роскошных. Поскольку чулки не были в обиходе, а от туфель и сандалий часто отказывались, когда находились в дверях, мода требовала, чтобы ступни и лодыжки не оставались без украшений. Древние писатели, соответственно, перечисляют несколько видов браслетов, или браслетов, все из золота и различающиеся только по форме, различия между которыми я не смог обнаружить. *Ægle*, *Ægle*, the *Pede* и the *Periscelides* были столь многочисленными украшениями для ступни или лодыжки.^[208]

Среди украшений для груди мы находим *Ægis*, очевидно, подобный *ægis* Афины, своего рода богатое покрытие с двумя полусферическими крышками для приема груди, такое, как мы видим, носили баядеры Деккана. От него по обе стороны или через его нижний край отходил *маскалистер* - широкий пояс, закрывавший подмышки, хотя у Геродота это слово означает просто пояс для меча.^[209]

Как и все другие нежные и роскошные женщины, гречанки демонстрировали на своих пальцах множество колец, одни из которых были украшены печатками, другие - драгоценными камнями, поражающими своим цветом и блеском. Каждому из них их богатый язык дал отдельное название.^[210] О других женских украшениях рассказывают комические поэты, но в их описаниях трудно отличить сатиру от информации. Среди них были *лерои* - золотые капли, прикрепленные к тунике; *охтоибои*, которые, по-видимому, были чем-то вроде богатых кисточек; *геллеборои* - украшения, по форме напоминающие листья или цветы этого растения; *помфолуги*, которые, хотя и не объяснены комментаторами, вероятно,

означали большой прозрачный бисер, поскольку это слово первоначально означало "водяной пузырь", на который похож прозрачный бисер.^[211]

Афинские дамы также демонстрировали свой вкус к роскоши и великолепию в своих туфлях и сандалиях.^[212] Как и наши модницы, они редко довольствовались изделиями отечественного производства, а привозили из соседних стран все, что считалось наиболее элегантным или вкусным. Иногда, возможно, импортировались только мода и название, как в случае с персидскими полусапожками, плотно прилегающими к лодыжке.^[213] То же самое, вероятно, можно сказать и о сицилийской туфельке. Но была изящная сандалия, украшенная золотом, которую вплоть до очень позднего периода продолжали привозить из Патары, в Lycia.^[214] Белоснежные тапочки из тонкого льна, украшенные вышивкой, иногда носили; и по многим древним статуям кажется, что что-то очень похожее на чулки уже было введено. Низкорослые женщины, желая прибавить к своему росту если не локоть, то хотя бы несколько дюймов, стали носить *баукиды* с высокими пробковыми каблуками и подошвами большой толщины.^[215]

Афинская красавица обычно проводила все утро за таким важным делом, как туалет.^[216] Толпа служанок, присутствовавших на этих мероприятиях, по численности, похоже, превосходила помощниц на подобных ритуалах в современной гардеробной, и принцип разделения труда был доведен до предела. Подобно Гере, которая, по словам мифологов, обновляла свои девственные чары, как только купалась в фонтане Канатоса,^[217] аттическая дама, казалось, подвергалась суточному омоложению под руками своих служанок.^[218] Ее прекрасное лицо становилось в десять раз прекраснее от их искусства. Сгруппировавшись вокруг нее в интересные группы, одни держали серебряный таз и фужер, другие - коробочки с зубным порошком или черной краской для бровей, горшочки с румянами или осветляющим лаком, бутылочки с эссенцией или пудрой для головы, шкатулки с драгоценностями или зеркала.^[219] Но ни о чем не было столько заботы, как о волосах.^[220] Русый цвет, цвет локонов Афродиты^[221] у Гомера, считался самым красивым,^[222] были изобретены снадобья, в которые окунали волосы и выставляли их на полуденное солнце, они приобретали желанный оттенок и рассыпались золотыми локонами по плечам.^[223] Другие, довольствуясь своими черными волосами, изощряли свою изобретательность в усилении их богатого блеска, окуная их в масла и эссенции, пока, казалось, все ароматы Аравии не дышали вокруг них. Волнистые колечки, которыми мы любуемся в их скульптуре, часто были творением искусства: их создавали с помощью нагретых в золе щипцов для завивки;^[224] после чего, с помощью драгоценных коклюшек и золотых шпилек, их выводили вперед на гладкий белый лоб,^[225] который они иногда оттеняли до бровей, оставляя в центре небольшое пространство из слоновой кости, а сзади они плыли по спине в сияющем изобилии. В таком виде, одетые для гарема^[226] в уже описанные легкие сандалии и полупрозрачные одеяния, они были не более далеки от естественного состояния, чем сами спартанские служанки.

Вопреки моде, распространенной в наши дни, грудь, однако, всегда была плотно прикрыта, поскольку, будучи чрезвычайно полной, она очень рано начинала терять свою упругость и красоту.^[227] Серьги, усыпанные красноморским жемчугом огромной цены, свисали с их ушей, а округлый венец, усыпанный индийскими драгоценными камнями, возвышался над их темными локонами и ярко контрастировал с ними. Добавьте к этому украшенные драгоценными камнями горловые ленты, дорогие и сверкающие ожерелья. Их щеки, хотя иногда и бледные от природы, румянились румянами,^[228] и они даже владели искусством накладывать на этот искусственный цвет лица тот персиково-лиловый оттенок, который принадлежит самой ранней, самой росистой заре красоты. К оттенку розы они могли также добавить оттенок лилии. Белая краска была в обиходе^[229] не только среди незамужних

женщин и дам с сомнительной репутацией, но и среди самых целомудренных и благоразумных матрон в Афинах, ибо мы находим пример аттической дворянки, жены Исхомаха, практиковавшей после замужества все иллюзорные искусства туалета.^[230]

Из этого ни в коем случае не следует, что все это внимание^[231] к одежде имело какую-то другую цель, кроме как угодить своим мужьям; ведь турецкие султаны, проводящие свою жизнь в самом строгом уединении, не менее пышны в своих нарядах; но мы знаем, что в Афинах, как и в Лондоне, большая часть этой заботы была направлена на то, чтобы вызвать восхищение вне дома. Ибо в высшей степени ошибочно переносить на Афины представления о женском уединении, почерпнутые у путешественников на Востоке, где такого строгого уединения никогда не знали. Мужья, имевшие повод для ревности или предполагавшие его, могли попасть под удар, увидев толпы поклонников, которые стекались вокруг их жен, как только они выходили на улицу. Но это не спасало. Законы и обычаи страны часто заставляли женщин за границей участвовать в процессиях и совершать обряды посвящения у святилищ различных богинь.^[232]

Мужская одежда включала в себя многое из того, что носили женщины; например, хитон, которого было несколько видов, некоторые с рукавами и некоторые без. Среди последних был *экзомис*,^[233] короткая туника, которую носили пожилые мужчины и рабы, но это название иногда применялось к одежде, свободно наброшенной на тело, и к хитону с одним рукавом.^[234] Поверх него в гомеровские времена носили защитный плащ от холода - *хлейну*,^[235] сильно напоминающий тартан горцев или набедренную повязку арабов-бедуинов. На самом деле это был квадратный кусок ткани, иногда с закругленными углами, который, проходя через левое плечо и под правой рукой, снова перекидывался через левое плечо, оставляя свободной руку с копьем.^[236] Именно это имеет в виду поэт, говоря о двойном плаще "*члайна*". Его дважды оборачивали вокруг груди и закрепляли брошью через левое плечо.^[237] Однако даже этого было недостаточно в очень холодную погоду, и для защиты от дождя или снега на тело накидывали плащ из шкур, скрепленных ремешками. Некоторые люди, по-видимому, носили плащи из кожи круглый год, так как мы видим, что Анаксагор в разгар лета в Олимпии надевал его, когда предвидел, что будет дождь.^[238] Рустики также, по-видимому, считали тунику и плащ из кожи необходимыми для завершения своего костюма.^[239]

Дорийский стиль одежды стал точкой перехода от простой элегантности гомеровского периода к тщательно продуманному великолепию исторической эпохи в Афинах. В этом стиле одежды, отмечает современный автор, проявился особый вкус, античная простота, "в равной степени удаленная от великолепия азиатов и нечистоплотности варваров". Они сохранили гомеровский хитон, или шерстяную рубашку, а поверх него носили *хламиду* или *гиматий*, как описано выше. К ним добавлялась *хламида*, которая, поскольку спартанские законы запрещали красить одежду, была повсеместно белой и называлась *Hololeukos*.^[241]

Она была фессалийского или македонского происхождения, продолговатой формы, острия сходились на правом плече, где скреплялись застежкой. В героические века эта одежда не была в употреблении, и самое раннее упоминание о ней встречается у Сапфо,^[242] но, появившись, она быстро вошла в моду, сначала среди юношей, а затем в качестве военного плаща. В Афинах он считался признаком женоподобности и скреплялся на груди золотой или украшенной драгоценными камнями брошью.^[243]

Мужчины Спарты, хотя и были одеты менее тонко, чем женщины, все равно выходили за границу очень скудно прикрытыми. Их *трибон*, разновидность гиматия,^[244] похожий на плащ бедного испанского джентльмена, был подрезан так близко, что едва закрывал их лица, как

футляр, но был толстым и тяжелым, рассчитанным на долгую службу. Соответственно, молодым людям разрешалось носить только один такой плащ в год, так что в теплую погоду, вероятно, чтобы сохранить его на зиму, они меняли его на более долговечный плащ, которым их снабдила природа.^[245] В городах, однако, и так часто, как они считали нужным, чтобы придать себе вид крайней скромности, молодые спартанцы закрывали свои плащи вокруг себя, чтобы скрыть руки,^[246] выставление которых напоказ всегда считалось признаком вульгарности. Отсюда и использование перчаток, и жеманство мягких белых рук в наши дни. Те же представления преобладают даже среди турок, которые, подобно гомеровскому Лаэртскому, носят длинные рукава до пелиссе, чтобы защитить руку, иметь которую белой и хорошо сформированной является среди них признаком благородной крови.

У спартанцев хватало вкуса отращивать длинные бороды и волосы, и они прилагали немало усилий, чтобы придать им блеск и сияние. Даже в поле, вопреки афинской практике, они сохраняли это естественное украшение головы, и мы видим, как они заняты расчесыванием и приведением в порядок волос накануне битвы.^[247] Обычно они были разделены на макушке и, по сути, являлись самым изысканным покрытием, которое только можно себе представить. Но они не придавали большого значения чистоте, редко мылись и благоухали, считая, очевидно,^[248] что храбрый человек не должен быть слишком нарядным. Однако, не имея никакой выгоды от подражания внешнему облику монахов, они избегали носить потрепанные плащи, что, впрочем, было запрещено законом.

Но афиняне впали в противоположную крайность. Богатые и любящие показуху, они наслаждались в высшей степени диковинным и великолепным стилем одежды, появляясь за границей в струящихся одеждах из тончайшего льна, окрашенного пурпуром и другими блестящими цветами.^[249] Под ними они носили туники различных видов, которые, хотя впоследствии мода изменилась, сначала были без рукавов, так как у Аристофана мы видим, что у женщин растут волосы под мышками, чтобы их не обнаружили, когда они, переодетые мужьями, поднимают руки для голосования в собрании.^[250]

Как и женщины, они отличались разнообразием и великолепием своих колец, которые иногда украшались камнем с выгравированным на нем портретом друга или благодетеля, как, например, Афинион носил на одном из них портрет Митридата.^[251]

В поясе и обуви^[252] афинянин тоже выдавал свою любовь к великолепию. Волосы, длинные, как у дам,^[253] завивались или заплетались в косы и собирались в блестящие массы на макушке головы или искусно укладывались вдоль лба золотыми кузнечиками.^[254] Но поскольку всю эту кучу колец нельзя было засунуть в шлем, во время войны было принято коротко стричь волосы, что модные юноши относили к самым серьезным трудностям. Шляпы^[255] обычно не носили, хотя путешествиях или прогулках в жаркую погоду они составляли необходимую часть костюма. Прежде всего афинский гражданин следил за чистотой и опрятностью своего лица, и тот же вкус распространялся даже на рабов, которых на улицах едва ли можно было отличить по одежде, прическе или украшениям от их хозяев.^[256]

Даже философы, продержавшись долгое время, поддались влиянию моды и, чтобы их профессия не пострадала, стали на ее защиту. Истинно мудрый человек, говорит один небезупречный свидетель в подобном деле, тщательно подбривает волосы (это было восточное новшество), но позволяет своей роскошной бороде спадать волнистыми локонами на грудь. Его туфли, плотно прилегающие к ноге, поддерживаются сетью ремешков, расположенных на равном расстоянии друг от друга по всей длине ноги. Изящно

надутая на груди хламида скрывает его фигуру, и, как иностранец, он задумчиво опирается на свой посох.^[257]

Но наибольшее усовершенствование искусство одеваться получило, по-видимому, в Ионии, где, по словам Демокрита, эфесца, и одежда, бывшая в моде, и ткани, из которых она состояла, были разнообразны с мастерством и богатством изобретений, достойными полированного народа. Одни, по его словам, появлялись в одеждах фиолетового, другие - пурпурного, третьи - шафранового цвета, усыпанных сумрачными ромбами. Как и в Афинах, большое внимание уделялось волосам, которые они украшали маленькими декоративными фигурками. Их жилеты были то желтыми, как спелая айва, то пурпурными, то малиновыми, то чисто белыми. Даже их туники, привезенные из Коринфа, были тончайшей фактуры и богатейших красок: гиацинтовые или фиолетовые, цвета пламени или глубокой морской зелени. Другие перенимали персидский *каласирус*,^[258] из всех туник самый превосходный, а среди богачей были и такие, кто даже носил персидский *актеа*, платок-мантию самого дорогого и великолепного вида. Она была сшита из плотной, но легкой ткани, усыпанной золотыми бусинами в виде просяных зерен, которые соединялись с тканью тонкими глазками, проходящими сквозь ткань и скрепленными пурпурной нитью.^[259]

Дурис, опираясь на поэта Асиоса, рисует не менее экстравагантную картину роскоши и великолепия саамов, которые на некоторых праздниках появлялись на публике, украшенные, как женщины, сверкающими браслетами, их волосы распускались по плечам, искусно заплетенные в локоны. Слова Асия, сохранившиеся в "Деипнософисте", звучат следующим образом: "Так идут они к храму Геры, одетые в великолепные одежды, со снежными пелиссами, волочащимися за ними по земле. Сверкающие золотые украшения, похожие на кузнечиков, возвышаются над их головами, а их пышные локоны развеваются по ветру, переплетаясь с золотыми цепями. Браслеты разнообразной работы украшают их руки, как воина украшают лямки его щита." Этот избыток женоподобной роскоши, сопровождаемый, как и везде, изнуряющими пороками, закончился разорением Самоса. Подобные нравы колофонцев привели их к аналогичной судьбе, и так было во всех других греческих общинах; ведь люди никогда не учатся мудрости на примере других, но спешат вперед по пути потворства, как будто надеясь, что Провидение может не заметить их или отменить в их пользу свои вечные законы.

134. Ср. Монтень, Эссе, т. iv. стр. 214, и далее.

135. См. выше, глава ii.

136. Плут. Apophtheg. Лакон. Charill. 2. t. i. p. 161.

137. Herod. v. 87. Duris. ap. Schol. Eurip. Hecub. 922. Æl. Dionys. ap. Eustath. ad Il. p. 963. 17. ed. Basil. Æl. Var. Hist. i. 18. Cp. Spanh. Observ. in Hymn. in Apoll. 32. t. ii. p. 63. Schol. Pind. Nem. i. 74.

138. Poll. vii. 54. seq. Mus. Chiaramont. pl. 35. Antich. di Ercol. t. iv. tav. 24.

139. Кастеллан, Mœurs des Ottomans, vi. 47.

140. Schol. Eurip. Hecub. 922.

141. Суидас, однако, полагает, что эта одежда становилась менее красивой, когда снимался пояс, и добавляет ἐν Σπартῇ δὲ καὶ τὰς κόρας γυμνὰς φαίνεσθαι.-v. δωριάζειν. t. i. p. 772. Монтень замечает, что древние галлы почти не пользовались одеждой; то же самое можно сказать и об ирландцах его времени, t. iv. p. 214.- Французские дамы его времени также носили наряд, ничуть не менее непристойный, чем спартанские девушки: "nos dames, ainsi molles et delicates qu'elles sont, elles s'en vont tantôt entre ouvertes jusques au nombril."-Essais, II. xii. t. iv. p. 213.

142. Athen. xiii. 56.

143. Ср. II. ε. 425.-В жизни Пирра отчетливо прослеживается разница между одеждой замужних женщин и девственниц:-ἀρχομένοις δὲ ταῦτα πράττειν, ἥκον αὐτοῖς τῶν παρθενῶν καὶ γυναικῶν, αἱ μὲν ἐν ἰ ματίοις, καταζωσάμεναι τοὺς χιτωνίσκους, αἱ δὲ μονοχίτωνες, συναργασόμεναι τοῖς πρεσβυτέροις. Плут. Pyrrh. § 27.

144. Taylor ad Demosth.

145. Athen. xii. 5. 29. Boeckh. i. 141. Аристоф. Lysist. 43. sqq.

146. Ἐκ δὲ λίνου, λινοῦς χιτῶν, ὃν Ἀθηναῖοι ἔφορουν ποδήρη.-Poll. vii. 71.

147. Ælian. V. H. i. 8.

148. О ζῶνῃ, ср. II. ξ. 181. Odyss. т. 231. Damm. 988. О цесте II. ξ. 214. Аристоф. Lysist. 72. βαθυχρώνοι. Æschyl. Pers. 155. et Schol.-Bœttig. Les Furies, p. 34.

149. Ахилл Татий. ii. cap. xi. p. 33, seq. Jacobs.

150. Thucyd. i. 6.

151. Аристоф. Lysist. 150. 735, et Schol.

152. Poll. vii. 75.

153. Аристоф. Lysist. 48. Poll. vii. 57. 74.

154. Сочинения, ii. 191.

155. Аристоф. Лисист. 48.

156. Чанаан. I. 14. p. 449.

157. Исправлено Бохартом, который читает ἔστι δὲ σφόδρα λεπτὸν ὑπὲρ τὴν βύσσον ἢ τὴν κάρπασον. Ср. Suid. v. Ἀμοργ. t. i. p. 204. с. Etym. Mag. 85. 15.

158. Satyricon. cap. 55. p. 273. Бирманн.

159. Из древних памятников мы узнаем, что люди также носили через плечо предмет одежды, в точности напоминающий современный плащ или накидку.- Mus. Cortonens. tab. 58.

160. Athen. xiii. 23. Alex. Frag. v. 13, seq.

161. Виктор. Var. Lect. ii. 6. 32.

162. Плут. Quæst. Nat. § 6. t. v. p. 321.- Coray sur Hippocrate, t. II. p. 82, seq.

163. Точное его изображение см. в Mus. Chiaramont. pl. 8, где мы также находим пример рукавов, закрытых аграфами.-Cf. pl. 16.

164. Пластины. № 98. 108. 131. 162. 172.

165. Аристоф. Thesmoph. 256.

166. Poll. vii. 49, seq.- Пеплома у Пиндара (Pyth. ix. 219) теперь паплома. Wordsworth, Athens and Attica, p. 32. Ср. Илиада. ε. 315.- На пеплосе иногда вышивали фигуры.- Ил. ζ. 289-295.

167. Sch. Аристоф. Eq. 564. Poll. vii. 50.

168. Poll. vii. 50. Ср. Сурор. iii. 1. 13.-3. 67. В Гомере, Илиада, γ. 385 и т. д. слово ἑανὸς, означающее богато вытканый жилет или халат, является синонимом, как замечает Поллукс, πέπλος vii. 51. Такого же мнения придерживается и Бутманн, который, однако, полагает, что оно означает "гибкую мягкую одежду" - Lexil. Art. 41. Другие проводят различие между ἑανὸς и πέπλος: первое, по их мнению, используется для обозначения некрашеной и чисто белой пелены, а второе - пестрой, украшенной цветами и вышивкой. Пассов считает, что это простое прилагательное, означающее "чистый, светлый", и говорит, что с ним всегда понимается εἶμα или ἱμάτιον.

169. Poll. vii. 53. Jam παράπηχυ λήδιον vel ἱμάτιον, collatis Hesychii et Pollucis interpretationibus, intelligi videtur dictam fuisse vestem albam cui manicæ adpositæ essent purpureæ.-Schweig. ad Athen. xiii. 45. t. xii. p. 146.

170. Athen. xiii. 45. Poll. ubi *supra*.

171. Илиада, γ. 141.

172. Poll. vii. 54.

173. У дорийцев осел (ὄνος) назывался κίλλος, а погонщик ослов (ὄνηλάτης) - κίλλακτήρ. Poll. vii. 56.

174. Poll. vii. 56, seq.

175. Ср. Winkelmann, iv. 2. 76. Алекс. Pædag. ii. 12.

176. Феок. Eidyll. i. 33. Æmil. Port. Lex. Dor. in voce.

177. Илиада. χ. 469. Heyne in loc. Pollux. v. 95, перечисляет ἄμπτυξ среди женских украшений, но не дает его описания. Ср. Pind. Olymp. vii. 118. Dissen. Comm. ad v. 64. Bœttiger. Pictur. Vascul. i. 87. κεκρύφαλος, или кроκύфанτος, который встречается один раз в Илиаде, был женским украшением для головы, неизвестным поздним грекам. Схолиаст описывает его как κόσμος τὴς περὶ κεφαλῆς; а Дамм замечает, что оно было "redimiculam vel reticulam quo mulieres crines coërcent".-1158. Хейн столь же неудовлетворителен. Комментаторы Pollux. v. 95 вообще избегают этой темы. Ср. Foës. Œcon. Hippoc. p. 202.

178. Илиада, χ. 469. Πλεκτὴ ἀναδέσμη- οἱ μὲν διάδημα, говорит Аполлоний, οἱ δὲ μίτραν. Πλὴν κοσμοῦ εἶδος περὶ τὴν κεφαλὴν. На этом основана статья Гесихия. В Лейденской схолии говорится: -ἀναδέσμη λέγεται, σειρὰ, ἥν περὶ τοὺς κροτάφους ἀναδοῦνται- καλεῖται δ' ὑπ' ἐνίων καλανδάκη. (В котором, по мнению Хейна, мы можем обнаружить *calantica*, "капюшон, горжетку или кофту") Κρήδεμνον δὲ πάλιν τὸ μαφόριον.

179. Poll. v. 96. Iliad. σ. 595. У Гомера эпитет, однако, не πλεκτή, а καλή. Hemsterhuis ad Poll. t. iv. p. 998.
180. Deipnosoph. xv. 22. Ср. Poll. v. 96.
181. Coel. Rhodig. xxvii. 27, считает, что это означает женский головной убор или зонтик. Jungermann. ad Poll. v. 96. Eustath. ad Iliad. β. 401.
182. На маске, выгравированной среди гемм. Antich. из Агостини, мы находим точное изображение современного феронета, pl. 24.
183. Афины. xii. 62. Поллукс. v. 96.
184. Poll. vii. 67. 95.
185. Плут. Arat. § 58.
186. Clem. Alexand. Pædag. ii. 12. Winkelmann, Histoire de l'Art. iv. 2. 75. прим. 6, и i. 2. 18. См. также Cabinet Pio Clement, t. i. pl. 2, с замечаниями Висконти.
187. Ср. Mus. Chiaramont, pl. 20.
188. Poll. v. 96. vii. 95. Eustath. ad Dion. Perieg, v. 7. Comment. ad Poll. iv. 999. Ο κάλαμος, названном, но не описанном Поллуксом, v. 96, см. Eustath. ad Il. т. р. 1248. Phavor. et Hesych. *in voce* καλαμῖς. Что такое ἔντροπον, Юнгерманн признается, что не знает; не знаю и я, хотя представляется вероятным, что это могло быть золотое или позолоченное украшение, которым скреплялись волосы, собранные на макушке головы.
189. Damm. 444. Аристоф. Plut. 589. Poll. v. 96.
190. Этот лексикограф говорит о нем следующим образом:-κτένιον. ὃ φороῦσιν αἱ γυναῖκες ἐν τοῖς ἀναδέμασιν, οἷς κόσμος χρυσοῦς ἐπὶ κεφαλῇς. t. ii. p. 252. b.
191. 612, 23, seq.
192. Hemsterhuis. ad Poll. t. iv. p. 1000.
193. Il. ξ. 182. Odys. σ. 296. Ælian. Var. Hist. i. 18.
194. Фабри. Thes. v. auris.
195. Damm. 2195, читает τριότταια, и τριотτίδες, в отрывке Евстафия, который составляет основу моего текста; но Kuhn и Jungermann ad Poll. t. iv. p. 1003, исправляют как выше.
196. Onomast. v. 97.
197. Il. σ. 401. Ср. Eustath. ad Odyss. ω. 49.
198. Deipnosoph. xii. 62.
199. Poll. v. 97.
200. Jungermann ad Poll. t. iv. 1001.
201. Poll. v. 95.

202. Odyss. σ. 290. Гимн, в Ven. ii. 11, и далее. Ожерелья из позолоченного дерева. Xen. Œcon. x. 3. 61.
203. Plut. Mar. § 17. Bulenger, De Spoliis Bellicis, с. 12.
204. Sch. Aristoph. Vesp. 677.
205. Comment. ad Poll. v. 98 p. 1003.
206. Theocrit. xi. 41. Casaub. Lect. Theocrit. с. 13.
207. Amor. § 41.
208. Poll. v. 100. Золотые перисцелиды перечислены Лонгусом l. i. среди вещей молодой девушки-лесбиянки; а Гораций, Epist. i. xvii. 56, говорит о том, что перисцелис был выхвачен у придворного. Здесь доктор Бентли понимает это слово как *tibialia*, и замечает: "delicatulæ fasciolis involvebant sibi crura et femora." Но Геснер, скорее, полагает, что имеется в виду "compedes mulierum", и он, вероятно, прав. Cp. Petron. Sat. с. 67.
209. Cp. Mus. Chiaram. pl. 14. pl. 18.
210. Poll. v. 101. Rhodig. vi. 12.
211. Poll. v. 101. Cp. Schol. Aristoph. Ran. 249. Bergler ad loc. переводит его как *bullæ*, что у римлян означало "золотое украшение, носимое на шее или на груди детей, в виде сердца, полого внутри, которое они носили до четырнадцати лет, а затем подвешивали к домашним богам" - Porphy. in Horat. vid. et Fab. Thes. in v.
212. Diog. Laert. ii. 37. с. Sch. Aristoph. Lysist. 417. В Фессалии носили деревянные башмаки. Ими женщины убили Лаиса в храме Афродиты - Athrodite-Athen. xiii. 55. Существовал вид обуви, свойственный женщинам-рабыням, называемый перибаридами - Poll. vii. 87. Аристоф. Lysist. 47.
213. Sch. Аристоф. Nub. 152. См. в Antich. di Ercol. t. vi. p. 11, изображение полусапог, открытых спереди.
214. Лукиан, Diall. Meret. xiv. 3. ἔκ Πατάρων σανδάλια ἐπίχρυσα.
215. Athen. xiii. 23. Poll. vii. 94.
216. Их духи и эссенции хранились в алебастровых шкатулках из Финикии, некоторые из которых стоили не более двух драхм.- Лукиан, Diall. Мерет. xiv. 2.
217. Paus. ii. 37, 38.
218. Аристоф. Concion. 732, et Schol.
219. Pignor. de Serv. p. 195.
220. Cp. Suid. v. κομῆ. t. i. p. 1489. b.
221. См. Pashley, i. 247. Pignor. de Serv. 193.
222. "Красивый цвет, который мы называем русым и который древние обозначали термином "золотистый", наиболее распространен среди греков; у них есть позолоченная проволока и различные другие украшения (среди которых, возможно, еще можно узнать афинского

кузнечика) в кольцах, которые они пускают по плечам, или связывают волосы в длинные локоны, которые свисают на спину" - Дуглас, Эссе и т. д. стр. 147, и далее.

223. Это прекрасно описано Лукианом: -Γυναικὶ δὲ ἀεὶ πάσῃ ἢ τοῦ δαψιλεῖς μὲν ἀπὸ τῶν βοστρύχων τῆς κεφαλῆς ἔλικες, ὑακίνθοις τὸ καλὸν ἀνθοῦσιν ὅμοια πορφύροντες- οἱ μὲν, ἐπινώτιοι κέχυνται μεταφρένων κόσμος, οἱ δὲ παρ' ὧτα καὶ κροτάφους, πολὺ τῶν ἐν λειμῶνι οὐλότερον σελίνων- τὸ δ' ἄλλο σῶμα, μὴδ' ἀκαρῇ τριχὸς αὐταῖς ὑποφυομένης ἡλέκτρου, φάσιν, ἢ Σιδωνίας ὕελου διαφεγγέστιρον ἀπαστραπταί.-Амор. § 26.

224. Pignor. de Serv. 194, seq.

225. У Лукиана девушка описывает тонкие волосы, убранные назад так, что обнажают лоб, как большое уродство. Meret. i.

226. В современной греческой одежде для дома господствует вкус, не сильно отличающийся от этого. "В гинекее, - говорит Чандлер, - девушка, подобно Фетиде, ступающей по мягкому ковру, обнажает свои белые и нежные ноги; ногти окрашены в красный цвет. Ее трико, которое зимой из красной ткани, а летом из тонкой бязи или марли, спускается от бедра до щиколотки, свободно болтаясь на ногах, нижняя часть расшита цветами и виднеется под сюртуком, рукава которого широки и открыты, а швы и края украшены любопытной вышивкой. Жилет из шелка, точно подогнанный под форму груди и тела, которое он скорее прикрывает, чем скрывает, и короче, чем смена. Рукава изредка застегиваются на пуговицы и обшиты красным или желтым атласом. Богатый пояс охватывает ее талию и застегивается впереди застежками из позолоченного серебра или золота с драгоценными камнями. Поверх жилета надевается мантия, летом подбитая горностаем, а в холодную погоду - мехом. Головной убор - черепная коробка, красная или зеленая, украшенная жемчугом; под подбородком - повязка, а на лбу - желтая ткань. На запястьях у нее золотые браслеты, и, как у Авроры, у нее розовые пальцы, кончики которых окрашены. На ее шее - ожерелье из цехинов, разновидности золотых монет, которые называются византийскими. На щеках у нее прядь волос, закрученная к лицу, а по спине ниспадает множество локонов, распускающихся по плечам" -ii. 140.

227. Лукиан. Amor. § 41. Гомер в многочисленных отрывках восхваляет глубокие груди своих деревенских женщин, Анакреон также не раз затрагивает ту же тему.

228. Анхуза. Theoph. Hist. Plant. vii. 8. 3. Дион. Chrysost. i. 262. Poll. vii. 95. Аристоф. Lysist. 46. et Schol. Muret. Not. in Xen. Cyrop. p. 743, seq. Xen. Cyrop. i. 3. 2.

229. Poll. v. 101, vii. 95.

230. Xenoph. Oeconom. x. 2, 60.

231. Cp. Xen. de Vect. iv. 8.

232. Люк. Amor. § 41, seq. Cp. Casaub. ad Theoph. Char. p. 339. Аристоф. Plut. 1015, et schol. Plut. Vit. x. Orat. Lycurg. В стране женщины тоже часто выезжали за город и, очевидно, вели очень комфортную жизнь; их привычки, по сути, сильно напоминали английских сельских леди; жены мужчин, чьи поместья лежали рядом, свободно ходили в гости и сплетничали друг с другом. Так, в деле об ущербе, причиненном потоком, мы видим, как жена Тисия и мать Калликла обсуждают порчу ячменя и ячменной муки и встречаются, очевидно, так часто, как считают нужным. На самом деле, до ссоры тропинка через поле была явно хорошо изношена.- Demosth. in Call. § 7.

233. Аристоф. Lysist. 662.

234. Poll. vii. 49.

235. Если появление призрака можно считать хорошим свидетельством, то можно сделать вывод, что фессалийцы носили хламиду, поскольку Ахилл, когда его вызвал Аполлоний Тианский, предстал в этом одеянии - Philost. Vit. Apoll. iv. 16.

236. Müll. Dor. ii. 283. Diog. Laert. ii. 47. Одежда развешивалась в доме на прищепках - Odys. α. 440.

237. Il. ω. 230. Poll. vii. 49.

238. Диог. Laert. ii. iii. 5. Cum not. Menag. t. ii. p. 49.

239. Дион, Chrysost. i. 231. Рейске. Об одежде аркадян, Polyæn. Стратегем. iv. 14.

240. Müller. Hist. Dor. ii. 277. См. живописное описание, которое Гесиод дает деревенскому зимнему костюму Беотии. Opp. et Dies, 534, sqq. Goettl.

241. Poll. vii. 46.

242. Σαπφὼ πρώτη γὰρ μέμνηται τῆς χλαμύδος.-Ammonius, p. 147. Valcken.

243. Гелиодор. i. и ii.

244. Sch. Аристоф. Nub. 415. Ср. Vesp. 116, 475.

245. Plut. Lyc. § 16. Inst. Lac. § 5.

246. Xenoph. de Rep. Laced. iii. 4. О Фокионе, подражателе спартанских нравов, говорится то же самое: Plut Phoc. § 4.

247. Herod. vii. 208, с примечаниями Valckenaer и Wesseling.

248. Plut. Instit. Lacon. § 5.

249. Thucyd. i. 6. Plat. de Rep. t. vi. p. 167. Tim. Lex. 188. Aristoph. Eccles. 332. Sch. Аристоф. Eq. 879. Лукиан. Amor. § 3.

250. Аристоф. Concion. 60, et Schol.

251. Athen. v. 49.- Даже рабы имели привычку носить кольца с драгоценными камнями, иногда трех цветов, несколько образцов которых хранятся в Британском музее. Так, у Лукиана мы видим Парменона, слугу Полемона, с подобным кольцом на мизинце.- Diall. Meret. ix. 2. Ср. Hemster. ad Poll. ix. 96. t. vi. p. 1193.

252. Poll. vii. 92, seq.

253. Casaub. ad Theoph. Char. p. 329.

254. Athen. xii. 5. Sch. Aristoph. Eq. 1328. Nub. 971.

255. Из отрывка Демосфена (De Fals. Leg. § 72) ясно, что в городе иногда носили шапки или колпаки. Есть, правда, те, кто полагает, что это слово означает парик; но Бродзей решает этот вопрос, спрашивая, будут ли больные ложиться в постель в париках, как это делали мужчины в πλῖδια. Miscell. i. 13. Однако я должен признать, что вероятность того, что они будут носить шляпы в постели, еще меньше. Беотийцы появлялись зимой в шапках,

закрывавших уши. Гесиод. Opp. et Dies, 545. О форме которых см. Theoph. Hist. Plant. iii. 9. 6, с примечанием Schneid. t. iii. p. 191.

256. Ксеноф. de Rep. Athen. i. 10.

257. Athen. xi. 120. О роскошном платье художника Паррасия. xii. 62.

258. Мы находим упоминание о персидских платьях, пестрящих фигурами животных. Филост. Икона. ii. 32.

259. Athen. xii. 29.

260. Athen. xii. 30.

КНИГА IV.

ГЛАВА I.

ЧАСТНЫЕ ЖИЛИЩА.

Среди некоторых писателей преобладает мнение, что частные жилища эллинов или, по крайней мере, афинян всегда были убогими и незначительными.^[261] Этот мнимый факт они объясняют тем, что знатные и богатые граждане были отстранены от роскоши архитектуры формой правления и завистливым отношением простых людей. Но такой взгляд на дело не согласуется с историческими свидетельствами. В Афинах, как и везде, все шло своим естественным чередом. В первые века существования содружества, когда нравы были простыми, дома величайших людей государства мало чем отличались от домов их соседей. Однако с ростом богатства и роскоши, а также с развитием демократического принципа, отдельные люди возводили себе особняки, соперничающие по размерам и великолепию с общественными зданиями государства;^[262] и по мере того, как полис все больше и больше вырождался в охлократию, жилища богачей^[263] увеличивались в размерах и грандиозности, пока в конце концов не превзошли сами храмы богов. Аналогичный процесс происходил и в Спарте, где вскоре после Пелопоннесской войны знатные граждане обзавелись загородными виллами, которые, судя по всему, были просторных размеров и заставлены дорогой мебелью.^[264]

На этих моментах, однако, я останавливаюсь не из убеждения, что они делают честь греческому характеру, а потому, что они правдивы. Было бы гораздо приятнее видеть их сохраняющими в каждый период своей истории суровую и возвышенную простоту республиканских нравов, намного превосходящими в глазах философа дворцы восточных царей, сверкающие золотом, слоновой костью и драгоценностями, настолько, что домик Сократа, возведенный в самом скромном стиле афинской домашней архитектуры, был бы объектом, если бы он все еще существовал, представляющим гораздо больший интерес для истинного любителя древности, чем особняки Мейдиаса или Каллиаса, или даже чем императорские обители Семирамиды, Дария и Артаксеркса.

Тем не менее, где бы ни существовало изобилие, оно проявлялось в возведении величественных жилищ; и, соответственно, мы видим, что еще до Троянской войны^[265] торговля и растущая роскошь уже внушили грекам вкус к пышности и великолепию, что особенно проявилось в архитектуре и орнаментах их дворцов и домов великих.^[266]

Гомер, подробный и наглядный в своих описаниях, рисует весьма лестную картину греческой домашней архитектуры своего времени, когда вожди и вельможи уже начали заключать себя в просторные здания, искусно украшенные и окруженные всеми помпезными обстоятельствами, известными их веку.^[267]

В те времена величайшие люди не гнушались заниматься сельским хозяйством, чтобы их жилища были окружены знаками и орудиями того дела, которым они занимались.^[268] И как в южной Италии древние вельможи возводили перед своими дворцами или виллами лавки, в которых торговали продуктами своей земли, так и в гомеровских домах то же пространство занимал хозяйственный двор, обнесенный крепкими и высокими стенами, окруженный бойницами, внутри которого находились навозные кучи, бороны, плуги, телеги и повозки, стога сена и кукурузы,^[269] и сюда же вечером загоняли многочисленные стада и отары, чтобы защитить их от ночных мародеров. В героические века большие входные ворота охранялись банными собаками,^[270] которые затем сменили носильщиков,^[271] а в еще более поздние времена их сменили евнухи.^[272]

Иногда вместо клыкастых привратников в торговых государствах ставились золотые и серебряные изображения, скорее привлекавшие, чем отпугивавшие воров; например, у входа во дворец Алкиноя стояли группы такого рода, приписываемые чудотворному Гефесту.^[273] Грубое подражание этой практике преобладало среди римлян, так как у Петрония мы находим, что Тримальхион охранял свой двор нарисованным мастифом, над которым хорошими квадратными буквами было написано "Осторожно, собака".

Вдоль стен этой ограды в более отдаленные эпохи, по-видимому, располагались скотоводческие сараи, где впоследствии стояли палаты для домашней прислуги, или пиастры, или колонады, служившие крытыми дорожками в жаркую или плохую погоду. Внутри, по обе стороны от ворот,^[275] главным образом у дорийцев, возвышался столб конической формы, иногда обелиск, в честь Аполлона или Диониса, или, по мнению других, обоих, а в центре находился алтарь Зевса Герцея, на котором приносились семейные жертвы.^[276] На его внутренней оконечности виднелся просторный портик, примыкавший ко входу в дом, где в теплую погоду часто спали юноши. Однако, судя по описаниям поэта, это было нечто большее, чем обычный портик, скорее напоминающий крыльцо наших старых английских домов, покрытое крышей и продолжающееся, как ниша, в тело самого дома. В жилищах великих людей эта часть здания, украшенная многочисленными статуями, была, вероятно, из мрамора, тонко отполированного, если не скульптурного, и, будучи просто камерой, открытой спереди, не могла в тех прекрасных климатических условиях быть неприятной спальней, тем более что она обычно выходила на юг и ловила ранние лучи солнца. Здесь спал Одиссей^[277] во время своего пребывания у Алкиноя, а также Приам и троянский герольд, будучи гостями Ахилла в его военной хижине.^[278]

На этом крыльце стояли сиденья из красивого полированного камня, как во дворце Нестора в Пилосе, которые для придания им большего блеска, похоже, натирали маслом.^[279] Подобные сиденья и по сей день встречаются перед домами богачей в Каире и других городах Востока, где в вечерней прохладе старики обычно занимают свои места, к которым присоединяются для сплетен их соседи. В больших городах Нубии открытое пространство, засаженное финиками, пальмами или египетской смоковницей, более тенистой и

раскидистой, чем дуб, и обставленное деревянными сиденьями, собирает вместе старцев, которые там наслаждаются тем, что англичанин ищет в своем клубе, а грек - в своем леше, - удовольствием сравнивать свои мнения с мнениями своих соседей.

Когда в последующие времена это простое крыльцо сменилось великолепным перистилем или колоннадой, от примитивного обычая спать под открытым небом отказались; но здесь хозяин дома со своими гостями совершал раннюю прогулку, чтобы насладиться утренним солнцем. В Афинах во всех сословиях было принято вставать рано, как, впрочем, и сейчас в теплых странах Юга. Сократ и его юный друг, софист^[280], придя к дому Каллиаса вскоре после рассвета, застали его хозяина выходящим на воздух с несколькими гостями в колоннаду, причем молодые люди шли в хвосте старших и уступали им дорогу, когда те оборачивались, чтобы повторить свой путь. Обычно в Афинах подобный перистиль располагался по обеим сторонам дома - один для лета, другой для зимы, а из женских апартаментов обычно открывалась дверь в сад, где дамы наслаждались прохладным воздухом посреди лавровых рощ, фонтанов и участков зеленого болота,^[281] перемежающихся с розами, фиалковыми клумбами и другими милыми кустарниками и цветами.

Городские дома гомеровских времен обычно не имели аул, но крыльцо выходило прямо на улицу, так как именно здесь, по описанию щита, мы видим женщин, стоящих, чтобы посмотреть на танцоров и насладиться музыкой брачной процессии.^[282] Впоследствии, по мере развития вкуса к великолепию, весь фасад корпуса^[283] был богато украшен, а внешние ворота специально оставляли открытыми, чтобы прохожие могли наблюдать за великолепием владельца. Иногда также большая дверь, ведущая из портика в дом, была скрыта дорогими пурпурными занавесами,^[284] миновав которые, вы попадали в широкий проход, имевший по обе стороны двери^[285], ведущие в квартиры на первом этаже, и выходивший во внутренний двор, окруженный перистилем, где начинался гинеконит,^[286] или гарем.

Уже в ранние времена апартаменты дворцов демонстрировали вкус греков к пышности и великолепию. Стены покрывали плитками, инкрустированными золотом и слоновой костью, а на Востоке мы до сих пор находим целые покои, облицованные перламутром.^[287] Сначала золото накладывали тонкими пластинами, что со временем привело к идее позолоты.^[288] Даже Фокион, отличавшийся большой простотой и незамысловатостью, украсил стены своего дома медными пластинами,^[289] вероятно, в том же стиле, что и та подземная камера, обнаруженная в прошлом веке при раскопках в Риме. Оказывается также, что иногда стены афинских апартаментов, как и в Геркулануме и Помпеях, украшались росписью в ярких тонах,^[290] вероятно, в том же стиле, хотя и превосходящей по красоте и тонкости исполнения, как искусство в эпоху Перикла превосходило искусство во времена Нерона. По-прежнему картины, обнаруженные в раскопанных итальянских городах, - иногда^[291] гротескные и экстравагантные, как, например, когда мы видим пигмеев, воюющих с журавлями, крылатых гениев за работой в мастерской плотника или сапожника, или осла, нагруженного корзинами с вином, рвущегося вперед, чтобы схватиться с крокодилом, в то время как его хозяин тянет его назад за хвост, - иногда сельские и элегантные, состоящие из ряда диких пейзажей, гор, усеянных коттеджами, морских берегов, гаваней и купален, нимф и амуров, ловящих рыбу на берегах озер, под деревьями с самой мягкой и изысканной листвой, - могут дать нам некоторое представление о пейзажах, которыми Агеларкос^[292] украсил дом Алкивиада.

Залы и салоны на первом этаже были вымощены мрамором или мозаикой,^[293] которые часто, если судить по образцам, оставленным нам их подражателями, представляли собой картины величайшей элегантности, содержащие, среди прочего, изображения прекраснейших

божеств Олимposa.^[294] Эти мозаики были сделаны из мельчайших осколков драгоценных мраморов различных цветов, перемежающихся с кусочками янтаря,^[295] и, возможно, стекла, как это было принято в Италии, где были найдены целые гиалиновые полы, состоящие либо из одного куска, либо из квадратов, так тонко соединенных вместе, что швы были невидимы невооруженным глазом. Греческие авторы, как мне кажется, не упоминают об облицовке стен квартир стеклом или даже о стеклянных окнах,^[296] которые, однако, были распространены в городах Magna Græcia в эпоху, непосредственно предшествующую эпохе нашего Спасителя. Однако чрезвычайно вероятно, что греки, как и римляне, были хорошо знакомы со свойствами ляписа;^[297] они также использовали тонкие пластины из этого камня, или талька, или гипса, как это до сих пор делают в Египте для оконных стекол. Это можно понять из отрывка Плутарха,^[298] а также из того, что прозрачные квадраты из рога использовались для той же цели, как устричные раковины и промасленная бумага до сих пор используются в Китае. Раньше, однако, окна^[299] (иногда квадратные и расположенные высоко в стене, иногда доходящие от потолка до пола) закрывались решетками^[300] из железа, бронзы или дерева, над которыми в плохую погоду обычно натягивали жалюзи из волосной ткани или подготовленной кожи.

Сначала потолки состояли просто из балок, стропил и досок, образующих крышу и поддерживающих слои земли или соломы, которыми она была покрыта; но со временем деревянные конструкции были тщательно окрашены и расположены таким образом, чтобы образовать череду гробов и глубоких утопленных панелей. Иногда весь потолок состоял из скошенного или лакированного кедра,^[301] или кипарисового дерева, или был покрыт росписью в голубых и золотых тонах, и поддерживался колоннами^[302] высокими и глубоко рифлеными для того, чтобы, как было гениально предположено,^[303] принимать копы в полуцилиндрические полости, образованные таким образом. Если эта идея обоснована, у нас есть вполне удовлетворительная причина происхождения рифленых колонн, и она прекрасно согласуется с рассказом Гомера о палате Одиссея, где говорится о ряде копий, стоящих вокруг колонны.^[304]

Главные апартаменты, согласно моде, все еще преобладающей на Востоке, были обставлены диванами,^[305] или широкими неподвижными сиденьями, идущими вдоль стен, которые сейчас набиты мягким хлопком и покрыты алым или пурпурным, окаймленным золотой бахромой на фут в глубину. В гомеровскую эпоху они, по-видимому, были из резного дерева, инкрустированы слоновой костью и золотом и утыканы серебряными гвоздями.^[306] Для этих диванов у них были различные покрытия, иногда шкуры, иногда пурпурные ковры, в дополнение к которым они, как и сейчас, наваливали для отдыха спины или локтей груды подушек, пурпурных сверху и из белого льна снизу.^[307] Со временем эти сиденья стали подвижными и превратились в кушетки или диваны, изготовленные из бронзы, или серебра, или ценных пород дерева, обитые черепаховым панцирем.^[308] Во дворцах восточных султанов их иногда делают из алебаstra, инкрустируя драгоценными камнями. Где-то в более уединенных частях Домоса находились картинная галерея и библиотека, ни одна из которых не имеет точного описания. Первая, однако, выходила на север, а вторая - на запад. Если библиотеки греков и напоминали по форме и размерам те, что были найдены в Помпеях, то они отнюдь не были просторными; да и не нужно было много места, поскольку рукописи древних хранились гораздо ближе, чем наши современные книги,^[309] и иногда хранились в круглых ящиках изящной формы с крышками из выточенного дерева. Тома состояли из рулонов пергамента, иногда пурпурного,^[310] или папируса, шириной около двенадцати или четырнадцати дюймов и длиной столько футов, сколько требовал предмет. Страницы образовывали несколько поперечных отсеков, начинавшихся слева и переходивших по порядку к другому краю, и читатель, держа в обеих руках по одному концу

рукописи, разворачивал и сворачивал ее^[311] по мере чтения. Иногда эти книги ставили на полки, в стопки, концами наружу, украшенные золотыми боссами,^[312] на подвесках были написаны названия различных трактатов.

Если мы пройдем теперь во двор^[313], отделяющий Домос от Таламоса, то увидим по обе стороны двери, ведущей из Андрона, лестницы, поднимающиеся в верхние покои, где в героические века обычно спали юноши и знатные незнакомцы. Так, в Итакийском дворце у Телемаха была спальня на втором этаже, откуда, по словам поэта, открывался прекрасный вид.^[314] В более поздние времена, однако, на первом этаже располагались апартаменты, называемые ксенон, предназначенные для гостей, которые жили там свободно и непринужденно, как в собственном доме.

В дальней части внутреннего двора крутая лестница вела к возвышенному подвалу и дверному проему, который служил входом в таламос.^[315] Эта часть дома, по-видимому, была устроена особым образом и состояла, во-первых, из возвышенной и просторной квартиры,^[316] где все женщины семьи обычно сидели, занимаясь вышиванием или другим рукоделием.^[317] Здесь же располагалась детская, а на ее внутренней стороне, в глубокой нише, стояла кровать хозяйки семьи, по обе стороны которой находились двери, ведущие к лестнице в сад, предназначенной для использования женщинами.

Многие полагали, что таламос был комнатой, предназначенной для молодых незамужних дам; но поскольку мы видим Елену и Пенелопу, обитающих в таламосе, можно предположить, что он был общим для всех женщин дома. Гектор во время визита к Парису находит его в таламосе, поворачивающим и полирующим свое оружие, как будто он собирался им воспользоваться, в то время как рядом Елена и ее служанки занимаются ткачеством или вышиванием. Это слово часто использовалось в том же значении, что и *Gynæconitis*,^[318] или "гарем"; поэтому, когда Феокрит^[319] говорит о "деве из таламоса", а Фокилид, с подозрительной осторожностью более порочного века, советует держать молодых женщин в "хорошо запертых таламосах", ясно, что имеются в виду женские апартаменты в целом. В Спарте они назывались *οα* (что, как известно, на общегреческом языке означает яйца), откуда, по словам Клеарха,^[320] басня, описывающая Елену, вышедшую из яйца, поскольку она родилась и воспитывалась в так называемых покоех. На протяжении всей "Илиады" и "Одиссеи" мы видим, что поэт говорит об этой части дома как о населенной женщинами. Здесь жила Пенелопа,^[321] вдали от потасовок женихов, заполонивших залы Домоса; здесь Арес с успехом добивался Астиоха и Полимелы, которые стали матерями доблестных сыновей.^[322] Из этого, наряду со многими другими обстоятельствами, следует, что в те века полы встречались легко, даже вход в гарем не был недоступен для любовника.

Спальни молодых незамужних женщин, по-видимому, располагались по флангам большого центрального зала Таламоса, и здесь же женщины-рабыни спали, очевидно, в нишах, рядом с дверями покоев своих господ, что особенно заметно в случае с Наусикаа и ее служанками. В Афинах дверь, ведущая между Андроном^[323] и Гинеконитом, была тщательно заперта, чтобы предотвратить любые сношения между мужчинами и женщинами-рабами; ключи были доверены исключительно хозяйке дома.

Поскольку эти апартаменты были менее уязвимы, чем любая другая часть здания, и гораздо более тщательно охранялись, стало принято, как на Востоке и сейчас, хранить в таламосе, особенно в темном подвале, много ценного имущества, такого как оружие, золото, серебро, гардероб обоих полов, и даже масло и вино. Среди римлян или, более того, среди греков более позднего времени^[324] вряд ли был бы предпринят этот шаг, чтобы дамы не стали слишком усердствовать в своем внимании к шкарам. Но в более отдаленные века эти подлые

опасения не существовали. Поэтому мы видим, как благоразумный Одиссей, опасавшийся, возможно, проделок своих домочадцев, прячет бочки с отборным старым вином в Таламосе, несомненно, считая, что там, под присмотром Эвриклеи, оно в большей безопасности, чем в любом другом месте дворца.^[325]

В более поздние и более цивилизованные века таламос по-прежнему использовался для тех же целей; так, в установлениях Исомаха, образце аттической экономики, мы находим, что более ценная часть семейного гардероба, с тарелками и другой дорогой утварью, хранилась там. Кукурузу, в соответствии со здравым смыслом, клали в самые сухие комнаты, а вино - в самые прохладные. Квартиры, в которые попадало больше всего солнечного света, отводились для таких занятий и для выставления такой мебели, которая требовала много света.^[326] Столовые, где обычно сидели мужчины, находясь дома, они тщательно обустраивали так, чтобы летом было прохладно, а зимой тепло, хотя в суровую погоду часто требовался хороший огонь.^[327] Тот же самый разумный принцип обычно регулировал возведение их жилищ, которые были разделены на два набора квартир, соответствующих двум большим делениям года. Как мы уже отмечали, главный фасад смотрел на юг, чтобы ловить лучи зимнего солнца, чьи более вертикальные летние лучи были исключены широкими верандами или колоннадами.

В какой части здания находилась купальня (βαλανεῖον, названная так из-за того, что в более отдаленные века ее отапливали желудями, βάλανοι)^[328] мне не удалось выяснить, хотя представляется несомненным, что даже в героические века для купания всегда отводилась отдельная комната. Сначала, несомненно, они довольствовались холодной водой; но то, что ее вскоре сменила теплая^[329], можно предположить на основании традиции, приписывающей первое ее использование Гераклу, откуда теплые ванны впоследствии стали называться банями Геракла.

По форме пуэнос,^[330] или сосуд, в котором купались, иногда напоминал египетский саркофаг, иногда был круглым и построен из белого или зеленого мрамора, или стекла, или бронзы, или обычного камня, или дерева,^[331] в этом случае он, по-видимому, был переносным. В банях Помпеи мраморные бассейны, параллелограммные или круглые, были просторных размеров и возвышались над тротуаром на два-три фута. Для удобства купальщиков вокруг них с внутренней стороны шла ступенька, а на дне лежали мраморные подушки, на которых они отдыхали. В лабрах греческих женских бань возвышался гладкий циппус в форме усеченного конуса, называемый омфалос, на котором дамы сидели, беседуя со своими спутницами.^[332]

Когда теплая ванна вошла в обиход, люди использовали ее в избытке, купаясь до пяти-шести раз в день, причем в такой горячей воде, что наполовину ошпаривались.^[333] Сразу после этого, чтобы предотвратить растрескивание кожи, они помазывали свое тело маслами и благовонными притираниями.^[334] Иногда, вместо того чтобы погружаться в воду, они сидели прямо, как это до сих пор принято в восточных хаммамах, а вода выливалась на их голову и плечи с помощью своеобразного ковша.

Общественные бани, полного описания которых, относящегося к глубокой древности, не сохранилось, были многочисленны во всех эллинских городах, особенно в Афинах, где они были увенчаны куполами,^[335] и получали свет сверху. Эти заведения посещали женщины всех сословий, которые могли позволить себе такую роскошь: богатые, бедные, почетные и бесчестные.

Служители, по крайней мере в более поздние и развращенные времена, были мужчинами, чья единственная одежда состояла из кожаного фартука на пояснице, а дамы,

раздевавшиеся в Аподитерионе, проходили через различные процессы бани в той же примитивной одежде. Однако было принято, чтобы они входили в воду толпой,^[336] так, чтобы держать друг друга в поле зрения. Здесь матроны, имевшие сыновей для женитьбы, изучали формы и характер молодых дам, посещавших бани; и поскольку все недостатки лица и черт обязательно выявлялись, было практически невозможно, чтобы какая-либо дама, недостаточно богатая, чтобы содержать купальню в собственном доме, сохраняла незаслуженную славу красавицы в течение длительного времени. В восточных банях тела купающихся очищаются небольшими мешочками из верблюжьей шерсти, сплетенными из грубых волокон, и передаваемыми через руку обслуживающего персонала; или горстью тонких волокон пальмы Мекка, расчесанных и наполненных душистой и сапониновой землей, которые растираются по коже, пока все тело не покроется пеной. Аналогичные средства использовались в банях Греции, после чего кожа очищалась золотыми или серебряными стленгидами, или тупыми скребками, слегка изогнутыми к острию.^[337]

Архитектурное устройство этих бань,^[338] если мы можем провести какую-либо аналогию с подобными заведениями в более позднюю эпоху, было почти следующим: -Входя в здание через возвышенный и просторный портик, вы оказывались в большом зале, вымощенном мрамором и украшенном колоннами, из которого через боковую дверь попадали в Аподитерион, или раздевалку; далее - в камеру, где в тазах из порфира или зеленой яшмы находилась холодная вода; Сразу за ней находился Тепидарий, к которому примыкал Судариум, сводчатое помещение, обставленное тазами с теплой водой, где царил сильный жар; из него, двигаясь вперед, вы последовательно проходили через салоны различной температуры и размеров, пока не оказывались в гардеробной, куда вашу одежду относили домашние или служители бань.^[339] В этих заведениях также были предусмотрены водяные шкафы,^[340] расположенные в уединенной части здания и оборудованные деревянными сиденьями, тазом и водопроводом, как и в наше время.

Чтобы уменьшить вероятность быть ограбленным, кража из бани в Афинах считалась смертным преступлением;^[341] так что люди, которые часто посещали их, почти не рисковали. Цена обычно была умеренной, хотя в некоторых городах, как, например, в Фазелисе, они имели привычку удваивать плату для иностранцев, что вызвало у одного остроумного софиста весьма резкое замечание; поскольку его раб спорил с владельцем бани и утверждал, что его хозяин не должен брать больше, чем другие люди, софист, подслушавший спор, воскликнул: , неужели ты сделаешь меня фазелитянином за фартинг?"

Крыши древних греческих домов были, как правило, плоскими,^[343] не скатывались кверху, как это было принято впоследствии.^[344] В Египте и Сирии, да и почти на всем Востоке, до сих пор сохраняется тот же вкус; а поскольку пальмы, более высокие, чем здания, часто растут рядом со стенами и простирают свои прекрасные маятниковые ветви над значительной частью крыши, ничто не может быть более восхитительным в мягкий безмятежный вечер, чем сидеть на этих пронизывающих ветром высях, потягивая кофе, глядя на зеленые рисовые поля или наблюдая за звездами, когда они зажигают свои золотые лампы сквозь лиловые юбки дня. Но там парапет обычно защищает того, кто наслаждается сценой, от падения. В Греции издревле было иначе. Крыша состояла из нескольких балок, уложенных вплотную друг к другу и покрытых цементом, так что, как показала судьба Эльпенора,^[345] практика спать там в теплую погоду, довольно распространенная по всей стране, была не совсем без опасности.

О конструкции кухни,^[346] которая в греческих домах иногда представляла собой отдельное небольшое здание, возведенное во дворе, наши сведения крайне несовершенны. Однако, вопреки распространенному мнению, несомненно, что она была оборудована дымоходом,^[347] и что дыму не позволялось проникать через отверстие в крыше. Такой вывод

можно сделать из отрывка в "Осах", когда старый дикаст, влюбленный в судебные инстанции, пытается вырваться из-под контроля, наложенного на него сыном, выбравшись через дымоход. Очевидно, что он пролез в какое-то отверстие, где скрыт от глаз, так как, услышав шум в стене, его сын Бделлеон восклицает: "Что это?", на что старик отвечает: "Я всего лишь дым". Понятно, что он не мог, подобно индуистскому йогу, балансировать в воздухе, иначе юноша должен был бы увидеть, как он плывет к крыше. Но этот вопрос полностью решается схолиастом, который замечает, что *καπνοδόχη* была узким каналом наподобие трубы, по которому дым поднимался из кухни. Это объяснение было подтверждено открытиями полковника Лика,^[348] который на скалистых склонах холма Мусейон и Пникс нашел остатки дома, частично вырубленного в скале, в котором все еще сохранялся дымоход.

Такое же удобство существовало и в римских кухнях^[349], хотя, по-видимому, в обеих странах они были построены неумело, поскольку повара жаловались, что дым разносится ветром туда и сюда и мешает им работать. Впрочем, это может быть вызвано многочисленными маленькими печами, которые, как и во Франции, располагались вдоль стены для приготовления нескольких блюд одновременно. Перпендикулярные дымоходы, как в наших старых фермерских домах, были снабжены заглушками, чтобы не пропускать дождь в плохую погоду.^[350]

О том, что кухни иногда были недостаточно просторны и удобны, можно судить по практике философствующего повара Дамоксеноса, который занимал свое место сразу за дверью и оттуда отдавал распоряжения низшим служащим. Тем не менее, он тщательно следил за тем, чтобы помещение было хорошо освещено, а дверь была расположена так, чтобы как можно меньше подвергаться порывам ветра.^[351] Из отрывка в "Схолиасте об осах" и наличия стоков в раскопках на холме Мусейон ясно, что афинские дома были оборудованы раковинами,^[352] хотя в итальянских кухнях, похоже, были просто маленькие каналы, идущие вдоль стен для отвода воды. Пол тоже был устроен в обеих странах с расчетом одновременно на сухость и элегантность: был сформирован из нескольких слоев различных материалов, пористых, хотя и связующих, так что пролитая вода мгновенно просачивалась сквозь них. Верхний слой, толщиной около шести дюймов, состоял из цемента, состоящего из извести, песка и толченого древесного угля или золы, поверхность которого, отполированная пемзой, представляла взору вид прекрасного черного мрамора. Крыша в ранние времена, несомненно, была деревянной,^[354] хотя впоследствии она стала сводчатой или в виде купола. Стены иногда украшались грубой росписью.^[355]

Уличная дверь греческого дома обычно, когда она была одна, открывалась наружу, но когда были складные двери, они открывались внутрь, как у нас.^[356] В первом случае было принято, когда кто-нибудь собирался идти, стучать, или звонить, или звенеть в колокольчик, чтобы предупредить пассажиров, чтобы они уступили дорогу.^[357] Эти двери строились из различных материалов,^[358] в зависимости от вкуса и обстоятельств владельца: иногда из дуба, ели, клена или вяза; затем, по мере развития роскоши, их стали делать из кедра, кипра или даже цитрона, инкрустируя, как на Востоке, пластинами из латуни или золота.^[359] Упоминаются также двери, полностью состоящие из драгоценных металлов; также из железа, бронзы и слоновой кости.

Косяки обычно были деревянными,^[360] но также иногда из латуни или мрамора. Сначала двери скреплялись длинными брусками, проходящими в стену с обеих сторон;^[361] а затем к ним присоединялись более мелкие засовы, засовы, задвижки, замки и ключи. Например, внешняя дверь Таламоса у Гомера была закреплена серебряной петлей, а кожаный шнурок проходил вокруг ручки и завязывался, возможно, в любопытный узел.^[362] Двери обычно не

подвешивались на петлях, а поворачивались, как и сейчас на Востоке, на шарнирах, вставленных сверху в перемычку, а снизу в порог.^[363] Во многих домах, кроме того, имелись небольшие полудвери из открытого дерева,^[364] которые днем обычно закрывались, чтобы не выбегали дети, не входили собаки или свиньи. Двери обычно состояли из рамы с четырьмя или шестью утопленными панелями, как у нас; но в Спарте, пока господствовали законы Ликурга, они были сделаны из простых досок, обработанных топором.^[365] В великой дорийской столице было принято, чтобы люди, желающие войти в дом, громко кричали в дверь,^[366] которая в Афинах^[367] всегда была снабжена изящным стуком.^[368] Дверные ручки, тоже из дорогих материалов и искусной работы,^[369] демонстрировали вкус греков даже в этом пустяке.

При возведении дома обычно использовались камни и кирпичи. В изготовлении последних^[370] древние проявляли больше мастерства и тщательности, чем мы; у них были кирпичи очень большого размера, а также полукирпичи для заполнения пространства, что избавляло от необходимости укорачивать их с помощью кельмы. Некоторые из них просто высушивались на солнце и использовались главным образом для строительства жилищ бедняков.^[371] В Утике в Африке были общественные инспекторы кирпичных печей,^[372] чтобы не допустить использования кирпича, который не был изготовлен пять лет. В нескольких городах Средиземноморья кирпичи изготавливались из пористой земли, которая, будучи обожженной и окрашенной, как можно предположить, снаружи, была настолько легкой, что плавала в воде.^[373] Чтобы уменьшить вес кирпичей, в Сирии и Египте в них добавляли солому, которая полностью расходовалась при обжиге. Для покрытия крыш тех домов, которые не были террасами, они использовали шифер, черепицу и тростниковый толь.^[374] Возможно также, что богатые люди облицовывали свои дома теми изящными тонкими чешуйками мрамора, которыми иногда покрывали крыши храмов.

261. Но даже из фрагмента Вакхилида мы можем сделать вывод о великолепии греческих домов; ведь бедняк, пьющий вино, говорит он, видит свой дом, пылающий золотом и слоновой костью:

χρυσῶ δ' ἐλεφαντί τε

μαρμαίρουσιν οἴκοι.

Athen. ii. 10.

Люди к этому времени значительно продвинулись от того состояния, в котором они, как предполагается, строили свои хижины в подражание ласточкиному гнезду. Витрув. ii. 1.

262. Plat. Repub. iv. t. vi. p. 165. Dion Chrysost. i. 262. ii. 459. Dem. cont. Mid. § 44.- Лукиан. Amor. § 34.

263. Dem. Olynth. iii. § 9. De Rep. Ord. § 10.

264. Ксеноф. Hellen. vi. 5. 27.

265. Cp. Athen. i. 28.

266. Cp. Müll. Dor. ii. 272.

267. Ил. β. 657, sqq.

268. Подобный вкус преобладал и среди французских князей Меровингов: "Особняк длинноволосых королей был окружен удобными дворами и конюшнями для скота и птицы; сад был засажен полезными овощами; различные ремесла, земледельческие труды и даже искусство охоты и рыбной ловли выполнялись подневольными руками для вознаграждения государя; его магазины были заполнены кукурузой и вином, либо для продажи, либо для потребления, и все управление осуществлялось по самым строгим правилам частной экономики" -Gibbon, Decline and Fall of the Roman Empire, ii. 356.

269. Hesych. v. αὐλή.

270. Feith. Antiq. Hom. iii. 10. p. 242.

271. Casaub. ad Theoph. Char. p. 145.

272. Plat. Protag. t. i. p. 159. Cp. Aristid. t. i. p. 518. Jebb.

273. Odys. η. 93.

274. Сатир, с. 29. p. 74. Эллиноп.

275. Sch. Aristoph. Vesp. 875. Здесь римляне приносили жертву Янусу, греки - Аполлону. Macrob. Saturn. l. i. c. 9. Poll. iv. 123. Comm. p. 790.

276. Eustath ad Od. χ. 376. p. 790. Cp. Poll. i. 22, seq. Muret. in Plat. de Rep. p. 635. Soph. Œdip. Tyr. 16.

277. Odys. η. 345. Cp. Ил. ζ. 243. Hesych. v. πρόδρομος.

278. Ил. ω. 673, sqq. Cp. Feith. Antiq. Hom. iii. 10. p. 244.

279. Odys. γ. 406, sqq. Cp. π. 343, и далее.

280. Plat. Protag. t. i. p. 160.

281. Plat. Epist. t. viii. p. 403. Athen. v. 25. Poll. ix. 466.

282. Ил. σ. 496. Cp. Sch. Aristoph. Nub. 93.

283. Hesych. v. ἐνὶ πύλῃ. Casaub. ad Theoph. Char. p. 380. Сравните весь характер "Тщетного человека", с. 57-59. Etym. Mag. 346. 10.

284. Athen. v. 25. Hesych. v. αὐλεία. Suid. in v. t. i. p. 491. d.

285. "Двери (в Танджире) богато украшены резьбой и помещены в арки в форме туза пик, форма настолько совершенно восточная, что невозможно ошибиться в ее происхождении; эти двери, когда они открывались на веранду, были дополнительно украшены занавесками из богатого малинового шелка" - Напье, Экскурсии по берегам Средиземного моря, i. p. 264.

286. Hesych. v. γυναῖκωνίτις.

287. Сочинения леди Монтегю, ii. 234.

288. Plin. xxxiii. 18. Cp. Дион. Chrysost. t. i. p. 262. t. ii. p. 259. Pignor. de Serv. p. 214.

289. Plut. Phoc. § 18.

290. As, *minium*, Dioscor. v. 109.
291. Antich. di Ercol. t. i. tav. 34. p. 181. tav. 35. p. 187. tav. 36. p. 191. tav. 48. pp. 253, 257. t. ii. tav. 39. p. 273. Cp. Poll. x. 34.
292. Andocid. cont. Alcib. § 7.
293. Plin. xxxvi. 60. Poll. vii. 121. Cp. Sir W. Hamilton, Acc. of Discov. at Pomp. p. 7, seq. pl. 5.
294. Гален, в Протрепте, § 8. t. i. p. 19.
295. Hom. Eires. 10. p. 199. Франке.
296. См. авторитеты, собранные Никсоном, Phil. Trans, t. i. p. 126, sqq. Сенека говорит о стеклянных окнах как о новом изобретении, Epist. 90. Однако сэр Уильям Гамильтон в своем "Отчете об открытиях, сделанных в Помпеях" отмечает: "Ниже по лестнице находится комната с большим носовым окном; здесь были найдены осколки больших стекол, что говорит о том, что древние хорошо знали, как использовать стекло для окон" - стр. 13. Cp. Caylus, Rec. d'Ant. t. 2. p. 293. Mazois, Pal. de Scaur. p. 97. Кастель. Виллы древних, p. 4. Vitruv. vii. 3.
297. Вместо lapis specularis в Персии используют тонкие плиты мрамора Tabreez для окон бань и других зданий, требующих мягкого приглушенного света. См. Fowler, Three Years in Persia, где любопытно описано выращивание этого камня.
298. De Plac, Phil. iii. 5, ed. Corsin. Flor. 1750, p. 81. Cp. Plin. Hist. Nat. xi. 37.
299. Сэр В. Гамильт. Acc. of Discov. at Pomp. p. 7, seq. Antich. di Ercolano. t. i. tav. i. p. 1. tav. 3. p. 11. Cp. Schol. Aristoph. Eq. 996.
300. Mazois, Pal. de Scaur. p. 98.
301. Athen. ix. 67. Plat. de Rep. t. vi. p. 353. Cp. Gog. Origine des Loix, t. v. p. 443. Poll. Onom. x. 84. Comm. p. 1552. Maz. Pal. de Scau. p. 102. Tibull. iii. 3. 16. Luc. de Dea Syr. § 30. Киник, § 9. Eurip. Orest. 1361.
302. Odyss. δ. 45, seq. Luc. Somn. seu Gall. § 29.
303. By Payne Knight, Prolegg. ad Hom. § 47. Cp. Feith. Antiq. Homer, iii. 11. 6.
304. Odyss. α. 127, и далее.
305. Id. η. 95, и далее.
306. Id. θ. 65. π. 32.
307. Id. κ. 352, seq.
308. Лукиан, Luc. siv. Asin. § 53.
309. Antich. di Ercol. t. ii. tav. 2. p. 13.- Книги сохранялись от моли кедровым маслом - Георон. v. 9.
310. Luc. de Merced. Conduct. § 41.
311. Luc. Образ. § 9.
312. Luc. de Merced. Conduct. 41.

313. Подобные дворы в домах Магна-Греции описываются как имеющие в центре квадратный резервуар, в котором собиралась дождевая вода и стекала в резервуар под ним.- Сэр В. Гамильт. Acc. of Discov. at Pomp. p. 13.

314. Odyss. α. 425. seq.

315. Eustath. ad Odyss. χ. p. 776.- Эти женские апартаменты иногда сдавались в наем и в них жили мужчины.-Antiph. Нес. Venef. § 3. Любопытен рассказ мистера Фосброка: "Таламос был квартирой, где матери семейств работали над вышивкой, гобеленом и другими работами со своими женами или подругами" -Encyclop. of Ant. i. 50.

316. Иногда, по крайней мере, крыша покрывалась кипарисовым деревом, как мы узнаем от Мнесимаха в его "Конокраде": βαίῖν' ἐκ θαλάμῳν κυπαρισσορόφων ἔξω, Μάνη.-Athen. ix. 67.

317. Однако мы видим, что дамы иногда обедают вместе со своими детьми в Ауле - Demosth. in Ev. et Mnes. § 16.

318. Hesych, v. γυναικ. p. 866. Cyrill. Lex. Ms. Bren. Bret. ad Hesych. l. c.

319. Eidyll. ii. 136. Phocyl. v. 198.

320. Athen. ii. 50. Cp. Sch. Aristoph. Vesp. 68.

321. Odyss. ο. 516.

322. Ил. β. 514. π. 184.

323. Cp. Poll. vi. 7. Coel. Rhodig. xvii. 24.

324. Plut. Paral. Vit. § 3.

325. Odyss. β. 337, 345. χ. 442. Schol. 459. 466. Poll. vii. 397.

326. Xen. Memorab. iii. 8, 9.

327. Анаханд. ap. Athen. ii. 29.- Так же думал и Сократ, который замечает, что зимой у каждого будет огонь, кто сможет достать дрова. И, хотя сам он носил одну и ту же одежду круглый год, он считал, по-видимому, разумным, чтобы другие надевали теплую одежду.- Xen. Oecon. xvii. 3. Sch. Aristoph. Acharn. 716. Когда в столовой не было дымохода, мангал разжигали за дверью и вносили внутрь, когда испарялся самый сильный дым от углей -Plut. Symp. vi. 7.

328. Etym. Mag. 186, 8. Athen. i. 18. Phot. Bib. 60. b. Hesiod. Frag. 53. Бани в Спарте были общими для обоих полов.-Goguet, v. 428. Cp. Pashley, Travels. i. 183.

329. Baccius, de Thermis, p. 365. Schol. Аристоф. Nub. 1034.

330. Cp. Etymol. Mag. 151, 52, seq. Schol. Аристоф. Eq. 1055.

331. Baccius, de Therm. p. 399.

332. Athen. xi. 104.

333. Schol. Аристоф. Nub. 1034.

334. Plut. Alexand. § 40.

335. Athen. xi. 104.

336. Victor. ad Aristot. Ethic. p. 214. Была группа порочных людей, называемых τριβαλλοι, которые беспорядочно проводили свою жизнь в банях -Etym. Mag. 765. 55. Аристофан наделяет этим именем некоторых варварских божеств. -Aves. 1528.
337. Ксеноф. Anab. i. 2. 10. См. один из этих стленгидов у Зозга, Bassi Rilievi, tav. 29.
338. Ср. Etymol. Mag. 384. 10. Poll. vii. 166, и Plut. Alexand. § 20, где он описывает роскошные бани Дария.
339. Лукиан. Гиппиас. § 5, sqq.
340. Sir W. Hamilton's Acc. of Discov. at Pompeii, p. 41. Ср. Casaub. ad Theoph. Char. p. 269.
341. Аристотель. Problem. xix. 14. Casaub. ad Theoph. Char. p. 215.
342. Athen. viii. 45.
343. Æsch. Agam. 3, sqq. Однако мы находим упоминание об остроконечной крыше в Илиаде. ψ. 712, и далее.
344. Antich. di Erc. tav. 3, p. 11.
345. Odyss. κ. 559. Eustath. ad loc. p. 1669, l. 15. Feith. Ant. Hom. iii. 10, p. 249.
346. Ср. Athen. ix. 22. iii. 60.
347. Ср. Sch. Aristoph. Nub. 91. Vesp. 139, 147.
348. Topog. of Athens, p. 361.
349. Ср. Perrault, sur Vitruv. vi. 9. Mazois, Pal. de Scaur. p. 178. Об интерьере римского дома см. Pet. Bellori, Frag. Vet. Rom. p. 31.
350. Schol. Aristoph. Vesp. 148.
351. Athen. iii. 60 ix. 22.
352. Leake, Topog. of Ath. p. 361. Однако мы видим, что иногда они выбрасывают воду из окна, крича: "Уйди с дороги". Schol. Aristoph. Acharn. 592.
353. Vitruv. viii. 4.
354. Mazois, Palais de Scaurus, p. 177.
355. Изображает, например, жертвоприношение Форнаксу. Mazois, p. 177.
356. Ср. Antich. di Ercol. t. i. tav. 34. pp. 175, 181. Sagittar. de Januis Veterum. p. 23.
357. Plut. Poplic. § 20.
358. Sagitt. de Jan. Vet. p. 152, seq. Plin. xvi. 40. Theoph. Hist. Plant. v. 4. 2. iii. 14. 1. Марциал. xiv. 89, ii. 43. Lucian. l. ix. Tertull. de Pall. c. 5. Plin. xiii. 15. Овидий. Metamorph. iv. 487.
359. Аристоф. Ахарн. 1072.
360. Sagitt. de Jan. Vet. p. 29, sqq.
361. Sagitt. de Jan. p. 67.

362. Odyss. α. 441. Schol. et Eustath. ad loc.-δ. 862. p. 186. Cp. Schol. Aristoph. Becn. 155.
363. Sagitt. de Jan. Vet. p. 41.
364. Antich. di Ercol. t. i. tav. 3. p. 11. Возможно, следует отметить, что когда дома строились на прочном фундаменте, к двери иногда вели подвижные ступени. Id. ibid. tav. 8. p. 39. tav. 43. p. 228.
365. Plut. Lycurg. § 13. Agesil. § 19.
366. Плут. Inst. Lac. § 30. Cp. Theocrit. Eidyll. xxix. 39.
367. Schol. Aristoph. Nub. 133.
368. Иногда в виде ворона. Poll. i. 77.
369. См. коллекцию дверных проемов Дональдсона, пл. 8.
370. Winkelm. Hist. de l'Art. ii. 544. Cp. Xen. Memor. iii. 17. Cyropæd. vi. 3. 25. Plin. xxxv. 14. Polyb. x. 22. Plat. de Repub. t. vi. p. 15.
371. Sanchon. ap. Euseb. Præp. Evang. i. 10. p. 35.
372. Vitruv. ii. 3.
373. Id. ibid. 3. Вместо этих легких кирпичей на берегах Средиземного моря теперь часто используют камни пемзы, особенно для изготовления арок. Они, следовательно, разрезаются на параллелопипеды и экспортируются в большом количестве с островов Липари.- Спалланцани, Путешествия по двум Сицилиям и т.д., т. II. стр. 298, 302, sqq.
374. Poll. x. 170. Luc. Contemplat. § 6. Schol. Aristoph. Nub. 174.
-

ГЛАВА II.

ДОМАШНЯЯ МЕБЕЛЬ.

Движимое имущество в греческом доме делилось на классы весьма характерным образом. Во-первых, как знак национального благочестия, отдельно выделялось все, что использовалось в домашних жертвоприношениях. Второе разделение, ставящее женщин сразу после богов, охватывало весь набор женских украшений^[375], надеваемых на торжественные праздники. Далее шли священные одеяния и военная форма мужчин; затем - покрывала, постельное белье и украшения гарема; после этого - украшения мужских апартаментов. Еще один раздел состоял из обуви, сандалий, тапочек и т. д. семьи, от которых мы переходим к оружию и орудиям войны, привычно перемешанным в греческом доме с ткацкими станками, картами, прялками и вышивальными рамами, точно так же, как Гомер описывает их в Таламосе Париса в Трое. И все же мы не дошли до конца нашей описи в простой классификации. Отдельный класс составляют сосуды для выпечки, приготовления пищи, мытья и купания, а также сервизы для завтрака и ужина, фарфор, серебряные и золотые тарелки, зеркала, канделябры и все те диковинные предметы, которые используются в туалете дам.^[376]

В благополучных семьях происходило второе разделение: отделялись те предметы, которые могли потребоваться для ежедневного использования, от тех, которые брались с собой только во время путешествий и больших праздников. После того как всевозможные предметы были распределены по классам, следующим шагом было размещение каждой вещи на своем месте.^[377] Более обычная утварь обычно хранилась в просторной кладовой, называемой *толос*,^[378] круглое здание, отделенное от дома и обычно заканчивающееся остроконечной крышей, откуда в последующие века остроконечная шляпа получила в народе название толос. Когда джентльмен начинал вести домашнее хозяйство или заводил новую прислугу, он передавал на попечение соответствующих лиц свои корыта для замешивания теста, кухонную утварь, карты, ткацкие станки, прялки и т. д.; и, указав места, куда все это, когда не используется, должно быть помещено, передавал их на их попечение.

О праздничных, или зрелищных, предметах было сказано больше. Их приносили только на торжественные праздники или в честь какого-нибудь иностранного гостя, и они передавались на попечение экономки, которая предварительно составляла полный список всего; и в ее обязанности входило, когда она передавала что-либо из этих предметов низшим служанкам, записывать, что она выдала, и следить за тем, чтобы они были должным образом возвращены в ее хранилище.^[379]

Но приведенный выше обзор предметов мебели, используемых в афинском доме, хотя и дает некоторое представление о бережливости и экономности людей, не дает представления о пышности и великолепии, часто встречающихся в греческих домах: ведь, как мы уже видели, весьма ошибочны те, кто воображает, будто в аттической демократии богатые люди по каким-либо благоразумным или политическим соображениям сдерживались от потакания своей любви к показухе путем максимальной демонстрации богатства, которую они могли сделать.^[380] В самом деле, не довольствуясь тем, что превосходили своих соседей в великолепии своих жилищ, мебели и одежды, эти люди часто имели смехотворное тщеславие, когда давали большой прием, возбуждать зависть тех бездельников, которые могли пройти мимо, разбрасывая перья дичи и домашней птицы перед их дверями.^[381] Действительно, поскольку афиняне в точности походили на других людей, демонстрация великолепия имела тенденцию слишком сильно ослеплять их; так что среди искусных приемов политиков обычно было одно - создать у народа убеждение, что они обладают средствами для оказания важных услуг всем, кто их обязывает.

Перейдем, однако, к мебели. Хотя главная ценность многих изделий заключалась в изысканном вкусе, проявленном в дизайне и исполнении, сами материалы тоже часто были чрезвычайно редкими и дорогими. Фарфор, стекло, хрусталь, слоновая кость, янтарь,^[382] золото, серебро и бронза, а также многочисленные сорта драгоценных пород дерева с неподражаемым вкусом и фантазией превращались в различные предметы обихода и роскоши. Среди украшений столовой была приставная доска, которая, хотя иногда и из железа, чаще была из резного дерева, бронзы или кованого серебра, украшенная головами сатиров и быков.^[383] Столы в гомеровскую эпоху обычно были из дерева, пестрых цветов, тонко отполированные, с орнаментированными ножками. Мирлеанос, неясный автор "Афиня", считает, что^[384] они были круглыми, чтобы напоминать диск солнца и луны; но из отрывка в "Одиссее"^[385] и толкования Евстафия можно сделать вывод, что они были узкими параллелограммами,^[386] как наши обеденные столы. Роскошь скатертей была неизвестна, пролитое вино и т. д. убирали губками.^[387] Но поэт был свидетелем и более высокой степени великолепия, поскольку уже в "Одиссее"^[388] он упоминает о столах из серебра. Бедняки, конечно, довольствовались самым обычным деревом. Но по мере развития цивилизации

столы богатых людей становились все более дорогими по материалам и все более изящными по форме.

Предметом торговли стал ввоз из чужих стран самых диковинных пород дерева,^[389] для изготовления столов, которые, первоначально опираясь на четыре ножки, впоследствии опирались на три, причудливой формы, или на опору и лапы из слоновой кости, или серебра, как у нас. На острове Реней изготавливали знаменитые столы;^[390] великие персы восхищались кленовыми столами с ножками из слоновой кости, и в самом деле, сучковатый клен, похоже, в свое время считался самым редким и красивым деревом.^[391] Но ярость к роскошным предметам мебели такого рода достигла своего полного расцвета только в римские времена, когда один стол из цитронового дерева

(Великолепные пиры

На столах из цитрона или атлантического камня)^[392]

иногда стоил шесть или семь тысяч фунтов стерлингов. Однако уже в лучшие века Греции столы инкрустировались серебром, латуной или слоновой костью, с ножками в виде львов, леопардов или других диких зверей.^[393]

В более ранние времена, еще до того, как восточная привычка откидываться во время еды приобрела униженный характер,^[394] греки использовали стулья, которые были разных видов, одни из более, другие из менее дорогих материалов, но все красивые и элегантные по форме, как мы можем судить по тем, которые украшают наши собственные гостиницы, полностью созданные по греческим образцам. Троны богов, изображенные в произведениях искусства, как бы богато они ни были украшены, представляют собой просто кресла с вертикальными спинками, примером которых может служить сердолик из Орлеанской коллекции,^[395] где Аполлон изображен играющим на семиструнной лире. Это кресло имеет четыре ножки с тигриными лапами, очень высокую вертикальную спинку и украшено скульптурной машиной и лошадьми. У них не было эпикурейских представлений о своих божествах, и они никогда не представляли их взору публики, сидящими в мягком кресле, что наводило бы на мысль о немощи. Напротив, они полны силы и энергии и сидят прямо на своих тронах, готовые в любой момент прийти на помощь своим поклонникам. В гомеровскую эпоху они были богато украшены резьбой, как и диваны, украшены серебряными шипами и так высоки, что требовали подставки для ног.^[396] Трон персидских царей был из массивного золота и стоял под пурпурным балдахином, который поддерживали четыре стройные золотые колонны, густо усыпанные драгоценными камнями.

Кровати, как правило, были из обычного дерева, например, из деки,^[397] с дном иногда из досок, пробитых для доступа воздуха, иногда из ремешков из воловьей кожи,^[398] которые, пересекаясь друг с другом, оставляли между собой множество открытых пространств. Кровать Одиссея, которую герой был достаточно столяром, чтобы изготовить своими руками, была сделана из оливкового дерева, инкрустирована серебром, золотом и слоновой костью. Иногда кровать поддерживалась чем-то вроде сетки из прочного шнура, натянутого поперек кровати и закрепленного по всему периметру.^[399] В более поздние века наблюдалась гораздо большая роскошь - кровати из чистого серебра,^[400] или слоновой кости, украшенные фигурами, выполненными с бесконечным искусством и изысканностью,^[401] или резьбой из ценных пород дерева, с ножками из слоновой кости или янтаря.^[402] Иногда их также облицовывали индийской черепахой, инкрустированной золотом.^[403] Этот вкус, по-видимому, пришел с Востока, где среди царей Персии даже в очень ранние времена наблюдалось еще большее великолепие. Так, рассказывая о царском празднике в Сузах, Писание говорит, что во дворе сада царского дворца были "белые, зеленые и голубые

покрывала, прикрепленные шнурами из виссона и пурпура к серебряным кольцам, и столбы из мрамора. Постели были из золота и серебра, на вымостке из красного, и синего, и белого, и черного мрамора". Похожий стиль великолепия эллинские писатели приписывают персидскому царю, который, по словам Хареса,^[404] лежал в своем дворце на кушетке, затененной раскидистой золотой лозой, виноградные гроздья которой были имитированы драгоценными камнями разных цветов.

В более отдаленные эпохи использовались кровати на четырех столбах, о чем свидетельствует белый сардоникс из Орлеанской коллекции,^[405] изображающий удивление Ареса и Афродиты, вызванное Гефестусом. Здесь есть низкий плавающий валанс, закрепленный фестонами, тестер имеет форму крыши, а колонны заканчиваются причудливыми капителями. Фигура орла украшает углы лежанки внизу. Из рисунка на стенах Помпеи мы узнаем, что своеобразные кровати, которые сейчас почти повсеместно встречаются во Франции, были знакомы и древним, сделаны точно по той же моде и подняты примерно на ту же высоту над полом. Что касается самих кроватей, то в разное время они изготавливались из самых разных материалов, а кровати из некоторых районов Греции пользовались особой репутацией. Из фразы Гомера^[406] следует, что в его времена в Фессалии кровати набивали очень мелкой травой. Хиосские и милетские кровати славились^[407] по всей Греции. В других частях страны люди, отличавшиеся особой женственностью, спали на ложах из губки.^[408] Сицилия славилась своими подушками, как и некоторые другие дорийские страны. В Афинах богатые люди имели обыкновение спать на очень мягких кроватях, расположенных на подставках, значительно возвышающихся над полом;^[409] и иногда, как предполагалось, украшенных покрывалами из выделанных павлиньих шкур с перьями.^[410]

Но греки, похоже, советовались со своей легкостью и все больше погружались в мягкость и женоподобность по мере приближения к Востоку. Среди пелопоннесцев большинство людей жили трудно и лежали трудно; большая утонченность и роскошь преобладали в Аттике; но в Ионии и на многих эгейских островах великие люди - хотя были и исключения, как в случае Атталоса - мало чем уступали в самообольщении мединским или персидским сатрапам. Некоторое представление об их привычках в этом отношении можно составить из описания постели пафийского принца, сделанного Клеархом Солийским.^[411] На мягкие матрасы, поддерживаемые подставкой на серебряных ножках, был постелен короткозернистый сардийский ковер самого дорогого сорта. Следом шло покрывало из ворсистой ткани, на которое был наброшен дорогой пурпур аморгинского цвета. Подушки, полосатые или пестрые с богатейшим пурпуром, поддерживали его голову, а две мягкие дорийские подушки^[412] бледно-розового цвета нежно поднимали ноги. Так, облаченный в молочно-белую хламиду, принц и откинулся. Их болстеры по форме напоминали наши;^[413] но подушки обычно были квадратными, как во Франции, хотя иногда закруглялись с обоих концов, и покрывались богатыми клетчатыми или пестрыми муслинами. Чтобы тонкая шерсть или что-либо другое, чем они набивались, не сбивалось в кучу, матрасы прошивали насквозь, как сейчас, и тщательно набивали, чтобы нитки не пробивались сквозь тик.^[414]

Среди восточных народов в настоящее время принято спать в дневной одежде, но уже в героические века в Греции было принято раздеваться, ложась в постель. Когда Агамемнон перед рассветом пробуждается от иллюзорного сна, описывается весь процесс утреннего туалета. Сначала, говорит поэт, он надел свой мягкий хитон, который был новым и очень красивым, затем пелиссе, после чего надел изящные сандалии и повесил на плечо меч с серебряным эфесом. В таком облачении он вышел вперед, со скипетром в руке, навстречу кораблям.^[415]

В Сирии говорят, что детей, получивших роскошное образование, качали в колыбели, завернув в покрывала из милетской шерсти.^[416] Милетские овцы были, по сути, мериносами древности; их шерсть славилась своей тонкостью и мягкостью, ее использовали не только для изготовления лучших тканей, но и для набивки матрасов царей и других великих особ, которые много думали о своем удобстве. И поскольку вульгарные люди воображают, что становятся великими, облачаясь в одежду, подобную одежде их принцев, подобно честному человеку, ищущему мудрости в чтении у лампы Эпиктета, милетские набивки, кушетки и покрывала вошли в моду у древних. Вергилий, Цицерон, Сервий, Колумелла и многие другие писатели говорят об их превосходстве, и их свидетельства с удивительной тщательностью собрал ученый Бохарт.^[417]

Но хотя Милетос имел репутацию производителя такого рода изделий, он отнюдь не пользовался монополией. Алые покровы Сардиса и пестрые ткани Кипра, производимые знаменитым ткачом Акесасом и его сыном Геликоном,^[418] во многих случаях, похоже, получили предпочтение перед всеми остальными. В этом же ряду отличился и египтянин Патимий.^[419]

Все эти покрывала обычно ароматизировались благовонными эссенциями,^[420] по этой причине сладострастные поэты древности с упоением рассказывают о том, как приятно валяться в постели. Эфиппос восклицает:...

"Как мне приятно

Пружинить на изысканных покрывалах;

Дыша благоуханием розы и омываясь

в слезах мирры!"

Аристофан, а также Софрон, mimoграф, упоминают об этих благоухающих покрывалах, которые были очень дорогими и, по словам последнего, украшены фигурками птиц.^[421] В другом месте Афиней рассказывает, что персидские ковры содержали изображения людей, животных и чудовищ.^[422] Их покрывала, как и наши, были чисто белыми; но даже в героические века верхние покрыты, частично предназначенные для демонстрации, были богатых и разнообразных цветов.^[423]

Кажется, есть все основания полагать, что если греки и не заимствовали свою философию с Востока, то, по крайней мере, переняли от них многие из тщеславных и роскошных привычек, которые в конце концов сделали эту философию бесполезной. Никто, кажется, не посетил ни Персию, ни Сирию, ни Египет, не привезя с собой какую-нибудь новую язвенную причуду в одежде или мебели, полностью расходящуюся с республиканской простотой. Мы могли бы привести множество анекдотов в доказательство этого. Пока же мы ограничимся следующим. Среди персов, во все века славившихся чувственными потворствами, считалось настолько важным наслаждаться мягкими и изящно устроенными постелями, что в больших домах нанимали людей, которые занимались только этим. Анекдот, иллюстрирующий это, сохранился у Афиня. Тимагор, или, по словам Фания, Энтимос из Гортины, завидуя приему Фемистокла при персидском дворе, предпринял экспедицию в эту страну для поедания жаб. Артаксеркс, чей слух мог терпеть больше льстецов, чем одного, принял критянина и подарил ему великолепный шатер, кровать на серебряных ножках и

дорогую мебель, а вместе с ними послал раба, как турецкий паша послал бы повара или трубокура, потому что, по его мнению, греки, приготовившие спальные места для стольких персов при Марафоне и Платее, ничего не смыслили в постельном деле.

Энтимос явно превосходил великого афинянина в искусстве придворного. По сути, он был прототипом Хаджи-Бабы и пользовался еще большим влиянием на шаха, чем прославленный сын цирюльника из Испахана. Очарованный его хитростью, Артаксеркс пригласил его к своему личному столу, куда обычно не допускались только принцы крови,^[424] честь, которой, как уверяет нас Фаний, не пользовался ни один грек. Ибо, хотя Тимагор из Афин исполнил перед тронem "ку-ту",^[425] чем добился большого уважения среди народа рабов, и был повешен, когда вернулся домой, его не пригласили пообщаться с его величеством, а лишь удостоили того, что ему прислали некоторые блюда с царского стола. Спартанцу Анталкиду Артаксеркс прислал корону, смоченную в жидких духах, - приятный комплимент, который он не раз делал Энтимосу, чья необычайная благосклонность при дворе со временем, однако, пробудила зависть персов. Полог шатра, подаренного критянину, был усыпан яркими цветами, а среди других предметов, из которых состоял императорский подарок, были трон из массивного серебра, позолоченный зонт, несколько золотых кубков, усыпанных драгоценными камнями, сто кленовых столов с ножками из слоновой кости, сто кубков из серебра, несколько ваз из того же драгоценного металла, сто женщин-рабынь, столько же юношей, шесть тысяч золотых, кроме того, что было предоставлено ему на повседневные расходы.^[426]

Один джентльмен, путешествующий по Ирландии, стал свидетелем изобретательности этого остроумного народа в применении одной и той же вещи для различных целей: сначала он увидел, как скатерть, на которой он хорошо поужинал, была положена в качестве простыни на его кровать, а на следующее утро его добрая хозяйка, предлагая свои услуги, чтобы привести его в порядок, превратила тот же предмет в мантию, которую накинула себе на плечи. Греки были почти столь же изобретательны. У них то, что днем было плащом, ночью становилось иногда покрывалом,^[427] в дополнение, возможно, к обычному постельному белью; Ибо ясно, что они любили тепло, из несколько укоризненного намека Стрепсиада в "Облаках" на пять *сизиров*,^[428] уютно свернувшись в которых, его сын, Фидиппид, мог спать, пока мысли о его долгах кусали старика, как множество жуков, и будили его за несколько часов до дня, чтобы проконсультироваться со своими бухгалтерскими книгами. Во времена Платона все виды строматов делились на два класса: во-первых, покрывала для тела, такие как плащи, мантии и т. д.; во-вторых, постельное белье, как его правильно называть.

Стены их покоев часто завешивали милезийскими гобеленами, на что Амфис ссылается в своем "Одиссее":

А. Милезийские висюльки украшают твои стены, ты благоухаешь

Твои конечности сладчайшими духами, царский миндаль^[429]

Накапливаясь на горячей кадьнице, наполняет воздух

дорогим ароматом.

В. Запомни это, друг мой!

Знал ли ты раньше о таком окурировании?^[430]

У древних упоминается также пурпурный гобелен, инкрустированный жемчугом и золотом.^[431]

Карфаген славился производством ковров и разноцветных подушек,^[432] предмет роскоши, который, как мы видели выше, был введен уже в героические века; Гомер в бесчисленных отрывках говорит о редких и дорогих коврах, которые расстилались не только на диванах и сиденьях, но и на полу.^[433] Свернутые, они иногда, кажется, служили для подушек. Кроме того, производство ковров было доведено до значительного совершенства, так как поэт говорит о некоторых из них с мягким ворсом с обеих сторон, которые, очевидно, были очень великолепны.^[434] Феокрит,^[435] тоже, в своем *Adoniazusæ*, перечисляет, среди предметов роскоши юного бога,

Ковры пурпурные, *мягче сна*,^[436]

Ткали на милезийских ткацких станках.

Но ни в чем греки не проявляли более роскошного или дорогого вкуса, чем в том, что можно назвать их *тарелками*, которые не только изготавливались из самых редких материалов, но и украшались со всей тщательностью, изысканностью и богатством рисунка в пределах досягаемости искусства. Среди македонцев, после их восточных завоеваний, золотые тарелки, похоже, не были редкостью; на грандиозном ужине, описанном Ипполохом в его письме к Линкею, каждый гость, как говорят, использовал их.^[437] Пристрастие к подобному великолепию они приобрели в Азии, где на банкете, данном Александру, весь десерт был принесен со вкусом покрытый золотыми листами.^[438] В правление его отца, Филиппа, драгоценные металлы были редкостью в Македонии. В самом деле, этот старый хитрый монарх, обладавший лишь одним золотым кубком в мире, был настолько хорошего мнения о своих придворных, что, чтобы они не украли его, он каждую ночь спал с ним под подушкой.^[439] В Аттике золото было более ранним, обильным. Алкивиад, со вкусами и привычками, не свойственными демократии, дошел в своей любви к показухе до того, что использовал турбийоны, или кадилъницы, и умывальники из чистого золота.^[440] Но показной сын Клиния, хотя и экстравагантный, был в этом отношении лишь образцом своего народа. Каждый богатый афинский гражданин стремился к той же степени великолепия; описывая свой дом или любимую виллу, он мог бы, с небольшими изменениями, взять на вооружение язык поэта: - "Мой дом в городе".

--"Мой дом в городе

богато обставлен тарелками и золотом,

Тазами и лоханями, чтобы омыwać ее изящные руки:

Все мои вещи из тирийского гобелена.

В сундуки из слоновой кости я сложил свои короны;

В кипарисовых сундуках мои arrasы, контрпанели,

Дорогая одежда, шатры и навесы,

Тонкий лен, турецкие подушки, украшенные жемчугом,

Валанс из Венеции, золото в рукоделии,

Олово и латунь, и все, что относится

К дому и хозяйству".

Сократ в "Республике", говоря о том, что по господствующей моде нужно было иметь в городе, составляет список хороших вещей, в целом не сильно уступающий шекспировскому: кровати, столы и другая мебель; всевозможные лакомства; духи, благовония, соусы и т. д.; к этому философ добавляет одежду, обувь, картины, гобелены, слоновую кость и золото:^[441] и эти редкие материалы, как он далее замечает, были превращены в утварь для домашних нужд.

Одним из наиболее богато обставленных отделов греческого дома был *Куликеон*, или "буфет", обычно закрытый спереди занавеской,^[442] где хранились кубки, чаши и рожки для питья, под защитой статуи Гермеса, который, как бог воров, должен был, как предполагалось, пользоваться уважением у своих детей. Форма и качество изготовления этих предметов, несомненно, варьировались в зависимости от вкуса и средств владельца, но в целом отличались изяществом очертаний, грацией и оригинальностью скульптуры, тонкостью, деликатностью и мельчайшей отделкой исполнения. Хорошо известно, как заметил один знающий антиквар^[443], до каких пределов доходила роскошь стола у древних, и насколько они превосходили нас в размерах, массивности, мастерстве, качестве и разнообразии своих питейных приборов.

Однако многие люди, похоже, ценили свои тарелки в первую очередь как знак своего богатства и великолепия; к ним можно отнести Пифия из Фигалеи, который, умирая, приказал начертать на своей могиле следующую эпитафию:...

Здесь лежит веселый Пифий,

честный и мудрый человек,

У которого был большой запас кубков,

Янтарь, серебро, золото,

Все это было великолепно,

В количестве, не превзойденном прежде.^[444]

Янтарные кубки, как я полагаю, не в моде у современных народов Европы, могут вызвать некоторые сомнения в правдивости рассказа нашего друга из Фигалеи; но у древних были и другие легенды о кубках, которые можно привести в подтверждение этого. Елена,^[445] говорят, справедливо гордясь своей прекрасной грудью, посвятила в одном из храмов Родоса в качестве подношения янтарный кубок, точно такой же по размеру и форме, как одна из ее грудей, который, если бы он дошел до потомков, мог бы послужить для художников идеальной моделью этой части женской фигуры. Как бы то ни было, древние в отдаленные века придавали большое значение своим кубкам, особенно тем, которые считались семейной реликвией и ставились отдельно, чтобы использоваться только в исключительных случаях. Так, в древнем циклическом поэте *Oedipos* разгневался на своего сына, который, вопреки его воле, принес старые наследственные кубки, чтобы использовать их во время обычного развлечения.

Затем Полиней с золотыми локонами,

Восставший от богов, перед отцом поставил

Стол серебряный, который когда-то

Кадмуса, и наполнил золотую чашу

богатеишим вином. На это старыи Œdipos,
видя, что почтенные реликвии его отца
Профанация вульгарного использования, разгневался,
произносил яростные проклятия, желая, чтобы его сыновья
Чтоб не жили больше в дружбе вместе,
но погрузиться в междоусобицы и резню, и спорить
За их наследство: и фурии услышали.^[446]

Агатокл, тиран Сицилии, похоже, был любителем кубков и иногда, демонстрируя свою коллекцию друзьям, с юмором намекал на свое первоначальное занятие. "Эти золотые сосуды, - говорил он, - были сделаны из тех фаянсовых, которые я раньше изготавливал". Питьевые чаши на самом деле занимали немалое место в древности. Они вручались в качестве призов на гимнастических состязаниях, а в Греции мужчины занимались боксом и борьбой за кубок, как в Англии за него бегают лошади. Паразиты, как и шут Людовика XIV, иногда уносили домой кубки и блюда, поставленные перед ними за ужином; но столы часто переворачивались, когда подданный дарил, а принц прикарманивал куш.

До нас дошла любопытная легенда, связанная с темой кубков. В далекие времена несколько князей, объединившихся для отправки колонии на Лесбос, получили от оракула повеление бросить во время плавания в море девственницу в жертву Посейдону. В те суеверные века редко отказывались повиноваться подобным предписаниям. Деву бросили в волны, но Эналлос, один из вождей, в котором любовь угасила благоговение перед оракулами, тут же нырнул, чтобы спасти ее. Однако ни вождь, ни дева больше не появились, и флот продолжил путь. Оставшуюся часть традиции можно проиллюстрировать событием, произошедшим, как говорят, на островах Тонга.^[448] Они, вероятно, находились возле какого-то необитаемого островка и, вместо того чтобы подняться на поверхность моря, попали в пещеру, значительно возвышающуюся над его уровнем и выходящую, возможно, на сушу. "Бог подгоняет ветер к рогатому ягненку", - говорит один современный писатель, и Эналлос нашел его именно таким. Неразгаданными в древнем повествовании способами герой и его невеста продолжали жить на скале, и много лет спустя, когда колония уже процветала, он однажды предстал перед своими старыми друзьями в Метимне и развлекал их весьма романтическим рассказом о своем пребывании среди nereид на дне моря, где он был удостоен чести присматривать за лошадьми Посейдона, когда его посылали пастись. Однако в конце концов, оказавшись на спине большой волны, она вынесла его наверх, и он выбрался из глубины, неся в руке золотую чашу, металл которой был так дивно прекрасен, что по сравнению с ним обычное золото казалось не лучше латуни.^[449]

Даже самый возвышенный и наименее мирской из гомеровских героев, Ахилл, придавал большое значение любимой чаше для питья, которую он хранил для своего особого пользования и для возлияний только Зевсу. Приам^[450] позаботился о том, чтобы включить редкий кубок в выкуп за тело Гектора, и такой же подарок помог ему совратить Алкмену с пути добродетели.^[451] Но самой знаменитой чашей древности была чаша Геракла, которая, более вместительная, чем тазик цирюльника в "Дон Кихоте", служила своему прославленному владельцу в двойном качестве - чаши для питья и каноэ; ведь утолив жажду, он мог поставить свою чашу на плаву и, прыгнув в нее, направиться в любую часть света, куда ему заблагорассудится. Некоторые, правда, говорят о ней как о заимствованном предмете,

принадлежавшем первоначально Солнцу, на котором бог по ночам пересекал океан с запада на восток.^[452]

Перейдем, однако, к кувшинам из мифологии. Было модно иметь такие тарелки, изящно украшенные историческими аргументами; история сохранила имена Кимона и Афинокла, двух художников, которые преуспели в этом стиле гравировки. Эти кубки были иногда из позолоченного серебра, иногда из массивного золота, покрытого драгоценными камнями.^[453] Кроме двух вышеупомянутых художников, мы можем перечислить Кратеса, Стратоника, Мирмекида Милетского, Калликрата Лакедемонского и Миса, чей "Кубок Геракла", прославленный в античности, изображал штурм Илиона с такой надписью,

Высокие башни Трои греки разграбили, смотрите!

Тяга Паррасия, выгравированная Мисом на золоте.^[454]

Названия, которыми древние обозначали несколько видов кубков, слишком многочисленны, чтобы их можно было здесь привести. Некоторые из них были курьезными - "Рог Амальтеи", "Год" и т. д. Рустики пользовались деревянными чашами с двумя ручками, в которые, испытывая жажду, наливали свежее молоко от коровы в поле.^[455] Существовал большой кубок с узким горлышком, который по форме напоминал кошелек, участвовавший в этом очень необходимом предмете в имени Арибаллос.^[456]

В Александрии в большом изобилии изготавливались стеклянные кубки особой красоты. Среди них был *Baucalis*, о котором упоминает пародист Сопатер, говоря:...

"Как сладко ранним утром охладить губы

Чистой свежей водой из бьющего фонтана,

смешанной с медом в баукалесе,

Когда ночью слишком вольно пил вино,

И чувствует острую жажду.^[457]

Александрийские стекольщики закупают глиняные сосуды во всех частях света, которые они использовали в качестве моделей для своих кубков. Даже великий скульптор Лисипп не гнушался использовать свой гений для изобретения нового вида ваз. Собрав коллекцию сосудов самых разных форм и прилежно изучив их, он остановился на совершенно новой форме и представил модель Кассандру, который как раз в то время основал город Кассандрию и был полон желания заиметь подобное изобретение. Возможно, он хотел порекомендовать изяществом своих чаш для питья менейское вино, которое в огромных количествах экспортировалось из его города.^[458]

Существовал особый вид чаши, называвшийся *Grammateion*, из-за золотых букв, выбитых на ее внешней стороне.^[459] Алексей упоминает об одной из таких чаш в следующих строках:

А. Но позвольте мне сначала описать чашу; она была круглая,

Старый, с обтрепанными ушами и к тому же очень маленький,

На которой, правда, есть несколько букв.

В. Да, буквы;

Одиннадцать, и все из золота, составляющие имя

Спасителя Зевса.

А. Тишь! Нет, какой-то другой бог.^[460]

Очень красивый кубок был привезен из Сидона. Она имела две ручки и была украшена маленькими рельефными фигурками. Вазы для питья также изготавливались из больших рогов молосских и пионских быков; эти изделия обычно оправлялись серебром или золотом.^[461] Небольшие кубки были малоизвестны. Была даже одна разновидность чаши, которая за свою огромную вместимость получила название "слон".

А. Если этого недостаточно, посмотрите, как мальчик идет

Несет слона!

В. Бессмертные боги!

Что это за штука?

А. Кубок с двумя фонтанами,

работы Алькона; в нем

Всего три галлона.^[462]

Очень знаменитым кубком среди афинян был териклинский,^[463] первоначально изобретенный Териклом, коринфским гончаром, современником Аристофана. Эта посуда была черной, сильно лакированной, с позолоченными краями;^[464] , но впоследствии это название стало применяться к любому сосуду той же формы, из каких бы материалов он ни был изготовлен. Были, соответственно, и териклеи из золота с деревянными подставками. Чаши такого рода, изготовленные в Афинах, были очень дорогими, поэтому на Родосе производился более низкий сорт в подражание им, который, будучи гораздо более экономичным, имел большое распространение среди более скромных классов. Фериклея представляла собой разновидность глубокого кубка с двумя ручками, немного расширяющегося по бокам. Теофраст^[465] говорит о териклеях, сделанных из сирийского терпентинового дерева, древесина которого была черной и прекрасно полировалась, что с первого взгляда невозможно было отличить их от фаянсовых. Роспись на этой посуде, судя по всему, была разнообразной. Иногда их окружал один венок из плюща сразу под золотым ободком; но иногда, кажется, они были покрыты изображениями животных, что дало повод для вынужденной и ложной этимологии названия.^[466]

Мы уже отмечали, что использование рогов для питья^[467] не было неизвестно древним. В самом деле, в очень отдаленные века, похоже, было принято превращать бычьи рога в кубки без особых приготовлений; и практика питья вина из этого грубого вида кубков, как полагают некоторые, натолкнула художников на мысль изобразить Вакха с рогами, а поэтов - на эпитет "Бык-Дионис". Более того, в Кизикосе ему поклонялись в виде быка. Впоследствии, по мере развития вкуса и роскоши, эти простые сосуды были заменены на серебряные рога, которые Пиндар приписывает кентаврам.^[468] Ксенофонт^[469] обнаружил рога для питья у пафлагонцев, а затем даже во дворце фракийского царя Сеутеса. Эсхил говорит о серебряных рогах с золотыми крышками, которые использовались среди перребийцев, а Софокл в своей "Пандоре" упоминает о рогах для питья из массивного золота. Филипп Македонский привык среди своих друзей пить из общего рога. Золотые рога были найдены у жителей Китеры. Серебряные рога были в употреблении в Афинах, а среди предметов, проданных на публичном аукционе, упоминается один из этих сосудов витой формы.

Зеркала - еще один предмет эллинской роскоши. Иногда они были из латуни,^[470] откуда и поговорка:

Как формы в меди, так умы в вине отражаются.^[471]

Однако лучшие из них, пока не вошли в обиход стеклянные, были сделаны из серебра или смешанного металла, точный состав которого сейчас неизвестен. Другой вид был изготовлен из разновидности карбункула, найденного около города Орхоменос,^[472] в Аркадии.

Стеклянные зеркала^[473] также рано вошли в обиход, и вначале их изготавливали главным образом финикийцы из Сидона. Ручные зеркала обычно были круглыми,^[474] и помещались в дорогие рамы. Чтобы предотвратить их быстрое потускнение, они, когда не использовались, тщательно закрывались в футляры.^[475]

Были и зеркала из полированного серебра, сделанные таким образом, чтобы сильно увеличивать отражаемые ими предметы.^[476] Они изобрели также большие кубки, содержащие внутри множество уменьшенных зеркал, так что, когда кто-либо смотрелся в них, его взору представало множество лиц, похожих на его собственное.^[477] В храме Геры в Аркадии в стене было закреплено зеркало, в котором зритель поначалу едва мог различить свое собственное изображение, а трон богини и статуи других божеств, расположенные вокруг, отражались наиболее ярко.^[478] Многие виды зеркал, похоже, были сделаны для того, чтобы разыгрывать розыгрыши. Например, глядя в одно из них, красивая женщина могла обнаружить, что ее облик превратился в облик Горгоны, чтобы показаться ужасной даже самой себе. Другие же были настолько льстивы, что полуголодный цирюльник, рассматривая в них свою фигуру, казался одаренным мускулами Геракла. Другие искажали лик, перевертывали его или показывали только половину.

Религия была кормилицей изящных искусств и дала начало не только скульптуре и живописи, но и тем частным коллекциям статуй и картин^[479], в которых мы обнаруживаем зародыши наших современных галерей^[480] и музеев. Первый шаг к ним был сделан, когда грек установил на очаге изображения своих домашних богов. Далее, шаг за шагом, он улучшал внешний вид, обогащал материалы, увеличивал число своих домашних божеств, которыми заполнялись ниша за нишей, пока его частное жилище не превратилось в своего рода храм. Религиозное чувство, несомненно, во многих случаях уступало место страсти к зрелищам или зарождающемуся вкусу к прекрасному; так что грубые фигуры из терракоты, дерева или камня постепенно сменялись изысканными статуями из слоновой кости, золота или серебра,^[481] или прекраснейшего мрамора, дышащими красотой и жизнью, с глазами из драгоценных камней и облаченными в величие, как в одеяние. Отсюда проистекала страсть к миметическим изображениям и всем пластическим искусствам. Боги были перенесены из камина в храм, на агору, в здание сената, на бесчисленные портики, которыми изобиловала Греция.^[482]

На их великолепных канделябрах,^[483] и т.д., можно было бы собрать материал для любопытного тома. Лампы, бывшие в обиходе,^[484] хотя иногда и очень красивой формы, были, конечно, фитильными,^[485] такими, какие мы находим в большом количестве среди развалин греческих городов, как в родной стране, так и в их египетских и других колониях. Иногда, однако, они были из бронзы, серебра или массивного золота. Очень красивый образец из этого последнего металла был найден лордом Белмором среди развалин египетского храма за некоторое время до моего визита на Нил. Во многих домах были великолепные люстры, подвешенные к потолку, с многочисленными ответвлениями, которые наполняли квартиры^[486] потоком света. Самым замечательным изделием такого рода, которое я помню, была люстра, установленная Дионисием Младшим в Тарентуме в качестве votivного

подношения Гестии в Пританеионе, которая вмещала столько ламп, сколько дней в году.^[487] Среди людей скромного состояния в ходу были деревянные люстры, или подсвечники.^[488] В более отдаленные века вместо ламп жгли щепки сосновых веток, кору различных деревьев и т. д., вместо ламп. Они были знакомы с использованием роговых и плетеных фонарей.^[489]

Нельзя обойти вниманием и другой вид украшения греческих домов - их доспехи и орудия войны,^[490] которыми поэт Алкеос^[491] любил украшать свои покои, хотя, подобно Парису, мало заботился о том, чтобы использовать их как-то иначе. "Мой просторный особняк, - восклицает он, - весь блестит медным оружием. Даже вдоль потолка тянутся украшения Ареса - сверкающие шлемы, увенчанные белыми кивками; на стенах висят поножи из полированной латуни, с кирасами из льна, а тут и там по моим апартаментам разбросаны полые щиты. В других местах вы видите халкисские секиры, балдрики и короткие жилеты, которые мы носим под доспехами". Кроме перечисленных поэтом предметов, здесь были футляры для щитов, ножны для копий, колчаны, дивно украшенные, стрелы с перьями и луки из полированного рога, оправленные с обоих концов золотом.

От этих великолепных и дорогостоящих предметов читатель, мы боимся, не захочет сопровождать нас на кухню, где нам придется пробираться среди корыт, горшков и сковородок, дельфийских столовых приборов^[493] и кувшинов с медом.^[494] Но поскольку без них воины, как признает сам Гомер, могли мало использовать свое оружие, нам совершенно необходимо поинтересоваться их удобствами для приготовления пищи. Для начала, однако, мы должны позволить^[495] Клеархосу из Соли перечислить несколько предметов, найденных среди мебели этой важной части дома. Во-первых, говорит он, здесь был трехногий стол, затем читра, или глиняный горшок, который, как и во Франции, всегда предпочитали использовать для приготовления супа. Однако он был не из грубой коричневой посуды, как у нас; Сократ в разговоре с Гиппиасом о Прекрасном замечает, что, будучи правильно сделанным, круглым, гладким и хорошо пропеченным, хитра была очень красива, особенно большой, вмещавший до семи галлонов. Она имела две ручки и была, очевидно, глазурованной.^[496] Помешивая китру во время варки, аттический повар выбирал ковш, сделанный из древесины фигового дерева, который, как говорят, придавал супу приятный аромат и, по мнению Сократа, был предпочтительнее золотого, который, будучи очень тяжелым, мог случайно треснуть, пролить бульон и потушить огонь.^[497]

На кухне использовался своего рода канделябр, или светильник, который Клеарх просто называет. Затем следовали ступка, табурет, губка, котел, корыто для замешивания, кружка, фляга для масла, корзина для камыша, большой нож, тесак,^[498] деревянное блюдо, миска и булавка для замазки.^[499] Поллукс, который, несомненно, был учеником повара Марка Аврелия, приводит внушительный список кулинарных принадлежностей, из которого мы должны выбрать наиболее примечательные. Сначала, однако, мы покажем, насколько важен был кусок губки для афинского повара. Она часто спасала ему обед; если какая-нибудь из его кастрюль, котелков или чайников страдала от объятий Гефесты, то есть в них прогорала дыра, в отверстие втягивали кусочек губки, и дальше все шло как по маслу.^[500] В некоторых домах кулинарная утварь считалась неприятностью, присутствие которой нельзя было постоянно терпеть, и, соответственно, когда хозяин хотел угостить своих друзей, рано утром посылали повара нанимать кастрюли и котелки у маклера. Об этом обычае упоминает Алексис в своем "Изгнании":

Как плодовит на новые уловки Херефон,

Чтоб беззастенчиво жить и везде находить приют!

Шпионит он у дверей маклера с горшками наперевес?

Там с ранней зари он занимает свой пост,
Чтобы увидеть, чей повар прибыл; от него он узнает.

Кто устраивает пир, - летит в дом,

выжидает время и, когда зевающая дверь

распахивается для гостей, проскальзывает в дом одним из первых.^[501]

Но мы не должны обойти вниманием Пирейон или Трипанон,^[502] неуклюжее приспособление, служившее нам вместо люциферов, фосфора и зольников. Это был полый кусок дерева, в котором быстро поворачивали другой кусок, пока не вылетали искры огня.^[503] Солдаты носили эти огнива с собой как необходимую часть своего снаряжения.

Обычное топливо греков состояло в основном из дерева и древесного угля,^[504] (хранившихся в камышовых или плетеных корзинах), хотя использование минерального угля было им неизвестно.^[505] В Аттике, где дров всегда не хватало, они экономно использовали виноградные черенки,^[506] и даже зеленые ветви фигового дерева с листьями.^[507] Древесный уголь ахарнцев, вероятно, лучший в стране, иногда готовили из алого дуба.^[508] Чтобы древесина, используемая в салунах, залах и гостиных, не дымила, ее часто варили^[509] в воде или размачивали в капле масла. Использование мехов^[510] было известно в Элладе с глубокой древности. У них также была разновидность осиновой заслонки с ручкой и формой веера, которая иногда заменяла пару мехов.

Существовали разделочные доски^[511] как из дерева, так и из камня, ступки,^[512] рыбные котлы, сковороды и вертелы всех размеров,^[513] некоторые из них были настолько миниатюрны, что на них можно было жарить дроздов и других мелких птиц. В героические века их концы опирались на каменные варочные панели, но затем были изобретены андироны, вероятно, причудливой формы, как в современной Франции. Иногда они, по-видимому, изготавливались из свинца. К ним можно добавить печи, жаровни для бобов и ячменя, сита из бронзы и других материалов, виночерпалки в виде дуршлагов, ящик для глиняной посуды и посуду для натирания.^[514]

375. Все это изобилие носильных вещей укладывалось в сундуки и плетеные *кошельки*. Первые назывались κίβωτοί, вторые - κίσται.-Casaub. ad Theoph. Char. p. 233. Clem. Alexand. Pæd. iii. Hesych. v. v. κίβωτὸς-κίστη. Упоминаются также прессы. Мазуа, Pal. de Scaur. p. 120.

376. Ксеноф. Œconom. ix. 6, sqq. Аристотель. Œconom. i. 6.

377. Cicero ap. Columell. De Re Rust. xii. 3.

378. У Одиссея был подобный склад в его дворце на Итаке - Odys. χ. 442, 459, 466.

379. Xen. Œconom. ix. 10. 57.

380. Однако то, что сикофанты иногда доставляли беспокойство, несомненно; то есть в более поздние века. Говоря о временах своей юности, Исократ говорит: -Οὐδεὶς οὐτ' ἀπεκρύπτετο τὴν οὐσίαν οὐτ' ὥκνει συμβάλλειν. κ. т. л.-Areop. § 12. Cp. Bergmann. in loc. p. 362. Но их

преследования, должно быть, всегда ограничивались очень немногими людьми, поскольку люди, как правило, продолжали демонстрировать все, чем владели, вплоть до окончательного свержения государства.

381. Аристоф. *Acharn.* 398.- Митчелл. Ученый редактор не замечает, как мало этот обычай согласуется с теми страхами, которые, по его мнению, испытывали богатые люди в Афинах.

382. О притягательной силе этого вещества см. *Plat. Tim.* t. vii. p. 118.

383. *Athen.* v. 45. *Lys. Frag.* 46. *Orat. Att.* t. ii. p. 647.

384. *Deipnosoph.* xi. 78.

385. α. 111. 138.

386. Этого же мнения придерживается Поттер, ii. 376, 377; и Дамм. в v. τράπεζα, col. 1822.

387. *Odyss.* τ. 259. *Pind. Olymp.* i. 26.

388. κ. 354, seq. 361, seq. В письмах, приписываемых Платону, мы находим упоминание о серебряных столах. t. viii. p. 397. Иногда также из латуни. *Athen.* ix. 75.

389. *Plin. Nat. Hist.* xvi. 27.

390. *Athen.* xi. 27.

391. *Athen.* ii. 31.

392. *Paradise Regained*, iv. 114, seq. где см. любопытное и ученое примечание Митфорда. ii. 350, seq. и ср. *Plin.* v. 1. t. ii. p. 259. *Hard. not.* α. 261. xiii. 29. t. iv. p. 746, sqq. Петроний говорит о "citrea mensa", p. 157. Эрхард. *Symbol. ad Petron.* 709, seq. показывает, что нумидийский мрамор использовался в Риме.

393. *Potter*, ii. 377.

394. В Античите ди Эрколано мы имеем изображение очень красивого вооруженного кресла с прямой спинкой, красиво вывернутыми ножками, толстыми и мягкими подушками, с низкой подставкой для ног, t. i. tav. 29. p. 155. *Athen.* xi. 72.

395. *Pierres Gravées, du Cabinet du Duc d'Orleans*, t. i. No. 46. Ср. № 7, изображающий Зевса в сидячем положении.

396. *Odyss.* η. 162. Ил. σ. 390, 422.

397. *Athen.* xi. 48. i. 60. ii. 29. *Plat. de Rep.* t. vi. p. 468. Ср. Ксеноф. *Memor.* ii. 1, 30.

398. Это ложе называлось δέμνιον; (*Odyss.* η. 336, seq.), когда на него клали мягкие матрасы, оно было πικινὸν λέχος (345); εὐνή - термин, применяемый ко всему, кровати и ложе. Илиада. ω. 644. *Odyss.* δ. 297 и др. *Pind. Nem.* i. 3.

399. *Odyss.* ψ. 189, seq. *Schol. ad Il.* γ. 448.

400. *Plat. de Legg.* t. viii. p. 397.

401. *Athen.* vi. 67. ii. 30.

402. *Schol. Аристоф. Eq.* 530.

403. Лукиан. Luc., sive Asin. § 53. О кроватях из чистого золота говорится в Священном Писании - Эсфирь i. 6. Bochart. Geog. Sac. i. 6. 30.
404. Athen. xii. 9, 55.
405. 34.
406. Ил. β. 697. δ. 383.
407. Athen. xi. 72.
408. Афины. i. 32.
409. Ксен. Mem. ii. 1. 30.
410. Palm. Exercit. in Auct. Græc. p. 191. У древних авторов мы находим упоминание о неких племенах, которые ходили в одежде, покрытой перьями птиц. Senec. Epist. 90.
411. Athen. vi. 37.
412. Афины. ii. 29, sqq.
413. Gitone, Nozze di Ulisse è Penelope, Il Costume, &c. tav. 67.
414. См. матрас, на котором покоится статуя Гермафродита в Лувре.
415. Ил. β. 42, seq.
416. Эсфирь, i. 6. Плач, iv. 5. Бохарт. Geograph. Sac. i. 6. 30.
417. Geog. Sac. i. 6. 28, seq.
418. Eustath. ad Odyss. α. p. 32. 30.
419. Athen. ii. 30.
420. В старые времена вся спальня иногда была надушена духами - Илиада, γ. 382.
421. Афины. ii. 30. Аристоф. Frag. incert. 2. Brunck.
422. Deipnosoph. xi. 55. Casaub. ad Theoph. Char. p. 172.
423. Feith. Antiq. Homer, iii. 8. 4.
424. Почти такие же обычаи преобладают в Персии и в наши дни, за исключением того, что правила этикета, похоже, соблюдаются еще более строго. "У персидских царей принято есть в уединенном великолепии. Однако покойный шах иногда приглашал на завтрак избранных членов своей семьи". По этому случаю "они садились вокруг него на корточки в форме полумесяца, центром которого был он сам, и все располагались строго по рангу" -Fowler, i. 48.
425. Athen. vi. 58. Vales. not. in Maussac. p. 282, где он исправляет старое чтение текста. Ср. Xenoph. Hellen. vii. 1. 38. Plut. Pelop. § 30. Артакс. § 22. Valer. Max. vi. 3. extern. 2. Demosth. de Fals. Leg. § 42, где оратор обвиняет Тимагора в получении взятки в сорок талантов.
426. Athen. ii. 31.
427. Xen. Anab. i. 5. 5.

428. Nub. 10. Cp. Av. 122. Concionat. 838. ibique not. Pollux, vii. 382, seq. x. 542.

429. Cp. Poll. vi. 105.

430. Афины. xv. 42. Cp. Meineke. Curæ Crit. in Com. Frag. p. 7.

431. Mazois, Pal. de Scaur, p. 103. Tibull. iii. 3, 17, seq. Athen. iv. 29.

432. Athen. i. 49.

433. Ил. i. 200.- Сначала преобладали циновки (Фест, в ст. Scirpus.), но по мере роста роскоши на смену им пришли великолепные ковры.-Æschyl. Agam. 842. Трифиод. Ἄλωσις Ἰλίου. 343, seq. Хемстер. Comm. in Poll. viii. 133. p. 287. Cp. Klausen. Comm. in Æschyl. Agam. p. 197, sqq.

434. Ил. п. 224. Poll. vi. 2. Synes. Epist. 61.

435. Eidyll, xv. 125.

436. Прекрасное уподобление, которому подражал Вергилий.

"Muscosi fontes, et somno mollior herba."-Eclog. vii. 45.

Шекспир тоже, не подражая, уловил схожую мысль, когда влюбленный Трои́л описывает себя так: - "Я слабее, чем я".

"Но я слабее женской слезы,

Укротительнее сна, прекраснее неведения".

Troilus & Cressida, i. 1.

437. Athen. iv. 2, sqq. Cp. iii. 100.

438. Афины. iv. 42.

439. Deipnosoph. ut sup.

440. Athen. ix. 75.

441. Plat. De Rep. i. t. vi. p. 86. Cp. Tim. t. vii. p. 77.

442. Athen. xi. 3. Poll. x. 122.

443. Le Comte de Caylus, Mem. de l'Acad. des Inscript, t. xxiii. p. 353.

444. Athen. xi. 14. Среди египтян были вазы из папируса. Bochart. Geog. Sac. i. 240.

445. Bruyerin, De Re Cibaria, l. iii. c. 9. Этот кубок ни в коем случае не мог быть уменьшенным, если Елена походила на своих соотечественниц, которые славились большой грудью: βαθύκολποι.- Анакр. v. 14. Авторитет Бруйерина - Plin. Hist. Nat. xxxii. 23. "Minervæ templum habet Lindos, insula Rhodiorum, in quo Helena sacravit calycem ex electro. Adjicit historia, mammæ suæ mensura". Это, я полагаю, то, что Руссо называет "Cette coupe célèbre à qui le plus beau sein du monde sert de moule."-Nouv. Heloise, 1^{re} partie. Lett. 23. t. i. p. 144, - хотя, признаюсь, я не знаком с авторами, которые его воспевали. Несколько вотивных подношений, изображающих женскую грудь, можно увидеть в Британском музее, среди Элгинских мраморов. Но самая любопытная реликвия древней женской формы упоминается в следующем отрывке: "На улице, прямо за воротами этой виллы, я недавно видел

выкопанный скелет; попросив рабочих аккуратно снять череп и кости, я отчетливо увидел, что все черты лица были идеально вылеплены, а глаза закрыты. Я также отчетливо видел отпечатки крупных складок драпировки тоги и некоторые части самой ткани, прилипшие к земле. На город сначала обрушился ливень из раскаленных пемзы и пепла, а затем - ливень из мелкого пепла, смешанного с водой. Именно в последнем слое и был найден описанный выше скелет. В музее в Портичи сохранился кусок подобной затвердевшей грязи; на нем оттиснут отпечаток женской груди с тонкой драпировкой поверх нее. Скелет, который я видел выкопанным, находился не выше пяти футов от поверхности. Очень необычно, что отпечаток тела и лица должен был сохраниться с 79 года до наших дней, тем более что я нашел землю настолько мало затвердевшей, что она распадалась при малейшем прикосновении" - Sir W. Hamilton, Acc. of Discov. at Pompeii, p. 15.

446. Athen. xi. 14.

447. Athen. xi. 15. Полиб. xii. 15. 6. xv. 35. 2.

448. См. "Счет Аринера", гл. 9.

449. Athen. xi. 15.

450. Илиада. ω. 234.

451. Афины. xi. 16.

452. Bentley, Dissert. on Phal. i. 175, sqq.

453. Плин. xxxiii. 2. Ювен. v. 42. Athen. iv. 29.

454. Athen. xi. 19.

455. Athen. xi. 25, говорит об этом от Филетаса: но Кайзер в своем издании фрагментов этого автора, кажется, упустил этот отрывок из виду.

456. Афины. xi. 36. О Кантаросе см. § 48.

457. Афины. xi. 28.

458. Афины. xi. 28.

459. У Винкельмана, Hist. de l'Art t. i. p. 23, мы находим изображение стеклянного граммофона, на котором написаны слова: Bibe Vivas Multis Annis. См. подробное описание этой вазы у маркиза Тривульси, с. 46.

460. Athen. xi. 30.

461. Theopomp. ap. Athen. xi. 34. 51.

462. Athen. xi. 35.

463. Ср. Bentley on the Epist. of Phalaris i. 169-189.

464. Алексей, ap. Athen. xi. 42.

465. Hist. Plant. v. 4. 2. cum not. Schnei. t. iii. p. 426.

466. Athen. xi. 41. ἄλλοι δὲ ἰστοροῦσι, θηρίκλειον ὀνομασθῆναι τὸ ποτήριον διὰ τὸ δορὰς θηρίων αὐτῷ ἐντετυπῶσθαι.

467. Bœckh. Pub. Econ. of Athens, ii. 254.

468. Pind. Frag. Incert. 44. i. 244. Dissen. Comm. ii. 659. Иаков. Anthol. vii. 336. Athen. xi. 51. Cp. Damm. v. κέρας.

469. Anab. vi. 1. 4. vii. 3. 24 и др.

470. Xen. Conv. vii. 4. Иногда они были квадратными и омывались серебром. Caylus, Rec. d'Antiq. t. vi. p. 398. Cp. Coel. Rhodig. xv. 12, 13. Plat. Tim. t. vii. 52, seq. 61. Лукиан. Amor. § 39. Тер. Adelph. ii. 3. 61. Цицерон в Pison. с. 29. Poll. vii. 95. x. 126, 164.

471. Афины. x. 31.

472. Theoph. de Lapid. §. 33.

473. Следует заметить, что до применения зыбучего серебра в конструкции этих стекол (что, как я полагаю, не является большой древностью) отражение изображений такими стеклами должно было происходить за счет того, что они были замазаны сзади или окрашены в какой-то темный цвет, особенно черный, который препятствовал преломлению лучей света. Никсон в Philosoph. Trans, t. iv. p. 602. Cp. Плин. xxxvi. 26. § 67.

474. Sch. Aristoph. Nub. 742.

475. Sch. Аристоф. Nub. 741.

476. Plaut. in Mostell. i. 3. 101.

477. Plin. xxxiii. 45. Сенека. Quæst. Nat. i. 4.

478. Paus. viii. 37. 7.

479. Plat. de Rep. t. vi. p. 86. Plin. Hist. Nat. vii. 39. xxxv. 36. xxxiii. 56.

480. Athen. xi. 3. Menage, Observat. in Diog. Laert. vi. 32. p. 138. a. b.

481. Poll. i. 28.

482. Plat. de Rep. t. vi. p. 86.

483. Изящный канделябр, украшенный фигурой извивающейся змеи и полетом птиц, отдыхающих то тут, то там на ветвях, находится в Mus. Cortonens. tab. 80.- Иногда они были из позолоченного дерева.-Winkelmann, i. 34.

484. Poll. ii. 72. vi. 103. x. 115. Соф. Ajax. 285, sqq.

485. Poll. x. 192.- О медном ковше (ἀρύταινα) для наполнения ламп маслом см. Aristoph. Eq. 1087.

486. Athen. xi. 48.

487. Id. xv. 60.

488. Id. xv. 61.

489. Id. xv. 59.

490. Обычай, также в Лидии. Ирод. i. 34.

491. Alcæi Frag. vi. p. 95. Anacr. ed. Glasg.

492. Κύπασσις, точное описание которого дает нам Поллукс: ὁ δὲ κύπασσις, λίνου πεποίητο, σμικρὸς χιτωνίσκος, ἄχρι μέσου μηροῦ, ὡς Ἴων φησὶ, βραχὺς λίνου κύπασσις, ἐς μηρὸν μέσον ἑσταλμένος. (vii. 60) То есть "купассис - это небольшой льняной хитон, достигающий до середины бедра, согласно Иону, который говорит: "короткий льняной купассис, спускающийся до середины бедра"".

493. Hesych. v. Δελφικὴ μάχαιρα.

494. Athen. xi. 50, ὀξίνη, уксусный крюшон.- Sch. Aristoph. Eq. 1301. ὕρχη, кувшин для соленых огурцов.- Vesp. 676.

495. Athen. xiv. 60.

496. Plat. Hipp. Maj. t. v. p. 425, sqq.

497. Plat. Opp. t. v. p. 429. seq. Schol. Аристоф. Acharn. 244.

498. См. рисунок, вероятно, этого инструмента в Mus. Chiaramont. tav. 21.

499. Athen. xiv. 60. Poll. x. 95, sqq.- Мы находим также упоминание о сыре-распеве - Schol. Aristoph. Pac. 251.

500. Аристоф. Acharn. 439. Брунк крайне возмущен идеей схолиаста, что кто-то должен был быть настолько беден в Аттике, чтобы быть вынужденным чинить свои горшки таким способом, о котором говорится в тексте; но немецкий комментатор, который больше изучал кухни, убежден, что эта практика преобладала и была совершенно рациональной. На самом деле, к подобным приемам до сих пор прибегают даже в Англии.

501. Athen. iv. 58.

502. Theoph. Histor. Plant. v. 9. 7.

503. Plat. de Rep. iv. t. vi. p. 194. Pollux. x. 146. vii. 113.

504. Cp. Schol. Аристоф. Acharn. 34, 302, 314. Plat. de Legg. t. viii. 116.

505. Theoph. de Lap. § 16.

506. Schol. Аристоф. Lysist. 308.

507. Schol. Аристоф. Ахарн. 312. Cp. Schol. Vesp. 145, 326.

508. Sch. Аристоф. Acharn. 587.

509. Plin. Hist. Nat. xv. 8.

510. Schol. Аристоф. Acharn. 853. Афины. ii. 71.

511. Схол. Аристоф. Acharn. 319. Vesp. 238. κρεάγυρα - крюк для плоти. Sch. Eq. 769.

512. Schol. Аристоф. Vesp. 924.

513. Schol. Aristoph. Nub. 179.

514. Аристоф. Acharn. 34. Столы для поваров делали из плетеного или оливкового дерева. Etym. Mag. 298. 36 и далее.

ГЛАВА III.

ПИЩА ГОМЕРОВСКИХ ВРЕМЕН - МЯСО, РЫБА И Т. Д.

Описав орудия, с помощью которых готовилась греческая пища, давайте спросим, из каких материалов она состояла и как ее ели. В этом исследовании нет необходимости придерживаться какого-то очень строгого метода. Вероятно, будет достаточно сделать несколько широких делений и гибкий контур, который мы сможем заполнить по мере поступления материалов.

О том, чем питались первоначальные обитатели Эллады, можно, без сомнения, сделать удовлетворительный вывод из имеющихся у нас сведений о народах, все еще находящихся в том же состоянии цивилизации. Но все же любопытно изучить их традиции, касающиеся этого вопроса. Илиан, сохранивший множество сведений об отдаленной древности, приводит список различных видов пищи, которые, как он, по-видимому, считает, составляли если не все, то основное питание нескольких древних народов. Аркадийцы, по его словам, жили желудями, аргивяне - грушами, афиняне - фигами;^[515] дикое грушевое дерево служило любимой пищей тиринфян; у индийцев главным лакомством был тростник, у караманцев^[516] финик, у мейотцев и савроматов - просо, а персы^[517] лакомились главным образом кардамонами и фисташковыми орехами.^[518]

Предание о том, что в то время как на Востоке уже существовала определенная степень цивилизации, многие племена Эллады все еще питались желудями, породило множество любопытных рассуждений. Однако совершенно ясно, что имеется в виду не плод нашего английского дуба, ибо никто из тех, кто проводил эксперимент, ни на минуту не предположит, что человек может существовать, а все виды продуктов, которые греки объединяли под термином "желудь" (βάλανος). Герард, старый английский ботаник, перечисляет каштаны среди желудей, а Ксенофонт называет финики "желудями пальмы". Однако мачта дерева, распространенного в Греции, как считает Митфорд, могла бы стать безвредной пищей, хотя он совершенно прав, полагая, что она не могла быть любимой едой в более цивилизованные времена.^[519] Затрагивая тему желудей, этот изобретательный и способный писатель, похоже, склонен немного повеселиться над неким проектом Сократа. Если мы правильно его понимаем, а это очень возможно, что нет, он хочет обвинить философа в том, что граждане его воздушной республики сведены к очень короткой общности,^[520] ничего, кроме маленькой буковой мачты и нескольких ягод мирта. Это сильно граничит с представлениями комического писателя, который описывает афинян как живущих воздухом и надеждой. Но Сократ, хотя и был достаточно воздержан, не был настолько неразумен, чтобы требовать даже от своих утопийцев сражаться и философствовать при столь скудном рационе. Прежде чем перейти к мачте и миртовым ягодам, он перечисляет пшеничный и ячменный хлеб, соль, оливки, сыр и трюфели, а также бобовые и все те травы, которые спонтанно произрастают на полях. На десерт он баловал их инжиром, горохом и фасолью, ягодами мирта и буковой шелухой или каштанами, поджаренными на огне. Платон знал, как роскошные умы его времени отвернутся от такого примитивного рациона, и поэтому подводит к нему Глаукону с вопросом: "Если бы ты основал государство свиней, какую еще пищу ты бы им предоставил?" Павсаний замечает, однако, что желуди долгое время оставались обычным продуктом питания в Аркадии,^[522] но только те, что растут в фагусе.^[523]

Если верить некоторым писателям, древние жители Эллады употребляли в пищу гораздо более отвратительные продукты, чем желуды, будучи, по сути, каннибалами, пожиравшими друг друга. Несомненно, среди греков более позднего времени существовали традиции о состоянии общества, в котором человеческую плоть ели некоторые свирепые и беззаконные личности, такие как Полифем, но ничто в их литературе не позволяет нам сделать вывод, что эта практика когда-либо была общей. Суеверие, по-видимому, в очень исключительных случаях побуждало их к человеческим жертвоприношениям, когда жрецы и, возможно, некоторые другие вкушали внутренности, а Гален беседовал с людьми, которых простое любопытство заставило отведать человеческой плоти, и они находили ее вкус похожим на вкус нежной говядины.^[524] Но подобные случаи ничего не доказывают; ведь как часто и сейчас моряки в силу бедственных обстоятельств вынуждены резать и есть своих товарищей в море! И все же неужели из-за этого мы должны выдавать антропофагов за потомков?

Греки, однако, не довольствовались одним набором традиций и в целом были склонны отдавать предпочтение самым мрачным. Напротив, их поэты, отбрасывая назад свет своего воображения и разжигая пейзажи далекого прошлого, вызывали видение золотого века, когда ни домашний очаг^[525], ни алтари богов не были запятнаны кровью, а плоды полей - молоко, мед, сыр и масло - были достаточны для поддержания жизни. Но мы должны покинуть эти мрачные времена и спуститься в эпоху говядины и баранины.

Аристотель с большой точностью делит пищу на влажную и сухую, то есть на мясо и питье.^[526] Классификация, заслуга которой, как утверждает Фейт, принадлежит Гомеру.^[527] У этого поэта хлеб (σίτος), главная статья провизии, делается без разбора и из пшеницы, и из ячменя, хотя считается, что последнее зерно было первым в употреблении.^[528] Геродот обнаружил в отношении хлеба особый вкус у египтян; ячмень и пшеницу они презирали, хотя ни в одной стране не производят лучше, чем в Египте; отдавая, как ни странно, предпочтение *олире*, которую некоторые считают полбой, но более вероятно, сирийской *дхуррой*, колосья которой я видел изваянными на внутренней стороне пронаоса храма Лето в Эсне. В гомеровскую эпоху хлеб приносили к столу в тростниковой корзине, а серебряные хлебницы или подносы, как считает Донат, тогда еще не были введены. Но в этом ученый комментатор ошибается; или, если у них не было серебряных подносов, они, по крайней мере, имели их из меди и золота, чтобы соответствовать своим столам из массивного серебра.^[529]

Рядом с хлебом, в героические века, плоть была величайшим средством для поддержания желудка, особенно говядина, козлятина, баранина и свинина. Однако они еще не открыли многих способов ее приготовления. Почти вся их кулинарная изобретательность сводилась, по сути, к жарке и варке, и это обстоятельство заставило Афиней,^[530] и президента Гогета с большой жалостью и беспокойством оглядываться на эти несчастные века, когда даже принцы, обычно гурманы, были лишены высшего удовольствия обедать рагу, супами и вареными мозгами. Сервий,^[531] и Варро тоже склонны разделять это чувство сострадания, и последний отмечает, что среди их собственных предков люди изначально были вынуждены обедать жареным мясом, хотя со временем были введены искусства варки и приготовления супов.^[532] Что касается гомеровских героев, то, однако, наши симпатии несколько смягчаются, когда мы обнаруживаем, что ученые люди переоценили масштабы их несчастий. Они не были совсем уж невежественны в искусстве варки, как признает сам Афиней, где он упоминает о вареной говяжьей голени, которую один из пьяных женихов бросил в голову Одиссея.

Мясо молодых животных в те ранние времена не было принято употреблять в пищу, так что, называя их публичными пожирателями козлят и ягнят, Приам обвиняет своих сыновей в скандальной роскоши.^[533] В действительности, чтобы предотвратить нехватку животной

пищи, в Афинах был принят закон, запрещающий зарезать не остриженного ягненка, и из тех же побуждений император Валенса запретил употребление телятины.^[534]

Но ничто, кроме трудности поимки, не мешало гомеровским героям свободно обходиться дичью, такой как оленина и мясо дикой козы;^[535] а из отрывка в "Илиаде" Фейт делает вывод, что не щадили даже птиц.^[536] Мы верим, однако, что они чистили перья и готовили их, а не пожирали их *au naturel*, как некоторые индусы делают своих овец, шерсть и все остальное. У египтян был очень своеобразный вкус к орнитофагии, и они действительно ели некоторые виды птиц совершенно сырыми, как и несколько видов рыб; и это не в те ранние века, когда Исида и Осирис еще не отвоевали болота Нила, а во времена вполне современные, когда Геродот путешествовал по их стране и слышал, как их тщеславные жрецы претендовали на то, что они цивилизовали Элладу. И птицы, и рыба, действительно, проходили определенную подготовку. Некоторых из них сушили на солнце, других консервировали в маринаде, тот же процесс применялся к уткам, перепелам и многим другим видам птиц, после чего их ели сырыми. Мы рекомендуем эту практику нашим гурманам, и не сомневаемся, что маринованная сова или галка, съеденная в египетском стиле, покажется им не менее полезной, чем больная гусиная печень. Однако не следует скрывать, что многие критики, заботящиеся о гастрономической репутации египтян, утверждают, что под словом, которое мы переводим как "мариновать", Геродот, должно быть, имел в виду некий вид кулинарии; На что Весселинг отвечает, что, не желая порицать вкус этих господ, он все же должен отказаться от их толкования, поскольку, отмечая, что они жарили или варили все другие виды птиц и рыб, за исключением священных, историк, очевидно, намеревается сказать, что их ели сырыми. Ученый редактор мог бы добавить, что Геродот использует тот же термин при описании процесса бальзамирования,^[538] и мы нигде не узнаем, что мумии готовили до того, как их помещали в гробницы.

Но вернемся к гомеровским воинам; представляется крайне^[539] вероятным, несмотря на мнения нескольких авторитетных писателей, как древних, так и современных, что полубоги и герои до Трои допускали на свои воинственные столы это унижительное лакомство под названием *рыба*. Во всяком случае, простые люди понимали ценность этого вида пищи^[540], и можно с уверенностью предположить, что их старейшины, никогда не медлившие с присвоением деликатесов для собственного использования, вскоре поняли, что рыба - не плохое кушанье. Голод, по крайней мере, примирил бы их со вкусом жареного лосося, как мы видим на примере спутников Одиссея, которые поглощали и рыбу, и птицу.^[541] Это признает Афиней;^[542] но Плутарх утверждает, что их могла побудить к этому только крайняя необходимость. Во все остальные времена, по его мнению, они умеренно воздерживались от столь возбуждающей пищи,^[543] хотя Гомер описывает Геллеспонт как изобилующий рыбой,^[544] и не раз упоминает о практике вылавливания ее крючком и леской.^[545] Таким образом, мы видим, что рыболовство может вести свою родословную от героических веков; и ученик с удочкой, пробирающийся с Изааком в кармане через болото и трясину в поисках хорошего улова, может утешить свое воображение воспоминаниями о Трое и Геллеспонте. Но добрые люди тех дней не полностью полагались в поисках рыбы на этот весьма утомительный и неэффективный процесс; они открыли для себя использование сетей, которые, как описывает Гомер, рыбак забрасывает на берегу моря.^[546] Хотя поэт и опустил все упоминания об этом виде пищи, его употребление, тем не менее, можно было бы с уверенностью предположить, как и употребление молока, общего для всех народов, хотя Гомер упоминает его, как я полагаю, только в случае гиппомолгов^[547] и каннибала Полифема, который также понимал роскошь сыра.^[548] Цирцея, которая, будучи богиней, должна была быть знатоком лакомств, преподносит своему спутнику Одиссею диковинную смесь, состоящую из сыра, меда, муки и вина,^[549] очень вкусную, без сомнения, а старый Нестор

считает ее целебной, поскольку Гекамеда по его приказу готовит обильные запасы для раненого Махаона. Вместе с этим поссетом в качестве приправы употреблялся чеснок.^[550]

Фрукты и плоды, как можно предположить, уже были в ходу.^[551] Чеснок мы уже упоминали; а Одиссей после всех своих войн и странствий с вполне естественным удовольствием вспоминает яблони и груши, которые ему в детстве подарил отец, Лаэрт.^[552] У Алкиноя был прекрасный фруктовый сад, где, хотя процесс прививки, как предполагается, был тогда неизвестен, мы находим множество прекрасных фруктов, таких как груши, яблоки, гранаты, вкусные фиги, оливки и виноград; а в его огороде росли всевозможные овощи.^[553] И тенистые ветви такого же сада, усыпанные золотыми плодами, покачиваются над Танталом в Аиде, но отбрасываются ветром, когда несчастный старый грешник протягивает к ним руку.^[554] Из этого обстоятельства Афинея с большой изобретательностью делает вывод, что фрукты действительно были в употреблении до Троянской войны! Тогда, как и сейчас, яблоки, похоже, составляли любимую часть десерта, хотя среди гомеровских воинов они, кажется, иногда составляли главную часть трапезы; ведь Сервий^[555] описывает первобытные трапезы как состоящие из двух блюд, из которых первое было животной пищей, а второе - яблоками.

Соль была в большом употреблении в гомеровскую эпоху, и поэт иногда называл ее божественной.^[556] Платон, также в "Тимее",^[557] говорит о соли как о вещи, угодной богам; это выражение Плутарх цитирует с явным одобрением в отрывке, где он весьма красноречиво восхваляет этот предмет, который он называет приправой приправ, добавляя, что некоторые причисляют ее к грациям.^[558] У древнейших греков соль по этой причине всегда упоминалась в сочетании со столом, как в старой пословице, где людям советовали "никогда не проходить мимо соли и стола", то есть не пренебрегать хорошим обедом.^[559] Бедняков, у которых, вероятно, не было другой приправы к еде, презрительно называли "солелизовщиками". Но во времена Гомера существовали некоторые эллинские племена, еще не приобщившиеся к этой роскоши; среди них, соответственно, даже самые аристократические персоны были вынуждены обходиться без соли в каше.^[561] Поэт, правда, не упоминает их имен; но Павсаний предполагает, что он имел в виду более внутренние кланы эпейротов, многие из которых в те времена еще не знали ни соли, ни даже моря.^[562]

Похоже, все согласны с тем, что первобытные расы людей были просто любителями пить воду. Соответственно, у них не было ни поэтов, ни трактирщиков, ни акцизников - трех классов людей, которые никогда не процветают, кроме как там, где есть вино или хотя бы пиво. Гомер не раз упоминает об этой порочной привычке старого мира, когда с лукавым намеком на презрение, - ведь он сам был равнодушен к кроваво-красному вину, - рассказывает, что тот или иной народ пил, как многие быки или крокодилы, воды такой-то реки. Так, перечисляя союзников Илиона, он описывает зелейцев как тех, кто пил черные воды Эсепоса.^[563] Пиндар тоже, надеясь завоевать репутацию трезвенника, говорит, что привык пить воды Фив, которые, по его мнению, были очень вкусными,^[564] хотя Гиппократ, несомненно, придерживался совершенно иного мнения. Персидские, а затем и парфянские цари, похоже, во многих случаях питали умеренное пристрастие к воде некоторых ручьев, одному из которых Мильтон дал вечную славу: - "Choaspes, amber stream" ("Янтарный поток").

"Choaspes, янтарный поток,

The drink of no but kings. "

Но, очевидно, по ошибке; ибо, хотя историки утверждают, что парфянские монархи не пили никакой другой воды, кроме воды из реки Хоаспес, к которой Плиний^[566] добавляет Евлея, ни в коем случае не говорится, что они пользовались монополией на эти потоки. Возможно, наш великий поэт спутал Хоаспес с теми Золотыми водами, которые, по словам Афиней, были полностью зарезервированы для использования царем и его старшим сыном.^[567]

Вино, однако, было изобретено очень рано в истории мира; вместе с ним родилась и добродетель трезвости, ибо до тех пор быть трезвым не считалось достоинством. С кого бы ни началось употребление вина, оно было хорошо известно героям Гомера, один из которых говорит о нем, в сочетании с хлебом, как о главном корне силы и бодрости человека.^[568] Однако воины тех веков отнюдь не проявляли той эгоистической бережливости, которая заставила римлян запретить своим матронам употреблять вино.^[569] У Гомера мы видим, что женщинам, даже совсем юным, разрешается наслаждаться им: например, Наусикаа и ее спутникам, которые, отправляясь в поход на стирку, получают от самой царицы обильный запас провизии и шкуру вина.^[570] Мальчики в героические века также встречали подобные поблажки; так, Феникс изображен позволяющим Ахиллу присоединиться к нему в его питиях, прежде чем маленький еж научился пить, не проливая на себя.^[571] Эта практика, однако, очень правильно осуждена Платоном, который считал, что ни одному человеку младше восемнадцати лет не должно быть позволено пробовать вино, да и то лишь экономно.^[572] После тридцати, по его мнению, им можно предоставить больше свободы действий, хотя он рекомендовал трезвость во все времена, за исключением, пожалуй, юбилейного праздника Диониса и некоторых других божеств, когда веселая чаша считалась соответствующей другим церемониям дня.^[573]

Теперь мы перейдем от примитивных блюд героических времен к тем почти бесконечным разновидностям хороших вещей, которые изобретательность последующих эпох ввела в обиход. Читатель, еще не знакомый с гастрономическими фрагментами античной литературы, вероятно, будет удивлен всеохватывающим характером греков, для которых, кажется, ничто не было невкусным, от верхушки крапивы до персика, от метры свиноматки до самой нежной птицы, от акулы до маленькой полупрозрачной афии, пойманной на берегах Аттики.^[574] Через этот океан лакомств мы попытаемся проложить свой путь по следующему плану: сначала мы будем "с намеком говорить" о более твердых видах пищи, таких как говядина, баранина, свинина, телятина; затем мы перейдем к супам, птице и рыбе; далее наше внимание привлекут фрукты; и, наконец, несколько сортов вин.

Уже отмечалось, что в самые ранние века люди полностью воздерживались от животной пищи.^[575] Впоследствии, когда они стали бросать "волчьи взгляды" на своих немых товарищей по земному шару, свинья, как говорят, была первым существом, чей характер позволил им свободно с ним общаться. Они увидели, что он наделен меньшим интеллектом, чем другие животные, и, исходя из его тупости, сделали вывод, что его следует съесть, а его душа просто служит при жизни, как соль, чтобы плоть не гнила.^[576] Однако решающей причиной, по-видимому, было то, что они не могли использовать его иначе, поскольку он не мог ни пахать, как вол, ни быть оседланным и запряженным, как лошадь или осел, ни стать приятным компаньоном, ни охранять дом, как собака.

Долгое время люди ни в одной стране не убивали вола для еды; его главная польза заключалась в защите, и в некоторых частях Востока благонамеренные священники в конце концов облекли его в броню суеверий, которая пережила этот случай, а в Индии дошла почти во всей своей силе до наших дней. Иначе обстояло дело в Греции. Там здравый смысл быстро развеял иллюзии, которые, пока это было необходимо, охраняли быка, и говядина стала любимой пищей выносливых и активных жителей, которые также питались без разбора

овцами, козами, оленями, зайцами и почти всеми другими животными, дикими или прирученными.

Как видно, в отдаленные века рыба не составляла большой части рациона греков. Но впоследствии общественное мнение претерпело значительные изменения. Если раньше рыба ценилась так низко, что ее оставляли в основном для бедных, то в исторические века она стала для них величайшей роскошью.^[577] И возникли среди гурманов те древние симониане, чей бог - Св. Симонии, богом которых был их живот, возникло своего рода восторженное соперничество в том, кто первым придет утром на рыбный рынок и унесет, как в триумфе, самого большого копайского угря, самую тонкую пару подошв или самого свежего *антия*.^[578] Поэтому в этом вопросе наши подробности должны быть несколько более подробными, чем в отношении говядины и баранины. Для начала мы возьмем читателя с собой на рынок, где ему желательно иметь при себе как можно меньше денег, поскольку, по словам комических поэтов, ваш афинский рыботорговец, не довольствуясь тем, что был простым плутом, немного занимался и торговлей убийцами.^[579]

Первое, что спрашивал утром богатый гурман, - это в какую сторону дует ветер. Если он дул с севера и было что-то похожее на море, он угрюмо оставался дома, потому что никакие рыбацкие ухищрения не могли в таком случае сделать "Пейрею";^[580] но если ветер дул с другой стороны, он охотно и незаметно выходил с рабом и корзиной^[581] по пятам, бросая тревожные взгляды, чтобы выяснить, не забрел ли к нему на Агору какой-нибудь другой страстный рыбоед, который может очистить прилавки от лучших антий или тунни, прежде чем он доберется до места.

Однако нелюдимый плут, чей честолобивый вкус доходил до этих дорогих лакомств, подходил к рынку с унылым лицом. Так у Антифана мы видим беднягу, описывающего свое утреннее паломничество в поисках пары подошв:

Когда-то я считал Горгонов сказочными:

Но на агоре быстро изменил свое убеждение,

И превратился почти в камень, вредителей созерцая.

Стоя за рыбными прилавками. Вынужден я

смотреть в другую сторону, когда обращаюсь к ним,

Чтобы не увидеть рыбу, за которую они так много просят,

Я бы сразу стал мраморным.^[582]

Амфис, другой комический поэт, сообщает нам дальнейшие подробности о трудностях, с которыми сталкивались те, кому приходилось иметь дело с афинскими рыботорговцами. Боюсь, что большая часть его остроумия непередаваема, поскольку в значительной степени зависит от жаргонных вырезок из греческого языка, распространенных на рынке. Но смысл, по крайней мере, можно передать:

"В десять тысяч раз легче получить

В шатер надменного полководца,

И вести с ним беседу, чем на рынке

Получить аудиенцию у проклятого рыботорговца.

Если вы подойдете и спросите: "Сколько мой друг,
стоит *то-то* и *то-то*? - Нет ответа. Глухой, думаете вы.

Должно быть, плут или глуп; ведь он не слушает
Ни слога, что вы скажете, но над рыбой своей
Склоняется молча, как Телефос (и не без оснований,
Ведь он знает, что вся его раса - головорезы).

Другой не замечает, а то и не слышит,

Тащит за ноги полипа.^[583] Третий

С нахальной небрежностью отвечает: "Четыре обола,
Это только цена. За это не меньше восьми.

Бери иль не бери!"

Алексис, этот самый комичный из комических писателей, похоже, вообразил, что юмор его произведений был бы неполным без приправы рыбного торговца. Начав, как и Амфис, с намека на надменные повадки военных, он переходит к своей теме следующим образом:.

Однако это еще можно пережить.

Но когда жалкий рыбак будет выглядеть большим,
опускает глаза или изгибает
брови вверх, как натянутый лук,
я впадаю в ярость. Требую, какую цену он запросит.

За, скажем, две кефали; а он отвечает прямо

"Десять оболон" - "Десять? Это дорого: возьмете восемь?"

"Да, если вас устроит одна рыба". "Друг, не шути;

Я не предмет для ваших шуток". "Проходите, господин!

И покупайте в другом месте." - А теперь скажите мне, разве это не

Горьче, чем желчь?^[585]

Но если читатель на основании этих свидетельств сделает вывод, что рыботорговцы были нахальными только в Афинах, он рискует впасть в заблуждение. Во всем древнем мире они были одинаковы, и мы боимся, что если какой-нибудь бедный дьявол с Груб-стрит или *Латинского квартала* вздумает спорить о цене лосося с одним из их кокни или парижских потомков, он встретит не больше вежливости. Во всяком случае, их манеры не улучшились в Вечном городе^[586], ибо именно о римских рыболовах Афиней приводит примеры подобной наглости в других местах. Поэт Дифилос, как и Архестратос, похоже, путешествовал в поисках хорошей рыбы и цивилизных рыботорговцев, но его труды оказались бесплодными; с таким же успехом он мог бы обойти весь мир в надежде найти тот остров, где подошвы ловят уже жареными в море. Такова, по крайней мере, суть его собственной жалобы:

Трот, в дни моей молодости я имел некоторое представление о том.

Что только здесь, в Афинах, плуты продают рыбу;

Но везде, похоже, как волк или лиса,

Род коварный по природе своей.

Однако есть у нас на агоре один плут.

Который всех остальных обходит. На его голове

густо кивает густая копна волос.

и затеняет его лоб. Наблюдая за вашим удивлением,

У него есть на то свои причины; они растут для того.

Чтобы, когда их сбывают, сделать подношение какому-нибудь богу!

Но это лишь уловка, чтобы скрыть шрамы.

Оставленные клеймом на лбу.

Но, пропустив это, вы, возможно, спросите о цене

морского волка: "Десять обол" - очень хорошо.

Вы отсчитываете деньги. "О, только не это", - кричит он,

"Я имел в виду Игинетан". И все же вы подчиняетесь.

Но если вы доверите ему большой кусок,

И сдачу дать; заметьте, как плут

теперь считает в аттических монетах и таким образом совершает

Ограбление в два раза в одной сделке!^[587]

Ксенархос рисует небольшую сцену хитроумного мошенничества с совершенно шекспировской комической экстравагантностью и попутно проливает свет на любопытный афинский закон, принятый для защиты граждан от вонючей рыбы.^[588] Сила изобретения, замечает он, - желание убить двух зайцев одним выстрелом - полностью покинула поэтов, чтобы взять верх над рыботорговцами; ибо в то время как первые просто перерабатывали старые идеи, вторые постоянно придумывали новые уловки, чтобы отравить Демос:

Похвалите меня за выдумку перед плутом.

который продает рыбу на агоре. Он знает.

Что закон

однозначно и официально запрещает этот трюк.

Примирять несвежую рыбу с носом

путем постоянного поливания. Но если какой-нибудь бедняга

уличит его в этом, он тут же затеет

ссору и провоцирует своего человека на удары.

А он тем временем крутится вокруг своей рыбы, внимательно смотрит по сторонам.

Чтобы поймать момент, сматывает катушки, притворяется раненым:

И падает ничком, как раз в правильной позе.

Друг, специально поставленный там, подхватывает

Кастрюлю с водой, брызгает каплю-другую,

для вида на лицо, но по ошибке,

как вы, должно быть, уверены, выливает все остальное

Полностью на рыбу, так что почти можно

считать их свежевывловленными.^[589]

По закону, принятому по инициативе богатого Аристоники, который, несомненно, сам был ихтиофагом, наказание в виде тюремного заключения назначалось всем тем, кто, назвав цену за рыбу, брал меньше, чтобы они могли сразу потребовать то, что справедливо, и не больше. Вследствие этого постановления на рыбный рынок можно было отправить старуху или ребенка, не опасаясь быть обманутым. Согласно другому положению этого "золотого закона", как его называет Алексис, торговцы рыбой были вынуждены стоять у своих прилавков, а не сидеть, как это было принято раньше. Комический поэт, в полноте своего милосердия, выражает надежду, что в следующем году все они будут *подвешены* над головой, и тогда, по его словам, они смогут быстрее видеть своих покупателей и вести свои дела с людьми из машины, как боги в трагедии.^[590]

Вследствие, несомненно, постоянно растущего спроса, рыба в Афинах была чрезвычайно дорогой. Поэтому Дифилос, обращаясь к Посейдону, который, будучи богом моря, был также богом его обитателей, сообщает ему, что, если бы он только мог обеспечить себе десятину рыбы, он вскоре стал бы самым богатым божеством в Олимпосе. Среди тех, кто отличился в этом деле на агоре и, по-видимому, разбогател, вероятно, было много метойков, таких как египтянин Гермесос и Микион, который, хотя его страна не упоминается, вероятно, не был афинянином. По мере того как они становились богатыми, гурманы, на которых они охотились, беднели, и, несомненно, в сатире, изображавшей людей, растрачивающих все свое состояние на сковородку, было слишком много правды. Похоже, были и те, кто проводил вечера на шоссе, чтобы накормить свой ежедневный стол подобными лакомствами. На этот счет у нас есть удовлетворительное свидетельство Алексиса в его "Наследнице":

Отметьте того, кто, как бы ни был скуден

Во всем остальном, все же имеет, где купить

Треска, угорь или анчоусы, будьте уверены, в темноте.

Он лежит на дороге в ожидании путников.

Если вас ограбили ночью, просто идите

На рассвете на агору и схватите

Первого спортивного, оборванного бродягу.

Который дешево продает угри Микиона. Он, будьте уверены,

И никто, кроме него, не вор: в тюрьму его!^[591]

В Коринфе существовали довольно строгие полицейские правила на этот счет. Если замечали человека, привыкшего покупать рыбу, власти допрашивали его о средствах. Если выяснялось, что он человек с собственностью, ему разрешалось делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится; в противном случае ему мягко намекали, что государство следит за ним. За пренебрежение этим наставлением следовал, прежде всего, штраф, а в конечном счете, если он продолжался, - наказание, эквивалентное беговой дорожке.^[592] Эти вопросы в Афинах передавались на рассмотрение двух или трех магистратов, называемых опсономами, назначаемых сенатом.^[593] Что касается покупки этого вида продуктов, везде сопряженного с особыми трудностями, то можно сказать, что древние имели значительное преимущество перед нами, поскольку в "Руководстве для покупателя рыбы" Линкея Самосского они имели надежное руководство по всем тонкостям торгова на агоре.

Но прежде чем перейти к этой части нашей темы, мы попросим у Линкея разрешения послушать, что Гесиод скажет о соленой рыбе, о которой афинянин Эвтидем написал отдельный трактат. По словам этого поэта, который смело говорит о городах, возведенных задолго после его смерти, на Боспоре солили огромное количество рыбы, иногда целиком, как в наше время^[594], иногда разрезанной на куски умеренного размера. Среди них были оксиринхи, вкус которых часто оказывался смертельным, тунни и скумбрия. Маленький город Парион поставлял лучшие колии (разновидность скумбрии), а тарентинские купцы привозили в Афины маринованные орциносы из Кадиса, нарезанные небольшими треугольными кусочками в банках.^[595] Врачи, правда, выступали против этих приправ; но гурманы советовались только со своими вкусами и предпочитали короткую жизнь с маринованными тунни, чем жизнь самого Сатурна на говядине и баранине.

Но Гесиод Эвтидемаса (вероятно, его собственное творение) - очень слабый авторитет по сравнению с Архестратом, который совершил паломничество по миру в поисках хорошего настроения, а затем, на благо потомков, запечатлел свой опыт в грандиозной кулинарной эпопее. По его мнению, ломтик сицилийской тунни был редким деликатесом, а саперду, хотя и привезенную из Понтоса Эвксинос, он считал такой же дешевой, как и те, кто ею хвастался.^[596] Скомброс, который одни считают разновидностью тунни, а другие понимают под ним обычную скумбрию, высоко ценился этим знатоком. Он советует оставлять ее в соли на три дня и есть до того, как она начнет таять в рассоле.^[597] По его мнению, византийский орайон^[598] также был большим деликатесом, который он советует путешественнику, который может проезжать через этот город, попробовать непременно. По-видимому, он был там тем же, чем макароны в Неаполе.

В одной из своих комедий Алексис представляет симпосиарха эраноса (президента пикника), который ведет счет с одним из подписчиков, пришедшим потребовать назад свое кольцо, и в ходе диалога, где обсуждается что-то вроде счета из таверны Фальстафа, мы видим цены на несколько видов соленой рыбы. Омотарихос (плечевой кусок тунца) стоит пять чалчи; блюдо морских мидий - семь чалчи, морских ежей - обол, кусок кибиона - три обولا, угорь - десять, а еще одно блюдо с жареной рыбой - драхма. Этот комический писатель^[599] оценивает рыбу Нила очень низко, и он совершенно прав, поскольку она, как

правило, мутная и невкусная, хотя копты, которые имеют большой опыт во время поста, ухитряются, применяя много архестрантского мастерства, сделать некоторые виды рыбы вкусными. Софокл во фрагменте своей утраченной драмы "Финей" говорит о соленой рыбе, забальзамированной, как египетская мумия.^[600] Рыба-чулок, как я знаю по себе, все еще является модным блюдом в Средиземноморье, особенно на корабле, а из пословицы, сохраненной Афинеем, мы узнаем, что она была в употреблении и среди афинян.^[601]

Страсть этого изысканного народа к соленой рыбе дала ему повод публично выразить свою благодарность. Они даровали права гражданства сыновьям Херифилоса, метойкоса, который первым ввел среди них знание этого вида пищи.^[602] Аналогичное чувство побудило голландцев воздвигнуть статую Г. Букелю, человеку, который научил их солить сельдь.^[603]

Не перечисляя и десятой части других видов, употребляемых греками в пищу, перейдем к ракушечным рыбам, в которых они также были большими любителями. Эпихарм в своем браке с Гебой приводит любопытный список, который, однако, может быть расширен почти до бесконечности. Среди них были огромные лимпиты, буцины, цецибалос, тетинакион, морской желудь, пурпурная рыба, устрицы, которые трудно открыть, но легко проглотить, мидии, морские улитки или перистые моллюски, скипгидрия, сладкая на вкус, но колючая на ощупь, большая рыба-бритва, черный конх и аматитис. Конх также назывался теллине, как отмечает тот же поэт в своих "Музах". Алкеос написал песню, посвященную лимпете, которая начинается так

"Дитя скалы и хриплого моря".

Мальчики делали что-то вроде свистка из черепаших и мидийных раковин. Эти ракушки обычно поджаривали на углях, и Аристофан, весьма изобретательный в своих уподоблениях, сравнивает зияющего глупца с мидией в процессе приготовления.^[605]

Как и сепия, из которой в Александрии делают превосходные пловы, порфира, или пурпурная рыба, была очень вкусной в пищу и сгущала жидкость, в которой ее варили.^[606] На острове Фарос и прилегающих берегах Египта ловили маленькую нежную рыбу-ракушку, которую называли ухом Афродиты,^[607] и на том же побережье близ Канопоса до сих пор находят уменьшенную и красивую розового цвета конху, называемую соском Венеры. На том же берегу, около впадения Нила, в большом изобилии ловили мидий, называемых теллине, но самые вкусные, как говорят, водились в самой реке. Еще более мелкие виды попадались осенью в окрестностях Эфеса. Эхинос, или морской каштан,^[608] приготовленный с оксимелем, петрушкой и мятой, считался хорошим и полезным блюдом. Морские каштаны, выловленные в Кефалонии, Икарии и Ахайе, были горьковатыми, а сицилийские - слабительными; лучшими были красные и айвовые. Рассказывают смешной анекдот о спартанце, который, будучи приглашен на обед, где подавали морские каштаны, взял один на свою тарелку и, не зная, как их едят, положил его в рот, в скорлупе и целиком. Обнаружив, что она крайне неуправляема, он некоторое время вертел ее в руках, пытаясь медленно и осторожно постичь мастерство ее поедания. Но грубая и колючая скорлупа все еще сопротивлялась его усилиям, и он рассердился: яростно хрустя ею, он воскликнул: "Отвратительный зверь! Ну! Я не отпущу тебя сейчас, после того как размолот тебя на куски; но, конечно, я никогда больше не прикоснусь к тебе".

Устрицы считались вкусными, когда их варили с мальвой или монашеским ревенем.^[609] В целом, однако, врачи древности считали их тяжелыми для пищеварения. Но чтобы панцирные рыбы не занимали больше места, чем им положено, в заключение приведем список Архестрата, в котором к каждой из них он присоединяет название места, где были пойманы лучшие из них:

За мидиями нужно ехать в Энос; устрицы
Вы найдете в Абидосе. Парион
Радует своими ежами; но если петушки
Гигантские и сладкие на вкус вы бы съели,
нужно отправиться в Митилену,
Или в Амбракийский залив, где они изобилуют
Вместе со многими другими лакомствами. В Мессине,
недалеко от Фаро, водятся пелорийские конхи,
Не хуже они и в Эфесе;
За тефианскими устрицами отправляйтесь в Халкидон;
А для герольдов - Пусть Зевс их одолеет
И в море, и на агоре!
Да, всех, кроме моего старого друга Агатона,
который живет среди лесбийских виноградников.^[611]

Мы уже упоминали о великолепных угрях Копайского озера,^[612] в Беотии, тоска по которым, похоже, была главным мотивом Аристофана в желании прекратить Пелопоннесскую войну. Следующими по качеству были те, которых ловили в реке Стримон и в Фаро Мессины.^[613] Элоп, которого некоторые считают рыбой-мечом,^[614] был найден в наибольшем совершенстве около Сиракуз; по крайней мере, по мнению Архестратоса; но Варро и Плиний отдают предпочтение Родосу, а другие - Памфилийскому морю.^[615] Красная кефаль, гепсетос, гепатос, элакатен, тунни, гиппурос, бегемот, или морской конек, встречающийся в совершенстве на берегах^[616] Финикии, иулис, кичли, или морской дрозд, морской кабан, китарос, кордилос, речной рак, акула, которую ели молодой, кефаль, корацинос, карп, пескарь, морская кукушка, морской волк, латос, леобатос, или гладкий скат, минога,^[617] мирена, анчоус,^[618] черный хвост, торпеда, мормирос, орфос, онос, полип, краб, морской окунь, физа, или морской линь, рафис, морская собака,^[619] скарос, спарос, скорпион, сальп, или остромордая рыба, синодон, sauros, scepinos, или палтус, sciaina, syagris, sphyræna, sepia, tœnia, skate, cuttle-fish, hyca, phagros, perca cabrilla, chromis, gilthead, trichidon, thratta, and turbot;^[620] - таков список рыб, которые были в обиходе у греков. Как видно, вид рыбы во многих случаях не был установлен.

515. Ср. Plut. Quæst. Græc. 51.

516. Ср. Дион. Perieg. 1082.

517. Эти люди были большими едоками и не ценили никого, кроме тех, кто походил на них. Аристоф. Acharn. 74. sqq.

518. Илиан. Var. Hist. iii. 39. Перизоний в своем примечании к этому отрывку замечает, что ἄπιος и ἄχρᾱς - это разные названия одного и того же предмета, оба означают "груша",

первый термин преобладает у аргивян, второй - у тиринфян и лаконцев. У других греков оба слова использовались беспорядочно, хотя ἄπιος было более распространенным. Этот искусный комментатор возражает против утверждения своего автора, что индусы жили на тростнике, поскольку они также ели просо, рис и т. д. Но ведь Илиан не мог иметь в виду ничего иного, кроме того, что перечисленные им продукты были общеупотребительными среди упомянутых народов. В противном случае все это следует считать просто басней. Упомянутые Илианом тростники - это трости, из которых с очень далекой древности добывали сахар.

Quique bibunt tenerâ dulces ab arundine succos.

Лукан. Pharsal. iii. 237.

519. См. Goguet, i. 160, seq.

520. Hist. of Greece, i. 9, примечание. Ср. Анаб. ii. 3.

521. Plat. de Rep. t. vi. p. 85.

522. Ср. Polluc. i. 234.

523. Paus. viii. 1. 6. Плиний замечает, что плоды фэгуса сладкие: "dulcissima omnium glans fagi". Hist. Nat. xvii. 6. Ср. Лукиан. Amor. § 33. Теофраст. Hist. Plant. iii. 8, 2. Это аркадское лакомство до сих пор едят в Испании. "В некоторых частях (Наварры) горы у своего подножия окружены лесами из каштановых деревьев или испанского дуба под названием *энсина*, чей желудь в жареном виде так же вкусен, как и каштан". (Тот же автор замечает, что плоды вечнозеленого арбута, по форме напоминающего вишню, хотя по своему действию они не вкусны и опьяняют, также употребляются в пищу всеядными испанцами, p. 51. См. также Laborde's Itinerary of Spain, iv. 80, и Capell Brooke's Travels, ii. 72.

524. См. Bochart. Geog. Sac. i. 309.

525. Ср. Plat. De Legg. vi. t. vii. p. 471.

526. Problem. x. 56, 58.

527. Илиада. α. 496. β. 432, seq.

528. Илиада. ε. 196, et 341. Схолиаст по поводу этого стиха замечает, что до изобретения мельниц люди употребляли в пищу сырое зерно. (Ср. на Илиаду α. 449, и Etym. Magn. v. οὐλόχυται, 641, 29.) Но это просто абсурдное предположение; ведь они могли, по крайней мере, поджарить молодой колос, как это до сих пор делают на Востоке, пока он полон сока, и есть его таким образом с солью, когда он и приятен, и питателен. Кроме того, некоторые способы измельчения зерна в муку, похоже, были известны почти с самого начала.

529. Илиада. λ. 629. Одиссея. κ. 355. См. также Theocrit. Eidyll. xxiv. 135, sqq. Вергилий. Энеида. i. 705.

530. Deipnosoph. i. 15. Origine des Loix, ii. 306. "J'ai dit que la simplicité faisoit le caractère distinctif de ses premiers âges. То, как он питается, уже является премудростью. В описании, которое дано в Писании Аврааму на ужин из трех ангов, которые появились в долине Мембре, нет ни соуса, ни рагу, ни тем более жира. Патриарх подает телятину, или, лучше сказать, гриль; литр пива и боль, запеченную в кендре. Вот и весь праздник. Этот факт свидетельствует о том, что трапезы в это время были не только плотными, но и изысканными. Авраам, конечно, намеревался преследовать своих гостей так хорошо, как это было

возможно, и следует заметить, что этот патриарх обладал тремя огромными богатствами в окладе, в деньгах, в трупках и в эсклавах. Таким образом, можно рассматривать трапезу, которую он дарит трем ангам, как модель великолепного праздника, и в итоге судить о том, что его храмы умеют великолепно готовить".

531. Comm. ad *Æneid.* i. 710.

532. Feith, *Antiq.* Гомер, iii. 1, 3.

533. *Il.* ω. 262.

534. Hieron adv. Jovian. ii. 75. a. Diosc. ap. Athen. ix. 17. Eustath. ad *Il.* ω. p. 1481. 12. Schweigh, *Animad.* in Athen. t. vi. p. 96, seq.

535. *Od.* ι. 185. κ. 180.

536. Илиада. ψ. 852 и далее.

537. Πρωταρχεύειν. Herod. ii. 77, edit. Вессель.

538. Herod. i. 77, seq. ii. 15. ix. 80.

539. Платон, среди прочих, замечает, что в военные обеды своих героев Гомер не вводит ни рыбы, ни вареного мяса. *De Rep.* iii. t. vi. p. 141.

540. *Odyss.* τ. 113.

541. *Odyss.* μ. 330. sqq.

542. *Deipnosoph.* i. 47.

543. Плут. *Sympos.* viii. 8.

544. *Il.* ι. 360.

545. *Il.* π. 407.

546. *Od.* χ. 364, sqq. Евстафий, однако, по поводу этого отрывка замечает, что, хотя о сетях говорится в "Илиаде" (ε. 487), это единственное место, где поэт четко упоминает, что они используются для ловли рыбы.

547. *Ил.* ο. 6.

548. *Od.* ι. 236, 246. Феок. *Eidyll.* xi. 35.

549. *Od.* κ. 234, и далее.

550. *Il.* λ. 623, sqq. Об этой смеси, называемой κικεῶν, не раз упоминает Платон - *De Rep.* iii. t. vi. p. 148.

551. Ср. *Hom.* *Il.* λ. 629, seq.

552. *Od.* ω. 339.

553. *Od.* η. 115, sqq. Плут. *Sympos.* v. 8.

554. *Od.* λ. 587, sqq.

555. *Ad Æneid.* i. 727.

556. Il. ι. 214. В более поздние времена тимьян было принято мелко крошить и смешивать с солью, чтобы придать ему более тонкий аромат. Аристоф. Acharn. 772. Suid. v. θυμυτίδων ἁλῶν. t. i. p. 1336. b.

557. Opera, t. vii. p. 80.

558. Sympos. v. 9.

559. Эразм. Адаг. Chil. i. Cent. vi. Adag. 10.

560. Ἄλα λείχειν Ἄλα λείχειν. Erasm. Adag. iii. vi. 33, или, как выражается Персий, "digito terebrare salinum". Sat. v. 138.

561. Od. λ. 122.

562. Paus. i. 1. 12.

563. Il. β. 824, seq.

564. Пинд. Olymp. vi. 85.

565. Paradise Regained, iii. 288, seq.

566. Hist. Nat. xxxi. 21. "Parthorum reges", говорит этот писатель, "ex Choaspe et Eulæo tantum bibunt; et eæ quamvis in longinqua comitatur eos." Поэтому Тибулл приводит следующие стихи в своем панегирике Мессале, iv. 1. 142:

"Nec quâ vel Nilus vel regia lympha Choaspes

Profluit. "[Profluit](#)".

Herod. i. 188. Æl. Var. Hist. xii. 40. Ср. Страбон. 1. xv. c. 3. t. iii. p. 318.

567. Athen. xii. 9. Ἀγαθοκλῆς δ' , ἐν τρίτῳ Περὶ Κυζίκου, ἐν Πέρσαις φησὶν εἶναι καὶ χρυσοῦν καλούμενον ὕδωρ. εἶναι δὲ τοῦτο λιβάδας ἐβδομήκοντα, καὶ μηδὲνα πίνειν ἀπ' αὐτοῦ ἢ μόνον βασιλέα, καὶ τὸν πρεσβύτατον αὐτοῦ τῶν παίδων. τῶν δ' ἄλλων ἐάν τις πίῃ, θάνατος ἢ ζημία.

568. Илиада, ι. 702. т. 161.

569. Афины. х. 33.

570. Od. ζ. 77 и далее.

571. Илиада. ι. 487.

572. Монтень, от которого мало что ускользало в этом роде, читает *сорок* и считает, что мужчины могут законно напиться после этого возраста. Essais, ii. 2. t. iii. p. 278.

573. De Legg. ii. t. vii. p. 258, sqq.

574. Афиняне часто употребляли в пищу мясо асса. Poll. ix. 48, et Comment. t. vi. p. 938, seq. Их соседи персы, однако, наслаждались одним лакомством, не известным, как я полагаю, грекам; это верблюды, которого, как нам говорят, они иногда зажаривали целиком. Herod. i. 123. Athen. iv. 6. По мнению Аристотеля, плоть этого животного была исключительно хороша:

ἔχει δὲ καὶ τὰ κρέα καὶ τὸ γάλα ἥδιστα πάντων.-Hist. Anim. vi. 26. Возможно, именно этот отрывок впервые побудил Гелиогабала попробовать верблюжью ногу, которая впоследствии, судя по всему, ему очень понравилась. Ламприд. Vit. Anton. Heliogab. § 19. Hist. Aug. Script. p. 195. Тот же император также попробовал на вкус страуса, чьи яйца в древности были предметом питания у некоторых народов Африки. Lucian. de Dipsad. § 7.

575. Платон, De Legg. vi. t. vii. p. 471.

576. Цицерон, De Natura Deorum, ii. 64. Дион. Chrysost. i. 280, cum not. Reisk.

577. Пифагорейцы, однако, должны быть исключены из этой категории, поскольку они воздерживались от рыбы, потому что хранили вечное молчание, как и они сами.-Athen. vii. 80. Другую и более вескую причину, возможно, можно обнаружить в отрывке Архестрата, который, заметив, что морская собака - вкусное блюдо, избавляется от возражения, что она питается человеческой плотью, говоря, что все рыбы делают то же самое. Id. vii. 85. На основании этого факта пифагорейцы считали рыбоедов не лучше канибалов.

578. Cp. Schol. Аристоф. Acharn. 525.

579. Amphis ap. Athen. vi. 5.

580. Athen. viii. 81. Cp. Xenoph. Hellen. v. i. 23.

581. Эта корзина обычно была из камыша, по форме напоминала таз и имела ручку, проходящую через верх.-Antich. di Ercol. tav. 21. tom. i. p. 111.

582. Athen. vi. 4.

583. Cp. Chandler, ii. 143. Plin. Hist. Nat. ix. 45, seq.

584. Athen. vi. 5.

585. Athen. vi. 5.

586. Deipnosoph. vi. 4.

587. Athen. vi. 6.

588. Чтобы сохранить рыбу свежей, восточные жители иногда покрывают ее воском. Кефали, пойманные в Дамiette, отправляются в таком виде по всей Турецкой империи, а также в разные части Европы. Описание Востока" Покока.

589. Наши читатели, вероятно, помнят старую добрую итальянскую маркизу, которая, возможно, под влиянием уговоров какого-то гибернийского перипатетика купить пару подошв с сильным запахом, рекомендовала нашим магистратам принять постановление, принятое, как она утверждала, его милостью Тосканским. На территории этого принца, заверила она их светлость, человек, которому нужно продать рыбу, должен вести дела, стоя на одной ноге в ведре с горячей водой - практика, несомненно, рассчитанная на то, чтобы побудить к оперативности и предотвратить торг. Это тосканское постановление, очевидно, могло быть с большой пользой принято в Афинах, где, однако, законодательство основывалось на точно таких же принципах и достигло в этом вопросе почти такой же степени совершенства.

590. Афины. vi. 8.

591. Athen. vi. 10. 12.

592. Diphilos apud Athen. vi. 12.

593. Athen. vi. 72.

594. Ирод. iv. 53.

595. Афины. iii. 84.

596. Афины. iii. 85.

597. Афины. iii. 85. Скумбрия *Pelamys* или макрель Палласа, пойманная в Черном море, маринуется в бочках и не употребляется в пищу в течение двенадцати месяцев. Путешествия по Южной России, iv. 242.

598. *Poterant ὠραῖα nominari, ut vere vel initio æstatis salita, quo tempore minus pinguis totus piscis esset.* Schweigh. *Animadv. in Athen.* iii. 85. t. vii. 313. Cp. *Plin. Nat. Hist.* xxxii. 53. Геснер, *De Salsamentis*.

599. Ap. Athen. iii. 86. Cp. Ирод. ii. 77.

600. Athen. iii. 86.

601. *Deipnosoph.* iii. 89.

602. Афины. iii. 90.

603. Goguet, *Origine des Loix*, i. 254.

604. Athen. iii. 30, 31. Cp. Scheigh. *Animadv.* t. vii. p. 68, sqq.

605. Фрагм. Вавилон. 2. Brunck. Athen. iii. 33.

606. Афины. iii. 30. Во время длительных постов современные греки также едят каракатиц, улиток и т. д. Chandler, ii. 143.

607. Афины. iii. 35.

608. Athen. iii. 40. Поимка этой рыбы в Суниуме описана Чандлером следующим образом: "Тем временем наши моряки, за исключением двух или трех человек, сопровождавших нас, разделись до трусов, чтобы искупаться, и все они плавали и ныряли очень хорошо; некоторые бегали по острым камням голыми ногами, как будто лишенные чувств, а некоторые исследовали дно прозрачной воды в поисках эхинуса или морского каштана, вида моллюсков, распространенного на этом побережье и сейчас находящегося в совершенстве, так как луна была почти полной". Том ii. стр. 8.

609. Demet. Scep. ap. Athen. iii. 41.

610. κήρυξ, серух, названный так потому, что герольды (κήρυκες) использовали его раковину вместо трубы, когда провозглашали какое-либо постановление на агоре.

611. Athen. iii. 44. Cp. Polluc. vi. 47. Древние всячески использовали рыбу. Их развозили по улицам в корзинах из камыша, как у нас. - Athen. vii. 72.

612. Sch. Аристоф. *Acharn.* 845. *Lysist.* 36. В фонтане в Аретузе, как нам сообщает философствующий Плутарх, были угри, которые понимали свои имена - Solert. *Anim.* § 23.

613. Архестрат отдает предпочтение перед всеми другими угрями тем, которых ловят в Фаро Мессины. Athen. vii. 53. В озере Корион на Крите, по свидетельству Буондельмонте, ловят очень превосходных и крупных угрей. Pashley, i. 72.

614. О ловле рыбы-меч в Мессинском проливе см. книгу Спалланцани "Путешествия по двум Сицилиям", т. iv. с. 331, sqq.

615. Athen. vii. 57. Animadv. t. ix. p. 220.

616. В Минтурне, на побережье Кампании, были взяты лучшие креветки, превосходящие по размеру смирнские, а также крабы (ἄστακοι) из Александрии - Athen. i. 12.

617. См. о миноге Красса. Плут. Solert. Animal. § 23.

618. Считается деликатесом, приготовленным с луком-пореем. Аристоф. Весп. 494. Ср. Ахарн. 901. Ав. 76.

619. См. "Путешествия Спалланцани по двум Сицилиям", т. iv. с. 343, sqq.

620. Афины. vii. 16-39. Aristot. Hist. Anim. iv. 2-6. viii. 3, 4, 5, 16.

ГЛАВА IV.

ДОМАШНЯЯ ПТИЦА, ФРУКТЫ, ВИНО И Т. Д.

Читатель к этому времени, вероятно, уже захочет отказаться от рыбы, хотя было бы легко угостить его многими новыми видами, и вместе с нами отведать кусочек греческого фазана или грудку египетского перепела. Другими словами, он услышит, что мы можем сказать об эллинской домашней птице. Хрисипп в своем трактате "О вещах, желанных самих по себе", похоже, причисляет к ним афинских петухов и кур и порицает жителей Аттики за то, что они с большими затратами ввозили с берегов Адриатики птицу, хотя она была меньшего размера и значительно уступала их собственной; тогда как жители этих стран, напротив, стремились обладать аттической домашней птицей.^[621] Пародист Матрона, дающий забавное описание афинской трапезы, замечает, что отличных диких уток привозили в город из Саламины, где они в большом количестве жирели на берегах священного озера.^[622]

Дрозд,^[623] считавшийся одним из величайших деликатесов древних, обычно на больших праздниках входил в состав пропомы, или первого блюда, и его ели с маленькими пирожками, называемыми аметиской. Если верить Эпихарму, предпочтение отдавалось тем, кто питался оливками. Аристотель делит дроздов на три вида, первый и самый крупный из которых он называет Ichorhagos, или "омелоносец"; он был размером с сороку. Второй, равный по величине черной птице, он называет Trichas,^[624] а третий, самый маленький вид, получивший название Ilas или Tulas, по словам миндийца Александра, летал стаями и строил гнездо, как ласточка.^[625] Рядом с дроздом была птица, известная под разными именами - элайос, пириас, сикалис,^[626] современная бекафико, которая, как считалось, прилетала в сезон, когда созревали фиги. Они также ели черепаху и кольчатую горлицу,^[627] которые превосходны в Египте; зяблика, о качествах которого я не могу свидетельствовать, и черного дрозда. Не пощадили они и скворца, галку или строфаниона - маленькую птичку, для которой современные языки не могут подобрать названия. Мозги считались древними философами отвратительной и каннибальской пищей, поскольку они являются источником всех

ощущений; но это не помешало гурманам превратить свиные мозги в изысканное блюдо,^[628] и их вкус сохранил свою популярность в Италии. Куропатки, лесные голуби, гуси, перепела, сойки также перечислены среди материалов эллинского банкета.

Гусиная печень пользовалась большим спросом как в Риме, так и в Афинах.^[629] Другим лакомством был петух, которого подавали с обильным соусом, содержащим много уксуса. Аристофан говорит о фазане в своей комедии "Птицы", а в "Облаках" Афиной справедливо полагает, что он имеет в виду эту птицу, в то время как другие считают, что он намекает на лошадей Фазиса. Месилюхос, автор средней комедии, причисляет ошипанного фазана к *куриному молоку*, среди вещей, которые так же трудно встретить, что показывает, что птица тогда еще не стала обычной. Свое название она получила от того, что в огромном количестве водилась в амбушюре Фазиса, и, очевидно, эта птица очень медленно распространялась в Греции и Египте, поскольку мы видим, как Птолемей Филадельф на большом общественном празднике в Александрии выставляет ее среди других редкостей, таких как попугаи, павлины, морские свинки и эфиопские птицы в клетках.^[630]

Среди любимой дичи афинских гурманов был аттагас,^[631] или франколин, размером чуть больше куропатки, пестрый, с многочисленными пятнами, и обычного плиточного цвета, несколько склоняющегося к красному. Говорят, что она была завезена в Грецию из Лидии и водилась в необычайном изобилии в Мегарисе. Другой их любимицей был порфирион - птица, которую с большим успехом можно было бы завезти во многие страны современной Европы, поскольку она была очень домашней и строго следила за замужними женщинами, чьи *проделки* она тут же обнаруживала и раскрывала их мужьям, после чего, зная мстительный дух расположенных к ней дам, очень предусмотрительно вешалась сама. Поэтому неудивительно, что эта порода давно вымерла, а оставшиеся в живых особи укрылись в каком-нибудь отдаленном регионе, где женам не нужны такие бдительные стражи. В вопросах питания он полностью согласен с лордом Байроном, любящим пировать в одиночестве и в укромных уголках, где никто не может наблюдать. Аристотель описывает эту полусказочную птицу как беспалую, голубого цвета, с длинными ногами и красным клювом. Порфирион был размером с петуха и изначально был родом из Ливии, где его считали священным.^[632]

Другой птицей, распространенной в Греции, но теперь уже не известной, был порфирион, которого некоторые путают с вышеупомянутым. Из куропаток, распространенных по всей Европе, мы должны только отметить, что и серая, и красная (*бартавелла* французов) были распространены в Греции.

Если мы перейдем от домашней птицы к пудингам и супам,^[633] то обнаружим, что афиняне не были плохо обеспечены этими лакомствами. Они даже превратили кашу в деликатес,^[634] и говорят, что лучшую делали в Мегаре. У них был фасолевый суп, мучной суп, птисаны из ячменя или крупы.^[635] Мы также слышали о деликатно приготовленном блюде или супе, который посыпали мелкой мукой и оливками. Полфос, очевидно, *суп а-ля жульен*, по мнению одних, состоял из нарезанных кореньев, овощей и муки. Другие считают, что это своего рода блюдо, напоминающее макароны или вермишель. Другим видом супа был *кидрон*, который, согласно Поллуксу,^[636] готовили из зеленой пшеницы, обжаренной и измельченной в порошок.

У древних греков было одно блюдо, которое наши соседи, французы, ошибочно приняли за сливовый пудинг, и которое до сих пор в совершенстве сохранилось в Леванте, где я много раз ел его. Юлий Поллукс^[637] сохранил рецепт его приготовления, и мы можем заверить наших гурманов, что ничего более изысканного никогда не пробовали, даже в лучшем кафе

Пале-Рояля. Они брали определенное количество лучшего топленого сала и, смешивая его с молоком до получения густой массы, добавляли равную часть нового сыра, желтки яиц и самую лучшую муку. Все это, завернутое в ароматный фиговый лист, варилось в курином бульоне или супе из мяса ребенка. Когда пудинг считался готовым, лист удаляли, а пудинг смазывали кипящим медом. Затем его подавали шипяще-горячим. Все ингредиенты использовались в равных пропорциях, за исключением желтков яиц, которых было несколько больше, чем всего остального, чтобы придать твердость и консистенцию всему блюду.^[638]

Черные пудинги, приготовленные с кровью, салом и другими материалами, используемыми сейчас, также были распространены в Афинах.^[639] Грибы и улитки были очень любимы, и Полиохос говорит о том, что выходил по утрам в росе в поисках этих роскошеств.^[640] Весной, до прилета ласточки, крапиву собирали и ели, она была тогда молодой и нежной.^[641] Большим спросом пользовались лук-порей, лук, чеснок, особенно последний, который в большом количестве рос на территории Мегареи, и поэтому, возможно, жители считались вспыльчивыми и ссорящимися, чеснок, как предполагалось, вдохновлял дичь, даже бойцовых петухов, которым он, соответственно, давался в большом количестве.^[642]

Среди трав, которые ели его соотечественники, Гесиод перечисляет мальву,^[643] и асфodelь, которые, по словам Аристофана, также составляли большую часть пищи первых греков. Поэтому Гетлинг не без оснований удивляется, что Пифагор запретил употреблять мальву. Люпины, гранаты, конский редис, остатки винограда и оливки - все это входило в состав аттических развлечений - обычно кричали на улицах Афин.^[644] Но эти съедобные люпины (θήρμις), которые до сих пор едят египетские крестьяне и вообще бедняки по всему Леванту, следует отличать от обычных видов. Анекдот о Зеноне из Циттиона проиллюстрирует характер этого вида пульса, с которым философ, очевидно, был знаком. Однажды его спросили, почему он, будучи от природы угрюмым, становится вполне приветливым в полусонном состоянии: "Я как люпин, - ответил он, - который в сухом виде очень горький, но совершенно сладкий и приятный после того, как его хорошо вымочили". Почечные бобы тоже пользовались большим спросом, а также маринованные оливки, слегка приправленные фенхелем.

Редис^[646] считался большим деликатесом, особенно из Фасоса и Беотии. А семена земляной сосны,^[647] до сих пор употребляемые в качестве десерта в Италии, в Греции также вошли в список съедобных фруктов.^[648] Это дерево, как мне сообщили, было завезено в Англию, но я нигде не видел, чтобы его плоды подавали к столу среди груш, грецких орехов и яблок. О курином молоке уже говорилось в Элладе;^[649] но, чтобы читатель не заподозрил нас в том, что мы развлекаем его баснями, следует пояснить, что белок яйца так называл Анаксагор.^[650] Яйца всех видов были в большом почете. Иногда их варили твердыми и разрезали на две части волоском; но многие писатели, путая ѓа, ягоды служебного дерева, с ѓа, яйцами, воображают, что афиняне, по капризности своего кулинарного вкуса, действительно ели маринованные яйца, - идея, которая до глубины души будоражит эрудированную желчь Давида Рюнкена.^[651] Обычно яйца ели вкрутую, как мы, или глотали совсем сырыми. Самыми нежными считались яйца гороховой курицы, затем яйца хеналопекса бергандера, или египетского гуся, и, наконец, куриные яйца. По крайней мере, так считают Эпикрат и Гераклид из Сиракуз в своих трактатах о кулинарии.^[652]

Поскольку во время увеселительных мероприятий хозяин обязательно ожидал от своих гостей хорошего ужина, они обычно начинали дела дня с антекиниума или сыворотки, состоящей из трав самого острого вкуса. В Афинах в состав этого блюда обычно входили пустырник, яйца, устрицы, энмель - смесь меда и вина - все это должно было возбуждать

аппетит.^[653] К ним и в более поздние времена добавляли мальву и асфodelь, королевское копье или дневную лилию, тыквы,^[654] дыни, огурцы. Греческие дыни по-прежнему вкусны, а в Леванте они знамениты как никогда. Антиохия славилась своими огурцами, Смирна - латуком. Грибы всегда были любимым блюдом;^[655] и у них были рецепты их приготовления, которые и сейчас, возможно, не заслуживают внимания.

Однако употребление этого вида пищи всегда было сопряжено с большой опасностью, поскольку существует сравнительно мало видов, которые можно было бы безопасно употреблять в пищу. Люди часто отравлялись ими, и сохранилась красивая эпитафия Еврипида, посвященная матери и трем детям, которые были таким образом отрезаны на острове Икарос:

Светлый странник по вечному пути,

Бывало ли зрелище столь печальное, как то, что сейчас

Скрадывает блеск твоего луча,

И никогда не заставляло течь потоки печали?

Здесь, бок о бок, в смерти лежат

Два милых мальчика, забота их матери;

А здесь их сестра, юная дева,

Рядом с той, кто их кормил и считал прекрасными.^[656]

Диодес из Каристоса перечисляет среди полезных овощей красную свеклу, мальву, лох, крапиву, орак, болбос, или трюфель, и гриб, лучшие виды которого, как считалось, растут у подножия вязов и сосен.^[657]

Сион^[658] (*sium latifolium*), еще один их овощ, - растение, встречающееся на болотах и лугах вместе с мелкопестником.^[659]

Другим растением, гораздо более известным, был сильфион,^[660] когда-то чрезвычайно обильный в Киренаике, а также, хотя и более низкого качества, в Сирии, Армении и Мидии, но впоследствии настолько редкий, что его считали вымершим. Кроме того, что его сок использовали для приправы к супам и соусам, а также смешивали с солью для придания мясу превосходного вкуса, он занимал важное место в медицинской практике.^[661] Одно растение было обнаружено в царствование Нерона и отправлено в Рим в качестве подарка императору. Его семя, по словам Поллукса,^[662] называлось магударис, корень - сильфион, стебель - каулос, а лист - маспетон. Как бы то ни было, он придавал соусам, в которые его добавляли, резкий и несколько горький вкус и не пользовался популярностью у Архестрата.^[663]

Теперь мы переходим к фруктам,^[664] и начнем с того, что было гордостью Аттики, - инжира.^[665] Согласно традициям, полностью признанным в Афинах, инжир впервые был выращен в местечке недалеко от города, на дороге в Элевсис, которое затем называли *Хиера Сукэ*, "священная смоковница". Инжир в Аттике, как и его мужчины, считался лучшим в мире, и, чтобы обеспечить обильный запас для жителей, его запрещалось экспортировать. Однако, как и следовало ожидать, этот указ постоянно нарушался, и доносчиков на провинившихся называли сикофантами, то есть "раскрывателями смокв" - слово, которое большинство современных языков приняло для обозначения подлых, мерзких личностей, каковыми всегда

являются доносчики. Лаконийская смоковница была карликовой, и ее плоды, по словам Аристофана,^[668] пахли ненавистью и тиранией, как и сами люди.

Нет ни одного вида фиги,

будь то маленькая или большая,

кроме спартанской, которая здесь не растет;

Но эта, хоть и совсем маленькая,

Раздувается от ненависти и желчи,

Суровый враг демоса, как я полагаю.^[669]

Аристофан в "Афинях", говоря о фруктах, объединяет миртовые ягоды с фиваидскими фигами.^[670]

Согласно древним, существовали определенные сорта фиговых деревьев, которые плодоносили дважды, трижды и даже четырежды в год. Лаконский Сосибий, приписывая открытие смоковницы Вакху, замечает, что по этой причине в Спарте богу поклонялись под именем *Сукитес*. Однако Андриск и Агасфен рассказывают, что у накийцев это божество получило имя Мейлихиос, "милостивый", потому что он научил их пользоваться фигами. Есть инжир в полдень считалось бесполезным; кроме того, предполагалось, что он во все времена сильно вредит голосу, поэтому певцы должны были тщательно избегать его.^[671]

Дельфийские яблоки пользовались большой славой и, вероятно, поэтому были мягкими, так как считалось, что они лучше или, по крайней мере, полезнее острых. Айву они считали еще более полезной, чем яблоки, и во время публичных ликований этот фрукт, горсти миртовых листьев, венцы из роз и фиалок бросали перед машинами своих принцев и других великих людей.^[672] Греки любили связывать нечто чудесное со всем, чем они восхищались. Айве они приписывали честь быть мощным противоядием, отмечая, что даже фарийский яд, хотя и действует очень быстро, теряет свою силу, если его налить в любой сосуд, в котором хранилась айва, и сохраняет ее запах.^[673] Согласно Гермона, в его "Критических глоссариях", айва называлась Кодумала на Крите. Сидоус, деревня в Коринфе, славилась своими прекрасными яблоками; и даже сам Коринф, "ветренная Эфира" Гомера, производил их в большом совершенстве.

"О где дева, что слаще далеко

Чем румяные плоды Эфиры?

Когда летние ветры обдувают их,

И щеки их золотом осени усыпаны!"

Другим любимым фруктом был персик, завезенный в Грецию из Персии.^[675] Цитрон тоже, хотя некоторые полагают, что он не был известен древним жителям Эллады, в более поздние века благоухал на столах греков своим восхитительным ароматом. Именно этот фрукт, по словам царя Джубы, назывался в Африке "яблоком Гесперид", а Тимахида дала это название сочному и ароматному сорту груши под названием *эпимелис*. Древнейшим греческим писателем, описавшим цитроновое дерево, является Теофраст,^[676] который говорит, что оно было найдено в Персии и Мидии. Его листья, по его словам, похожи на листья лавра, земляничного дерева или грецкого ореха. Как и у дикой груши, и у оксиакантоса, у него острые, гладкие и очень сильные колючки. Плоды не едят, но вместе с листьями они

источают сладкий запах, а уложенные в сундуки ткани защищают их от моли. Цитронное дерево всегда усыпано плодами, одни из которых созрели и пригодны для сбора, другие зеленые, с золотистыми вкраплениями; а посреди них - другие ветви, густо усыпанные цветами. Сейчас она является самым прекрасным украшением садов Гелиополя, где затеняет фонтан Солнца.

Антифан в своем "Беотийце" отмечает, что это растение совсем недавно было завезено в Аттику:

А. 'Было бы нелепо говорить о том, что есть,

Как будто ты думаешь о таких вещах; но, прекрасная дева,

Возьми эти яблоки.

В. О, как красиво!

А. Они и впрямь прекрасны, ведь сюда они совсем недавно

Пришли от великого короля.

В. Клянусь Фосфором!

Я мог бы подумать, что они из гесперийских чащоб,

Где яблоки золотые.

А. Их всего три.

В. Прекрасного нет нигде в изобилии.^[677]

Афиней, процитировав свидетельства поэтов, рассказывает любопытный анекдот о цитронах, который я здесь повторю: вероятно, он имеет какое-то отношение к тайне Псилли. В Египте, кажется, преобладало мнение, что цитрон, съеденный первым делом утром, является противоядием от всех видов яда, как принятого в желудок, так и введенного через прокол в кровь, и это представление возникло в связи со следующим обстоятельством. Один из правителей Египта во времена императоров приговорил двух преступников к казни, по обычаю, через укус аспиды. Утром их повели к месту казни, а по дороге хозяйка трактира, которая случайно ела цитроны, сжалившись над ними, дала им несколько штук, которые они съели. Вскоре после этого они предстали перед голодными змеями, которые тут же укусили их, но вместо того, чтобы проявить обычные симптомы, за которыми следует смерть, они остались невредимы. Губернатор очень удивился этому, и в конце концов потребовал у солдата, охранявшего их, узнать, не принимали ли они чего-нибудь до своего прибытия. Узнав о случившемся, он отложил казнь до следующего дня, и, приказав дать цитрон одному, а не другому, они снова подверглись укусу аспиды. Тот несчастный, который ничего не ел, умер вскоре после укуса, а другой не испытал никаких неудобств. После этого подобные эксперименты несколько раз проводились другими людьми, пока в конце концов не было установлено, что этот изысканный фрукт действительно является противоядием от ядов.^[678]

Еще один фрукт, который использовался в большом количестве, - дамасская слива, которую иногда путают с брабилоном. Вишня,^[679] завезенная в Италию Лукуллом, была известна грекам^[680] гораздо раньше, и описана Теофрастом. Дикая служебная ягода,^[681] карликовая вишня, плоды арбута и шелковицы входили в состав их десерта. Не пренебрегали даже ежевикой, когда она полностью созревала.^[682] На самом деле, и шелковица, и ежевика

считались средством от подагры, а один древний писатель рассказывает, что если этот вид фруктов не удавался в течение двадцати лет, то болезнь распространялась как эпидемия, поражая людей обоих полов и всех возрастов, и распространяя свои бедствия даже на овец и крупный рогатый скот.

Филберты, грецкие орехи и миндаль,^[683] заслуженно занимали высокое место в оценке древних. Из миндаля остров Наксос имел репутацию производителя очень превосходных плодов, а миндаль с Кипра также пользовался значительной репутацией. Эти последние были длиннее по форме, чем первые; их, как и маринованные оливки, ели в начале трапезы, чтобы утолить жажду; горький миндаль считался средством от опьянения, как мы узнаем из анекдота о лекаре Тиберия, который мог выпить три бутылки, будучи таким образом подкрепленным, но легко сдавался, если его лишали миндаля. Этот фрукт был чрезвычайно распространен в Греции, и у них были свои миндальные хлопущки, как у нас ореховые хлопущки, которые в Спарте назывались *moucerobatos*, а в остальной Греции - *amygdalocatactes*.^[684]

Более крупный вид каштана, который иногда называют "желудями Зевса", по-видимому, был завезен в Грецию из стран, расположенных вокруг Понтоса Эвксинского, где они произрастали в большом изобилии, особенно в окрестностях Гераклеи. Кроме того, существовал сорт каштана, привезенный из Персии, и еще один - из окрестностей Сард в Лидии. И эти, и грецкий орех считались несъедобными, но не миндаль, который, как считалось, можно было есть безнаказанно в больших количествах.^[685] Лучшие сорта производились на Тасосе и Кипросе, и, когда миндаль только что собран, он на юге, несомненно, самый нежный из всех фруктов. Грецкие орехи и каштаны Эвбеи, по мнению Мнестея, были трудны для пищеварения, но питательны; и никто не мог побывать на восточных берегах Средиземного моря, не заметив, какой важной пищей они являются и насколько питательны.^[686] Фисташковый орех, произрастающий на дереве, похожем на миндальное, был завезен из Сирии и Аравии.^[687] *Персея*, теперь уже неизвестная, но предположительно изображенная на стенах Мемнониума^[688] в Фивах, по словам стоика Посейдония, росла в Аравии и Сирии, и я привез домой множество листьев, сохранившихся в египетском гробу, которые, вероятно, принадлежат этому дереву. Груши, которые подавали к столу плавающими в воде,^[689] и служебные ягоды, выращивались в большом совершенстве на острове Сеос, а Беотия славилась своими гранатами.^[690]

Говоря об этом фрукте, который беотийцы называют *сидэ*, Агатархид рассказывает следующий анекдот: Эпаминондас, чтобы решить вопрос, достал из-под халата гранат и спросил у афинян, как они его называют. Они ответили: "*Роа*". "Очень хорошо", - сказал Эпаминондас; "но мы называем ее *Сиде*, а так как это место получило свое название от плодов, которые растут там в изобилии, то ясно, что земля должна принадлежать нам". И решение было принято в пользу беотийцев.^[691]

Мы уже отмечали, что в Греции, особенно в Аттике и на Делосе, пальма процветала и давала финики;^[692] но из замечания Ксенофонта ясно, что эти финики были мелкими и низкого качества; Ибо, говоря о продукции Месопотамии, он говорит, что они откладывали для рабов финики, похожие на греческие, а более крупные и тонкие сорта^[693], которые по цвету напоминали янтарь, они отбирали для собственного использования. Их также сушили, как и сейчас на Востоке, чтобы есть в качестве десерта в другие времена года. Из этого мы узнаем, что черный финик, который крупнее и тоньше желтого, в Персии тогда не культивировался. Но ни финики, ни другие фрукты не могли сравниться с виноградом, который в совершенстве произрастает почти во всех частях Греции, где, как в Бургундии и, полагаю, во всей Франции, закон регулировал период сбора винограда, запрещая под страхом сурового наказания

собирать его раньше.^[694] Лучшим сортом винограда в Аттике, как и в бургундском *Clos Vougeot*, был *Никостратиос*, считавшийся непревзойденным по качеству, хотя родосцы в своем *Гиппонионе* претендовали на то, что обладают равным ему сортом.^[695]

От винограда мы, естественно, переходим к вину, которое само по себе является предметом многих трактатов. Поэтому не следует ожидать, что мы будем вдаваться в очень подробные детали; хотя, если мы будем скупы, то, конечно, не из-за недостатка материалов.

Д'Эрбелот^[696] приводит восточную традицию, которая приписывает изобретение вина древнеперсидскому монарху Гиамшиду; а Бошар, проявляя некоторую изобретательность, приписывает Вакху, греческому изобретателю и богу вина, происхождение, которое позволило бы спутать его с основателем Вавилона.^[697] Говорят, что в окрестностях этого города производили очень знаменитое вино, называемое *нектаром*.^[698] Но, по мнению Теопомпа, именно жители Хиоса первыми посадили и вырастили виноградную лозу, и от них это знание перешло к другим грекам.^[699]

Теофраст^[700] рассказывает, что на территории Гераклеи в Аркадии было вино, которое делало мужчин безумными, а женщин плодовитыми.^[701] В окрестностях Керинии в Ахайе росла лоза, вино из которой взрывало плод чрева, более того, говорили, что сам виноград обладал подобным свойством.^[702] В Тасосе было два вида вина, из которых одно вызывало одурманивание, а другое было в высшей степени бодрящим.^[703] Вино, называемое антосмиасом,^[704] по словам Фания Эресского, производилось путем смешивания одной части соленой воды с пятьюдесятью частями вина, и считалось лучшим, когда его делали из винограда с молодых лоз. Комические поэты красноречиво восхваляют тасосские вина, особенно смешанный сорт с приятнейшим вкусом, который пили в их *Prytaneion*. Теофраст^[705] приводит рецепт его приготовления. По его словам, они бросали в кувшины небольшое количество муки, смешанной с медом, последний придавал вину сладкий запах, а первый - мягкость. Аналогичный эффект производило смешивание крепкого недущистого вина с маслянистым и ароматным.^[706]

Считалось, что вина Коса, Миндоса и Галикарнаса смягчают грубость дождевой и колодезной воды, поэтому они, как и все другие, содержащие большое количество соленой воды, пользовались большим спросом в Афинах и Сикионе, где источники были суровыми. Мареотическое вино^[707] производилось из виноградников на берегах озера Мареотис, где нынешний паша разводит свои сады, в окрестностях Марей, некогда значительного места, а ныне небольшой деревушки. Однако М. Абро, армянин, предпринял попытку вновь покрыть древние места виноградниками, несколько акров земли было засажено черенками, привезенными из большого питомника в Шамбери, в Савойе.

Город Марей получил свое название, согласно традиции, от Марона,^[708] человека, сопровождавшего Вакха в его военном походе, и в честь своего основателя окружил себя фруктовым деревом, наиболее угодным этому богу. Виноград, выращенный здесь, был очень вкусным, а вино, слегка терпкое и ароматное, обладало изысканным вкусом. Мареотик был белым, с нежным вкусом, легким, игристым и ни в коем случае не пьянящим. Лучшим сортом было тэниотическое, названное *так от тэниа*, "песчаных возвышенностей", на которых располагались виноградники. В чистом виде это вино имело зеленоватый оттенок, как и йоханисбергское, было насыщенным и тягучим; но при смешивании с водой оно приобретало цвет аттического меда. Постепенно виноградная лоза стала культивироваться по всему течению Нила^[709], но в разных местах ее плоды сильно отличались как по цвету, так и по качеству. Среди лучших - вина Антиллы, города близ Александрии, доходы от которых древние цари Египта, а затем и Персии, отдавали своим царицам на опоясание. Фиваидские

вина, особенно сделанные в Коптосе, были настолько легкими, что их можно было давать даже при лихорадке, к тому же они быстро проходили и способствовали пищеварению.^[710]

По мнению Никандра Колофонского, слово οἶνος, "вино", произошло от имени *Ойнея*, который, выжав сок винограда в вазы, назвал его, в честь своего имени, *вином*. Дифинос,^[711] комический поэт, дает нам, однако, нечто лучшее, чем этимологии, в том взрыве вакхического энтузиазма, в котором, в стихах, благоухающих, как бургундское вино, он прославляет дар Диониса:

"О, друг мудрых, детей песен,

Возьми меня с собою, мудрейший и сладчайший, с собою;

Смиренным, смиренным, гордым мысли ты принеси,

Ибо несчастный, кто владеет тобою, - Блистательный, как король:

С бровей мудреца, в шутливой игре твоей,

Ты разглаживаешь каждую борозду, каждую морщинку;

Слабым ты даешь силу, а нищим - золото,

И раб, согретый тобою, как лев смелый".

Нектар, поэтический напиток богов, был разновидностью вина, сделанного около Олимposa в Лидии, путем смешивания с соком винограда небольшого количества чистого меда и цветов с тонким ароматом. Анаксандрид считает нектар пищей бессмертных, а амброзию - их вином; в этом мнении его поддерживают Алкман и Сапфо. Но Гомер и Ибикос придерживаются противоположного мнения.^[712]

Алексий говорит о тех, кто находится в полуморе, как о пристрастившихся к рассуждениям. Никейнет^[713] считает вино Пегасом поэта, на крыльях которого он, подобно Тригеосу на своем жуке, взлетает "к светлым небесам изобретений". В порту Мунихия хорошее вино тоже высоко ценилось; честные жители этого города, не испытывая особого почтения к водным нимфам, воздавали особые почести герою *Акратопотесу*, то есть, говоря простым языком, "тому, кто пьет несмешанное вино". Даже среди спартанцев, несмотря на их котоны и черный бульон, некоторые кулинарные мастера устанавливали в Фидитионе, или общей столовой, статуи в честь героев *Маттона* и *Кераона*, то есть гениев еды и питья. В Ахайе также очень почитали *Деипнея*, или бога, который руководит хорошими ужинами.^[715]

Поскольку греки относились к вину с удивительным уважением, они, подобно немецкому любителю бумаги, почти воображали, что его можно сделать из камня. У них, соответственно, было вино из инжира,^[716] из корней, пальмовое вино и так далее; а уж изготовленных или смешанных вин было не счесть. Вряд ли найдется остров или город в Средиземноморье, который не экспортировал бы свои вина в Афины: у них было лесбийское, эвбейское, пепаретское, халибонское, тасийское, прамнийское и портвейн. Мы уже отмечали, что вино пили смешанным с мукой,^[717] а на острове Тере его сгущали желтком яйца. В Мегарисе из изюма или сушеного винограда готовили^[718] вино под названием *лассон*, по вкусу напоминающее игостинское сладкое вино или критский мальмси. Но какими бы изысканными ни были сами вина, в летние месяцы их не считали достаточными,

если они не подавались к столу охлажденными льдом или снегом,^[719] что, соответственно, и делалось.

621. Athen. vii. 23.

622. Афины. iv. 23.

623. Одинокий воробей обитает на скалах Дельф, а певчий дрозд слышен в сосновых лесах Парнаса. Над ними, когда высоты гор покрыты снегом, можно увидеть эмберизу Нивалис, обительницу как замерзшего Шпицбергена, так и Греческих Альп.-Sibthorpe in Walp. Mem. i. 76, seq. Гомер, как говорят, написал поэму под названием Ἑπικῆλίδες, потому что, когда он пел ее мальчикам, они награждали его дроздами. Вследствие оценки этих птиц κῆλίζω "питаться дроздами" стало означать "жить роскошно" - Payne Knight, Prolegg. ad Hom. p. 8.

624. Краснокрылый дрозд, хорошо известный спортсменам в трудную погоду.

625. Athen. ii. 68.

626. Arist. Hist. Anim. viii. 3. p. 221. ix. 49. p. 305. Bekk.

627. Черепаха и лесной голубь водятся в лесах и зарослях. Из жаворонков наиболее часто встречается хохлатый жаворонок, а также небольшой вид, вероятно, *alauda campestris* Linnæus. Черные дрозды часто встречаются в оливковых зарослях Пендели -Sibth. in Walp. Mem. i. 76.

628. Athen. ii. 69-72.

629. См. фрагмент гирлянды-продавца Эвбулоса в Athen. ix. 33.

630. Athen. ix. 38.

631. Ни одна птица, похоже, не озадачивала комментаторов больше, чем *аттагас*: одни полагают, что это *франколин*, или тетерев, как считает Шнайдер; другие, как Пассоу, *рябчик*; третьи, как Эйнсворт, считают, что это была вкусная птица, похожая на нашего вальдшнепа или бекаса. Mr. Mitchell's edit. of the *Acharnæ* of Aristophanes, 783.- Этот ученый писатель признается, что не понимает, что Шнайдер подразумевает под *франколином*. В итальянском языке это слово звучит как *francolino*, как явствует из Bellon. v. 6: Les Italiens ont nommé cet oiseau Francolin, que parcequ'il est franc dans ce pays, c'est-à-dire, qu'il est défendu au peuple d'en tuer: il n'y a que les princes qui aient cette prérogative.-Valmont de Bomare, ii. 739.-Hardouin считает, что аттагас - это *gallina rustica*, или *gelinotte de bois*, которую Лаво объясняет как разновидность куропатки.-Cf. Dict. Franç. in voce, и Plin. Hist. Nat. xi. 68. ed. Franz. Cp. Schol. Aristoph. Vesp. 257. Эта птица в изобилии водилась в окрестностях Марафона, Рас. 249.

632. Athen. ix. 40. Aristoph. Hist. Anim. i. 17. viii. 6.

633. Schol. Аристоф. Eq. 103.

634. Schol. Aristoph. Eq. 803.- Считалось, что она также заслуживает места среди подношений Асклепию, особенно благочестивыми старухами, которые, потеряв зубы, не могли есть ничего другого. Вместо классического названия ὀθάρρα эта каша получила на диалекте простого народа более домашнее обозначение κούρκουτῆ. Schol. Plut. 673.

635. Athen. iii. 101. iv. 30.

636. Ономаст. vi. 62.- Изготавливается обычно из семян падалицы в Карию.- Schol. Aristoph. Pac. 580, et Eq. 803. Cp. Goguet, Origine des Loix, i. 212.
637. Onomast. i. 237. vi. 57, 69.
638. Vid. Schol. Арист. Eq. 949. Ахарн. 1066.
639. Аристоф. Eq. 208.
640. Athen. ii. 19.
641. Аристоф. Eq. 422. Брунк.
642. Aristoph. Pac. 503.
643. Cp. Лукиан. Amor. § 33.
644. Cp. Арист. Acharn. 166. Eq. 493. Афины. xiii. 22.
645. Это так же хорошо, как ответ одного английского рабочего, которого упрекнули в том, что он болтает во время питья, он ответил: "Сэр, я как еж - когда я мокрый, я открываюсь".
646. Гесиод. Oper. et Dies, 41. ed. Gœtting. Аристоф. Plut. 543. Brunck.-Lobeck. Aglaoph. p. 899.
647. Ядра каменной сосны подают к столу в Турции. Они очень распространены в кухнях Алеппо.- Russell ap. Walp. Mem. i. 236.
648. Tim. Lex. Platon. v. στέρφυλα, p. 239. Ruhnken. Athen. ii. 45.
649. Schol. Aristoph. Vesp. 505.
650. Афины. ix. 37.
651. Not. ad Timæi Lex. Plat. p. 189. Cp. Platon. Conviv. Oper. iv. 404. Bekk. Athen. ii. 50.
652. Athen. ii. 50.
653. Поттер, Археол. Græc. iv. 20. Stuck. Антик. Conviv. iii. 11. Петрон. Satyr. § 31. 33.
654. σίκυα или длинная индийская тыква, названная так потому, что ее семена были впервые привезены из Индии в Грецию. Athen. ii. 53.
655. Schol. Аристоф. Nub. 189. 191. Eccles. 1092. Theoph. Hist. Plant. vii. 13. 8. Диоскор. ii. 200, и далее. Athen. xii. 44. 70. Plin. Hist. Nat. xix. 11.
656. Athen. ii. 57.
657. Athen. ii. 57. 59.
658. Plin. Hist. Nat. xix. 11. Schol. Aristoph. Nub. 191. 199.
659. Диоскорид. ii. 154.
660. Sch. Аристоф. Eq. 891.
661. Его называют *лазером*, Plin. Hist. Nat. xix. 15. Hard. Но Филоксен в своем глоссарии пишет λάσαριον. Idem. См. Dioscorid. iii. 76; и Strabo, xi. 13. t. ii. p. 452. Cp. Ezek. Spanh. Diss. iv. De Usu et Præstant. Numism. p. 253, sqq. Бротье, в своих примечаниях к Плинию, отмечает, со

ссылкой на Ле Мэра, что Сильфион все еще находят в окрестностях Дерне, где он называется *sefie* или *zerra*.

662. Onomast. vi. 67.

663. Ap. Athen. ii. 64.

664. Plat. Tim. t. vii. p. 119. Bruyerin. de Re Cib. 1. xi. p. 447, sqq.

665. В настоящее время в Греции зеленая смоква считается немодной. Хобхауз, Путешествия, i. 227.

666. Афины. iii. 6. Meurs. Lect. Att. v. 16. p. 274.

667. Афины. iii. 6.

668. Fragm. Γεωργ. iv. t. ii. p. 268. Бекк.

669. Athen. iii. 7.

670. См. Schol. Аристоф. Acharn. 707.

671. Athen. iii. 19.

672. Стесих. ап. Athen. iii. 20.

673. Афины. iii. 21.

674. Антигонос Каристиос, ап. Афины. iii. 22.

675. Vict. Var. Lect. p. 892.

676. Hist. Plantarum, iv. 4. 2. Апельсин достигает большого совершенства на Крите. Мистер Пэшли говорит о двенадцати различных видах и почти стольких же сортах лимонов. Путешествия, i. 96, и далее.

677. Ап. Athen. iii. 27. Mitford, Hist. Greece, i. 154, note 59, введенный в заблуждение Бартелеми (Anacharsis, ch. 59), путает Антифана, комического поэта, родившегося в 407 г. до н. э. (Clinton, Fast. Hellen. ii. 81) с Антифоном, мастером Фукидида, который родился в 479 г. до н. э. и умер в 411 г., за четыре года до рождения Антифана. -Clinton, ii. 31, 37.

678. Athen. iii. 28.

679. Theoph. Hist. Plant. iii. 13, 1.

680. О нем говорит Ксенофан в своем трактате περὶ φύσεως. Poll. vi. 46. Этот философ родился около 40-й Олимпиады, 620 г. до н. э. -Clinton, Fast. Hellen. ii. sub an. 477.

681. Ягода кедра, примерно такого же размера, как ягода мирта, имела приятный вкус и обычно употреблялась в пищу -Theoph. Hist. Plant. iii. 12. 3.

682. Athen. ii. 33-37. Лакомство весьма своеобразного характера иногда можно увидеть на столах современных греков. "Нам подали также несколько φασκομήλια, или шалфейных яблок, раздутых опухолей, образовавшихся на одном из видов шалфея и являющихся результатом прокола цинопса" -Sibth. in Walp. Mem. t. i. p. 62. Cp. Sibth. Flor. Græc. t. i. pl. 15.

683. Theoph. Hist. Plant. i. 11. 2.

684. Athen. ii. 40.

685. Диоскорид. i. 176. Athen. ii. 42. Cp. Hippocrat. de Morb. ii. p. 484. Foës.

686. Афины. ii. 43.

687. Athen. xiv. 61.

688. Мы находим, что персея росла также на острове Родос, но там, хотя цветы и появлялись, она не приносила плодов.-Theoph. Hist. Plant. iii. 3, 5. Полное описание дерева см. в iv. 2, 5, а также в Caus. Plant. ii. 3, 7.- Говорят, что на своей родине, в Персии, плоды этого дерева были ядовитыми, поэтому спутники Камбиза взяли с собой множество молодых деревьев, которые они посадили в разных частях Египта, чтобы жители, питаясь плодами, погибли. Но под влиянием почвы и климата природа персеи полностью изменилась, и вместо суровой и смертоносной ягоды получился вкусный плод.- Ilia. de Nat. Animal. ap. Schneid. ad Theoph. Hist. Plant. iv. 2, 5. t. iii. p. 284.-Cf. Athen. xiv. 61.-Schweigh. Animadv. t. xii. p. 585. Плин. xv. 13. xvi. 46.

689. Athen. xiv. 63.

690. Лучшие гранаты, однако, выращивались в Египте и Киликии.-Theoph. Caus. Plant. ii. 13. 4.

691. Athen. xiv. 64.

692. Феоф. Char. pp. 33, 233. Касаб. На одной из главных улиц Афин в настоящее время растет очень красивая пальма - журнал "Блэквуд", апрель, 1838.

693. Поллукс, i. 73. Ирод. i. 28, 172, 193. ii. 156. iv. 172, 183.

694. Plato de Legg. t. viii. p. 106. Бекк. Athen. xiv. 68.

695. Athen. xiv. 68. Cp. Bruyerin. de Re Cibaria, xi. 447, sqq.

696. Bibliothèque Orientale, Article Giamschid.

697. Geog. Sacr. I. ii. 13.

698. Chæreas. ap. Athen. i. 58.

699. Athen. i. 47.

700. Hist. Plant. ix. 18. 10, seq. У Афиня в место Гераклеи мы находим Герею, i. 57. Cp. Ælian. Var. Hist. xiii. 6.

701. Тот же эффект приписывали водам фонтана, струившегося возле храма Афродиты на горе Гиметтос.-Chandler, ii. 164.

702. Plin. Hist. Nat. xiv. 18.

703. Athen. i. 57.

704. Ὁ ἀνθέων ὁσμὴν ἔχων οἶνος.-Etym. Mag. 108. 41. Cp. Suid. v. ἀνθοσμία. t. i. p. 289. b. Aristoph. Plut. 808. Ran. 1181.

705. De Odor. 51.

706. Athen. i. 56.- По предположению г-на Пэшли, в Кидонии на Крите производили хорошее вино.- Путешествия по Криту, i. 23, seq.

707. Афины. i. 59.

708. Idem, i. 60. Горат. Carm. i. 37. 14.

709. Судя по всему, выращивание виноградной лозы процветало в Египте вплоть до правления халифа Бимриллаха, который приказал полностью уничтожить все виноградники как в долине Нила, так и в Сирии. Maured Allatafet Jemaleddini, p. 7.

710. Athen. i. 60.

711. Idem, ii. 1, где собрано множество других этимологий и любопытных басен.

712. Афины. ii. 8.

713. Или Никархос. Anthol. Græc. xiii. 29. Афины. ii. 9.

714. Афины. ii. 9.

715. Афины. ii. 9. Cp. x. 9.

716. Damm. 2224. βρύτον. Athen. x. 67. Plato de Rep. t. vi. p. 144. Ксеноф. Anab. p. 54. 138. Cyrop. p. 522. Plin. Hist. Nat. xiii. 4. Diod. Sic. ii. 136. Ο οἶνος συκίτης vid. Foës. Œcon. Hip. in v. Dioscorid. v. 40. Лотосовое вино. Theoph. Hist. Plant, iv. 3. 1. Ирод, iv. 177. Афины. vii. 9-13.

717. Plato de Repub. t. vi. p. 144. Бекк. Athen. viii. 1. О прамнийцах см. Athen. 1, 17.

718. Афины. x. 41.

719. Athen. x. 56.

ГЛАВА V. РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

После того как мы быстро ознакомились с материалами, из которых состояли греческие трапезы, необходимо описать, каким образом все эти блага использовались, во-первых, для поддержания энергии организма, а во-вторых, для простого удовольствия и времяпрепровождения. Локк, как и многие другие современные философы, ошибочно полагает, что греки далекой древности были настолько воздержанны, что довольствовались одним приемом пищи в день. Но опыт, похоже, привел все человечество в этом вопросе к одному и тому же выводу, а именно, что здоровье и комфорт требуют, чтобы люди ели по крайней мере три раза в день,^[720] что, соответственно, было практикой древних греков, хотя Филемон и другие перечисляют четыре трапезы. Наши предки до появления чая и кофе, похоже, вполне довольствовались пивом или элем для утренней трапезы, так что мы не могли бы пожалеть греков, даже если бы выяснилось, что у них не было ничего лучше^[721], чем горячие булочки, кексы или сухарики с клубникой, виноградом, грушами и фляжкой чианского или фалернского. Но вскоре они обнаружили необходимость в каком-то теплом напитке; и хотя не известно, как он готовился, у них был заменитель чая,^[722] который использовался в Афинах, на Эвбее, на Крите и, несомненно, во всех других частях Греции.

Эта еда, из чего бы она ни состояла, называлась *акратисма*, или *аристон*, и ели ее в рассвете сил.^[723] Герои Гомера, чьим делом было сражаться, просто наскоро перекусывали и спешили на поле; но в Афинах, где у людей были другие занятия, они завтракали рано, чтобы дать себе достаточно времени для выполнения своих дел в городе, если они у них были, а затем на соседних фермах или виллах.^[724] Вторую трапезу, *дейпнон*, или ужин, по-видимому, принимали около одиннадцати или двенадцати часов: *гесперисма*,^[725] эквивалент нашего чая, - поздно вечером, а *дорпон*, или ужин, - в последнюю очередь. Но из этих трапез только две были серьезным делом, а от *гесперизма* часто вообще отказывались. Афиней, большой авторитет в этом вопросе, считает совершенно абсурдным предположение, что экономные древние могли думать о том, чтобы есть так часто, как три раза за день.^[726]

Поскольку большее включает в себя меньшее, вместо того чтобы ограничиться обычным ежедневным обедом грека, мы предпочтем описать их грандиозные развлечения, попутно делая замечания о первых. Эти пиры делились на три класса: общественный обед, пикник и брачный пир. Последний, насколько он имел какие-либо особенности, был описан среди обстоятельств, сопутствующих браку. Поэтому в настоящее время мы имеем дело только с двумя из них; и поскольку грек сумел вложить много своей изобретательности во все вопросы, связанные с пиршествами и весельем, обсуждение этой части нашей темы должно сильно смаковать веселье и радость.

Грандиозный обед,^[727] который они называли *eilapinè*, обычно давался за счет отдельного лица, и его пышность не знала предела, кроме средств хозяина. Были и другие виды пиров, на которых развлекались все члены племени, округа или братства, не говоря уже об общих столах критян, спартанцев или афинских пританов. Теперь мы ограничимся теми веселыми сборищами частных лиц, целью которых был не столько обед, хотя и это не оставалось без внимания, сколько подъем животного духа и душевный подъем, вызванный соединением тысячи различных обстоятельств.

Когда богатый человек желал видеть у себя в гостях друзей, он передавал своему *дейпноклеттору*^[728] хранившуюся у него для этой цели дощечку, или, как лучше сказать, карточку, на которой были написаны имена приглашенных лиц с указанием дня и часа, назначенного для пира. С братьями и другими очень близкими родственниками эта церемония считалась излишней.^[729] Они приходили без приглашения. Так же поступал и другой класс людей, которые, живя на свободе среди людей и без приглашения врываясь в любой спорт, куда их привлекал аромат хорошего обеда, назывались^[730] Мухи, и иногда Тени или Паразиты. В свое время в Афинах был принят закон, который немало обескуражил этих джентльменов. Было постановлено, что на брачном пире должно собираться не более тридцати человек, и один богатый гражданин, желая "оторваться по полной", пригласил всех. Однако честный Флай, который не уважал никаких законов, мешающих его желудку, сумел представиться и занял место в нижнем конце стола. Вскоре вошел назначенный для этой цели магистрат и, заметив своего человека, начал считать гостей, начиная с другой стороны и заканчивая паразитом. "Друг, - сказал он, - ты должен удалиться. Я обнаружил, что здесь на одного человека больше, чем разрешено законом". "Это большая ошибка, сэр, - ответила муха, - и вы убедитесь в этом, если будете добры пересчитать еще раз, начав с *этой стороны*". У египтян, которые окутывали всю свою поэзию иероглифами, муха была эмблемой наглости, которая обязательно составляла главную квалификацию паразита, а по мнению Хьюма^[732] - неплохим приобретением для любого человека, который хочет пробиться в мире.

Архиепископ Поттер^[733] в своем рассказе о греческих развлечениях отмечает, опираясь на авторитет Цицерона и Корнелия Непоса, что женщин никогда не приглашали вместе с

мужчинами.^[734] Но в этом, как было показано в соответствующем месте, он был введен в заблуждение этими учеными римлянами; ведь во многих городах и колониях Греции не было ни одного банкета, на котором бы они не присутствовали. Даже в Афинах, где женщины с характером считали неприличным принимать участие в веселых пирушках мужчин,^[735] в которых вино постоянно переходило границы приличия, их место занимали гетеры, чьи отточенные манеры, готовый ум, расширенное и просвещенное понимание рекомендовали их своим спутникам и заставляли забыть о расхлябанности их нравов.^[736] Продолжим, однако, наше пиршество: легко предположить, что джентльмены, приглашенные на обед, старались элегантно одеться, чисто побриться, уложить бороду и усы по самой одобрительной моде того времени. Даже Сократ, который, как и большинство людей, мало заботился о внешнем виде, принимал ванну, надевал пару новых туфель, чистил хламиду и приводил себя в порядок, когда собирался пообедать у Агатона с Федросом, Аристофаном, Эриксимахом и другими знатными людьми. Даже в гомеровские времена ванна была среди предварительных процедур перед ужином, а гостей, прибывших издалека, сопровождали во всех операциях туалета женщины-рабыни.^[737] Но это общее омовение не считалось достаточным. Когда гости садились за стол, им снова подносили воду в серебряных^[738] или золотых умывальниках. А поскольку ели пальцами, как это до сих пор принято в Леванте, то, кроме того, было принято мыть руки между каждым блюдом,^[739] и вытирать их,^[740] в более отдаленные века мягким хлебом, который бросали собакам, а в более поздние времена - салфетками. Однако аркадяне, на чьих горах все старые суеверия Эллады сцепились, как летучие мыши, нашли совсем другое применение лепешкам, которыми они вытирали пальцы. Они полагали, что в результате этой операции они приобретают некую мистическую силу, и хранили их как амулет против привидений.^[741]

Но мы слишком торопимся, ведь гости еще не успели войти в дом, а наше воображение уже подскочило к разгадке. Вернемся назад. Сразу же после входа, когда хозяин приветствовал и пожимал всем руки, те джентльмены, у которых были бороды^(), надушивали их над горящими кадилницами с ладаном, как дамы надушивают свои локоны при посещении турецкого гарема. Руки тоже благоухали после каждого омовения.^[743] Прежде чем сесть за стол, и пока повара перчили суп, жарили рыбу или делали очередной оборот жареному мясу, вежливость требовала от гостей прогуляться^[744] по картинной галерее и полюбоваться изысканным вкусом их развлекателя в предметах *добродетели*.^[745] Здесь, пока аромат пикантных яств проникал в каждую квартиру и заставлял скрипеть кишки голодных паразитов, хорошо пообедавшие дома плуты неторопливо обсуждали достоинства Зевксиса или Паррасия, Фидия или Полигнота или широко раскрывали глаза на микроскопические творения того спартанского художника, чей резец создал колесницу и четверку, которую можно было спрятать под крылом мухи. Однако в конце концов знатоки прерывали свои ученые изыскания появлением Ксанфа, Давоса или Лидоса с радостной вестью о том, что ужин уже на столе.

Но аппетитам гурманов предстояло еще одно испытание.^[746] Греки были прежде всего набожным народом и рассматривали каждый банкет, а точнее, каждую трапезу, в свете жертвоприношения, на котором первая и лучшая порция должна быть принесена в жертву богам,^[747] с возлияниями и молитвами, после чего считалось законным заняться своими аппетитами. Посреди каждой столовой, соответственно, стоял алтарь Зевса, на котором совершались эти церемонии и возлияния чистого вина.^[748] После этого гости занимали свои места, в прежние века на стульях, а впоследствии, когда они познакомились с Востоком, на богатых диванах, расставленных вокруг стола.^[749] Иногда, однако, даже в эпоху Александра,^[750] принцы и другие великие люди предпочитали придерживаться древнего

обычая, а однажды этот завоеватель сам принимал четыреста своих офицеров, когда для всех были предоставлены сиденья из кованого серебра, покрытые пурпурными коврами.

Манера возлежания на диванах была несколько нелепой. Ибо вначале, пока аппетит был острым, они растягивались на животе, чтобы, как я полагаю, распорядиться обеими руками, и, выставляя вперед рот по направлению к столу, были похожи на воробьев с раскрытыми клювами, выступающими над гнездом. Но так им было удобно делать только тогда, когда у них было большое свободное пространство. Когда они располагались тесно, как это обычно бывало, один человек, главный по достоинству, сбросив обувь,^[751] располагался на верхнем конце дивана, то есть рядом с хозяином, откинувшись на один локоть, подпертый мягкими подушками. Голова следующего человека доходила почти до его груди, - так в Писании говорится о возлюбленном ученике, возлежавшем на лоне Христа,^[752] - а ноги первого простирались позади него. Третий гость занимал такое же положение по отношению ко второму, и так далее, пока на одном диване не оказывалось порой пять человек, теснящих друг друга.

Поскольку небо поэтов было лишь колоссальным изображением земли, мы можем, исходя из практики богов, сделать вывод о том, что происходило среди смертных, даже если это не подтверждается прямыми свидетельствами. Так, у Гомера мы видим, как боги и богини свободно смешиваются на пиру. Зевс занимает место во главе стола, рядом с ним сидит его дочь Афина, а царственная Гера, как царица небес, первенствует над всеми олимпийцами, располагаясь во главе второстепенных божеств, прямо напротив своего мужа. В одном случае мы видим, как Афина, образец гостеприимства и вежливости, уступает свое почетное место Фетиде, поскольку, будучи Океанидой, она была в некотором роде чужой в Олимпосе.^[753] Поттер обсуждает вопрос о старшинстве за столом с большей ученостью, чем с проницательностью. Чтобы сделать этот вопрос совершенно понятным, нужен план столовой; но, не имея его, можно заметить, что в Персии царь или хозяин любого ранга сидел в центре, а гости располагались по обе стороны от него.

В Греции нижним концом стола был конец, расположенный рядом с дверью. Здесь никто не садился, так как стол оставался открытым для слуг, которые приносили и уносили блюда. С этой точки, по обе стороны, места увеличивались в цене, и, следовательно, самым почетным местом была середина другого конца.^[754] Были, однако, и те, кто не придавал значения этим вопросам, а позволял своим гостям рассаживаться по своему усмотрению. Так было с Тимоном, который, пригласив весьма разношерстную компанию, не стал утруждать себя решением вопроса о старшинстве между ними; но один напыщенный человек аристократического происхождения, одетый как актер, прибыл поздно с большой свитой и, осмотрев компанию с порога, снова удалился, заметив, что для него не нашлось подходящего места. На это гости, которые, как замечает Плутарх, далеко зашли в свои кубки, разразились хохотом и посоветовали ему поскорее отправиться домой.^[755]

Некоторые люди придерживались совершенно иного порядка в расстановке гостей, объединяя тех, кто, по их мнению, подходил друг другу по возрасту или темпераменту, чтобы таким образом добиться общей гармонии, - буйных и стремительных помещали рядом с кроткими и нежными, молчаливых - рядом с разговорчивыми, зрелых и полных и обширных умов - рядом с теми, кто был готов получать наставления. Но очень часто, как у Агатона, рядом сидели те, кто был наиболее близко знаком или объединен дружбой; ведь таким образом можно было добиться наибольшей свободы общения и ярчайших вспышек дружеского остроумия.

Однако в конце концов мы должны представить, что гости заняли свои места, а все вещи находятся в надлежащем порядке. Слуги вносят сначала один хорошо накрытый стол, затем второй, третий, пока вся комната не заполняется яствами. Блестящие лампы и люстры заливают светом коронованные головы гостей, нагроможденные сладости, сверкающие блюда и все приманки, на которые ловится аппетит. Затем на серебряных подносах были поданы пирожные белее снега. К ним добавились яйца, острые травы, устрицы и дрозды.^[756] Затем несколько блюд с сочными угрями, коричневыми и хрустящими, густо посыпанными солью, за ними - восхитительный конгер, наряженный всеми редкими кулинарными приемами, рассчитанными на то, чтобы восхитить вкус богов. Затем следовало брюхо большого ската, круглое, как обруч; блюда, на одном из которых лежали ломтики морской собаки, на другом - спарос, на третьем - каракатица или дымящийся полип, чьи ножки были нежнее куриных. Пока вид этих лакомств услаждал взоры гостей, носы бывалых сообщили им о приближении синодона,^[757] который благоухал в переходах по всему пути из кухни, и, окруженный каламарами, покрывал весь стол. Там же были креветки в желтых кюрасах, сладкие на вкус, как мед, и восхитительные сорта слоеного теста, окаймленные свежей зеленой листвой.^[758] Зубы паразитов заныли при этом зрелище. Но пока они предавались обсуждению этих благ, в зал вошли дымящиеся ломтики запеченного кролика, свежая кефаль из рыбного котла, соски молодой свиноматки, приготовленные *en ragoût*.

Предполагалось, что всевозможные удовольствия способствуют пищеварению, поэтому певички, флейтистки и танцовщицы тем временем упражнялись в своих искусствах для развлечения гостей. Но поскольку они не обращали на них внимания, пока не утолили голод, мы подражаем их примеру и перейдем к гурманству. Одним из величайших умений, которым мог обладать благородный спутник, было умение захватывать пальцами и глотать шипяще-горячие кусочки жареной рыбы или куски баранины или телятины, зажаренные как шашлык, так, чтобы они слегка подгорели и потрескались снаружи, а внутри остался весь сок и аромат мяса. И поскольку это умение было очень важным, прилагались большие усилия, чтобы стать мастерами в этом деле. Для этого одни приучали себя ежедневно играть с раскаленными кочергами, другие закаляли пальцы, неоднократно окуная их в воду, настолько горячую, насколько они могли выдержать, и полоскали ею горло, а один знаменитый гурман, более изобретательный, чем остальные, придумал хитроумное приспособление - носить металлические напальчники, с помощью которых он мог схватить кабоб даже с колосников. Эти знатоки искусства еды - искусства, которым занимаются все, но в совершенстве владеют немногие, - имели большие преимущества перед невежественными и непосвященными. И соответствии с этим, когда их приглашали в гости, им обычно удавалось подкупить повара, чтобы он прислал все свои блюда, горячие, как Флегетон, чтобы, пока более скромные и неопытные гости сидели и глазели, они могли урвать лучшие куски и прийти снова, прежде чем остальные смогут отважиться хоть на глоток.

Среди блюд, которые подавались в таком палящем состоянии, были телячьи потроха, свиной харлет с подбородком, почки и множество мелких закусок. К ним можно добавить голову грудного ребенка, который не пробовал ничего, кроме молока, запеченную между двумя хорошо пригнанными друг к другу блюдами; вареные потроха; маленькие, нежные окорока с неразорванной белой шкуркой; свиные рыла и ноги, плавающие в белом соусе, который гурман Филоксен считал редким изобретением. Жареный ребенок и бараньи голени или те же продукты в вареном виде дополняли вышеперечисленные блюда и обычно делались так точно, что даже боги, например, Вакх и Гермес, паразиты Олимposa, могли спуститься специально, чтобы повилиять бородами над ними. Но левантийцы всегда любили разнообразие в кулинарии. Леди Уортли Монтегю насчитала пятьдесят блюд, поданных подряд на стол султаны Хафитен; и эта варварка, при всем ее богатстве, никогда не могла

соперничать с разнообразием изобретений древних элейских или сицилийских поваров, которые обычно завершали список своих лакомств зайцем, цыплятами, зажаренными до золотого цвета, прославленного Аристофаном, куропатками, фазанами, лесными голубями или горлицами, которых настоящий гурман должен есть в Фиваиде сразу после окончания сбора урожая. Но ужин еще не был окончен. Оставался десерт, состоящий из чистого меда из района серебряных рудников, творожных сливок, сырных тарталеток и всего того изобилия южных фруктов, о котором мы уже говорили.^[759]

Среди современных гурманов хорошо известно правило, согласно которому ни один человек не должен произносить ни слова за столом, пока не будет убрано первое блюдо, и точно такое же правило преобладало у древних. Тишина, однако, иногда прерывалась появлением какого-нибудь странствующего шута, которого после долгих скитаний в поисках ужина, возможно, привлекли крылья и перья, демонстративно разбросанные перед дверью. Такие дворяне не нуждались в представлении: им стоило только постучать и объявить о себе, чтобы получить готовый прием; ведь большинство мужчин охотно расставались с частью своего ужина, чтобы повеселиться над оставшейся частью. Афинский демос был в высшей степени склонен к такому юмору. Ни один царь не содержал такого большого штата дураков по профессии, или, что почти одно и то же, умников, - товарищей, которые перемалывали свои мысли в острые шутки, чтобы пощекотать рискованные мышцы и расширить рты гладких юнkers, не ценящих ничего, кроме еды и ухмылок.

На пиру, устроенном Каллиасом, знаменитым шутком, Филипп, родственник по духу, как я полагаю, Македонскому, представил себя таким образом, и, будучи принят, сказал: "Господа, - сказал он, - вы знаете мою профессию и ее привилегии, полагаясь на которые я пришел без приглашения, будучи противником всех церемоний и желая избавить вас от хлопот, связанных с официальным приглашением." Занимайте свое место, - ответил хозяин, - ваша компания была очень нужна, поскольку наши друзья, похоже, погрузились в серьезность по самый подбородок, и им бы очень помог искренний смех".

На самом деле головы честных людей были заняты очень серьезными размышлениями: все они были влюблены и старались выяснить, как каждый из них может превзойти другого в нелепости. Филипп начал опасаться, что его шутки попали на плохой рынок, и в действительности предпринял множество тщетных попыток разжечь дух веселья и вызвать к жизни воображение людей, которые, очевидно, позволили ему заблудиться до облаков. Осознав, что успех в этом деле - необходимое для его существования, шут был раздосадован равнодушием слушателей и, прервав ужин, закутал голову в хламиду и лег, словно собираясь умереть. "Что?" - вскричал Каллиас. "Не охватила ли тебя внезапная паника, друг?" - "Худшая из возможных, клянусь Зевсом!" - ответил Филипп, - "ибо с тех пор, как смех, как и справедливость, покинул землю, мое занятие исчезло. До сих пор я пользовался некоторой известностью, живя за государственный счет, как гости Пританеона, потому что мои шутки были действенны и могли накрыть стол. Но теперь, как я вижу, со мной все кончено, ибо я могу надеяться стать бессмертным, как и приобрести серьезные привычки". Все это он произнес надутым, унылым тоном, словно собираясь пролить слезы. Компания, чтобы отшутиться, взялась утешать его, и эффект от их насмешливых соболезнований и заверений, что они будут смеяться, если он продолжит ужин, был настолько нелепым, что Автолихос, юный друг Каллиаса, в конце концов не смог сдержать веселья; тогда шут взял себя в руки и, апострофируя его душу, очень серьезно сообщил ему, что им пока нет необходимости расставаться.^[761]

У греков, собственно говоря, не было гостиных, поэтому, вместо того чтобы удаляться в другую часть дома, они сразу после ужина убрали столы. Затем возносили ликбез Зевсу

Телеосу и, спев гимн Фебосу Аполлону, приступали к вечерним развлечениям. Для таких случаев всегда нанимали профессиональных певцов и музыкантов. Это были женщины-рабыни, отобранные в детстве за их красоту и начинающиеся таланты и тщательно воспитанные своими хозяевами.^[762] Когда они еще не были заняты, они стояли цветущим букетом на агоре, ожидая, подобно труженикам из Писания, пока кто-нибудь наймет их, после чего они шли, одетые и украшенные с большим изяществом, в дом пиршества. Но, кроме них, были и другие *артисты*, способствовавшие развлечению демоса, - люди, которые, подобно нашим индийским жонглерам, совершали удивительные подвиги в качестве интермедии между регулярными выступлениями девиц с агоры.^[763]

Ксенофонт вводит в живую картину греческих нравов под названием "Банкет" подобную компанию. Находя шутки Филиппа скучными, он выводит на сцену бродячего сиракузца с прекрасной флейтисткой, танцовщицей, способной на удивительные подвиги, и красивым мальчиком, который не только играл на кифаре, но и мог, по случаю, побаловаться с пальцами ног, как его спутницы.

Но там, где присутствовали философы, подобные развлечения не могли занять все их внимание. Все, что происходило, становилось поводом для разговора, так что дискуссии, более или менее оживленные, в зависимости от темперамента или способностей собеседников, служили прочной основой, на которой распускались цветы веселья и смеха. Сразу после ужина было принято надушивать гостей, и богатые и тщеславные люди использовали для этого самые разнообразные благовония, эссенции и пахучие масла; но когда Каллий предложил в этом вопросе придерживаться установленного порядка, Сократ возразил, заметив, что запах почетного труда - достаточное благовоние для мужчины.^[764] Женщины, которым, естественно, принадлежит все сладкое и прекрасное, могли, признавал он, пользоваться духами, и они делали это наиболее пышно, как мы уже показали, когда входили в их гардеробную и помогали им в туалете.

Греки, однако, были осторожны и не превращали свои вечеринки удовольствий в арену для демонстрации диалектической силы. Время от времени они заглядывали в философию, но лишь попутно, в моменты перехода от одного вида отдыха к другому. Их беседа то и дело прерывалась появлением танцующих девушек,^[765] элегантно одетых, как мы видим их до сих пор на вазах и барельефах, в драпировки, приспособленные для демонстрации всей красоты их форм. Им приносили обручи, и пока музыканты их пола вызывали волнующие гармонии флейты, они выполняли множество грациозных движений, отчасти пантомимических, - то подбрасывая обручи вверх, то ловя их, когда они падали, в точном соответствии с каденциями флейты. Их мастерство в этом деле было столь велико, что многие могли одновременно держать в воздухе двенадцать обручей, а другие пользовались поньярдами.^[766]

Когда новизна этого зрелища немного улетучилась, последовали другие разнообразные подвиги. Посреди комнаты был поставлен обруч, утыканный по кругу вертикальными мечами, в который одна из танцующих девушек бросалась головой вперед и, стоя на голове, балансировала нижней частью тела над обнаженными острями, к безграничному ужасу зрителей. Затем она выныривала между мечами и, одним рывком, вновь становилась на ноги вне круга.^[767] Чтобы еще больше развлечь компанию, какой-нибудь паразитический шут иногда брался демонстрировать свою неуклюжесть в противовес грации танцоров, резвясь с неуклюжей тяжестью медведя и преувеличивая собственное незнание оркестровой техники, чтобы вызвать смех. Иногда женщина-танцовщица, подобно нашим прекрасным кувыркательницам, откидывала назад голову, пока та не достигала ее пяток, а затем, приведя себя в движение, каталась по комнате, как hoor.hoop.^[768] К этим, в качестве облегчения и

перемены, присоединялся, возможно, юноша с прекрасным богатым голосом, который сопровождал себя песней на лире.

Но ничто не могло удержать греков от удовольствия слушать собственные голоса. Вскоре в разных частях комнаты послышался гул разговора, который, когда присутствовал Сократ, иногда вызывал у него язвительный упрек. Например, за ужином Каллий, видя, что компания разбилась на узлы, каждый из которых трудился над каким-нибудь вопросом диалектики и наполнял комнату лепетом сбивчивого бормотания, сказал: "Раз уж мы говорим все разом, - сказал он, - то и петь можем все разом"; и без дальнейших церемоний он подал голос и начал песню.^[769]

Но когда в зале появлялись жонглеры, джентльмены недолго оставались предоставленными самим себе в поисках развлечений. Трюк следовал за трюком быстрой чередой. К пантомимическим танцам и кругу с мечами добавилась выставка гончарного круга, в которой молодая девушка, сидящая на этом механизме, подобно маленькому нубийцу на коровьем хвосте в *сакии*, кружилась с огромной скоростью,^[770] но сохраняла такое самообладание, что могла и писать, и читать. Однако все это было лишь источником сиюминутного удивления. Другие развлечения были способны вызвать более сильное восхищение, например, мимический танец, который, как и танец гавази, мог рассказать целую историю любви, приключений, войны, религиозного безумия и энтузиазма, перенося яркими образами воображение зрителей в более теплые или дикие сцены, вызывая образы и воспоминания о давно минувших временах или погружая мысли в поэтические грезы, наполненные пещерными нимфами, веселыми Сейлени, резвящимися сатирами, Вакхосом, Паном, Часами, Грациями, резвящимися у лунных фонтанов, в античных лесах, или на усыпанном песком берегу океана".^[771]

В некоторых случаях изображалась небольшая драматическая сцена. Расчистив центр пиршественного зала, гости выстраивались в порядке, как в театре. Затем на открытом пространстве устанавливали трон, и женщина-актер, изображавшая Ариадну, войдя, занимала на нем место, одетая и наряженная как невеста, и предполагалось, что она находится в своем Таламосе на Наксосе. Дионис, обедавший с Зевсом, входит в гарем, благоухая олимпийским нектаром, под звуки вакхической флейты, а нимфа, услышавшая его приближающиеся шаги, своим поведением дает понять, что душа ее исполнена радости, хотя она не идет и не встает ему навстречу, а с трудом сдерживает свои чувства и остается внешне спокойной. Бог, приближаясь с бесстрастными взглядами и все время танцуя, садится и сажает красавицу на свое колено. Затем, подражая смертным влюбленным, он обнимает и целует ее, ничуть не медля, ибо, хотя она опускает голову, желая показаться не в своей тарелке, ее руки обхватывают его шею и возвращают ему объятия. При этих словах компания, мы можем быть уверены, захлопала и закричала. Бог, ободренный их похвалами, вставал со своей невестой и, пройдя через всю пантомиму ухаживания, не холодно и бесчувственно, а как тот, чье сердце было тронуто, в конце концов требовал от Ариадны, действительно ли она его любит. Иногда мимическая сцена скрывала под собой всю реальность страсти. Перевоплощаясь в очарованных персонажей, юный актер и его партнерша учились любить на самом деле; и то, что для других было забавой, для них имело глубокий и серьезный смысл. Так, по словам Ксенофонта, было с юношей и девой, оживившими пир Каллиаса. Поглощенные искренностью своих чувств, они, кажется, забыли о присутствии зрителей и вместо сценического представления представили им сцену из реальной жизни, где каждый бесстрастный взгляд и жест были искренними, а каждый пламенный взгляд разжигал сердце.^[772]

Однако это можно считать серьезным развлечением, и нужно было что-то вроде широкого фарса, чтобы пробудить гостей от задумчивости, в которую их погрузила любовная сцена. Поэтому в ход пошли шуты, а поскольку даже они порой не могли вызвать смех, то разгонять тучи серьезности были призваны их более юморные собратья - лесные остро словы и шуты, или, говоря языком смертных, обезьяны. Это были любимые шуты скифа Анахарсиса - не аббата Бартеlemi, - который говорил, что может смеяться над проделками обезьяны, потому что ее проделки естественны, но не находит развлечения в человеке, который делает из этого ремесло.^[773] Еврипид также не мог налюбоваться каламбурами и производителями шуток, которых он с некоторым основанием рассматривал как вид животных, отличный от человечества.

Много есть таких, кто упражняет свой ум

Рождая смех с помощью шуток.

Ненавижу я плутов, чьи грубые разнузданные языки

С мудрыми играют; и не могу я в жизни

Считать их людьми, хоть смех и становится ими,

И дома их полны сокровищ.

Из дальних стран.^[774]

Но если Еврипид не находил в смехе ничего желательного, то были и те, кто придерживался прямо противоположного мнения и ни о чем так не сожалел, как о потере своих смехотворных способностей. На этот счет у Семоса есть история, весьма *кстати*.

Пармениск, метапонтинец, спустившись, по его словам, в пещеру Трофония, стал настолько серьезным, что со всеми приспособлениями, и средствами в придачу, предоставляемыми богатством, а их было не мало, он впоследствии оказался совершенно не в состоянии напрячь свои мышцы для улыбки; приняв все близко к сердцу, как это было естественно, он совершил паломничество в Дельфы, чтобы узнать, какими средствами он может избавиться от синих дьяволов. Несколько озадаченная странностью вопроса, питонесса ответила: "Бедный смертный Унмерри!

Бедный смертный немертвый, кто хочет узнать.

Что поможет смягчить твой лоб, твои язвительные речи,

В дом матери я тебя отправляю.

Там ты найдешь, если она довольна, То, что сердцу твоему угодно.

Послушавшись этого, Пармениск поспешил домой, надеясь вскоре насладиться добрым смехом в награду за свое усердие; но, обнаружив, что черты его лица остаются неподвижными, как чугун, он начал подозревать, что оракул обманул его. Через некоторое время, оказавшись на Делосе, он с восхищением осмотрел несколько чудес острова и, наконец, направился в храм Лето, рассчитывая найти в матери Аполлона нечто достойное столь великого божества. Но, войдя в храм и увидев вместо нее гротескную и дымящуюся старую фигуру из дерева, он разразился неумеренным смехом, после чего в его сознании

всплыл ответ оракула, и он понял его; избавившись таким образом от своей немощи, он с тех пор всегда относился к богине с величайшим почтением.^[775]

Даже из этой истории видно, как высоко ценились "широкие ухмылки" в древности, особенно в Афинах, где существовал регулярный "Клуб умников", состоявший из трех десятков членов, которые собирались во время Диомеи^[776] в храме Геракла. До нас дошли имена некоторых из этих веселых смертных: Мандрогена, например, и Страто, Каллимедона, который за какие-то особые качества ума или тела получил прозвище *Омара*, Дейниаса, Мнасигейтона и Менекмоса. Репутация этих джентльменов быстро распространилась по городу, и, когда в среде мелких умников появлялась хорошая мысль, отмечалось, что "это сказал Шестидесятый". Или, если талантливого человека спрашивали, откуда он пришел, он отвечал: "От Шестидесяти". Это было во времена Демосфена, когда, к несчастью, шуты пользовались в Афинах большим спросом, чем солдаты; И Филипп Македонский, сам не промах, узнав о превосходном качестве их *шуток*, послал им в подарок талант золота с просьбой, чтобы, поскольку государственные дела не позволяют ему участвовать в заседаниях клуба, они составили для него письменный сборник всех их умных изречений, что, вероятно, стало первым шагом к тем хранилищам бродячего остроумия, называемым "Джо Миллерами", которые составляют столь необходимую часть библиотеки бонвивана.^[777]

Но мы все это время отрываем компанию от вина и других развлечений, которые плодотворный гений греков придумал для того, чтобы колеса жизни двигались плавно. Хотя столы, по моде того времени, убирались вместе с солидными яствами, на их место вносились другие, на которых в порядке расставлялись кадилницы, кубки, серебряные или золотые ковши для наполнения небольших кубков.^[778] Председатель, или, как его тогда называли, царь пира,^[779] пользовался абсолютной властью над своими подданными и мог лучше их собственных вкусов определить, сколько и как часто должен пить каждый человек. Этот важный функционер не всегда совпадал с развлекателем, но иногда был его заместителем, иногда человеком, выбранным по жребию.^[780] Вместительные чаши с вином,^[781] смешанным с водой, ставились на буфет, откуда виночерпии, иногда одного, иногда другого пола, но всегда отобранные по молодости и красоте, наполняли ковшами^[782] кубки гостей, которые, когда пена поднималась выше краев, по очевидной метафоре, считались увенчанными.^[783] Среди дорийских греков, похоже, всегда предпочитали женщин-кубоносиц; Птолеми Египта лелеяли тот же вкус; а жители Тарентума, сами дорийского происхождения, последовательно проходя через все стадии роскоши, в конце концов пришли к тому, что за столом им прислуживали красивые молодые женщины без малейших признаков одежды. В большинстве случаев эти девы были рабынями, но в некоторых странах, да и повсеместно в более отдаленные эпохи, выполнение таких обязанностей не считалось чем-то унижительным для лиц благородной или княжеской крови. Но, независимо от происхождения, красота форм и лица была их главной рекомендацией. Ибо есть язык взглядов и жестов, есть фонтан радости и восторга, скрытый глубоко в телесной структуре, и его воды смеются в глазах интеллекта и отражаются в сердцах тех, кто созерцает его, солнечным светом и бодростью, большей, чем мы получаем от созерцания летнего моря. Поэтому Геба и Ганимед были избраны прислуживать за столами богов, даже сам Зевс^[784] не отказался вкушать удовольствия, которое можно получить, греясь в лучах красоты.

Когда все кубки были увенчаны нектаром земли, хозяин пира^[785] подал пример доброжелательности, выпив за своих гостей, начиная с самых знатных.^[786] Первоначально обычай предписывал тому, кто пил за здоровье другого, осушать свой кубок, пока его товарищ делал то же самое; но в последующие века они отпивали лишь часть вина, а остаток, как это до сих пор делают на Востоке, преподносили своему другу. Последний, по

правилам вежливости, обязан был допить кубок или, если преобладала античная мода, выпить такой же по размеру.^[787] Македонцы, которые, вероятно, превосходили греков в пьянстве, если не в чем другом, презирали маленькие кубки как дающие очень окольный путь к опьянению, и погружались в Лету сразу с помощью самых вместительных чаш. Когда появилась практика передачи кубка по кругу, было принято, чтобы король пира пил за следующего человека по правую руку, который, в свою очередь, пил за следующего, и так далее, пока чаша не обойдет весь совет. Но в разных частях Греции преобладали разные обычаи. В Афинах в ходу были маленькие чаши, похожие на наши винные бокалы; у хиан, фракийцев и фессалийцев, народов, более склонных к чувственным наслаждениям, кубки были больших размеров; но в Спарте, где издавна процветали трезвость и бережливость, принято было пить из маленьких сосудов, которые, по мере необходимости, пополнялись слугами.^[788]

Исократ в своем увещевании Демоникосу указывает на различие между истинным и ложным другом, замечая, что в то время как последний думает только о тех, кто рядом с ним, первый помнит об отсутствующих и заставляет свою привязанность торжествовать над временем и расстоянием. И греки в целом обладали этим достоинством. Наслаждаясь праздничным столом, они вспоминали друзей других дней; и, совершив сначала возлияния богам, этим лучшим и чистейшим из друзей, пили за здоровье и процветание бывших соратников, теперь отдаленных обстоятельствами,^[789] и это они делали не в смешанных напитках, составлявших их привычные возлияния, а в чистом вине.^[790] В этой идее было нечто чрезвычайно деликатное, ибо она молчаливо намекала, что их любовь ставит объекты ее почти на один уровень с их божествами, в честь которых также по этим случаям небольшая часть вина проливалась в возлияниях^[791] на землю. Молодые, в чьих сердцах любовница занимала первое место,^[792] пили много вина в честь своей возлюбленной, иногда количество кубков равнялось количеству букв, составляющих ее имя,^[793] что, если бы этот обычай возобладал так рано, объяснило бы, что Егистос был софистом. Иногда, впрочем, они довольствовались тремя кубками, но когда требовался повод выпить "горшок поглубже", они выбирали в покровители Муз и чествовали имена своих любовниц трижды три.^[794] Именно с таким количеством аплодисментов принимаются любимые политические тосты на наших публичных обедах, хотя каждый, кто наполняет свой бокал и кричит "бедро, бедро, бедро, ура!" в таких случаях, вероятно, не осознает, что поддерживает старый языческий обычай в честь Муз.

Число четыре было не в фаворе за питейным столом, но не потому, что это четное число, ведь иногда пили и по десять, а потому, что какое-то старое суеверие порочило его. Однако наши охотники за лисами не уступают многим древним в делах бутылки, хотя, когда этот подвиг совершают поэты, мы можем смело считать, что они просто исполняют свои фантазии на "воздушных" кубках, которые ничего не стоят и не оставляют после себя головной боли. По этому поводу в "Антологии" есть очень красивая песня, которую Поттер, следуя какому-то старому изданию, совершенно исказил.^[795] Она заслуживает хорошего перевода, и я бы перевел ее хорошо, если бы мог. Следующий вариант, по крайней мере, сохраняет смысл:

Налейте десять чаш пурпурного вина,

Чтобы увенчать божественные чары Лисидице;

Один - для Евфранте, юной и прекрасной,

С блестящими глазами и вороными волосами.

Значит, я люблю Лисидице больше, скажете вы?

Этим пенящимся кубком я говорю вам "нет".

Эвфранте для меня дороже десяти,

Ибо, когда небеса безоблачны,

И звезды толпятся далеко и близко.

На глубокой синеве полуночного неба,

Луна все равно ярче и прекрасней

Чем прекраснейшая планета или ярчайшая звезда;

Среди звезд этой земной сферы,

Ни одна не так прекрасна и не так дорога.

Как мне Эвфранте юная и прекрасная,

С блестящими глазами и вороными волосами.^[796]

Но македоняне не питали почтения к поэтическим кубкам: они любили вдыхать аромат настоящего розового вина, когда оно искрилось в чаше, - когда оно двигалось правильно, как выражается мудрый царь Иудеи. Плутарх вкратце описывает одну из их попоек, случившуюся вечером того дня, когда старый Каланос, индусский йог, сжег себя заживо, спасаясь от колик. Александр, возвращаясь с погребального костра, пригласил к себе несколько своих друзей и генералов и, предложив устроить попойку, назначил победителю корону. Все присутствующие приложили огромные усилия, чтобы добиться столь завидного триумфа, но самым вместительным оказался Промахос, который, как говорят, проглотил до двух галлонов. Он получил приз - золотую корону стоимостью в талант, но умер через три дня.^[797] Митиленец Харес рассказывает об этом несколько иначе. По его словам, Александр устроил погребальные игры в честь Каланоса на его кургане, где проходили скачки и гимнастические состязания,^[798] и поэтическое прославление Йоги, который, как и остальные его соотечественники, был, несомненно, большим любителем похмелиться, а затем и питейное состязание, учрежденное вечером. По словам Хареса, призов было три: первый - талант, второй - тридцать мин, или около ста двадцати фунтов стерлингов, третий - три мин. Число претендентов не указано, но тридцать пять (Плутарх говорит о сорока одном) погибли от холодной дрожи на месте, а еще шестеро умерли вскоре после этого в палатках.^[799]

Многие отмечали военный гений Александра; но только Афиней отдал ему должное за его поистине царскую силу пития. Подобно своему отцу Филиппу, который в своем веселом расположении духа громил афинских мертвецов в Херонее, где он мог спокойно погладить бороду павших республиканцев, Александр с удовольствием проводил вечера среди пьяных завсегдатаев, чье главное стремление состояло в том, чтобы сделать из своих кишок задницу. Одним из этих достойных людей был Протей, македонец, которого упоминает Ефипп в своем труде о погребении Александра и Гефестиона. Это был человек железного телосложения, на которого вино, сколько бы он ни пил, не производило никакого впечатления. Александр, зная это, любил давать ему в залог огромные чаши, такие, с которыми не мог справиться никто, кроме него самого. Так он поступал даже в Вавилоне, где климат не позволял безнаказанно предаваться излишествам. Взяв кубок, больше похожий на кадку, чем на чашу для питья, Александр наполнил его вином, которое, попробовав, подал Протею. Ветеран немедленно осушил ее, к большому удовольствию компании, а вскоре, желая пообещать царю, снова наполнил ее и, отпив немного, по обычаю, передал чашу

Александру, который, не желая уступать подданному, тут же выпил всю. Но если он обладал мужеством, то ему не хватало физической силы Протея: кубок выпал из его рук, голова опустилась на подушку, и наступила лихорадка, от которой покоритель Персии и соперник Протея в пьянстве умер через несколько дней.^[800]

Но вернемся от этих варваров: поскольку присутствие трезвенников всегда должно восприниматься любителями крепких напитков как молчаливый упрек, одним из правил доброго общения было то, что все, кто не присоединялся к общим возлияниям, должны были расходиться. "Пей или проваливай!" - гласил закон, и, по мнению Цицерона, он был хорош, ибо если люди не испытывали склонности присоединиться к веселью и удовольствиям компании, то что им было там делать?^[801]

Из существования этих правил, однако, был сделан неблагоприятный для греческого характера вывод, будто, поскольку некоторые из них были веселы, весь народ непременно должен был быть виночерпием.^[802] Но это едва ли более логично, чем рассуждения писателя, который, поскольку комические поэты говорят главным образом о веселье и легких развлечениях афинян, очень серьезно заключает, что они занимались мало чем другим. На самом деле, как и все пылкие и энергичные люди, они всей душой отдавались тому делу, серьезному или иному, в котором оказывались заняты; и, кроме того, пока аккуратные и трудолюбивые люди занимались делом, всегда находилось множество легких и пустяковых людей, для которых еда и питье были серьезным занятием.

720. Æschyl. Palamed. fr. 168. Клаузен. Comm. in Agamemnon. p. 136.

721. В современное время завтрак в Трояде часто состоит из винограда, инжира, белого меда в гребне и кофе" -Chandler, i. p. 37.

722. Афины. xi. 26, 50. Поллукс, ix. 67, sqq. Schol. Аристоф. Acharn. 643. Ср. Voëckh. Pub. Econ. of Athens, i. 140.

723. Что мы можем заключить из отрывка Аристотеля, Hist. Anim. vi. 8. где, описывая повадки птиц, он говорит: τῶν δὲ φαβῶν ἡ μὲν θήλεια ἀπὸ δειλῆς ἀρξαμένη τὴν τε νύχθ' ὅλην ἐπώζει καὶ ἕως ἀκρατίσματος ὕπας, ὁ δ' ἄρρην τὸ λοιπὸν τοῦ χρόνου.-Один из гомеровских схолиастов выражается более определенно:-καὶ τὴν μὲν πρώτην ἐκάλουν ἄριστον, ἣν ἐλάμβανον πρῶτας σχεδὸν ἔτι σκοτίας οὔσης.-In Iliad β. 381. Ср. Афины. i. 19.

724. Xenoph. Œcon. xi. 14.

725. Филемон, ap. Athen. i. 19. Suid. v. δεῖπνον t. i. p. 671. a. b.

726. Deipnosoph v. 20.-τρισι δὲ οὐδέποτε οὔτε μνηστῆρες οὔτε μὴν κύκλωψ ἐχρῶντο τροφαῖς.-Schol. Il. β. 381. Однако Афиней в одном месте 19. говорит о четвертой трапезе в гомеровские времена.-τῆς δὲ τετάρτης τροφῆς οὕτως Ὅμηρος μέμνηται-"σὺ δ' ἔρχεο δειελήσας." ὁ καλοῦσι τινες δειλινὸν, ὁ ἐστὶ μεταξύ τοῦ ὕψ' ἡμῶν λεγομένου ἀρίστου καὶ δεῖπνου.

727. О столовой см. Pollux, vi. 9 и др. с примечаниями Юнгермана, Куна, Хемстерхойса и т. д.

728. Athen. iv. 70. Аристоф. Concion. 648, et Schol.

729. Дальнейший рассказ о лицах, которых обычно приглашают, см. в Athen. v. 4.

730. Plut. Sympos. vii. 6. За каждым гостем также следовал лакей, который стоял за креслом хозяина и ждал его. Casaub. ad Theoph. Char. p. 219. Таким людям гости передавали подарки,

которые им делали, или, если они были плохими людьми, то то, что они украли. Athen. iv. 2. Plut. Anton. § 28. Лукиан. Conviv. seu Lapith. § 46. Богатых людей тогда, как и сейчас, обычно преследовали лъстецы, которые срывали репейники с их плащей или мякину, которую ветер заносил в бороду, и пытались свести все к шутке, говоря, что они поседали! Теоф. Char. с. ii. р. 7. Если покровитель шутил, они запихивали свои хламиды в рот, как будто умирали от смеха. На улице они говорили встречным: "Посторонись, друг, и дай пройти этому господину!". Они приносили в кармане яблоки и груши для его малышей и обязательно давали их на его глазах, чем вызывали похвалу отца и детей.

731. Athen. vi. 45, seq.

732. Ничто, говорит этот философ, не ведет человека по свету так, как подлинная природная дерзость". Essays, p. 9, quarto.

733. Antiq. iv. 19.

734. Платон, давая указания относительно брачного пира, замечает, что следует пригласить пять друзей мужского пола и пять женского; вместе с ними пять родственников мужского пола и пять женского, которые вместе с женихом и невестой, с их родителями, дедами и т. д. составят 28 человек. De Legg. vi. t. vii. Schweigh. ad Athen. t. vi. p. 60. У древних этрусков, которые если и не были греками, то имели многие греческие обычаи, женщины сидели за столом вместе с мужчинами, под одним покрывалом. Athen. i. 42.

735. Isæus, De Pyrrh. Hered. § 2. О том, что среди более простых и старомодных граждан Афин мужчины и женщины, принадлежавшие к одной семье или клану, обедали вместе, свидетельствует Менандр. Он вводит одного из своих героев, очевидно, баловня, замечая, что это скучно - быть на семейном празднике, где отец, держа в руке кубок, сначала произносит речь, изобилующую увещеваниями: за ним следует мать, а затем бабушка немного похвастается. После этого встал ее отец, охрипший от старости, и его жена, назвав его своим самым дорогим; а он тем временем кивнул всем присутствующим. Athen. ii. 86.

736. Athen. v. 6.

737. Odyss. δ. 48, sqq.

738. Athen. ix. 27. В некоторых роскошных домах вино, смешанное с пряностями, подавалось гостям в умывальники для омовения ног. Плут. Phoc. § 20. Во дворце Трималхия мы видим, как египетские слуги льют воду, охлажденную снегом, на руки гостей. Petron. Satyr. p. 76.

739. Schol. Аристоф. Eq. 412.

740. Иногда использовались богатые пурпурные салфетки. Сапфо в Deipnosoph. ix. 79. Эти изделия до сих пор в Леванте искусно вышиты.

741. Афины. iv. 31.

742. Hom. Odyss. γ. 33, seq. Афины. xv. 23. Подобные обычаи до сих пор преобладают в Леванте: "Когда мы посещали турок, нас принимали с радушием и обращались с нами с почтением. Сладкие эвкалипты сжигали посреди комнаты, чтобы ароматизировать воздух, или рассыпали на углях перед нами, когда мы сидели на диване, чтобы ароматизировать наши усы и одежду, а у дверей, при нашем уходе, нас орошали розовой водой". Чандлер, ii. 150.

743. Athen. ix. 77.

744. Ср. Hom. Odyss. δ. 43, sqq.

745. Аристоф. Vesp. 1208. Athen. v. 6, где упоминаются великолепные крыши и украшения двора. Эти украшения, κρεκάδια, какими бы они ни были, должны были быть достойны внимания. См. примечание Казобона, Animadv. in Athen. t. viii. p. 27, seq. См. также примечание об Аристофане в издании Беккера, т. iii. с. 606.

746. Athen. v. 7. Ср. Plat. Symp. t. iv. p. 376, et Xenoph. Conviv. ii. 1. Schweigh. Animadv. in Athen. viii. p. 26, seq.

747. Казобон упоминает об этом как о вещи *nota eruditis*. Ad Theoph. Charact. p. 232; но мы не должны на этом останавливаться. Алексей поэтически описывает страдания получаса перед обедом. Athen. i. 42.

748. В больших домах был человек, в обязанности которого входило назначать каждому гостю его место за столом, ὄνομακλήτωρ, или номенклатор. Athen. ii. 29.

749. Plin. xxxiii. 51. xxxiv. 8.

750. На самых пышных развлечениях нанимали *дегустаторов*, которые, как и на Востоке, пробовали блюда перед гостями, чтобы те не отравились. Этих людей называли ἐδέατροι и протένθαι. Athen. iv. 71.

751. Schol. Аристоф. Eq. 825.

752. Иоанн, xiii. 23. О подушках, которых было великое множество, см. Pollux, vi. 9, где он причисляет к ним ὑπηρέσιον, которые Митфорд путает с ἄσκωμα, или кожаными мешками, которые закрывали гребной порт военных галер вокруг весла, чтобы предотвратить попадание морской воды.

753. Илиада, ω. 100.

754. Ср. Plut. Conv. Quæst. i. 3. Pet. Ciacon, De Triclin. p. 44.

755. Sympos. i. 2. 1.

756. Вероятно, в это блюдо входило и миттотос - блюдо, приправленное чесноком и богатыми специями. Schol. Аристоф. Acharn. 173. Весп. 62.

757. Athen. i. 8. vii. 46. 68. 119. Arist. Hist. Anim. v. 5.

758. Pollux, vi. 77.

759. Афины. iv. 28. В Лаконии, в Гитионе, ввозили сыр, который, по-видимому, был очень распространен. Лукиан. Diall. Hetair. xiv. 2.

760. Ксеноф. Conv. i. 13, 14.

761. Ксеноф. Conviv. i. 15. 16.

762. Ср. Luc. Amor. § 10. Schol. Аристоф. Acharn. 1058.

763. Сами индийские жонглеры стали известны грекам в эпоху Александра. Ælian. Var. Hist. viii. 7.

764. Ксен. Conv. ii. 4.

765. Лукиан. Amor. § 10.
766. Артемид. Oneirocrit. i. 68. Xen. Conviv. ii. 8.
767. Poll. iii. 134.
768. Xen. Conviv. ii. 22.
769. Xen. Conviv. vii. 1.
770. Xen. Conviv. vii. 3.
771. Plat. de Legg. vii. t. viii. p. 55. Bekk. Xen. Conv. vii. 5.
772. Xen. Conviv. ix. 1-7.
773. Афины. xiv. 2.
774. Эврип. Фрагма. Melanipp. 20.
775. Афины. xiv. 2.
776. Eustath. ad Iliad. δ. p. 337. 53. Etym. Mag. 277. 24. Meurs. Græc. Feriat. ii. 96.
777. Athen. xiv. 3.
778. У этрусков эти ковши были из бронзы, чрезвычайно изящной формы, острие заканчивалось лебединой или утиной головой.
779. Деятельность этого лица регулировалась сводом законов, над составлением и изменением которых трудились не менее остроумные личности, чем Ксенофан, Спенсипп и Аристотель. Афины. i. 5.
780. Горат. Od. ii. 7. 25.
781. Schol. Аристоф. Eq. 1183. Весп. 1005.
782. Eustath. ad Iliad, γ. p. 333. Schol. Аристоф. Vesp. 855.- Образец этих ковшей (ἀρύταιναι) встречается в Mus. Chiaramont. pl. 2.
783. Вергилий действительно обвивает чаши гирляндами.-Æneid. iii. 525.- Гомер, однако, венчает свои чаши только вином.-Il. ε. 471.
784. Гомер. Илиада. δ. 2. γ. 232. β. 813. Одисс. о. 327. Ювен. Sat. v. 60. Cp. Philo. Jud. de Vit. Contempl. t. ii. p. 479. Mangey.
785. Были некоторые варвары, которые, чтобы скрепить свою дружбу, пили вино, подкрашенное кровью друг друга -Athen. xv. 47.
786. Plut. Symp. i. 2. 2. Первый кубок был выпит за Агатодемона.- Schol. Aristoph. Eq. 85. Афины. xv. 47.
787. Афины. v. 20.
788. Athen. x. 39. Плут. Cleom. § 13.
789. Феок. Eidyll. vii. 69.
790. Цицерон в Verr. Act. ii. Orat. i. § 26, и Ascon. Pedan. in loc.

791. Антифонт. Асс. Нес. Вен. § 3. - Третье возлияние было в честь Зевса. - Scol. Pind. Isth. vi. 22.
792. Theocrit. Eidyll. xiv. 18, et Schol.
793. Март. Epig. i. 78.
794. Horat. Od. iii. 19. 11, sqq. Lambinus in loc. p. 143.
795. Antiq. ii. 394, seq.
796. Marc. Argent. ap. Anthol. Græc. v. 110.
797. Plut. Alexand. Magn. §§ 69, 70.
798. Ælian. Var. Hist. ii. 41. Периз.
799. Афины. х. 49.
800. Афины. х. 44.
801. Тускул. Quæst. ii. 41.
802. Поттер, ii. 396.
-

ГЛАВА VI. РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Человеком, на творениях искусства которого основывались главные удовольствия греческих гурманов, был повар^[803], чей характер и достижения, возможно, не должны быть полностью обойдены вниманием. Мы, конечно, в основном обязаны своими сведениями поэтам-комикам, но, несмотря на некоторые преувеличения, завещанное ими изображение, вероятно, в целом довольно точно.

Афинский повар был необычайно разнородным существом, чем-то средним между паразитом и исповедуемым шутком; обычно это был бедный гражданин, со всей гордостью автохтонности, который считал необходимым приобрести, кроме кулинарных знаний, еще и множество других, не только для того, чтобы улучшить свои супы или рагу, но и для того, чтобы своими хвalebными речами ослепить и завлечь тех, кто приходил на агору в поисках художника его класса. Конечно, главным источником его ораторского искусства были горшки и сковородки, а также чудеса, творимые его искусством. Филемон с большим успехом пересказывает одного из этих достойных людей, желающего составить о себе возвышенное мнение.

"Как сильно мое желание перед землей и небом,
Рассказать, как изысканно я приготовил ему ужин
До его возвращения! Клянусь всеми совами Афины!
Нет ничего неприятного в том, чтобы попасть в точку
Во всех случаях. Какая у меня была рыба...

И как хорошо прожарена! Не вся в сыре
Сыром или подрумяненной сверху, но хорошо прожаренной,
Выглядит живой, в редкую красоту одета.
С таким мастерством, с таким изяществом я умерил огонь,
что и сказать, что оно приготовлено, было бы шутовством.
И вот, как сейчас, вы видите курицу.
Поглощающую слишком большое блюдо, чтобы его проглотить;
С поднятым клювом она бежит туда-сюда.
наполовину задыхаясь, а остальные бегут за ней по пятам.
кудахчут в поисках доли. Так было и с моими солдатами;
Первый, кто прикоснулся к блюду, поднял его.
Кружась по кругу, как курица,
Ел и бегал; но его веселые товарищи,
каждый из которых поклонялся рыбе, вскоре присоединились к танцу,
Смеясь и крича, выхватывая понемногу,
Некоторые пропадали, пока все не исчезли как дым.
И все же это были всего лишь речные уклейки, питающиеся тиной:
А вот великолепные скаросы украшали мою сковороду,
Или аттический глауциск, или, о спаситель Зевс!
Капрос из Аргоса, или угорь,
которого старый Посейдон поставляет в Олимпос,
чтобы быть пищей богов, - тогда мои гости
Соперничали с теми, кто выше. У меня, в самом деле,
Власть даровать бессмертье
Кому пожелаю, или же, по моему могучему искусству,
Воскрешать мертвых, если они только понюхают мои блюда!"

Этот честный человек, по мнению Афиня, превосходил в хвастовстве даже Менекрата Сиракузского, который за свою гордыню получил фамилию Зевса; он был врачом и с гордостью называл себя вершителем судеб человечества. Предполагается, что он обладал некоторым особым средством против эпилепсии; но, будучи поражен тщеславием, по меньшей мере равным его мастерству, он не брался лечить никого, если тот не заключал соглашение о том, чтобы вечно следовать за ним по стране в качестве его раба, что многие и делали. Никострат из Аргоса, один из тех, кого так восстановили, путешествовал в своем

поезде, одетый и снаряженный как Геракл; другие олицетворяли Асклепия и Аполлона, а сам Менекрат играл в этом фантастическом маскараде роль Зевса; и, как говорят актеры, он хорошо одевался, носил пурпурную мантию, золотую корону на голове, сандалии самого великолепного вида и держал в руке скипетр.^[805]

Но каково бы ни было самомнение нашего сиракузского врача, среди стряпчих были и те, кто, несомненно, не отставал от него. Они обычно ошеломляли тех, кто приходил к ним наниматься, декламируя свои собственные похвалы, претендуя на такой объем науки и философии, которого хватило бы на двух или трех софистов. На самом деле, если верить им на слово, не было ничего, чего бы они не знали, ничего, чего бы они не умели. Живопись они постигали как глубокие знатоки, и, несомненно, подошвы, которые они поджаривали, были тем вкуснее, чем лучше они были сделаны. В астрономии, медицине и геометрии они, похоже, достигли еще больших успехов, чем Гудибрас, несмотря на то, что...

"В математике он был больше
чем Тихо Браге или Эрра Патер;
Ибо он по геометрической шкале
Мог определить размер горшков с элем;
Определить по синусам и касательным прямым
Если хлебу и маслу нужен вес;
И мудро сказать, в какой час дня
Часы бьют по алгебре".

Во всем этом он был дураком для афинских поваров; ведь с помощью астрономии они могли определить, когда сезон макрели, а в какое время года пикша лучше лососся. Из геометрии они позаимствовали искусство обустраивать кухню с максимальной пользой для себя, а также то, как повесить колосник в одном месте, а кастрюлю с кашей - в другом. Медицина, как легко понять, была в глубоком долгу перед ними, поскольку она не только научила их, какое мясо полезно, а какое нет, но и позволила им с помощью некоторых хитроумных приемов умерить аппетит этих прожорливых паразитов, которые, когда они ужинали, казалось, имели желудки, равные по вместимости великому туну Гейдельберга.^[806]

Многие индивидуумы, наполовину гости, наполовину паразиты, извлекали из обеденных материалов немало материала для веселья, чтобы сделать себя приятными и быть приглашенными снова. Так, сиракузец Чармос превращал каждое блюдо, поданное к столу, в повод для декламации поэтических цитат или старых пословиц, а иногда, возможно, терпел, пока рыба остывала, демонстрируя свою эрудицию. Он всегда вежливо отзывался и о рыбе, и о требухе, так что человек, любящий лесть, мог бы пожелать быть зажаренным, чтобы его тень была успокоена этим благовонием, которое даже Сократ признавал нелиберальным наслаждением. Однако среди паразитов был распространен обычай делать выписки из поэтов и приносить их в портфелях к столам своих покровителей, где они декламировали все, что казалось им *à propos*. Таким образом, упомянутый выше Чармос приобрел среди жителей Мессины репутацию ученого человека, а Каллифан,^[807] сын

Парабрикона,^[808] не менее изобретательно переписывал первые стихи различных поэм и декламировал их, так что можно было подумать, что он знает их целиком.

Клеанф из Тарента всегда говорил за столом стихами, то же самое делал и сицилиец Памфилос; этих паразитов, путешествующих с кошельками стихов на спине, повсюду приветствовали и развлекали, что с большой уместностью мог бы привести Илген^[809] среди других своих доказательств образного характера греков.

Архестратос, сиракузец, несомненно, принадлежал к этому классу. Он сочинил эпическую поэму о правильном питании, которая начиналась с рекомендации, что ни одна компания, собравшаяся для совместного времяпрепровождения, никогда не должна превышать четырех^[810] или, самое большее, пяти человек, иначе, по его словам, они скорее будут напоминать отряд бандитов, чем джентльменов. От него, вероятно, ускользнуло, что на пиру у Платона было двадцать восемь гостей. Антифан, заметив, что у паразитов глаза рыси, чтобы распознать хороший ужин, хотя их никогда не приглашают, тут же добавляет, что республика должна устроить для них развлечение по тому же принципу, по которому во время игр в Олимпии на некотором расстоянии от поля забивают быка^[811], чтобы покормить мух и не дать им сожрать зрителей.

Кроме Архестрата, среди древних было еще несколько знаменитых гастрономов. Из них главными были Тимахидас из Родоса, написавший поэму в одиннадцати книгах о правильном питании,^[812] Нумениос из Гераклеи, ученик врача Дьехиса, Метреас из Питаны, пародист Гегемон, из Тасоса, прозванный *Чечевицей*, которого некоторые причисляют к поэтам старой комедии, Филоксен из Леукадии и второй Филоксен из Китеры, написавший свое произведение гекзаметром. Первый, восхваляя чайник, в конце концов приходит к выводу, что высшие достоинства принадлежат сковороде. Он искренне рекомендовал влюбленным трюфели, но не хотел, чтобы они прикасались к барбелю. Его гнев разгорался с особой яростью против тех, кто режет на куски рыбу, которую следует подавать целиком; и, хотя он признает, что полип иногда можно варить, гораздо лучше, по его словам, его жарить. От него получили свое название филоксенские пироги; именно его Хрисипп упрекает в том, что он наполовину ошпарил пальцы в теплой ванне и полоскал горло горячей водой, чтобы иметь возможность проглотить шипящие на углях шашлыки.^[813] Он также имел обыкновение в домах своих друзей подкупать поваров, чтобы они приносили все горячее, чтобы он мог угоститься сам, прежде чем кто-либо другой сможет к ним прикоснуться. Родственный ему гурман, поэт Кробилос, восклицает: "Мои пальцы нечувствительны к огню, как дактильи горы Ида". И как приятно освежить горло хрустящими хлопьями жареной рыбы! О, я действительно печь, а не человек!"

По словам Клеарха, это был тот самый Филоксен, который шатался по домам богачей в сопровождении нескольких рабов, нагруженных вином, уксусом, маслом и другими приправами. Везде, где пахло лучшим ужином, он заходил без спроса и, проскользнув среди поваров, получал их разрешение приправить готовящиеся блюда, после чего занимал место среди гостей, где кормился, как циклоп. Прибыв однажды в Эфес по морю, он обнаружил, что, поинтересовавшись на рынке, вся лучшая рыба была припасена для свадебного пира. Затем он искупался и, отправившись в дом жениха, попросил разрешения спеть Эпиталамию. Все были в восторге; не оставалось ничего другого, как пригласить его на ужин. И "Придешь ли ты завтра снова?" - спросил щедрый хозяин. "Если на рынке не будет рыбы", - ответил Филоксен. Именно этот гурман пожелал, чтобы природа наделила человека шеей журавля, чтобы удовольствие от глотания было более продолжительным.^[814]

Другой паразит, Пифиллос по прозвищу "Лакомка", не довольствуясь мембраной, которую природа наделила языком, искусственно создал некое слизистое покрытие, которое на значительное время сохраняло вкус того, что он ел.^[815] Чтобы как можно дольше продлить свое роскошное наслаждение, он потом соскребал это диковинное покрытие с помощью рыбы. Говорят, что из всех древних гурманов только он один пользовался искусственными пальцами, чтобы иметь возможность захватывать самые острые блюда. Анекдот, настолько хороший, что породил множество современных подражаний, связан с Филоксеном из Китеры. Однажды, обедая с Дионисием из Сиракуз, он заметил, что принцу подали большого барбеля, а перед ним положили совсем маленького. Взяв маленькую рыбку, он поднес ее к уху и, казалось, внимательно слушал. Дионисий, ожидая какой-нибудь шуточной экстравагантности, заинтересовался смыслом этого движения, и Филоксен ответил, что, вспомнив о своей Галатее, расспрашивает барбеля о ней. Но поскольку он ничего не отвечает, сказал он, я думаю, что его взяли слишком молодым и что он меня не понимает. Однако я убежден, что старик, которого они поставили перед вашим величеством, должен знать все об этом. Царь, позабавленный его находчивостью, тут же послал ему рыбу побольше, которую тот вскоре с успехом допросил.^[817]

Но афиняне не были вынуждены полагаться в развлечениях за столом на изобретения этих скромных сотрапезников. Они умели, когда требовался случай, развлекать себя сами и, в порыве своего веселья, опускались для этого до ухищрений почти младенческих. Они задавали друг другу шарады, загадки, головоломки, а иногда, в низших слоях общества, рассказывали истории о ведьмах, ламиях, мормонах и других хобгоблинах, в которых верили вульгарные люди всех народов. Среди людей, занимающихся государственными делами, волнение политических дискуссий часто, конечно, смешивалось с их более спокойными удовольствиями.^[818] Но сейчас нам не до этого, как и до загадок, о которых мы расскажем позже. Была у греков и другая, более изящная практика на званых вечерах, которая, хотя и не была им свойственна, нигде, возможно, не преобладала в такой степени, - я имею в виду введение музыки и пение песен,^[819] легких, изящных, наделенных остроумием и весельем, под барбитос или лиру.

Среди греков вообще любовь к музыке и поэзии казалась спонтанным импульсом природы. Почти каждый жизненный акт сопровождался песней: ткач у станка, пекарь у корыта, жнец, "прядильщики и вязальщики на солнце", водочерпалка, даже у трудолюбивого грузчика, работающего на мельнице, была своя особая песня, напевая которую он облегчал свой труд. Моряк, как и венецианский гондольер, пел за веслом, пастух и скотовод, поденщик и свинопас, виноградарь и земледелец, слуга в бане и нянька у колыбели. Можно сказать, что из эллинской деревни музыка доносилась, как весенний тормоз. Их чувства были трепетно живы к удовольствию. В их атмосфере была упругость, в их душах - бальзам, , радость и свобода... Разве могли они заниматься чем-то иным, кроме пения?

Но если музыка и поэзия так распространяли свое наслаждение на трудовую деятельность, то вполне естественно, что там, где люди собирались исключительно для наслаждения, эти лучшие подручные наслаждения не должны были отсутствовать. Соответственно, мы видим, что пока кубок циркулировал, разжигая воображение и распрямляя разум, приносили лиру и запевали песню. Этот обычай появился не так давно. Он преобладал и в героические века, и, как и многие другие особенности греческих нравов, брал свое начало в религии. Ведь в ранние времена люди редко собирались на многочисленные пиры, разве что по случаю какого-нибудь жертвоприношения, когда гимны в честь богов составляли важную часть церемоний. Так, Гомер, описывая великие искупительные обряды, с помощью которых

ахейцы пытались отвлечь гнев Аполлона, отмечает, что они устраивали великие пиры и славили бога среди своих текущих кубков.^[820]

И все же, хотя тема этих примитивных песен поначалу могла быть серьезной, вероятно, прошло совсем немного времени, прежде чем предпочтение было отдано темам, более подходящим для праздничных собраний. Во всяком случае, вскоре они вошли в моду. Первый шаг, по-видимому, был сделан от богов к героям, чьи достижения, иногда с оттенком смешного, открыли дверь для живых и веселых описаний. И эти совместные удовольствия,^[821] так высоко ценившиеся на земле, были с большим постоянством перенесены на Олимп, где, как считалось, сами бессмертные усиливали свое наслаждение песнями и весельем.

В последующие века искусство усиливать таким образом удовольствие от общения в обществе, не впадая в пренебрежение, стало культивироваться более чем когда-либо. Даже самые великие люди, начиная с гомеровского Ахилла, не гнушались петь. Они не считали, говорит один рассудительный и ученый писатель, что достаточно совершить подвиги, достойные бессмертия, или стать темой для поэтов и музыкантов, или настолько развить свой ум, чтобы уметь наслаждаться и ценить песни других, но включали музыку в круг своих собственных занятий, как достижение, без которого ни один человек не может претендовать на благородное образование. По этой причине Стесимбротос в упрек Цимону возразил, что тот не разбирается в музыке и всех других джентльменских качествах, ценимых среди греков;^[822] и даже сам Фемистокл подвергся обвинению в деревенскости, потому что, когда ему бросили вызов на вечеринке, он отказался играть на кифаре.^[823]

Иная теория нравов преобладала среди римлян, которые, как и современные турки, считали, что джентльмену не подобает петь. Но для греков, народа, изобилующего весельем и пылкостью, чьи развлечения всегда в значительной степени были связаны с поэзией, музыка представляла в совершенно ином свете и была настолько далека от того, чтобы казаться подлым или подлым занятием, что ни одна отрасль образования не была в большем почете и не считалась более эффективной в содействии спокойствию ума или полировке и утонченности манер. Лира, по словам Гомера, - божественный дар, призванный быть спутником и другом на пирах, где она оказывалась источником многочисленных преимуществ. Во-первых, люди, слишком сильно пристрастившиеся к бутылке, находили в этом инструменте союзника против своих пагубных привычек, поскольку, играя или слушая, они обязательно прекращали пить. Грубость и насилие, а также необузданная дерзость, обычно внушаемые вином, были подавлены музыкой, которая вместо них внушала приятную экзальтацию ума и радость без всякой примеси страсти.^[824]

Уже отмечалось, что застольные песни вскоре утрачивали свой религиозный и мрачный характер; поскольку на вечеринках собирались люди, сильно различающиеся по вкусам и темпераменту, то, когда от каждого требовалось петь, в песнях появлялось много разнообразия, которые обычно принимали праздничный и веселый характер. Гимны в честь богов исполнялись более скупой,^[825] как и восхваления героев;^[826] дух веселья вылился в

Язвительность и кривлянье, и бесцеремонное лукавство;

Кивки и приветствия, и окрыленные улыбки.

Каждый изливал то, что подсказывал каприз момента, - шутки, любовные песни или язвительные сатиры, со свободой и плодовитостью импровизатора.^[827]

Эти застольные песни древние делили на несколько видов, ссылаясь то на их природу, то на манеру исполнения: самые примечательные они называли сколиями, или зигзагообразными

песнями,^[828] по причине, которую трудно объяснить. Некоторые из позднейших греческих писателей, похоже, были в большой растерянности, пытаясь объяснить это название, которое, несомненно, является необычным; но образованность и усердие Илгена^[829], можно сказать, полностью разрешили этот любопытный вопрос. Определив древность Сколиона, который Пиндар^[830] считает изобретением Терпандра или, по крайней мере, стихов песни, но который Илген датирует героическим периодом, он замечает, что само название было известно в очень отдаленные века, поскольку они составляли отдельный класс среди произведений Пиндара и упоминаются Аристофаном и Платоном,^[831] и что, как и циклический хор, они возникли в силу обстоятельств, при которых их пели. Ибо как этот хор назывался циклическим, или круговым, потому что исполнялся людьми, двигавшимися по кругу вокруг алтаря Вакха, так и сколион, или зигзагообразная песня,^[832] получил свое название от миртовой ветви, или кифары, под которую он пелся, передаваясь от одного гостя к другому зигзагообразно^[833], как и те, кто обладал необходимым мастерством, сидел за столом.

Чтобы сделать это объяснение предельно понятным, придется, пожалуй, вкратце описать весь процесс пения в компании. Сначала, как предполагают, когда нравы были грубыми, а язык еще только зарождался, пение, как и танцы, не требовало большого искусства и было не более чем дикими всплесками мелодии, до сих пор распространенными среди импровизаторов Аравии и других восточных стран, но из этих скромных истоков поднялась лирическая поэзия, сохранив свободу своего первоначального состояния и поднявшись, не скованная жесткими законами метра, до высот возвышенности и величия, за которые никогда не поднималась ни одна человеческая композиция. Постепенно предпочтение отдавалось сложным формам стиха, таким как, например, у Сапфо и Алкеоса, и устанавливались фиксированные и определенные законы метра.

Сколион, однако, всегда сохранял что-то от своего первоначального спонтанного характера, по крайней мере, внешне, и то же самое можно сказать обо всех их праздничных возлияниях. Но прежде чем дать волю своему веселью, глубокие религиозные чувства, пронизывавшие весь народ, требовали, чтобы в честь богов был исполнен пеан, или гимн, к которому присоединялся каждый присутствующий.^[834] Занимаясь этим, каждый гость, как предполагается, держал в руке ветвь лавра, дерева, священного для Аполлона.^[835] За пæаном следовал другой воздух, который все присутствующие пели по очереди, держа на этот раз ветку мирта,^[836] которая, как и упомянутая выше лавровая ветвь, называлась æsakos, или "ветка песни". Пение начиналось с главного гостя, которому симпозиарх или хозяин вручал китару^[838] и æsakos, требуя песни, от которой, по законам застолья, никто не мог отказаться. Исполнив свою роль, певец, в свою очередь, имел право обратиться к своему соседу, начиная с правой руки и передавая ему китару и миртовую ветвь. Второй, спев, передавал их третьему, третий - четвертому, и так до тех пор, пока не был пройден весь круг компании. Иногда, хотя и не часто, среди гостей находился человек, не владеющий инструментальной музыкой, и в этом случае он пел без сопровождения, держа в руке æsakos.^[839]

Поэтами, которым выпала честь веселить греков в часы застолья, в более отдаленные времена были Симонид и Стесихорос, а также, вероятно, Анакреон и другие представители того же сословия,^[840] и, если верить Аристофану, песни также выбирались из пьес Эсхила, Софокла и Еврипида, как из Шекспира, Бомонта и Флетчера или Бена Джонсона. Можно даже предположить, что отрывки из самого Гомера^[841] пелись в таких случаях; а если и не пелись, то, несомненно, декламировались рапсодами, вводимыми для этой цели в собрание,

которые, держа в руках лавровую ветвь, вероятно, породили практику обхода вокруг миртовой ветви. Таким образом, эта ветвь, будь то мирта или лавра,^[842] составляла часть аппарата певца. Последняя была выбрана как священная для Аполлона, покровителя музыки, а также потому, что считалось, что она наделена пророческой силой: пифонесса ела ее листья перед тем, как взойти на треножник, а сама она была символом вечной песни. Впоследствии вместо лавра был введен мирт, вероятно, из-за того, что он был священен для Афродиты, чьи хвалы воспевались в аматорских песнях, распространенных на пирах. Кроме того, он мог считаться эмблемой республиканской добродетели, поскольку Гармодий и Аристоклейтон прятали свои мечи в миртовом венке.^[843]

Перейдем, однако, к сколиям. Эти песнопения, как и остальные, составляли круг компании, хотя и не переходили непрерывной чередой от человека к человеку, а, как уже было сказано, от одного искусного певца к другому. По сути, пение сколий было своего рода состязанием, которое проводилось после завершения всех остальных песен.^[844] Человек, занимавший почетное место, пел Китаре песню, содержащую восхваление какого-нибудь смертного или бессмертного, или развитие какой-нибудь моральной заповеди, или эротической темы, которая укладывалась в небольшое количество стихов. Закончив, он передавал китару и мирт, по своему усмотрению, кому-нибудь другому из гостей, и тот, кому брошен вызов, не имея возможности отказаться, чтобы не сойти за неграмотного клоуна, должен был немедленно взяться за ту же тему и, не откладывая и не обдумывая, разразиться песней в том же метре и, по возможности, с тем же количеством стихов; а если он не знаком с китарой, он мог петь под мирт. Теперь второй певец пользовался своей привилегией и призывал третьего, который должен был поступить так же, как и он; так что очень часто одна и та же идея претерпевала пять или шесть трансформаций в течение вечера. Когда первый аргумент, таким образом, овладевал кругом компании, тот, кто завершал его, имел право начать новую тему, которая получала такое же обращение, как и первая; так что иногда, когда люди были в певучем настроении, воздух следовал за воздухом, пока восемь или десять тем не получали все поэтические украшения, которые могла придать им изобретательность присутствующих.

Но петь без вина было бы неинтересно. Я уже говорил, что пение сколий было своего рода состязанием, и, как тот, кто соревнуется и одерживает победу, естественно, ожидает награды, так и успешный исполнитель стремился к своей, которая, надо сказать, не была неуместной, состояла из переполненной чаши, называемой *odos*, или "чаша песни", одновременно знак чести и награда за мастерство.^[845] Все эти подробности можно понять по сохранившимся примерам сколиона, а Аристофан в "Осах" представляет нечто вроде наброска, хотя и тусклого и неясного, как аргумента, так и способа исполнения. Он представляет себе компанию веселых парней,^[846] таких, как Теорос, Эсхинес, Фанос, Клеон, Акестор и иностранец того же происхождения, и изображает их занятыми исполнением определенных сколий для собственного развлечения.

Но представление, которое мы должны составить о такого рода песнях на основе весьма комического отрывка в "Осах", существенно отличается от теоретического взгляда Илгена, поскольку Филоклеон постоянно перебивает своего сына, заканчивая каждое предложение за него в совершенно неожиданной манере, которая, конечно же, рассчитана на возбуждение смеха.

Но хотя греки и были музыкальны, они не стали подражать кузнечикам,^[847] которые, как говорят, поют, пока не умрут с голоду; но, совершив вышеупомянутый круг, они перешли к другим развлечениям, которые, хотя и слишком многочисленны, чтобы описывать их подробно, не должны быть полностью обойдены. В героические века еще не было сделано открытие, что отдых после еды необходим для пищеварения, что в более поздние времена

было общепринятой максимой, и, соответственно, мы видим из практики феакийцев,^[848] которые, если бы сон после ужина был обычным делом, что мужчины тех времен, вместо того чтобы предаваться безмятежному отдыху в знак уважения к своему желудку, выходили вперед, чтобы прыгать, бегать, бороться и заниматься другими атлетическими видами спорта, которые ни в коем случае не ухудшали их здоровье или доблесть. Однако по мере развития цивилизации находятся оправдания для отказа от привычки к физическим упражнениям. Наука в слишком многих случаях поощряет праздность и объявляет мудрым то, что модно. Но на ипподроме и борцовском ринге преуспевают сидячие, или, по крайней мере, закрытые, занятия, и вместо того, чтобы побеждать своих противников на палестре или зеленом поле, люди стремятся покорить их в коттабос, или на шахматной доске, или погубить их за карточным столом или в бильярдной.

Игра в коттабос,^[849] придуманная в Сицилии, вскоре распространилась, как это бывает с изобретениями, по всей Греции и вошла в большую моду в Афинах, где живой темперамент людей склонял их к неумеренным развлечениям и веселью. Наиболее распространенная форма игры заключалась в следующем: на пол или на устойчивое основание крепился кусок дерева, похожий на стойку весов, на него ставилась небольшая поперечная балка с неглубоким сосудом, похожим на чашу весов, на обоих концах.

Под каждым из этих сосудов стояла ваза с широким горлом, наполненная водой, в центре которой вертикально стояла позолоченная бронзовая статуэтка Манес. Играющие, стоя на небольшом расстоянии друг от друга, поочередно выливали вино из чашки в один из подвесных тазов, который, опускаясь под тяжестью, ударялся о голову статуи, которая гулко отзывалась на удар. Побеждал тот, кто во время броска проливал меньше всего вина и вызывал больше всего шума у медной головы. По сути, по своему происхождению это был вид гадания, цель которого заключалась в том, чтобы по большему или меньшему успеху определить место, занимаемое игроком в привязанности своей госпожи. В качестве ономатопеи звук, издаваемый вином при его выбрасывании, назывался *latax*, а само вино - *latagè*. И сам акт бросания, и используемая чаша назывались *ankula*, от слова, выражающего ловкий поворот руки, которым искусный игрок бросает свое вино в весы.^[850]

Наш ученый архиепископ Поттер, неумело сокративший рассказ Афиней, путает вышеупомянутую игру с *kottabos katactos*, другой формой игры, описанной и Поллуксом, и Афинеем.^[851] В ней аппарат был подвешен к крыше, как люстра. Он был сделан из латуни, а под ним располагался медный сосуд, называемый яликом. Игрок, стоя на небольшом расстоянии, длинной палочкой ударял по одному концу коттабоса, который, опускаясь, соприкасался с ящиком, вернее, с гривами внутри, и издавал полый звук. Иногда маленькие сосуды на концах коттабо спускали вниз, как и в прежней игре, наливая в них вино. В другой разновидности ялик наполнялся водой, на которой плавали шар, инструмент, похожий на язычок весов, грива, три миртовых ветки и столько же флаконов. В этом деле большое искусство заключалось в том, чтобы ударить по одной из них коттабо, и тот, кто мог потопить больше всех, выигрывал игру. Призом в таких случаях обычно служило одно из пирожных, называемых *пирами*^[852] или что-то подобное; но вместо них иногда, когда присутствовали женщины, было решено, что призом должен быть поцелуй, как в нашей игре в неустойку. Другой вид коттабоса, который практиковался в основном в случаях, напоминающих наши крестины, когда на десятый день ребенок получал свое имя, представлял собой состязание в бодрствовании, когда тот, кто дольше всех сопротивлялся сну, получал приз. Однако правильнее было бы назвать коттабос первым описанным развлечением; и оно стало настолько модным, что люди возводили круглые комнаты специально для этой цели, чтобы

игроки могли занимать свои места на равном расстоянии от аппарата, стоявшего в центре.^[853]

Без всяких оснований можно предположить, что, когда люди собираются вместе, чтобы получить удовольствие, большую часть его они получают от разговоров, которые, конечно, будут меняться и скользить

"От серьезных до веселых, от оживленных до суровых".

в зависимости от характера или переменчивого юмора компании. Спартанцы, как и все военные люди, были сильно увлечены шутками, которые заменяли у них элегантный бадинаж, чередующийся с глубокими или бесстрастными рассуждениями, привычными для более интеллектуальных афинян. Последние, однако, хотя и были свободны от грубости, обладали более чем веселостью дорийцев, и среди своих привычек к бизнесу и применению философии, лучше, чем кто-либо другой, знали, как среди вина и хорошей еды разрядиться и насладиться роскошью беспечных мелочей и не наморщенного чела. Поэтому, пока одни удалялись в коттабос, который занимал место нашей бильярдной, другие все еще сидели, сгрудившись вокруг стола, и развлекались друг с другом. Среди них, конечно, были все те, кто преуспел в искусстве светской беседы, кто мог рассказать хорошую историю или анекдот, рассыпать вокруг ливень острот или родить каламбур. Некоторые, подобно спартамцам, питали валлийскую страсть к генеалогиям и любили пересказывать историю "земельного дворянства" старой Эллады вплоть до времен Девкалиона и выше; другие облекали свою мудрость и опыт в басни, к которым проявляли почти восточное пристрастие; еще большее число, подобно принцам из "Арабских ночей", упражняло свой ум в постановке и разрешении сложных вопросов, загадок, шарад, анаграмм и головоломок.

Но главные классы, на которые делились эти ухищрения, были два: *загадки* и *грифои*,^[854] первые включали в себя все те, что заканчивались простым удовольствием, вторые - вопросы и загадки, содержащие в себе ядро мудрости или знания,^[855] предполагалось, что они были скучным и серьезным делом. Казобон,^[856] однако, решительно защищает ее от этого обвинения, утверждая, что в грифоне *utile* смешивалось с *dulce* в должной пропорции; так что она должна была, по мнению Горация, отнять пальму первенства у большинства литературных изобретений. В плане древности загадка тоже может похвастаться; ведь если быть старым - значит быть благородным, то в ней "больше родовитости и лучшей крови", чем даже у голодных дорийцев Пелопоннеса, которых мистер Митчелл предпочитает по этой причине всем народам ионийской расы. Как и все хорошее, она тоже пришла с Востока. Самое раннее упоминание о загадке встречается в книге Судей,^[857] где Самсон во время брачного пира в Тимнате озадачивает своих гостей следующей загадкой:

"Из едока вышло мясо, а из сильного - сладость;"

На что они, проинструктированные его женой, отвечали:

"Что слаще меда? И что сильнее льва?".

Слово "грифос" в своем первоначальном значении означало рыболовную сеть, и поэтому в переводе оно использовалось для обозначения каверзного или хитроумно придуманного вопроса, в котором запутывались умы людей.^[858] Поскольку древние наслаждались такого рода интеллектуальными пустяками, они старались быть очень методичными в этом деле, разделяя загадку на несколько видов, которые Клеарх Солийский^[859] сделал предметом отдельного труда. Этот писатель, своего рода греческий Д'Изразель, определяет грифос как "спортивную задачу, предлагаемую для решения при условии, что открытие смысла должно

сопровождаться наградой, а неудача - наказанием". Его описание семи классов едва ли можно сделать понятным и уж точно неинтересным для современного читателя. Для этой цели лучше привести два-три примера, предварив их несколькими замечаниями.

Выше уже отмечалось, что философские истины часто оказывались завернутыми в эти спортивные задачи, которые намеренно затушевывались, чтобы дать лишь тусклые и отдаленные проблески форм внутри, обязательно упражняли и обостряли ум и вызывали острую и настойчивую привычку к исследованию. Награда и наказание имели ту же тенденцию. Корона, дополнительные расходы и аплодисменты компании веселили удачливого *Œdipos*, в то время как лакею, который бился над кустом, не поймав сову, приходилось корчить рожи над чашкой рассола или соленых огурцов. Софист Теодект, отличавшийся прекрасной памятью, приобрел репутацию разгадывателя загадок и называл такие вопросы "источниками памяти". Но какими бы ни были сами вопросы, награда, к которой часто приводило их решение, была скорее источником забывчивости, состоявшим из кубка вина, который, когда не находилось толкователя, переходил к разгадывающему.^[861]

Загадка, конечно, была богатством для поэтов-комиков, которые не могли отказаться от использования столь восхитительного способа вызвать ожидание и удивление. Но из сохранившихся примеров ясно, что они чаще промахивались, чем попадали. Грифои Антифана о "приносящем и не приносящем", о "горшке с кашей", о "пироге" и т. д. - плохие вещи; но следующие из "Сна" Алексиды хороши:

А. Существует вещь, которая не является ни бессмертной,

И не смертен, но к обоим принадлежит и живет.

Как ни бог, ни человек не живет. Каждый день,
рождается заново и умирает. Ни один глаз не может увидеть ее,
но все знают об этом.

В. Чума на тебя!

Ты утомил меня своими загадками.

А. И все же, все это

просто и легко.

В. Что же тогда может быть?

А. Сон, который избавляет нас от всех забот и страданий.^[862]

Следующее из Эвбулоса не лишено смысла:

А. Что это такое, что, пока молодой, пухлый и тяжелый,

А в полный рост - легкое и бескрылое.

На курьерских ветрах и сбивает прицел?

В. Борода чертополоха; ибо он сначала прилипает

К зеленому семени, которое, созрев и высохнув, опадает

Под дуновением ветерка или, взметнувшись вверх.

Игривыми ежами, по воздуху плывет.

Антифан в своей "Сафо" вводит очень остроумную загадку, отчасти для того, чтобы предложить саркастическое объяснение, направленное против ораторов:

Есть самка, которая в своем лоне

Носит своих птенцов, которые, немые, в сущности, все же говорят,

И доносят свой голос до воющих волн,

или на самом диком континенте. Они разговаривают

Даже с отсутствующими, и глухим сообщат.^[863]

Поэт вводит "лесбийскую служанку", объясняя загадку, и этот отрывок афинского комика можно считать оригиналом тех прекрасных строк Овидия, которые так изящно перевел Поуп:

Небеса впервые создали ПИСЬМА, чтобы помочь какому-то несчастному,

Изгнанному любовнику или плененной девушке,

Они живут, они говорят, они дышат тем, что внушает любовь,

Согреты душой и верны ее огню,

Желание девы без страха исполняют,

Простите румянец и излейте все сердце,

Ускорьте нежное общение души с душой,

И вздохнуть от Инда до полюса.

К этому времени, однако, читатель, вероятно, придет к мнению, что мы достаточно задержались на обеденном столе и сопутствующих ему развлечениях. Поэтому мы поторопим уход гостей, которые, подпалив языки животных, принесенных в жертву, в знак того, что все сказанное должно храниться в тайне, возносили возлияния Зевсу, Гермесу и другим богам и уходили, в древние времена до захода солнца; но впоследствии, по мере роста роскоши и расточительности, утреннее солнце часто позволяло им обходиться без мальчиков-связистов. Примеры подобных извращений ночи встречаются у Гомера и Вергилия, но всегда среди безрассудных или женоподобных людей в княжеских дворцах, откуда во все века поток безнравственности стекал в общество, нарушая и загрязняя его. У Платона компания, собравшаяся у Агатона, также сидит всю ночь, а Аристофан изображает пьяных людей, бредущих домой через агору при свете дня.

803. О знаменитых поварах см. Max. Tyr. Dissert. v. 60. 83. Поллукс, vi. 70, seq. Афины. iii. 60.

804. Афины. vii. 32.

805. Афины. vii. 33.

806. Афины. vii. 37.

807. Suidas in v. t. i. p. 1361. c.

808. Athen. i. 6. "Sic ut παράσιτος, et παραμασήτης vel παραμασύντης convivam denotat invocatum, qui absque symbola ad convivium venit; sic nomen παραβρύκων (à verbo βρύκω, mordeo, rodo, deglutio) eundem habet significatum."-Scheigh. Animadv. t. vi. p. 54.
809. De Scol. Poes. p. 8.
810. Athen. i. 7.
811. Athen. i. 7. Этот бык был принесен в жертву Зевсу-погонщику мух, чтобы убедить его отогнать стаи насекомых, от которых страдали зрители, за Алфеи. Cp. Plin. Nat. Hist. x. 40. ix. 34. Pausan. v. 14. i. viii. 26. 7. Ælian. De Nat. Animal. v. 17. xi. 8.
812. Athen. i. 8. Suidas. v. Τιμαχίδας. t. i. p. 899, seq.
813. Athen. i. 9.
814. Suid. in v. Φιλοξ. t. ii. p. 1058. c. Athen. i. 10.
815. Athen. i. 10. Suid. v. Πιθυλλ. t. ii. p. 526. c.
816. Возможно, намек на его любовь к Галатее, любовнице Дионисия. Athen. i. 11. Ælian. Var. Hist. xii. 44. Schol. Аристоф. Plut. 290.
817. Athen. i. 11. См. другой анекдот об этом гурмане в Ælian. Var. Hist. x. 9.
818. Аристоф. Aves. 1189, sqq.
819. Sch. Аристоф. Eq. 403.
820. Илиада, α. 492, sqq. Ilgen, Disq. de Scol. Poes. p. 55.
821. Conf. Odyss. θ 72, sqq. α. 154. 350.
822. Плут. Cim. § 4. Впоследствии, однако, мы видим, что Кимон поет с большим мастерством. § 9.
823. Цицерон, Tuscul. Quæst. i. 2. Cp. Ilgen. De Scol. Poes. p. 62.
824. Athen. xiv. 24. Ilgen, Disq. De Scol. Poes. p. 64.
825. Гимн, например, в честь Палласа пели во все века. Sch. Aristoph. Nub. 954.
826. О Гармодии, например, и Аристогейтоне. Sch. Aristoph. Acharn. 942. См. Ilgen, Disq. de Scol. Poes. p. 69.
827. Conf. Hom. Hymn. in Herm. 52, sqq. Пинд. Olymp. i. 24.
828. Poll. vi. 108, с примечаниями Себера и Юнгермана, t. v. p. 142.
829. Который издал сборник этих песен, сопровождаемый очень интересными и поучительными примечаниями. Σκολια- hoc est, Carmina Convivalia Græcorum. Jenæ, 1798.
830. Apud Plut. de Musica, § 28.

831. Pind. Fragm. Dissen. t. i. p. 234, с комментарием, t. ii. p. 639, sqq. Аристоф. Vesp. 1222, 1240. Ахарн. 532. Рас. 1302. Plat. Gorg. t. iii. p. 13. Бекк.
832. Suidas, v. σκολίον, t. ii. p. 759, e. sqq. Etym. Mag. 718, 35, sqq. Eustath. ad Odys. η. 276, 49.
833. Г-н Мюллер, однако, не одобряет эту этимологию. "Гораздо более вероятно, - говорит он, - что в мелодии, на которую пели сколии, допускались определенные вольности и нарушения, которые облегчали исполнение песни в экстемпоре" - История греческой литературы, т. i. гл. xiii. § 16, seq.
834. Плут. Symp. i. 1. Athen. xiv. 24.
835. Hesych. v. ῥσακος, ap. Ilgen. De Scol. Poes. p. 154.
836. Sch. Aristoph. Nub. 1339, 1346.
837. Potter, Antiq. ii. 403.
838. Sch.Sch. Aristoph. Nub. 1337, seq.
839. Ilgen, De Scol.Scol. Poes. p. 156.
840. Aristoph. Nub. 1358. Conf. Schol. ad Vesp. 1222.
841. Schol. Aristoph. Nub. 1367.
842. Dresig. de Rhapsodis. p. 7. sqq. ap. Ilgen, De Scol. Poes. p. 157. Pind. Isthm. iv. 63.
843. Ilgen, De Scol. Poes. p. 159.
844. Athen. xv. 49.
845. Athen. xi. 110.
846. Весп. 1220.
847. Plato Phædr. t. i. p. 65.
848. Гомер. Odys. θ. 97, sqq. Евстафий. p. 295, 43.
849. Athen. xv. 2, sqq. xi. 22, 58, 75.-Suidas, v. κοταβίζειν. t. i. p. 1504, b. seq. Etym. Mag. 538. 13, sqq.
850. Potter, ii. 405, 406.
851. Поллукс. vi. 100, sqq. Athen. xv. 4. Cp. Flor. Christian ad Aristoph. Рас. 343.
852. Pollux. vi. 101.
853. Афины. xv. 7.
854. Вид. Клем. Alexan. Protrep. i. 1. Diog. Laert. ii. 33.
855. Поллукс. vi. 107.
856. Анимадв. в Афинах. x. 15. Cp. Scaliger, Poet. iii. 84, где объясняется различие, проведенное Поллуксом.

857. Гл. xiv. ст. 14. 18. В примечании к этому отрывку у Хитерия есть несколько превосходных и научных замечаний по этому вопросу. Vid. Seber. ad Poll. t. v. p. 141.

858. Pollux. vi. 108. Скалиг. Poet. iii. 84.

859. Схол. Аристоф. Весп. 20. Афины. х. 69.

860. Поллукс. vi. 108.

861. Etym. Mag. 341, 35, sqq. Suidas. v. ὑρῖφος, t. i. p. 628, seq.

862. Athen. x. 71.

863. Athen. x. 73.

ГЛАВА VII. ТЕАТР.

Я отнюдь не ставлю перед собой цель повторить сведения, которые можно почерпнуть у сотни авторов о возникновении и развитии сценического представления в Греции. Напротив, я ограничусь главным образом теми частями предмета, которые другие либо полностью игнорировали, либо рассматривали в краткой и неудовлетворительной манере. Тем не менее, было бы нецелесообразно пытаться разрешить все трудности, возникающие в дошедших до нас сведениях об эллинской драме; и, несмотря на трудоемкие исследования, в которые я был вынужден вступить, я чувствую, что есть много моментов, на которые я не могу бросить новый свет, и которые, похоже, навсегда озадачат изобретательность архитекторов и ученых.

Дионис, будучи божеством, связанным с сельским хозяйством, его поклонение, естественно, возникло и долгое время преобладало в основном в деревне. Его праздники отмечались с весельем, а поскольку способность к мимикрии естественна для человека, деревенские жители, собираясь для восхваления своего бога-покровителя, легко переходили к фарсовым представлениям. И драматические выставки вначале мало чем превосходили подвиги Панча, однако их соответствие национальному характеру было столь велико, что со временем в каждом знатном городе появился свой театр, как в старину был свой дифирамбический бард;^[864] и драматические писатели были умножены несравненно больше, чем в любой другой стране.

И трагедия, и комедия,^[865] правильно называемые, зародились в Аттике, и только там, в античном мире, расцвели и выросли до совершенства. Театр, по сути, стал частью конституции, и, вероятно, худшей ее частью, поскольку его тенденция - способствовать личной вражде, разжигать источники злобы и, притворяясь, что очищает от грязи страстей каналами печали и веселья, вызывать привычку к безделью и политической апатии, предоставляя в блестящих недрах насмешливого мира легкое убежище от трудов и обязанностей реального. Тем не менее, может быть любопытно заглянуть в ту вселенную теней, где огромные творения Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана и Менандра представляли перед глазами афинян с дорогостоящим величием и великолепием, равных которым не было разве что в императорском Риме.

Уже отмечалось, что к афинскому театру Дионисия применимы архитектурные рассуждения Витрувия о драматических сооружениях: это здание послужило образцом, по которому впоследствии возводились подобные постройки.^[866] Внимательно изучив его детали, мы сможем составить довольно точное представление обо всех театрах, некогда существовавших в Греции, хотя каждый из них, возможно, был несколько изменен в плане, общем расположении, и украшениях в зависимости от особенностей места, науки или вкуса его архитектора.

Великий театр Вакха, частично вырубленный в скале на склоне холма у юго-восточного угла Акрополя, простирался на прочных опорах из каменной кладки на значительное расстояние в равнину и мог вместить до тридцати тысяч человек. Диаметр, соответственно, если и не превышал, то мог составлять не более пятисот футов.^[867] Ведь мы не можем предположить, что, в то время как Спарта,^[868] и Аргос, и Мегалополь, города сравнительно незначительные, обладали театрами таких размеров, Афины, несравненно самая большая и красивая из эллинских столиц, довольствовались бы одним меньшей величины.^[869]

Чтобы точно определить различные части театра и таким образом придать четкое значение каждому термину, связанному с ним, критики и архитекторы проявляли изобретательность на протяжении последних трехсот лет, и все еще остается много трудностей, которые необходимо преодолеть. Вряд ли я могу надеяться, что в каждом случае мне удастся добиться успеха там, где они потерпели неудачу. Но следующее объяснение, возможно, передаст изнутри идею, достаточно точную для всех практических целей.

Предположим, что мы стоим у подножия Кататоме,^[870] гладкой стены скалы, перпендикулярно поднимающейся от задней части театра до нависающих укреплений Акрополя, и видим по обе стороны от нее, над портиками, высокие опоры из каменной кладки, выступающие, как рога, вниз по скалистому склону на равнину и соединенные на своих концах стеной одинаковой высоты, идущей по прямой линии от одной точки подковы к другой. Огражденное таким образом пространство делилось на три основные части: амфитеатр для зрителей, оркестр,^[871] заполнявший все пространство, занимаемое современной ямой, для хора, и сцена, правильно называемая так, для актеров. Каждая из этих частей снова была разделена на части. Глядя с Кататоме, мы видим, что скамьи из белого мрамора, охватывающие весь полукруг театра, спускаются, как ступени, на уровень оркестра и пересекаются через определенные промежутки узкими прямыми проходами, сходящимися к точке внизу.^[872] Несколько верхних мест, отрезанных открытым пространством, простирающимся по всему полукругу, от остальных, было отведено для женщин. Другие отделы предназначались для других классов населения, как, например, ярус мест, непосредственно выходящий на оркестр, для сенаторов, или дикастов, другая часть - для молодежи, еще одна - для иностранцев и гостей государства, а остальные места занимала плотная масса граждан всех возрастов,^[873] с венцами цветов на головах.

Над уровнем самого возвышенного ряда сидений, огибая всю площадь здания,^[874] возвышался просторный портик,^[875] предназначенный для укрытия зрителей во время внезапного ливня. Еще один ряд портиков тянулся вдоль небольшой лужайки или рощи в пределах театра, в задней части сцены, так что афинянам не было необходимости укрываться от непогоды в общественных зданиях, священных или гражданских, расположенных поблизости, как некоторые полагают.

Из выражения Поллукса^[876] следует, что нижние места в театре, предназначенные для знатных особ, были покрыты деревом,^[877] несмотря на это, в поздние эпохи существования содружества было принято, чтобы богатые люди имели подушки, приносимые для них в театр

их домашними слугами,^[878] вместе с пурпурными коврами для их ног. Соответственно, Теофраст, от которого ускользнули немногие яркие черты манер, изображает своего льстеца, выхватывающего театральную подушку у раба, поправляющего и покорно разглаживающего ее для своего покровителя.^[879] Чтобы сделать преданность Дионису менее утомительной, во время представления было принято раздавать пироги и вино, хотя, подобно героям Гомера, они старались подкрепить себя хорошей едой перед выходом за город. Более того, нам сообщают, что, когда актеры были плохими, потребление кондитерских изделий увеличивалось: хорошие люди стремились восполнить в одном виде удовольствия то, что они потеряли в другом. Кроме того, полные кубки обычно осушались при входе и выходе хора.^[880]

Оркестр, расположенный значительно ниже уровня сцены, имел в середине небольшой квадратный помост, называемый тимлеем,^[881] иногда рассматриваемый как пьедестал, на который вставал руководитель хора, когда вступал в диалог с актерами; иногда как алтарь, на котором приносились жертвы Дионису. Та часть оркестра, которая находилась между тимлеем и сценой, называлась дромосом, а пародой - два просторных боковых прохода,^[882] один с востока, другой с запада, в крайних ярусах сидений, которые предоставляли хору достаточно места, чтобы входить и выходить в шеренге, в той четырехугольной форме, в которой он обычно выступал.

В конце оркестра на уровень сцены поднимался пирс из каменной кладки под названием Гипоскенион, украшенный колоннами и статуями, где сложнейшая система механизмов и декораций представляла все, что было осязаемо для чувств в творениях поэта. Сцена была разделена на две части: во-первых, Окрибас или Логейон,^[883] покрытый досками и полый внизу, для реверберации голоса; во-вторых, Просценион,^[884] более широкий параллелограмм из массивной каменной кладки, необходимый для поддержки огромного аппарата механизмов и декораций, требуемых характером греческой драмы. Спуск со сцены^[885] в оркестр осуществлялся по двум лестницам, расположенным по обеим сторонам Логейона, в том месте, где Пародии соприкасались с Дромосом. За просценионом находилась сцена,^[886] правильно называемая, аспект которой постоянно менялся в соответствии с требованиями каждого последующего произведения. В большинстве случаев, однако, она представляла собой фасад трех различных зданий, из которых центральное, сообщающееся со сценой широким и высоким порталом, обычно было дворцом. Иногда, как в "Филоктетах", этот портал превращался в устье пещеры,^[887] открывающейся взору среди скал и уединения Лемноса, а в других пьесах он служил входом в особняк какого-нибудь выдающегося частного лица, но всегда был предназначен для главного актера. Здание справа в комедии имело вид трактира, через дверь которого на сцену выходил второй актер, а портал слева вел в разрушенный храм или необитаемый дом. В трагедии правый вход предназначался для посторонних, а левый - для женских апартаментов или тюрьмы.^[888]

На сцене, перед дверями, стоял алтарь Аполлона Агуия и стол, покрытый пирожными и кондитерскими изделиями,^[889] который, по-видимому, иногда рассматривался как представитель того древнего стола, на который, в простоте времен Протесилая, садился одинокий актер, когда вел диалог с хором.

Когда сцена была оборудована для представления комедии, рядом с домом стояла нарисованная сцена, изображающая большой скотный двор с вместительными двойными воротами для въезда повозок и упряжных волов со стадами и упряжками ослов, возвращающихся с поля. В "Аkestрии" Антифана^[890] эта деревенская постройка была превращена в мастерскую. За каждой из боковых дверей справа и слева находились два

станка,^[891] по одному с каждой стороны, к которым примыкали крайние части периакия. Сцена справа представляла сельские пейзажи, слева - перспективы окрестностей города, в частности, виды гавани. На этих периактах^[892] изображались морские божества, катающиеся по волнам, и вообще все те объекты, которые не могли быть представлены с помощью техники. При повороте периакта вправо ситуация менялась, а при повороте обеих перед глазами представал совершенно новый пейзаж. Из *parodoi*, или боковых проходов, тот, что справа, вел с полей, из гавани или из города, в зависимости от необходимости пьесы, в то время как прибывающие пешком из любой другой части входили через противоположный проход, и, пройдя часть оркестра, поднимались на сцену по лестницам, о которых уже говорилось.

Механизм^[893], с помощью которого была разработана бессловесная экономика пьесы, состоял из множества частей, весьма сложных и любопытных. Чтобы избежать труда и, возможно, некоторой утомительности, их можно было бы обойти с помощью такого замечания, как приведенное выше, но это было бы бегством от трудностей, а не их уменьшением. Перейду к частностям.

Первой, и самой замечательной, была машина, называемая экциклемой,^[894] часто использовавшаяся древними, когда сцены внутри помещений должны были быть представлены взору. Она состояла из деревянной конструкции, передвигавшейся на колесах, и представляла собой интерьер квартиры. Для того чтобы пройти через двери, она делалась меньше в глубину, чем в ширину, и катилась вбок, разворачиваясь затем и скрывая фасад здания, из которого она выходила. Каналы в полу, по которым проезжали колеса, несомненно, скрытые под высоким основанием, получили название Эйсцикема.^[895] Иногда, как в "Агамемноне", она представляла взору "царские купальни с серебряной умывальницей, труп, завернутый в смертельную одежду, и Клитемнестру, забрызганную кровью и держащую в руке вонючее оружие, все еще стоящую с надменным видом над своей убитой жертвой".⁽ В других случаях выставлялись трон, труп, интерьер палатки, вершина здания; а в "Облаках" Аристофана интерьер дома Сократа был открыт для зрителей, в нем находилось множество масок, исхудалых и бледных, естественный плод философии.^[897] Следует заметить, что Экциклема выходила через любую из дверей, поскольку для того, чтобы предстать перед глазами зрителей, требовались камеры тюрьмы, залы дворца или покои постоялого двора.

Своеобразная машина, в которой появлялись боги^[898] или такие герои, которые пользовались привилегией путешествовать по воздуху, - Беллерофон, например, и Персей, - стояла у левого бокового входа и по высоте превышала каменную штору в глубине сцены. В трагедии она называлась Механе, а в комедии - Краде,^[899] - в случае она напоминала смоковницу, которую афиняне называли Краде. Сторожевая башня, бойницы и башенки были построены для использования сторожами, такими как старик в "Агамемноне", которые следили за сигналами или признаками приближающегося врага. Фрукторион^[900] был фаросом, или маячной башней. Другой частью сцены была дистегия, здание высотой в два этажа во дворцах, с вершины которого, в "Фениссе" Еврипида,^[901] Антигона смотрит на армию. Крыша была покрыта черепицей (и отсюда название "Керамос"), которую иногда сбрасывали на врага. В комедии распутники и старухи, или дамы с неоднозначным характером, изображались выходящими на улицу в поисках добычи из таких зданий.

Керауноскопейон^[902] представлял собой возвышенную треугольную колонну, которая, по-видимому, была полый и снабжена узкими расщелинами, идущими по прямой линии сверху вниз. Внутри, по-видимому, находилось несколько ламп на неподвижных основаниях, из которых, когда периактос кружились, на сцену из-за кулис падали листья, имитирующие молнии.

Конструкция Бронтейона,^[903] или громоотвода, по моим представлениям, была примерно следующей: ряд медных плит, расположенных одна под другой, как лестницы, спускался через крутой сводчатый проход за сценой в нижнюю часть башни, заканчивающейся огромным медным котлом. От его края в стене башни пробивался ряд металлических отверстий,^[904] , вероятно, спиральных, которые открывались наружу воронками, подобными устьям труб.

Когда какому-нибудь божееству требовалось спуститься на землю среди молний и внезапного грома, Керауноскопейон мгновенно приходил в движение, и ливни гальки с морского берега ураганно в устье Бронтейона и, перекатываясь через медные сосуды, производили ужасающий треск, который, с бесчисленными отголосками, выливался Эхеем на театр.^[905]

На возвышенной галерее, называемой Теологейон, протянувшейся над мраморным помостом в задней части сцены, появлялись боги, когда драма требовала их присутствия; и поэтому, как я полагаю, еврейская колония, появляющаяся каждую ночь под крышей наших театров, получила название богов. Здесь Зевс и другие божеества Олимposa собирались в той самой необычной драме Эсхила, "Психостасия", или взвешивание на весах душ Ахилла и Гектора.

В театре использовалась машина, называемая журавлем,^[906] острие которого, будучи опущенным, подхватывало в воздух все, что оно должно было поднять в воздух. С помощью этого приспособления Эос, богиня рассвета, спустилась и унесла тело Мемнона, убитого Ахиллом под Троей. В других случаях с крыши спускали крепкие шнуры, так расположенные, что они напоминали качели, чтобы поддерживать богов или героев, которых, казалось, несли по воздуху.

Хотя при повороте периакия можно было сменить три сцены, иногда требовалось гораздо больше, и тогда перед расписными колоннами опускали новые пейзажи, как подвесы, или ставили их в рамах. Обычно они представляли собой виды моря, горные пейзажи, русло реки, извивающееся по уединенным долинам, или другие перспективы подобного характера, в соответствии с духом драмы.

Положение "Полуцикла" понять сложнее. По-видимому, это была удаляющаяся полукруглая сцена, расположенная лицом к оркестру и скрывающая мраморные здания в задней части сцены, когда открывался вид на какую-то отдаленную часть города или показывались потерпевшие кораблекрушение моряки , бьющиеся на волнах. Не менее похожим был Строфион,^[907] , который выводил героев на Олимп, или на океан, или в битву убитыми, где изменение положения по отношению к зрителю производилось вращательным движением машины.

Положение харонской лестницы,^[908] по которой призраки и явления поднимались из нижнего мира, определить очень трудно; но то, что она находилась где-то на сцене, представляется мне несомненным, несмотря на кажущееся свидетельство Поллукса об обратном. Гипотеза, согласно которой призраки выходят из двери, расположенной прямо под местами зрителей, и проносятся по всей глубине оркестра, среди хора и музыкантов, во всяком случае, абсурдна. Она должна была находиться где-то в глубине сцены, рядом с алтарем Локсия, столом с хлебами и теми священными и античными изображениями, которые в некоторых драмах выставлялись там. Здесь же находилась дверь-ловушка, через которую боги-реки выходили из земли, а другая дверь-ловушка, предназначенная для фурий, по-видимому, располагалась в бортах Логейона, возле одной из ступеней, ведущих в оркестр.

Приведенное выше описание механизмов и декораций, использовавшихся греками в театральных представлениях, возможно, из-за своего несовершенства наводит на мысль о грубом и неуклюжем устройстве. Но поскольку искусство поэзии, скульптуры, живописи и архитектуры достигло в Греции наивысшего совершенства, а это совершенствование совпало с расцветом драмы, невозможно избежать убеждения, что искусство рисования сцен и изготовления сценических механизмов также подверглось всем улучшениям, которым они подвержены по своей природе. Ибо, во-первых, нелегко предположить, что народ, столь привередливый, как афиняне, стал бы терпеть в театре проявления невежества и недостатка мастерства, которые в других местах, как известно, вызывали у него презрение и насмешки; Тем более что, во-первых, изображаемые пейзажи и объекты обычно были теми, с которыми они были наиболее знакомы, хотя фантазия поэта иногда осмеливалась перенести их в самые возвышенные и недоступные уголки Кавказа, на вершину небесного Олимposa, во дворцы и гаремы Персии, в дикие земли Херсонеса Таврического,^[909] или даже в тусклые и мрачные области мертвых. Тем не менее, до нас дошли имена немногих сценических художников, кроме Агатарха,^[910] хотя известно, что в свое время они иногда делили с поэтом восхищение публики, а в других случаях позволяли поэтам более низкого достоинства отбирать приз у своих предшественников.

Характер сценических декораций, однако, очень сильно различался в трагедии, комедии и сатирических пьесах: обычно состоял, в первой, из фасадов дворцов, с колоннадами, архитравами, карнизами, нишами, статуями и т. д.; в комедии - из фасадов или дворов обычных домов, с окнами, балконами, портиками и т. д. В сатирической драме фантазии художника и декоратора позволялось разворачивать перед зрителями сцены сельской красоты, удаленные от городов, как впадины гор, затененные лесами, извилистые долины, равнины, реки, пещеры и священные рощи.

О греческих актерах,^[912] чьи дела и профессии требуют внимания, известно слишком мало, учитывая любопытный интерес темы. Однако их искусство, по-видимому, возникло на основе искусства рапсодов, которые воспевали в храмах, во время религиозных праздников, а затем в театрах героические сказания Греции. В определенной степени рапсодист сам был актером. Его искусство требовало, чтобы он глубоко проникся духом поэзии, которую декламировал, чтобы в соответствии с нахлынувшими страстями использовал модуляции и перегибы своего голоса, тембр, взгляд, жест, чтобы ярко нарисовать воображению картину, задуманную поэтом, и мощным жезлом сочувствия пронести весь театр через все градации печали, негодования и радости.^[913] Некоторые писатели, соответственно, рапсодиста, видимо, смешивают с актером, то есть считают его актером эпоса,^[914] хотя в действительности его подражания характеру были частичными и несовершенными.

Актеры составляли в Афинах часть гильдии, или труппы, называемой дионисийскими ремесленниками,^[915] среди которых были также рапсодисты, кифареды, кифаристы, музыканты, жонглеры и другие лица^[916], связанные с театром. Эти люди, хотя в большинстве своем и не пользовались большим уважением, все же были несколько более респектабельны, чем в Риме, где появление на сцене было позорным.^[917] Как и рапсодисты, они вели бродячую жизнь, иногда появляясь в Афинах,^[918] иногда в Коринфе, или Сикионе, или Эпидавросе, или Фивах, по моде, принятой среди бродяг наших дней. Во время этих странствий они то и дело попадали в редкие приключения, как в случае с той компанией комедиантов, которая, возвращаясь из Мессении к перешейку, была встречена царем Клеоменом и спартанской армией у Мегалополя.^[919] Чтобы продемонстрировать превосходство своей силы и презрение к врагу, Клеомен устроил, вероятно, из дерна и досок, временный театр, где он и его армия просидели целый день, наслаждаясь шутками и

диким весельем на сцене, после чего он вручил в качестве приза главным исполнителям сумму в сорок мин, или около ста шестидесяти фунтов стерлингов.

Однако примерно в этот период в армиях Греции, как республиканских, так и царских, было принято сопровождать компании колясочников, жонглеров, танцовщиц и музыкантов.^[920] Даже в армии Александра, когда он отправлялся в персидский поход, "льстецы Диониса" не были забыты; более того, сын Филиппа придавал большое значение выступлениям этих господ и с поистине царской щедростью позволял им пользоваться всей своей долей награбленного на Востоке. Так, когда Никокреон, царь Саламинский, и Пасикрат, царь Солийский,^[922] играли роль хореги на Кипре, в постановке некоторых трагедий для развлечения Александра, а актеры, Фессалос и Афинодор Афинянин, боролись за приз; Он был раздосадован победой афинянина и, хотя и похвалил судей за то, что они отдали приз тому, кого считали лучшим исполнителем, сказал, что скорее отдал бы часть своего царства, чем увидел бы, как Фессалоса одолевает соперник.

Впоследствии, когда Афинодор был оштрафован своими соотечественниками за то, что отсутствовал в Афинах во время дионисийского праздника, очевидно, вопреки принятым и предусмотренным на этот случай законам, Александр заплатил штраф за своего скромного друга, хотя и отказался обратиться к народу с просьбой о его отмене.

Анекдот, связанный с Ликоном из Скарфы, также показывает, как высоко македонский принц ценил развлечения на сцене и какое влияние оказывали на его ум дионисийские артисты, хотя, по словам Антифана, у него не хватало вкуса, чтобы отличить хорошую пьесу от плохой. Однажды Скарфеот, нуждаясь в деньгах, как это иногда бывает с актерами, ввел в пьесу, которую исполнял, строчку собственного сочинения, умоляя завоевателя дать ему десять талантов; Александр, забавляясь его экстравагантностью или, возможно, плененный лестью, которая ее сопровождала, сразу же удовлетворил его просьбу, и таким образом на сиюминутное удовольствие принца было потрачено до двух тысяч четырехсот фунтов государственных денег.^[923]

Философы, почти по необходимости, думали и говорили об этих бродячих артистах с крайним презрением. Платон отмечает, что они ходили из города в город, собирая бездумные толпы, и своими красивыми, звучными и убедительными голосами превращали республики в тирании и аристократии. Аристотель попытался объяснить их дурной характер и деятельность.^[924] Они были никчемны, говорит он, потому что из всех людей меньше всего извлекали пользу из уроков разума и философии, вся их жизнь была поглощена изучением профессиональных искусств или проходила в распутстве и трудностях.

Тем не менее, даже среди них были разные классы: одни стремились к высшим занятиям трагедией и комедией, а другие довольствовались грубыми, низкими песнями, сидя на повозках, как конные бандиты во время Ленейского праздника.^[925] Эту моду вовсе не следует считать протестантской, поскольку она преобладала до очень позднего времени. И как во всем греки стремились к совершенству и отличию, так и здесь мы видим, что существовало соревнование между поэтами, которые сочиняли комические песни, исполняемые этими скромными артистами из своих повозок.^[926]

Различные классы актеров, известные древним, были многочисленны. Среди низших классов были магодос и лисиодос,^[927] которые, хотя некоторые и путают их, очевидно, были разными; первые изображали как мужские, так и женские персонажи, вторые - только женские, хотя и переодетые в мужские костюмы. Но песни и все остальные характеристики их представлений были одинаковыми. Дух грубых сатирических фарсов, в которых они выступали, не позволяет мне полностью объяснить их природу.

Было даже несколько авторов, достигших "дурной славы" в этой области литературы, что особенно отразилось на ионическом диалекте, как Александр, эйтолиец,^[928] Пиретос из Милета, города, отмеченного своими беспутными персонажами, и Алексос, который получил на этот счет отвратительный прозвище. Однако самыми выдающимися из этого порочного выводка были Сотадес^[929] Маронит и его сын Аполлоний, написавший работу на стихи своего отца. Сотадес, вероятно, был оригиналом, которому подражал Пьетро Аретино, получивший в наше время подобную репутацию, хотя своевременное раскаяние, возможно, спасло его от подобного конца. Древний пасквилянт, исполнявший роль Терсита, с особым наслаждением выхватывал пороки принцев, но не из-за неприязни к их нравам, а потому, что такой скандал прокладывал путь к известности. Так, в Александрии он покрыл Лисимаха злословием, которое, находясь при дворе Лисимаха, он обрушил на Птолемея Филадельфа. Однако его наказание превзошло меру его преступлений. Когда на острове Каунос Патрокл, один из генералов Птолемея, нагнал его, покорный наемник заключил его в свинцовый ящик и бросил в море.^[930]

Магодос, таким образом, был странствующим актером фарса, не похожим на кувыркающихся конных бандитов, которых иногда можно увидеть во Франции и Южной Европе. Он путешествовал с аппаратом из барабанов, цимбал и женских переодеваний, иногда выдавая себя за женщин, иногда за прелюбодеев или подлых слуг порока; стиль его танцев и представлений соответствовал выбранной им низкой походке, полностью лишенной красоты или приличия. Поэтому, видимо, следует согласиться с мнением Аристоксена, который считал искусство илародосов серьезным подражанием трагедии, а искусство магодосов - комической пародией, низведенной до уровня грубой пошлости. Последнее искусство, по-видимому, получило свое название от чар, заклинаний или магических песен, распеваемых горцами, которые также претендовали на разработку секретов фармацевтики.

Во всех отношениях выше Магодоса и Лисиодоса был Илародос,^[931] который, хотя и был бродячим певцом, как итальянцы и савойцы современной Европы, занимал немалое положение и, очевидно, пользовался определенным уважением. Его костюм, в соответствии с народным вкусом, отличался значительным великолепием и состоял из золотой короны, белого плаща и дорогих сандалий, хотя в более ранние века он появлялся в обуви. Обычно его сопровождал юноша или дева, которые во время пения касались лиры. Стиль его выступлений был благородным и мужественным. Когда в знак одобрения зрители дарили ему корону, она доставалась самому Илародосу, а не музыканту.

Среди спартанцев с очень давних времен существовал класс актеров. Их называли Deikelistæ,^[932] и их манера исполнения свидетельствовала о том, что в Спарте не придавали большого значения драме. Поэзия пьесы, если ее можно было назвать поэзией, произносилась ехемроге и имела самое грубое описание, а персонажи были совершенно конформными. Иногда интерес пьесы был прикован к человеку, грабящему фруктовый сад, или к ломаному греческому языку чудаковатого врача, которого люди уважали за его тарабарщину. Эту слабость, распространенную, конечно, и в Афинах, остроумно сатиризирует Алексис в "Женщине, пожирающей опиум".

"Теперь, если туземец

Врач пропишет: "Дайте ему порринджер

Птизана по утрам", - мы его презираем.

Но в каком-нибудь замаскированном *говоре* он восхитителен.

Так тот, кто говорит о *свекле*, презираем, в то время как

Мы затыкаем уши, если он упоминает *Бейта*,

Как будто *Бате* известна какая-то добродетель, которой нет в *Бите*".

Дейкелисты, однако, не ограничивались Лаконией, но под разными именами были известны в большинстве других частей Греции. Так, в Сикионе они получили прозвище Фаллофоры, в других местах их называли Автокабдали, или Импровизаторы; а в Италии (то есть среди греческих колонистов,^[934]) они были известны под именем Фляксы.^[935] В простом народе их называли мудрецами (σοφισταί), по тому же принципу, по которому во Франции актеры известны под именем *артистов*. Фиванцы, прославившиеся тем, что внесли хаос в язык Греции, называли их волонтериями, пролептически намекая, возможно, на "добровольный принцип". Делиец Семос рисует забавную картину этих импровизаторов. По его словам, те исполнители, которых называли автокабдали, выходили на сцену, увенчанные плющом, и изливали свои стихи *ехемпоре*. Впоследствии их и их стихи стали называть *Iambi*. Другой класс, называвшийся *Ithyphalli*,^[936] носил те маски, которые на сцене приписывались пьяницам, с коронами из плюща и цветистыми перчатками на руках. Их хитоны были в белую полоску, а поверх них, подпоясанные кушаком, они носили тарентинскую пелиссу, спускавшуюся до щиколоток. Они вышли на сцену через большую дверь, предназначенную для королевских особ, и, молча пройдя по сцене, повернулись к зрителям и воскликнули.

"Освободите место, широкий простор

Уступите богу;

Ибо Дионис задумал пройти

Прямо через вас".

Фаллофоры появились без масок, закрыв лицо поникающей гирляндой из дикого тимьяна, перемешанного с листьями аканта, и увенчанной обширной короной из плюща, между блестящей темной листвой которого виднелись фиалки. Их костюмом был каунас. Из этих актеров одни входили через боковые проходы, другие - через центральную дверь, продвигаясь размеренной походкой и говоря: "Вакхос!

"Вакхос, тебе принадлежит наша муза,

Из простых напевов и разнообразных песен;

Не для девственных ушей наши песни,

И не передаются с древних дней:

Свежие струи мы льем тебе,

Покровителю радости и менестрелей!"

После чего, проскакав вперед, они останавливались и осыпали язвительными словами всех, кого хотели, а предводитель отряда медленно двигался, его лицо было вымазано сажей.^[937]

Высшие классы исполнителей, будь то актеры или музыканты, по-видимому, пользовались большим уважением и получали еще более экстравагантные гонорары, чем в наши дни. Так, Амебеос, кифародос, живший возле Одеона в Афинах, получал, но в какой период республики - неизвестно, аттический талант в день, как только он играл на публике.^[938] Музыка, однако, всегда высоко ценилась в Греции, где величайшие люди, хотя и не стремились соперничать с обычными профессорами в мастерстве, все же научились развлекать ею свой досуг. Так, гомеровский Ахилл играет на лире, звуки которой могли излечивать не только душевные, но и телесные болезни. Подобное убеждение существовало и среди израильтян, о чем мы узнаем из примера Саула.

Хотя талант актера всегда вызывал уважение, мне кажется, что в древности они сравнительно мало играли, в то время как великие поэты вызывали восхищение. Но впоследствии, когда драматическая литература опустилась очень низко, актер узурпировал внимание, причитающееся поэту, как это уже давно происходит в нашей стране. Тогда они стали претендовать на приз в трагических конкурсах,^[939] и стали высокого мнения о своих достоинствах. В самом деле, невежественные люди лучше чувствуют, чем судят, актеры часто получали первые призы в играх и ценились выше, чем сами поэты.^[940]

Убедившись в собственной значимости, они постепенно установили над бедными дьяволами, сочинявшими для них пьесы, ту же тиранию, на которую в наш век жалуются поэтические слуги театра. То есть они деспотично вмешивались в построение сюжета, в последовательность сцен и добивались введения эпизодов, чтобы продемонстрировать свои особые способности. Об этом свидетельствует отрывок из "Политики" Аристотеля^[941], где он замечает, что знаменитый актер Теодорос, зная силу первого впечатления, не позволял выступать перед ним на сцене ни одному худшему исполнителю; из этого следует, что автор был вынужден уступить его капризу.

Античность сохранила имена многих знаменитых актеров, некоторые из которых сыграли заметную, хотя иногда и бесчестную роль в великом театре мира. Так, Аристодем, исполнявший роль первого героя попеременно с Теодоросом, впоследствии стал предателем и предал государство Филиппу. Так было и с Филократом и Эксином, оба актеры,^[942] и оба плуты. Сатирос, комедиант того же периода, кажется, был человеком высокого характера и чести, который в результате получил дружбу Demosthenes. Demosthenes. Но Гаррик той эпохи, похоже, был Феокрином,^[943] который, однако, по мнению многих, впоследствии превратился в подхалима. Каллипед известен нам главным образом по анекдоту, в котором описывается проверка его тщеславия, полученная от Агесилая. Приобретая большую славу как трагический актер, он, похоже, считал себя равным, по крайней мере, любому царю, и поэтому, встретившись однажды с Агесилаем, он демонстративно выставил себя вперед, смешался с придворными и приложил немало усилий, чтобы привлечь его внимание. Когда все эти усилия оказались бесполезными, его гордость была уязвлена, и, подойдя прямо к спартанцу, он сказал,

"Ты не знаешь меня, царь?"

"Почему, - ответил Агесилай, - ты не Каллипед, буффон со сцены?"

Дошедшие до нас сведения об Эсопосе несколько озадачивают; его описывают как одного из актеров^[945], игравших в трагедиях Эсхила, но в то же время говорят, что он был беспредельно веселым человеком, превращавшим все в шутку, таким, полагаю, комическим Макбетом. Сеагрос прославился в роли Ниобы,^[946] в трагедии Эсхила или Софокла; а Аристофан перечисляет среди удовольствий дикастов право, если такой актер

предстанет перед ними в суде, потребовать от него в качестве аргумента в свою пользу несколько избранных речей его любимой трагической царицы.

Среди самых знаменитых актеров античности был Полос, уроженец Эгины, который учился искусству сценической декламации у Архиаса, известного в свою эпоху под позорным именем Фугадотерас, или "Изгнанник Охотник". "Охотник". Именно этот негодяй, по приказу Антипатра, преследовал Демосфена до храма Посейдона в Калаурии, где, спасаясь от жестокости македонцев, оратор положил конец своей жизни.

Полос, по-видимому, быстро возвысился до того высокого положения, которое сохранил до последнего. Сохранился поразительный анекдот о том, как он воздействовал на свои собственные чувства, чтобы сильнее взволновать слушателей. Однажды, когда^[948] должен был исполнять роль Электры, он взял с собой в театр урну с прахом любимого сына, которого недавно потерял, и, вместо того чтобы под маской героической царевны проливать притворные слезы над предполагаемыми останками Ореста, он окропил урну, которую нес на сцену, росой подлинной и глубокой скорби. Он затмил своей славой всех актеров своего времени и был в трагедии тем, чем Теократ в предшествующую эпоху был в комедии. Его жалование, соответственно, было очень большим, составляя в одно время полталанта в день, из которых, как известно, он должен был платить третьему актеру.

Кроме того, он должен был вести воздержанную жизнь, иначе ему вряд ли удалось бы совершить то, о чем рассказывает Филохор, утверждающий, что в возрасте семидесяти лет, незадолго до своей смерти, он исполнил главные партии восьми трагедий за четыре дня. Однако его преданность своему искусству не зашла так далеко, как у комических поэтов Филемона и Алексиса, которые испустили последний вздох на сцене в тот момент, когда на их головы возложили корону победы, и были буквально в последний раз уволены со сцены под крики и восклицания восхищенной толпы.^[949] Но страсть греков к искусству подражания не ограничивалась воспроизведением человеческого характера и человеческих чувств. Все виды мимики находили среди них своих покровителей. Были, например, люди, которые, насвистывая, могли имитировать ноты соловья; и Агесилай, будучи однажды приглашен на представление одного из таких артистов, ответил несколько презрительно: "Я слышал самого соловья". " Другие, как Парменион, могли в совершенстве подделывать хрюканье свиньи,^[951] хотя вполне вероятно, что актеры меньших размеров были призваны выступить в комедии Аристофана, где Мегарей^[952] выводит на сцену своих дочерей в мешке и избавляется от них как от свиней, предварительно тщательно обучив их правильному стилю писка. Другие актеры добивались известности^[953] благодаря умению имитировать голосом скрежет или грохот колес, скрип топоров, свист ветра, взрывы труб, модуляции флейт, труб или звуки других инструментов. Также среди исполнителей этого класса было принято подражать, несомненно, в пасторальных сценах, блеянию овец и лаю пастушьей собаки, блеянию лошадей и глубокому ржанию быков. Кроме того, они могли имитировать, но какими средствами - неизвестно, стук града, плеск и разбивание воды в реках и морях, а также другие природные явления. Также, как и в наши дни, было принято представлять лодки и галеры, гребущие по мимическим водам сцены, пример чего можно увидеть на этрусском Халкидоне, где мы видим маленькое судно необычной формы, с моряком на носу и корме, гребущее вдоль берега, украшенного цветами, а на платформе, занимающей талию лодки, две обнаженные танцовщицы демонстрируют свои сальтационные способности.^[954]

На сцену также выводились весьма необычные фигуры: осы, лягушки и птицы достаточно больших размеров, чтобы их могли играть мужчины; и еще более странные персонажи иногда появлялись, как, например, в своеобразной практической пародии на историю об Андромеде^[955] кит выходит на морской берег, чтобы задрать старуху. В другой драме было

представлено преображение Аргоса, после которого этот незадачливый мужчина-дуэнья расхаживал перед зрителями, как павлин. Ио, кроме того, превращалась в корову, а Эвтиппа, по Еврипиду, в кобылу. Что особенного было в облике Амимоны, предположить нелегко, но, возможно, ее изображали в момент извлечения трезубца Посейдона из скалы, из которой били три фонтана. Реки, горы и города, представленные^[956], несомненно, были олицетворениями, подобные которым мы до сих пор находим во многих произведениях искусства. Гиганты были просто, по всей вероятности, огромными фигурами людей, которые ходили по сцене, как слоны, с актером в каждой ноге; а индейцы, тритоны, горгоны, кентавры и другие персонажи ужасного или фантастического вида были обязаны своим существованием, возможно, маскам, если можно так выразиться, изображающим целые фигуры.

В каком виде Времена года, Плеяды,^[957] или нимфы Митхакоса появились на сцене, нам, я полагаю, нигде не сказано, хотя мы обладаем некоторой информацией относительно костюма и фигуры этих других странных лиц драмы, Облака,^[958] которые приплыли через Пародои, окутанные, одни в массы белой ворсистой марли, как пар, другие в лазурные или многоцветные одеяния, или в драпировки, как свалывшиеся отары шерсти, чтобы представить различные аспекты небес; А туманная атмосфера вокруг них, как и вокруг других богов, вероятно, распространялась дымом стиракса или ладана, сжигаемых в изобилии на алтарях театра. То тут, то там сквозь эти груды драпировок проглядывала маска с румяным подвесным носом, похожим на хвост омара, и слышался человеческий голос, распевавший в богатейших каденциях и модуляциях оживленные анапесты хора.

В трагедии "Алкестида" мрачная, призрачная фигура Смерти скользила в темноте перед дворцом Адметоса, а олицетворения, по возможности еще более странные и дикие, появлялись в других драмах - Правосудие, Безумие, Безумие, Сила, Насилие, Обман, Пьянство, Лень, Зависть.^[959]

Платон, придерживавшийся своеобразных представлений^[960] о достоинстве человеческой природы, изгнал театр из своей "Республики", поскольку считал, что мужественному человеку, который должен следить и защищать политические права, не подобает унижать себя низкими сценическими пародиями; и из его рассказа о том, чего он не хотел, чтобы его граждане делали, мы узнаем, что делали другие. Иногда, замечает он, актер должен был подражать женщине (хотя эта задача часто возлагалась на евнухов), молодой или старой, поносящей своего мужа, гневно и презрительно обращающейся к богам, либо надутый мнимой стабильностью своего благополучия, либо доведенной до отчаяния тяжестью своих несчастий и печалей. Другие женские персонажи должны были быть представлены работающими, влюбленными или в муках труда; это показывает, что в человеческой жизни почти не было действий или сцен, которые не имитировались бы иногда на сцене.

Рабы, конечно, играли важную роль в мимическом мире театра; и вместе с ними Платон, по какой-то непонятной ассоциации идей, классы кузнецов, и безумцев, и бродяг, и низких ремесленников всех видов, и гребцов на галерах, и плутов, и трусов, ниже которых его воображение не могло обнаружить ничего в человеческой природе.

Но именно эти персонажи, с их низким остроумием, шутовством и соответствующими действиями, были самым эффективным материалом для комического поэта, чье кредо заключалось в том, что

Les fous sont ici-bas pour nos menus plaisirs".

Соответственно, они не стеснялись никакой степени гротескной буффонады и экстравагантности, представляя не только низких продавцов сосисок с их подносами черных пудингов и чистерлингов, подвешенных на пуантах,^[961] и пьяниц, которые громко икают и шатаются по сцене,^[962] но даже распутников и распутниц, ведущих свои интриги на виду у зрителей. Пример подобной сцены можно увидеть на этрусской бронзовой печати, откопанной неподалеку от Кортонны, где изображен прелюбодей, беседующий со своей любовницей, вместе с Лено, который свел их вместе.^[963]

864. Schol. Aristoph. Av. 1404.

865. См. Bentley, Dissert. on Phal. i. 251.

866. О форме и конструкции древних театров см. в Chandler, Travels, &c., который описывает руины театра в Теосе. i. 110; Эфесе, 138; Милетосе (457 футов в длину), 168; Миосе, 191; Стратонике, 222; Нысе, построенной из голубого мрамора, 245; Лаодикее, 262; Игине, ii. 16; Афинах, 113; Элевсисе, 215; о театре Сиракуз, см. Дополнение к Stuart, by Cockerel, Donaldson, &c. p. 38.- См. план театра в роще Асклепия в Эпидауресе, pl. 1. p. 53, и план театра Драмисоса, около Иоаннины, pl. 3.- (Сравните о Дионисийском театре, Leake, Topog. of Athens, p. 53, sqq.).

867. Даже провинциальный театр сравнивается деревенщиной в Дионе Хризостоме с большой пологой долиной, i. 229; о чем же тогда мог думать аббат Дюбо, когда писал: "Il étoit impossible que les altérations du visage que le masque cache furent aperçûes distinctment des spectateurs, dont plusieurs étoient éloignés de plus de douze toises du comédien qui récitoit!"- Reflex. Crit. i. 609.

868. Scalig. Poet. i. 21.

869. Полковник Лик, Topog. of Ath. p. 59. Cp. Wordsworth's Athens and Attica, p. 29. Догадка Хемстерхуиса о пассаже Дикеархоса не может быть принята. Слова должны относиться к театру, так как он говорит, что Парфенон очаровывал зрителей. Но это не могло относиться к Одеону, который был крытым.

870. Poll. iv. 123.

871. Тим. Lex. Platon. in v. ὀρχήστρα. p. 104. Poll. iv. 123.

872. Poll. iv. 123.- Кунеи, для большего удобства, имели особые знаки, номера или имена, чтобы различать их: подиум диасомы театра в Сиракузах имеет надпись, вырезанную на фации карниза для каждого куenea.-Antiq. of Ath. &c. Supplem. to Stuart, &c., by Cockerel, Kinnaird, Donaldson, &c., p. 38.

873. О детях см. Plat. de Rep. t. vi. p. 128. Athen. xi. 13. Cp. Aristid. t. i. p. 505. Джебб.

874. Vitruv. v. 9. Donaldson, Theatre of the Greeks, p. 139.

875. У римлян было принято носить с собой в качестве защиты от дождя толстые плащи, ракеты или мандилионы. Buleng. de Theat. i. 15. Театр Регилла, построенный Геродом Аттиком в честь своей жены, был покрыт кедром. Vit. Sophist. ii. 1. 5.- В более поздние века над большим дионисийским театром, как и в Риме, был устроен веларий.- Wordsworth, Athens and Attica, p. 90. Cp. Dion. Cass. xliii. p. 226. a. Hanov. 1606.

876. Onomast. iv. 122.- Удар пяткой по сиденью назывался πτερνοκοττέϊν, что делали, когда хотели прогнать актера, id. ibid. Cp. Diog. Laert. ii. 8. 4.
877. О старом деревянном театре см. Hesych. v. ἰκρία. Suid. v. ἰκρία, t. i. p. 1234. d. Sch. Aristoph. Thesm. 395.- Этот театр обрушился во время представления пьесы Пратинаса - Suid. v. Πρατίνας, t. ii. 585. d.
878. У доктора Чандлера есть гениальная догадка по поводу этой практики. Внимательно осмотрев сиденья нескольких древних театров и "рассмотрев их высоту, ширину и способ расположения, я склонен полагать, что древние азиаты сидели на своих спектаклях и публичных зрелищах, как и современные, под ними, и, вероятно, на коврах" -Travels, &c. i. 269.
879. Charact. c. ii. p. 10. Casaub.
880. Филох. Frag. Sieb. p. 85. Aristot. Ethic. Nic. 5. Athen. xi. 13.
881. Etym. Mag. 653. 7. Cp. 458. 30. 743. 30. et Suid. v. σκηνὴ t. ii. p. 753, seq. Cp. Thom. Magist. in v. θυμέλη, p. 458, seq. Blancard. Scalig. Poet. i. 21. Poll. iv. 123.
882. Sch. Аристоф. Acharn. 8. Cp. Весп. 270.
883. Plat. Conviv. t. iv. 411. Tim. Lex. v. ὀκρίβας, p. 102. Etym. Mag. 620. 52. Poll. iv. 123.
884. Poll. iv. 123.
885. Невозможно принять идею Дженелли относительно этих ступеней, неоправданным расположением которых в его плане он полностью разрушает и уничтожает красоту Гипоскениона, тем более что схолиаст об Аристофане положительно утверждает, что они ведут от Пародоя к Логеону.- Sch. Aristoph. Eq. 149.
886. О сцене и декорациях см. у Касаля -De Trag. et Com. c. i. ap. Gronov. Thesaur. t. viii. p. 1603.
887. Cp. Sch. Aristoph. Av. i.
888. Vid. Scalig. de Art. Poet. i. 21.
889. Poll. iv. 123. Vid. Spanh. ad Callim. t. ii. p. 228, seq.
890. Скалиг. читает Antipho. De Art. Poet. i. 21.
891. Μηχαναὶ для μία. Cp. Annot. Poll. iv. 126.
892. Poll. iv. 126, 130, seq.
893. Вид. Buleng. De Theat. c. 21.
894. Poll. iv. 127, seq.
895. Poll. iv. 128.
896. Müller, Dissert. on the Eumenid. p. 91.
897. Sch. Aristoph. Nub. 185.
898. Ξενοκλῆς ὁ Καρκίνου δοκεῖ μηχανὰς καὶ τερατείας εἰσάγειν ν τοῖς δράμασι. Πλάτων Σοφιστᾶϊς- Ξενοκλῆς ὁ δωδεκαμήχανος ὁ Καρκίνου παῖς τοῦ θαλαττίου- μηχανοδίφας δὲ εἶπεν

αὐτοὺς, ἐπειδὴ πολλάκις ὡς τραγῳδοὶ μηχανὰς προσέφερον, ἥνίκα Θεοὺς ἐμιμοῦντο
ἀνερχομένους ἢ κατερχομένους ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἢ ἄλλοτι τοιοῦτον. Schol. Aristoph. Pac. 769.

899. Poll. iv. 129. Etym. Mag. 465. 56. 534. 39.

900. Аристоф. Av. 1161, et Schol. Cp. Herod. ap. Const. in v. φрукτώριον. Poll. iv. 127.

901. Phæn. 688, cum not. et Schol. Bekk. Poll. iv. 127, 129.

902. Poll. iv. 127, 130.

903. Idem, Ibid.

904. Они назывались ἥχεῖα. Schol. Аристоф. Nub. 292.

905. Schol. Aristoph. Nub. 292, 294.

906. Poll. iv. 130.

907. Poll. iv. 131.

908. Id. iv. 132.

909. Cp. Æsch. Prom. 2.

910. Vitruv. Præfat. lib. vii. Plut. Alcib. § 16.

911. Vitruv. v. 8. Etym. Mag. 763. 27.

912. Вид. Casal. c. 2.

913. Plat. Ion. t. ii. p. 183, seq. Wolf. Proleg. p. 95. Cp. S. F. Dresig. Комментарий. Lips. 1734.
Gillies, Hist. of Greece, vol. i. c. 6.

914. Diod. Sic. xiv. 109. xv. 7.

915. Филост. Vit. Soph. ii. 16. Вит. Аполл. Tyan. v. 7. Vandale, Dissert. 380, seq.

916. Casaub. ad Theoph. Char. p. 121. Athen. v. 49. Animadv. t. viii. p. 196.

917. Vandale. Dissert, v. p. 383.

918. Plat. de Rep. viii. t. ii. p. 229, seq. Athen. xiii. 44. В римские времена мы находим актера, путешествующего из столицы в Севилью в Испании, где своими высокими котурнами, странным платьем и зияющей маской он отпугивал местных жителей от театра - Philost. Vit. Apoll. Tyan. v. 9. Cp. Luc. de Saltat. § 27. Вкус к развлечениям греческой сцены был распространен далеко по всему древнему миру, так что мы видим, что принцы Персии и Армении не только наслаждались представлением греческих трагедий, но и сами, в некоторых случаях, стремились соперничать с драматическими поэтами Эллады. Так, Артавасдес, армянский принц, как говорят, писал трагедии, а также истории и оратории, некоторые из которых все еще существовали в эпоху Плутарха. Парфянский двор был занят просмотром "Вакхов" Еврипида, в которых главным исполнителем был Ясон Тралльский, когда Силлакс принес голову Марка Красса, при виде которой царь и вельможи предались неумеренной радости, а актер, схватив голову римлянина, поменял роль Пентея на роль его

матери, которая появилась на сцене с кровоточащей головой на щипцах; за это он получил в подарок от царя талант.-Plut. Crass. § 33. Polyæan. vii. 41. 1.

919. Плут. Cleom. § 12.

920. Plut. ubi supra.

921. Διονυσοκόλακες. Athen. vi. 56.

922. Plut. Alex. § 29.

923. Plut. Alex. § 29.

924. Prob. xxx. 10. Кроме того, их развращала профессия, поскольку в женском обличье они часто предавались нескромным жестам, как, например, Каллипед. Id. Poet. v. 2. Cp. Macrobian. Saturnal. l. ii. c. 10.

925. Иногда, как и у нас, на сцену выводили жонглеров, которые глотали мечи и выполняли другие фантастические трюки.-Plut. Lycurg. § 19.

926. Schol. Аристоф. Eq. 545.

927. Athen. iv. 80. v. 47. vi. 61. Cp. Eustath. ad Odyss. ψ. p. 106, sub fin.

928. Suid. v. φλύακες, t. ii. p. 1073. b.

929. Cp. Fabric. Bib. Græc. ii. p. 495, seq.

930. Афины. xiv. 13.

931. Cp. Афины. iv. 57. Salm. Exercit. Plin. p. 76. Voss. Institut. Poet. ii. 21. Ринтон был изобретателем Hilaro-tragœdi, т. е. трагикомедии. Suid. v. Ῥίντων, t. ii. p. 685. b.

932. Schol. Apoll. Rhod. i. 746. Plut. Ages. 21. Athen. xiv. 15. Etym. Mag. 260. 42.

933. Я заменил эту шутку, а-ля Смоллетт, "на жалкую шутку в оригинале". Beet, Atticé σευτλίον, стало τεύτλιον в дорийском говоре. Athen. xiv. 15.

934. Среди мимиков этой части Италии самым знаменитым был Клеон, прозванный Мимаулом, который обходился без маски - Аф. x. 78.

935. Athen. xiv. 15. Cp. Suid. in φλύακες, t. ii. p. 1073. b.

936. Вид. Harpocrat. in v. ἰθύφαλλοι. Mauss. p. 152.

937. Athen. xiv. 16.

938. Афины. xiv. 17.

939. Аристотель. Этика. Nicom. iii. 4.

940. Aristot. Rhet. iii. 1.

941. Polit. vii. 17.

942. Dem. de Fal. Leg. § 58.

943. Dem. de Coron. § 97.

944. Δεικηλίκτας. Plut. Ages. § 21. Apothegm. Lac. Ages. 57.

945. Sch. Аристоф. Весп. 566. Flor. Christ. ad loc. Во времена Платона было мало или совсем не было актеров, которые одновременно преуспевали бы в трагедии и комедии. Plat. de Rep. t. vi. p. 123.

946. Sch. Aristoph. Vesp. 579.

947. Plut. Dem. § 28. Vit. x. Orat. 8. Другой актер получил имя Партридж. Athen. iii. 82.

948. Аулуc Геллий, vii. 5.

949. Плут. An. Seni. § 3.

950. Plut. Ages. § 21.

951. Etym. Mag. 607. 25.

952. Acharn. 834.

953. Плут. де Ауд. Poet. § 3. Plat. de Rep. t. vi. pp. 125-127. Этот философ, очевидно, имел менее возвышенное представление об искусстве, чем некоторые современные авторы, которые определяют его следующим образом: "Искусство - это представление (μίμησις), то есть энергия, посредством которой субъект становится объектом" (Müller, цит. по Mr. Donaldson, Theatre of the Greeks, p. 4,) - другими словами, посредством которой номинатив становится винительным.

954. Mus. Cortonens. tab. 60.

955. Schol. Aristoph. Nub. 548.

956. См. фигуру Александрии в Gemme Antiche Figurate Агостини.

957. Poll. iv. 142.

958. Vid. Schol. Aristoph. Nub. 289. 343. 442.

959. Poll. iv. 141, seq.

960. De Rep. t. vi. p. 125.

961. Sch. Aristoph. Eq. 150.

962. Athen. x. 33.

963. Mus. Cortonens. tabb. 18, 19. Cp. p. 26, seq. 1750. Rom.

ГЛАВА VIII.

ТЕАТР (продолжение).

Я не собираюсь вдаваться в различные вопросы, связанные с происхождением и структурой хора. Однако несомненно, что он возник на празднике сбора винограда, когда после того, как виноград был привезен домой и выжат, а основные работы сезона завершены,^[964] деревенские жители предавались дикой радости и веселью, распевая гимны и исполняя танцы в честь Диониса, бога-покровителя виноградной лозы. Количество людей, участвовавших в этих танцах, поначалу невозможно было определить, так как, скорее всего, все виноградари, и мужчины, и женщины, присоединялись к спорту, как раньше присоединялись к труду. И этот свободный и неформальный характер дифирамб или дионисийский хор должен был сохранять до тех пор, пока он оставался простым деревенским развлечением. Но когда впоследствии, продвигаясь с одной ступени на другую, он принял нечто вроде искусственной формы и возникло несколько хоров, которые боролись друг с другом за приз, исполнители должны были пройти определенную подготовку,^[965] как в пении, так и в танцах, и тогда число лиц, составляющих хор, возможно, было фиксированным. Есть основания полагать, что эти выставки были более древними, чем собрание афинян в одном городе, и что первоначально каждое племя имело свой собственный хор,^[966] поскольку мы находим, что впоследствии, когда все жители Аттики стали считать себя одним народом, хореуты выбирались от каждого племени по пять человек.

Однако по каким градациям деревенский хор превращался в дифирамбический, дифирамбический - в сатирический, а сатирический - в трагический, сейчас установить невозможно; Но, кажется, совершенно ясно,^[967] что во многих древних трагедиях число хора было пятьдесят,^[968] как, например, в "Суде оружия" Эсхила, в котором среброногая Фетида появляется на сцене в сопровождении целой вереницы из пятидесяти nereид.^[969] Опять же, согласно некоторым античным авторам,^[970] в "Эвменидах" Эсхила хор фурий сначала состоял из пятидесяти человек, которые, бурно разбегаясь, со страшными жестами и ужасными масками,^[971] в оркестр, наводили такой ужас на народ, особенно на женщин^[972] и детей, что впоследствии их число было сокращено законом. Мне известно, что несколько выдающихся ученых думают по этому поводу совершенно по-разному; одни утверждают, что хор фурий всегда состоял из пятнадцати человек, другие сокращают их число до трех. Но, несмотря на то, что оба эти мнения были поддержаны с большой ученостью и изобретательностью, трудно признать как одно, так и другое. Во-первых, поскольку все, что связано со сценой, находилось в состоянии вечного колебания, поскольку маски и костюмы неоднократно менялись, поскольку число актеров увеличивалось, поскольку почти каждое устройство театра и каждая характеристика поэзии претерпевали многочисленные изменения; хор, вероятно, также подвергался тем же изменениям или реформам, пока не установился в той четырехугольной фигуре^[973] и определенном числе, которое он впоследствии сохранил, пока законная драма существовала в Греции.

С одной точки зрения история хора чрезвычайно примечательна. Сначала и в течение некоторого времени он сам по себе составлял все зрелище, демонстрируемое на дионисийских праздниках, где его песни и танцы, сопровождаемые грубой музыкой, которую позволяло время, удовлетворяли требованиям народного вкуса, и, следовательно, предполагалось, что это все, что требовал бог. Постепенно, по мере того как опыт подсказывал улучшения в музыке, манере танцев или в материалах и композиции од, движения, пение и внешний вид хора принимали более искусственную форму, которая неизбежно продвигалась на много шагов вперед по пути совершенствования путем

учреждения конкурирующих органов хореутов, которые, исходя из естественного принципа подражания, стремились превзойти друг друга. Далее, отдельный член собственного тела, установленный на столе, исполнял роль незнакомца или посланника, пришедшего сообщить нечто, что, по его мнению, должны знать служители Диониса. Этот стол, несомненно, располагался прямо перед алтарем Вакха, на ступенях которого в последующие века, вероятно, находился лидер хора, чтобы держать связь с незнакомцем; и, как этот алтарь через множество градаций превратился в Тимеле, так и вышеупомянутый стол через бесчисленные изменения поднялся в Логейон. Кроме того, можно отметить, что склон холма,^[974] если таковой имелся вблизи деревни, естественно, выбирался в таких случаях для того, чтобы крестьяне могли стоять друг за другом на возвышениях и таким образом, не испытывая неудобств, наблюдать за зрелищем; А там, где такой естественной помощи не было, они, вероятно, возводили насыпи из дерна в полукруглой форме, которая, как показал опыт, была наиболее удобной, и из этого грубого приспособления вырастали те огромные и великолепные сооружения, которые впоследствии стали одним из самых благородных украшений Греции.

Одиночный актер, отделенный, как мы уже говорили, от хора, быстро приобрел большее значение, и для оформления и украшения его выступлений была призвана поэзия; а поскольку во время песен и танцев хора он обязательно оставался без дела, вскоре возникла идея, что второй актер^[975] будет улучшением, на основе которого возникли диалог и регулярная драма.

Среди основных обязанностей хора было исполнение определенных танцев, достаточно простых вначале, но со временем усовершенствованных и ставших настолько сложными благодаря искусству, что требовалось не мало знаний и умений, чтобы исполнять все их разнообразные движения с достоинством и грацией. Чтобы помочь глазу и памяти, вся схема танца была начертана мелом на полу оркестра;^[976] в то время как были предприняты все возможные усилия, чтобы обучить хореотов открывать, подавать и колесить по лабиринту эволюций, не путаясь. То, как эти люди обычно входили в оркестр, то есть выстраивались в квадратное тело, три впереди и пять в глубину, или пять впереди и три в глубину, навело некоторых на мысль, что они представляли военный лохос;^[977] но кроме того, что это несовместимо с их дионисийским происхождением, они не всегда сохраняли такое расположение, но в некоторых случаях входили беспорядочно, а в других проходили через Parodos в индийском строю.

Музыканты,^[978] в греческом театре, занимали свои места на ступенях Тимелы и около нее, что как нельзя лучше соответствует положению оркестра в наших театрах. Здесь же стояли рабдучи,^[979] или зрители театра, в обязанности которых входило следить за соблюдением порядка среди зрителей.

Что касается танцев^[980], исполняемых хором, то они были столь многочисленны, длинны и замысловаты, что перечислить и описать их целиком было бы невозможно. По-видимому, они задумали изобразить почти все страсти и действия человеческой жизни с помощью сочетания движений и жестов, которые термин пантомима, заимствованный из их собственного языка, выражает гораздо лучше, чем наше слово танец.^[981] Вкус, в некоторых отношениях похожий, все еще преобладает среди восточных народов, чьи гавази и баядеры, хотя и полагаются скорее на рутину и импульс, чем на ресурсы искусства, исполняют на праздниках и свадьбах, а также перед дамами гарема, маленькие любовные пьесы и пасторальные сцены, которые, очевидно, принадлежат к классу мимических танцев, описанных древними авторами.

В трагедии, такой, какой она была в эпоху расцвета Греции, движения были медленными и торжественными, и, несомненно, полными достоинства. Дух комедии требовал резких и живых, а часто и терпимых, дерзко развратных танцев; в то время как хор сатирической драмы, по-видимому, был скорее грубым и клоунским, чем непристойным, предаваясь гротескным движениям, смехотворным и экстравагантным жестам и тому деревенскому и фарсовому стилю мимикрии, который, как можно предположить, преобладал среди грубого крестьянства Эллады.

При классификации различных танцев, возможно, будет достаточно, если мы разделим их на веселые и серьезные,^[982] присоединяя к последним все те, которые пытались воплотить символ или аллегорию.

В некоторых драмах Фриниха хор представлял компанию борцов,^[983] которые умудрялись быстрыми, гибкими и разнообразными движениями танца имитировать все происшествия палестры. Иногда они изображали отряд разведчиков, активно высматривающих врага, каждый из которых держал правую руку над бровью: это была одна из форм скопса.^[984] В других случаях танцор подражал повадкам скопса, или пересмешника, крутясь вокруг головы и, казалось, погружаясь в экстаз подражания, пока его не схватит птицелов. Исполнение подобной пьесы многочисленным хором, то срывающимся в резвый галоп, то сохраняющим одну и ту же позу, джигитуя, пируэтируя и пригибаясь на гребне, должно было, без сомнения, выглядеть бесконечно комично; и все же оно не могло сравниться с Морфасмосом,^[985] в котором "снялись" не характерные особенности одной совы, а всего животного мира. Таким образом, можно предположить, что Гегемон хора начинал как бабуин, его сосед - как боров, третий - как лев, четвертый - как осел, и так далее, каждый человек приспособлял свой голос к тому характеру, который он, условно говоря, принял, и тараторил, хрюкал, ревел, выл, когда прыгал, или гамболил, или бегал, или скакал по оркестру. Вскоре резвые лесники превратились в рабов, которых, по-видимому, представили публике, толкущими что-то, возможно, лук и гарлик, в ступке.

Оклазма,^[986] танец, заимствованный у персов, сильно напоминает выступления негров в глубине Африки: весь хор попеременно приседает на пятки и пружинит, как лягушки у Аристофана в болотах Ахерона. Не менее близкими к этому были и те три неистовых танца, о которых древние скорее упоминали, чем описывали, то есть термаустрис,^[987] который, похоже, состоял из серии бурных скачков, подобно выступлениям гуронов и ирокезов;^[988] Монгас, который, судя по названию, вероятно, представлял собой резвящихся и каркающих ослов; и Кернофорос,^[989] или танец первых плодов, где хор появлялся на сцене, некоторые несли кадьницы, другие корзины с фруктами, очевидно, в образе вакханки.

К этому виду танца относились также гекатериды, в которых исполнитель выражал свои желания или страсть неистовыми жестами рук. Эклактисма - женский танец,^[990] требующий приложения большой силы и ловкости, его характерной чертой было отбрасывание пяток назад выше уровня плеч. В некоторой степени эклектизму соответствовал скистас^[991], в котором танцор взмывал ввысь, несколько раз перекрещивая ноги в воздухе. Был танец, очевидно, очень необычный, который они исполняли под песню *Thyrocōpison*,^[992] или "стук в дверь", возможно, представляющий собой забавы таких диких молодых людей, предвосхищающих козлов отпущения наших дней. Мотон был свободным танцем, распространенным среди моряков; Баукисмос, Бактриасмос, Апокинос, АPOSEЙСИС и Собас,^[993] были смехотворными, но развратными танцами,^[994] напоминающими Болеро и Фанданго испанцев.^[995]

Гедукомос был танцем, выражающим вспышки радости, а Книсмос,^[996] представлял собой щипки, борьбу и ссоры влюбленных. Деймалея - лаконский танец, исполнявшийся сатирами и сейленами, скачущими и прыгающими по кругу.^[997] Другим спартанским танцем^[998] была бряллика, нелепого и развратного характера, исполнявшаяся женщинами в гротескных масках, отчего придворный в Спарте назывался бряллика. Название Гипогипоны^[999] было дано некоторым исполнителям, которые подражали старикам, размахивая палками на сцене, как нам сообщают, они делали это в пьесе Симермнос.^[1000] Сродни им по духу были Гипоны,^[1001] которые появлялись в прозрачных тарентинских одеждах и на ходулях, вероятно, в виде козьих ног, чтобы придать им сходство с Эгипанами, которым поклонялись как богам леса. Особый танец в честь Артемиды зародился в деревне Карья в Лаконии, где его изобретение приписывалось Кастору и Полидеуксу. Никакого описания его, насколько мне известно, до нас не дошло; но девы, исполнявшие его, вероятно, несли и поддерживали одной рукой корзину с цветами на голове, образуя таким образом модель тех архитектурных фигур, которые до сих пор называют кариатидами.^[1002] Изображение этого представления, несомненно, было любимой темой спартанских художников или тех, кто нанимался к спартанцам, как можно справедливо заключить из того обстоятельства, что устройство на кольце, которое, в обмен на гребень, Клеарх подарил Ктесию, чтобы тот показал его друзьям в Лакедемоне, было танцем Кариатид.^[1003]

В условиях распушенности нравов, господствовавших в поздние века Греции, пиррихий^[1004], некогда считавшийся свойственным воинам, выродился в танец вакханок, с тирсами вместо копий или с факелами в одной руке, в то время как другой они игриво бросали друг в друга легкие тростинки. История, рассказанная в этом мимическом представлении, относилась к далекой древности, была любопытна и замысловата, охватывая все приключения Вакха и его веселой команды во время индийской экспедиции, и принимала к концу трагическую форму, развивая печальную историю Пентея.^[1005]

Среди танцев серьезного характера перечислены Гингра, исполняемая, как и Подисмос, под медленную и торжественную музыку, Лев и Тетракомос,^[1006] воинственная мера, исполняемая в честь Геракла и предположительно имеющая некоторое отношение к Тетракомоям Аттики, то есть Пейрею, Фалерону, Оксипетону и Тимотаде.^[1007] Мы читаем, кроме того, о танцах, в которых исполнители представляли определенных исторических или мифологических персонажей, таких как Родопа, Федра или Парфенопа.^[1008]

Антема,^[1009] или танец цветов, по-видимому, исполнялся в основном на частных вечеринках женщинами, которые играли определенные роли и напевали, двигаясь, следующие стихи:

Где моя прекрасная петрушка, скажи?

Где мои фиалки, розы, где они?

Моя петрушка, розы, фиалки,

это мои цветы? Скажи мне, где.

Афиняне, однако, похоже, полагали, что в природе нет ничего, что нельзя было бы имитировать в танце, поворотами и лабиринтами которого они, соответственно, пытались изобразить движение звезд.^[1010] Подобная фантазия, если верить Лукиану, владела индийскими йогами, которые каждое утро и вечер перед своими дверями приветствовали солнце на его восходе и закате танцем, напоминающим его собственный,^[1011] который, поскольку это светило танцует не иначе, как вращаясь вокруг своей оси, должно было быть представлением, напоминающим танец вихревых дервишей, чьи широкие символические

юбки, как я полагаю, символизируют диск солнца. Но самым сложным для понимания является танец, которому они дали название *κόσμου ἐκτίρωσις*,^[1012] или "Возгорание мира". О фигуре и характере этого представления античность, я полагаю, не оставила нам никаких сведений, хотя оно, вероятно, представляло собой, с помощью целого ряда аллегорических персонажей и движений, основные события, которые, согласно стоикам, должны предшествовать преданию Вселенной огню.^[1013] Скалигер,^[1014] который не пытается объяснить эту странную выставку, замечает, однако, уместно, что это был танец, в котором мог участвовать Нерон, и его сожжение Рима в некотором роде заслуживает того, чтобы рассматриваться как репетиция этого произведения.

Среди спартанцев существовал^[1015] изящный танец под названием "Ормос", или "Ожерелье", исполняемый хором юношей и девственников, которые двигались в ряд, выполняя необходимые движения. Возглавлял шеренгу юноша, который исполнял свою партию твердыми и энергичными шагами, подобающими его возрасту, и которые он должен был впоследствии сохранить на поле боя. За ним сразу же следовала девица, но, вместо того чтобы подражать его мужественной манере, ограничивалась скромными изящными шагами и жестами своего пола, и это чередование и переплетение, так сказать, силы и красоты, наводящее на мысль об ожерелье из множества разноцветных драгоценных камней, дало повод для названия.

Танец журавля,^[1016] среди афинян, в некоторых отношениях напоминал вышеописанный. По преданию, его впервые придумал Тесей, который высадился на Делосе по возвращении с Крита, принес жертву Аполлону и посвятил ему статую Афродиты, полученную от Ариадны, после чего присоединился к юношам и девушкам, которых он доставил, чтобы исполнить радостный танец^[1017] вокруг алтаря рогов, воздвигнутого Аполлоном из трофеев, добытых из лука его сестры. Хореуты, исполнявшие "Геранос", или "Журавля", выстраивались в одну длинную линию с предводителем впереди и сзади, а затем, руководствуясь рисунком на полу оркестра, описывали своими движениями различные лабиринты и извивы критского лабиринта, пока, пройдя все его запутанные ходы, не выходили сразу, подобно своему великому соотечественнику и его спутникам, на свет и в безопасность. Были и другие танцы, которые, какими бы любопытными они ни были, невозможно описать по тем скудным материалам, которые нам остались: танец Вестников, танец Лилии,^[1018] Хитонеи, Пинакиды, танец Граций,^[1019] и танец Часов, в котором исполнители плыли по кругу с легкой драпировкой, которую держали над головой обеими руками.^[1020]

Если от танцев перейти к хореутам,^[1021] которыми они исполнялись, то мы обнаружим, что они обычно появлялись в оркестре с золотыми коронами на голове и в великолепных одеяниях, часто переплетенных или расшитых золотом.^[1022] Хор, впрочем, как и актеры, должен был постоянно менять свои костюмы в соответствии с требованиями драмы; то исполнять роли сенаторов, то nereид, то женщин-супругов, то урноносцев, то облаков, то ос, то птиц. Когда в трагедии Эсхила они должны были олицетворять фурий, их внешний вид был самым жутким, какой только можно себе представить: длинные, но скудные одежды состояли, как предполагают, из черных бараньих шкур, разрезанных внизу и обнажавших их тощие иссохшие конечности, а налитые кровью глаза, высунутый синюшный язык и волосы, похожие на массу спутанных змей, легко внушали веру в их inferнальное существование. В таком виде, с пальцами, заканчивающимися черными когтями,^[1023] и схватив горящий факел, они врывались к зрителям, как множество отвратительных фантомов, придуманных больным от ужаса воображением.

Костюм актеров,^[1024] который некоторые современные авторы считают крайне однообразным,^[1025] на самом деле был столь же богат, разнообразен и характерен, как и

маски, о которых нам еще придется говорить. Боги, герои, короли, вожди, прорицатели, глашатаи, деревенщины, гетеры и их матери; юноши, льстецы, распутники, сводники, повара, сатиры, рабы и т. д. - все они имели соответствующие платья и украшения, которые, несомненно, время от времени менялись в зависимости от общественного вкуса и фантазии поэтов. Божества почти полностью были созданы дионисийскими мастерами. Актеры, изображавшие их, должны были быть, прежде всего, подняты на котурны,^[1026] или полусапоги, подошвы которых были высотой во много дюймов,^[1027] их конечности и тела были увеличены набивкой, руки удлинялись перчатками, а их лики, которые могли бы быть некрасивыми или даже уродливыми, скрывались масками изысканной идеальной красоты, возвышавшимися над величественным лбом в массе локонов, которые одновременно соответствовали благородству их черт и увеличивали их колоссальный рост: Добавьте ко всему этому одеяния из пурпура, или алого, или лазури, или шафрана, или золотой ткани, ниспадающие на лицо изящными складками и стелющиеся по полу, и мы получим слабое представление о небесных персонах, которые с усыпанными драгоценными камнями скипетрами и сверкающими коронами появлялись на греческой сцене.

Царицы и герои,^[1028] которых постоянно можно было видеть в беседе или в действии с этими возвышенными обитателями Олимпа, были одеты в не менее величественные костюмы; Первые, например, во времена процветания выходили из своих дворцов в белых одеждах со свободными рукавами, доходящими до локтя, и закрытыми на верхней части руки чередой драгоценных аграфов,^[1029] их локоны, связанные спереди золотым сфендоном, или филе, усыпанным драгоценными камнями, в то время как их одеяния заканчивались внизу длинными пурпурными шлейфами. Но когда их дома посещало несчастье, молочно-белую пелиссу меняли на айвовую или голубую, а пурпурный шлейф превращали в черный. Костюм королей,^[1031] также менялся в зависимости от обстоятельств, обычно состоял из просторной мантии пурпурного, алого или темно-зеленого цвета, спускавшейся до самых ног, богатого плаща из ткани золотого или нежного цвета, украшенного золотой вышивкой, и возвышенной митры на голове.^[1032] Когда кто-нибудь из этих персонажей, как Тидей или Мелеагр, занимался охотой или войной, он надевал алую или пурпурную мантию, называемую эфаптис,^[1033] которую в бою обматывали вокруг левой руки. Афиней, описывая всадников Антиоха, замечает, что эти эфаптиды^[1034] были расшиты золотом и украшены фигурами животных. Вахханки и прорицательницы, как и Тейресий, обычно появлялись на сцене в необычном одеянии, называемом Агреноном,^[1035] из сетчатой ткани из шерсти разных цветов. Сам Дионис,^[1036] в честь которого был создан театр со всеми его представлениями, спускался с Олимпа в одеянии шафранового цвета, сжатом ниже груди широким цветочным поясом, и с тирсом в руке.^[1037] Этот пояс, в случае других богов или героев, иногда заменялся золотым.^[1038] Люди, которых постигло несчастье, особенно изгнанники, носили одежду грязно-белого, или печального, или черного, или айвового, или синеватого цвета. Костюм Филоктета, Телефоса, Инея, Феникса, Беллерофонта был потрепанным. Сейлени появлялись в лохматом хитоне, а другие персонажи сатирической драмы - в шкурах оленей, козлов, овец, пардов, иногда в одежде Ферайона или Дионисия, в цветистом плаще и алом гиматии. Старики отличались экзомисом,^[1039] белым хитоном скромного вида, без шва или проймы на левой стороне; юноши - кампулом,^[1040] алым или темно-пурпурным гиматием; паразиты - ношением стленгиса и фляги (как деревенские люди - лагобалона) и черными или печального цвета одеждой, кроме игры сикионцев, где человек этого класса, повар - двойным и неполным гиматием, жрицы - белыми одеждой, комические старухи - айвовыми или сумрачными, как облачное утреннее небо осенью, матери гетеры - пурпурной косынкой на голове, платья молодых женщин - белыми и нежными, наследниц - такими же с бахромой. Порнобоски носили одежды разных цветов, плащи с цветами, и носили прямой жезл, называемый ἀρέσκοϛ.^[1041] Были также женские

персонажи, которые носили Парапечу и Симметрию, хитон, доходящий до ног, с каймой морского пурпура.

Теперь мы переходим к маскам,^[1042] предмету, о котором много написано, но очень мало объяснено. Основная трудность, связанная с ними, заключается в том, чтобы определить, были ли они сконструированы таким образом, чтобы напоминать говорящую трубу,^[1043] которая, сужая поток и сжимая, так сказать, частицы голоса, выбрасывала его сгущенным и подтвержденным на театр,^[1044] который она таким образом могла проникать и заполнять, даже до самых крайних пределов. Мое собственное мнение, после того как я уделил этому вопросу много внимания, заключается в том, что маска на самом деле была сконструирована таким образом, чтобы придавать голосу дополнительную силу и интенсивность; но была ли она покрыта или окружена искусственным ртом металлическими пластинами или тонкими пластинками камня, называемого Халкофонсом,^[1045] сейчас едва ли возможно определить. Однако, как бы то ни было, в некоторых театрах существовали и другие приспособления для передачи и увеличения громкости голоса актера; это были эхеи,^[1046] вазы, как правило, из металла, тонко тонированные и расположенные в соответствии с музыкальной шкалой, в чередующихся куполообразных ячейках,^[1047] расходящихся по пологой поверхности театра. Они опирались одним краем на гладкий и полированный тротуар, ртом наружу, а внешним краем - на вершину небольшого тупого обелиска,^[1048] в то время как низкое отверстие в каждой ячейке позволяло резонансу или эху, создаваемому таким образом, выходить наружу и наполнять воздух звуком,^[1049] который, как бы ни объяснялся этот факт, не производил изолированных ревербераций, никакой путаницы.

Материалы, из которых изготавливались маски, несомненно, значительно варьировались в разные эпохи;^[1050] но то, что они когда-либо изготавливались из бронзы или меди, вызывает мало доверия, если мы подумаем о весе столь объемного устройства, покрывающего всю голову и шею, состоящего из любого из этих металлов. Дошедшие до нас металлические образцы следует рассматривать просто как модели-маски или как произведения искусства, созданные скульптором в качестве украшений. Поначалу эта маскировка была призвана придать актеру дополнительную смелость и уверенность в себе, скрыв от соседей стыдливость, которую сырой исполнитель иногда испытывал, щеголяя в императорских одеждах и изливая *sesquipedalia verba* Пелиаса и Телефоса, они довольствовались тем, что закрывали лицо куском льна с отверстиями для глаз и дыхательных путей.^[1051] К этому, по-видимому, добавилась маска, изготовленная из гибкой коры некоторых деревьев,^[1052] по форме и цвету напоминающая человеческий лик. Следующим шагом было использование дерева, некоторые виды которого, обладая преимуществом чрезвычайной легкости, могли быть выточены со всей деликатностью и тонкостью статуи, а также, лучше, чем любой другой материал, получали ту гладкую и полированную эмаль, с помощью которой изображались текстура^[1053] и цвет кожи. Образцы масок такого рода были найдены у народов, находящихся в очень грубом состоянии; например, у жителей Нутка Саунд, чья одежда, как нам говорят,^[1054] "сопровождается маской, изображающей голову какого-то животного: она сделана из дерева, с глазами, зубами и т. д., и является произведением большой изобретательности. Этих масок существует великое множество, они подходят к определенным обстоятельствам и случаям. Например, те, что изображают голову выдры или других морских животных, используются только тогда, когда они отправляются на охоту за ними. В военных походах, но ни в какое другое время, они покрывают всю свою одежду большими медвежьими шкурами".

Но пока в национальном театре происходили вышеперечисленные усовершенствования,^[1055] деревенская драма продолжала сохранять свою первоначальную простоту, актеры, чтобы их

не узнали, затеняли свои брови густыми выступающими коронами из листьев и мазали лица^[1056] винным соком. В таком виде они распевали свои песни на дорогах, сидя в повозке,^[1057] откуда и поговорка "говорит как из повозки", *то есть* беззастенчиво оскорбляет, что, собственно, и было характерно для комических поэтов.

Маски делились на три вида: трагические, комические и сатирические. Те, что относились к трагедии, снова подразделялись на многочисленные классы, представлявшие все заметные разновидности характера и все стадии человеческой жизни от детства до глубокой старости. В очень разнообразном диапазоне ликов, представленных в игре, мастер по изготовлению масок пользовался широкими возможностями для демонстрации своего мастерства. Волосы, конечно, были настоящими и подгонялись под маску, как парик,^[1058] разной формы и цвета в зависимости от возраста, привычек и цвета лица владельца. В некоторых случаях они были собраны вместе и уложены на лбу,^[1059] в треугольную фигуру,^[1060] добавляя много дюймов к росту актера; в других случаях они были гладко зачесаны вниз, от макушки, скручены вокруг косы и уложены в виде венка на голове, как мы иногда видим в фигурах Асклепия и философа Архита. Некоторые персонажи изображались полностью лысыми, с гирляндой из виноградных листьев или плюща, обвивающей лоб,^[1061] другие были просто лысыми спереди, а третий класс демонстрировал кустистую копну волос, чем-то напоминающую львиную гриву. Молодые дамы демонстрировали обилие подвесных локонов, которые поддерживались в порядке с помощью филе или сфендона, или собирались в сетки, или закручивались вокруг головы в косы. При изображении некоторых персонажей глазницы оставляли открытыми, чтобы можно было видеть, как глаза актера двигаются и мигают внутри;^[1062] но в других случаях, когда роль косоглазого должен был исполнять исполнитель, который не щурился, или наоборот, как в случае с Росцием Галлусом, изготовитель маски должен был изобразить глаза стеклом или каким-то другим прозрачным веществом, через которое актер мог видеть свой путь. Это обязательно в роли поэта Тамириса,^[1063] который, как и наш Чаттертон, имел глаза разного цвета, один синий, другой черный, что, как сообщает нам Аристотель, было распространено среди лошадей Греции.

Время представления, как известно, было во время дионисийских и ленейских праздников, весной и осенью.^[1064] Театры, будучи государственными учреждениями в собственном смысле этого слова, были поэтому открыты, бесплатно, для всех граждан, которые не созывались вместе, как у нас, афишами,^[1065] но по большей части ничего не знали о том, что им предстоит увидеть, пока не рассаживались в театре, и глашатай^[1066] не приказывал хору такого-то и такого-то поэта выйти вперед. Перед началом представления театр очищался жертвоприношением молодого борова, кровью которого окроплялась земля.^[1067]

964. Cp. Ficorini, Degli Masch. Scen. p. 15.

965. О том, какое значение впоследствии придавалось обучению хора, см. содержание надписи в Chandler, ii. 72.

966. Sch. Aristoph. Av. 1404. Schneid. de Orig. Trag. Græc. c. i. p. 2. Дифирамбическая ода, как говорят, была изобретена Арионом в Коринфе. Schol. Pind. Olymp. xiii. 25, seq. Первые хоровые песни были импровизациями. Max. Tyr. Dissert. xxi. p. 249.

967. Poll. iv. 108. Sch. Aristoph. Acharn. 210.

968. Cp. Schol. ad Æschin. Tim. Orator. Att. t. xii. p. 376. Tzetz. ad Lycoph. p. 251, sqq. См. также Müller, Dissert. on the Eumenides of Æschylus, p. 54. Schol. Аристоф. Eq. 587.- "Nous savons que sur les Théâtres Grecs les femmes dansaient dans les chœurs."-Winkel. Mon. Ined. iii. p. 86. Я не нашел ни у одного древнего автора доказательств того, что это было принято у греков.

969. Sch. Aristoph. Acharn. 848.

970. Vit. Æschyl. p. vi.

971. Boettiger, Furies, p. 2. Poll. iv. 110. Schol. Aristoph. Av. 298. Eq. 586.

972. Однако, по мнению г-на Беттигера, "в древних Афинах женщины не помогали в представительстве в театре" - Furies, p. 3, note. Но в дополнение к доказательствам обратного, собранным в предыдущей книге, читатель может ознакомиться со свидетельством Аристида, который сурово порицает своих соотечественников за то, что они позволяют своим женам и детям посещать театры, т. I. с. 518, ср. с p. 507.-Jebb. Он, правда, больше говорит о смирнийцах; но Смирна была ионийской колонией.- Herod. i. 149.

973. Cp. Schol. Аристоф. Acharn. 209.

974. Cp. Скалиг. Poet, i. 21. Leroy, Ruines des plus beaux Monumens de la Grèce, p. 14.

975. Cp. хешич. ст. νέμῃσις ὑποκρίτων.

976. Это, однако, я просто предполагаю, исходя из практики обозначения линиями станций хора. Hesych. v. ὑραμμαί.

977. Говорят, что когда они выходили, их сопровождал флейтист. Sch. Aristoph. Vesp. 582. Эти музыканты во время игры носили кожаные ремешки, называемые φορβεῖαι, перевязанные через рот, чтобы регулировать количество воздуха, поступающего в трубу. Id. ibid. См. Burney, Hist. of Music, i. 279.

978. Cp. Torrent. in Suet. Domit. Com. p. 390. а. Лучшими аулетами были фиванские. Дион Хризостом. i. 263.

979. Suidas, v. ῥαβδοῦχοι, t. ii. p. 672. f. Scalig. Poet. i. 21.

980. См. Cahusac, Traité Historique de la Dance, ii. i. t. i. p. 61, sqq.

981. Говорят, что некоторые древние поэты назывались оркестровыми - Феспис, Фриних, Пратинас, Карцинос - не только потому, что они приспособляли сюжеты своих произведений к танцам хоров, но и потому, что обучали танцам хоров других драматических писателей. Athen. i. 39. Вышеупомянутый поэт Карцинос был также знаменит тем, что был отцом трех сыновей, которые танцевали в трагических хорах и из-за своего крайне маленького роста получили имя Перепелки. Schol. Aristoph. Pac. 761.

982. Hesych. v. ἐμμέλεια. Sch. Aristoph. Nub. 532. Poll. iv. 99. Athen. xiv. 27, seq. Luc. de Saltat. § 22. 26. Плут. Symposiac. ix. 15. 1.

983. Suid. v. Φρυγίχου πάλαισμα, t. ii. p. 1092. b. c. d.

984. Poll. iv. 103. Athen. xiv. 27.

985. Poll. iv. 103. Cp. Xenoph. Conviv. vi. 4.

986. Poll. vi. 99.
987. Pfeiffer. Antiq. Græc. ii. 58. p. 382.
988. Cp. Dodwell, Classical Tour in Greece, vol. i. p. 133, seq.
989. Athen. xiv. 27. Poll. iv. 104.
990. Poll. iv. 10. 2. Аристоф. Vesp. 1492. 1495, et Schol.
991. Poll. iv. 105. См. в Mus. Cortonens. tab. 60, изображение группы танцовщиц на платформе в лодке, на краю моря.
992. Athen. xiv. 9.
993. Афины. xiv. 27.
994. О характере старой комедии, которая терпела эти танцы, см. Plut. Lucull. § 39. Демет. § 12. Перикл. § 5.
995. Poll. iv. 99.
996. Id. ib.
997. Poll. iv. 104.
998. См. Müller. ii. 354.
999. Poll. iv. 104.
1000. Schol. Аристоф. Nub. 534.
1001. Poll. iv. 104.
1002. Vitruv. i. 1.-Poll. iv. 104.
1003. Плут. Artaxerx. § 18.
1004. Duport. ad Theoph. Char. c. 6. p. 305, sqq. Poll. iv. 99.-Athen. xiv. 29. О критских воинственных танцах Орситов и Эпикредов, id. xiv. 26.- Luc. de Saltat. § 9.
1005. Афины xiv. 29.
1006. Poll. iv. 99.
1007. Poll. iv. 105.
1008. Люк. де Салтат. § 2.
1009. Athen. xiv. 27.
1010. Возможно, именно в этом танце Эвмелос или Арктинос, древний коринфский поэт, представил самого Зевса, изображающего палец на ноге:...
- ΜέσσοισινΜέσσοισιν δ' ὠρχεῖτο πατήρ ἄνδοῶν τε θεῶν τε. Athen. i. 40.
- Cp. Plut. Sympos. ix. 15.
1011. Luc. de Saltat. § 17.

1012. Athen. xiv. 27.

1013. Cp. Lips. Physiolog. Stoic. ii. 22. t. iv. p. 955.

1014. De Poet. i. 18.

1015. Luc. de Saltat. § 12.

1016. Poll. iv. 101. Spanh. ad Callim. t. ii. p. 513. Plut. Thes. § 21. Cp. Douglas, Essay on some points of Resemblance, &c., p. 123.

"Один из танцев, до сих пор исполняемых афинянами, предположительно называется "Журавль" и, как говорят, был изобретен Тесеем после его побега из лабиринта на Крите. Крестьяне исполняют его ежегодно на улице Франкского монастыря по окончании сбора винограда; соединив руки, они ведут своих мулов и ослов, навьюченных виноградом, в очень изогнутой и замысловатой фигуре; вожак размахивает платком, который, как полагают, обозначает подсказку Ариадны". Chandler, ii. 151.

1017. Как циклический хор. Вид. Izetzes ad Lycoph. i. p. 251, sqq. Sch. Aristoph. Nub. 311.

1018. Athen. iii. 82. xiv. 27.

1019. Poll. iv. 93. Ксеноф. Conviv. vii. 5. Plat. De Legg. vii. t. viii. p. 55. Cp. Herm. Comment. ad Arist. Poet. xxvii. 3. p. 190, sqq.

1020. Скалиг. Poet. i. 18.

1021. Cp. Buleng. de Theat. c. 55.

1022. Dem. cont. Mid. § 7, seq. Athen. iii. 62. Animadv. t. vii. p. 215.

1023. Boettiger, Furies, p. 28, sqq. и pl. ii. Casaub. ad Athen. xii. 2. Aristoph. Plut. 423.

1024. О гардеробе актеров см. Poll. iv. 113, sqq.

1025. Müller, Dissert. on the Eumenides, p. 100. Г-н Дональдсон, "Театр греков", с. 132, придерживается этого мнения.

1026. Luc. Jup. Tragœd. § 41. Cp. Xen. Cyrop. viii. 8, 17. Poll. ii. 151. vii. 62.

1027. См. Winkel. Monum. Ined. t. iii. p. 84. c. ix. § 1. Les extrémités des Cothurnes étoient ronds et quelquefois un peu aigues; mais on n'en vit jamais de carrés, comme aux gravés sur l'estampe, de Vasali. p. 85. Cp. Luc. de Saltat. § 27. Их высота зависела, во-первых, от роста актера, во-вторых, от роста изображаемого персонажа. Иногда они довольствовались тем, что приписывали четыре локтя даже героям.-Aristoph. Ran. 1046. Cp. Athen. v. 27. Но призрак Ахилла, явившись Аполлонию Тианскому, вырос на пять локтей в высоту, и, несомненно, призрак старался приспособиться к общественному мнению.- Philost. Vit. Apoll. Tyan. iv. 16. Aul. Gell. iii. 10. См. также: Scalig. Poet. i. 13. Скалигер приводит в связи с Котурном шутливое замечание его отца: "Italas mulieres altissimis soccis usas vidimus; quamvis diminutiva dicant voce Socculos. Patris mei perfacetum dictum memini. Ejusmodi uxorum dimidio tantum in lectis frui maritos, alter dimidio cum soccis deposito", p. 53.

1028. Poll. iv. 119.

1029. Cp. Mus. Chiaramont. tavv. 3. 7. 16.

1030. Poll. vii. 60. Boettiger, Furies, p. 32. Luc. Jup. Tragœd. § 41.

1031. On voit parmi les plus belles peintures d'Herculaneum un de ces premiers acteurs, ou protagonistes, avec une large ceinture de couleur d'or, une sceptre dans une main, et l'épée au côté.-Winkelmann. Monum. Ined. t. iii. p. 84. Pitt. Ercol. i. 4. i. 41.- Плутарх замечает, что вместе с царскими одеждами актеры принимали и позу королей.- Vit. Demet. § 18.- Более того, говорят, что Деметрий походил на трагического актера, потому что ходил в одежде из пурпура и золота и носил сандалии из пурпурной и золотой ткани. § 41.

1032. Аристоф. Av. 512, et Schol. Nub. 70. Poll. iv. 115. Suid. v. Ευστής. t. ii. p. 264. e.- Актер, изображавший Геракла, появлялся с дубиной и львиной шкурой - Luc. de Saltat. § 27.

1033. Poll. iv. 116, 117. Аристоф. Nub. 71, et Schol. Lysist. 1189.

1034. Deipnosoph. v. 22.

1035. Poll. iv. 117. Hesych. v. ἄγρηνόν.

1036. Poll. iv. 118.

1037. Актерам, однако, следовало позаботиться о своем золоте и драгоценностях, поскольку, судя по всему, воры проникали даже на сцену.-Aristoph. Acharn. 258.

1038. Poll. iv. 118.

1039. Дион. Chrysost. i. 231. Скалиг. Поэт. i. 13.

1040. Poll. iv. 119, sqq.

1041. Скалиг. Поэт. i. 13.

1042. Когда актеры вызывали недовольство зрителей, их иногда заставляли снимать маски и смотреть в лицо тем, кто на них шипел, что считалось серьезным наказанием. Duport. ad Theoph. Char. p. 308. Возможно, мы должны понимать Лукиана *cum grano*, когда он сообщает нам, что актеров, плохо исполнявших свои роли, бичевали. Piscator, § 33. О происхождении слова *persona*, Aul. Gell. v. 7. Ср. Аристоф. Poet. c. 5. Скалиг. Poet. i. 13, о производности πρόσωπον. Etym. Mag. 691. 1.

1043. Vid. Кассиод. iv. 51. Plin. xlvii. 10. Solin. cxxxvii. Lucian. de Saltat. § 27. De Gymnast. § 23. Трагический поэт Иероним подверг себя осмеянию, введя в одну из своих пьес маску ужасающего вида. Аристоф. Acharn. 390.

1044. Ср. Suid. v. φλοιός. t. ii. p. 1073. Diog. Laert. iv. p. 27.

1045. Plin. xxxvii. 56.

1046. См. Burney's Hist. of Music, i. 153. sqq. Скалиг. Poet. i. 21. Antiq. of Athens, &c., Supplementary to Stuart, by Cockerell, Kinnaid, Donaldson, &c. p. 39.

1047. Vitruv. v. 6. Antiq. of Ath. by Cockerell, Donaldson, &c. p. 39. Tectum porticus quod est in summa gradatione, respondet Sienæ altitudinem, ut vox crescens æqualiter ad summas gradationes et tectum perveniat. Buleng. de Theat. c. 17.

1048. Издание Маринуса в Vitruv. t. iv. tab. 81.

1049. Пустые горшки встраивали в стены некоторых общественных зданий, чтобы усилить звук голоса. Аристотель. Prob. xi. 8. i. 1. v. 5. Оркестр иногда посыпали мякиной, которая, как выяснилось, заглушала голос. 25. Плин. ii. 51.

1050. Скалиг. Поэт. i. 14. Poll. iv. 143.
1051. Suid. in θεσπις, p. 1315. d. Poll. x. 167.
1052. Virg. Georg. ii. 387.
1053. Vid. Horat. de Art. Poet. 278. Athen. xiv. 77. Suid. v. χορίλλος, t. ii. p. 1160. f. Etym. Mag. 376. 47. Poll. iv. 133, sqq. Schol. Soph. Œdip. Tyr. 80.
1054. Meare's Voyage, p. 254.
1055. На римской сцене актеры выступали в шляпах вплоть до эпохи Ливия Андроника. Первым надел маску Росций Галл, который сделал это из-за своего косоглазия. Фикорини, Masch. Scen. p. 15. О происхождении маски см. Paccichelli De Larvis, Capillamentis, et Chirothecis. Neap. 1693.
1056. Schol. Aristoph. Nub. 29. Скалиг. Poet. i. 13.
1057. Schol. Аристоф. Eq. 545. Nub. 29.- Demosth. De Coron. § 37. Ulp. in. § 5.
1058. Скалиг. Poet. i. 13.-Poll. iv. 133, sqq.
1059. Cp. Thucyd. i. 6, et Schol. Ælian. Var. Hist. iv. 22.
1060. См. прекрасную голову Афродиты со столбом кудрей (ῥύκος) Mus. Chiaramont. tav. 27. Ср. трагическую женскую маску с волосами, скрепленными филейной лентой, в Кабинете Орлеана, пл. 52.
1061. Можно заметить, что на сцену выводили людей, высмеиваемых в масках, в точности повторяющих их лица. Они, впрочем, хватались за смехотворные черты, которыми обладал тот или иной человек, например, брови Херефона или лысина Сократа. Sch. Aristoph. Nub. 147, 224. Это относится к живым персонажам. Мертвые были защищены от насмешек законами. Sch. Рас. 631. Считается, что комическая маска была изобретена Мейсоном. Athen. xiv. 77. Однако граф де Кайлюс приписывает изобретение масок этрускам. Recueil d' Antiq. i. 147, seq.
1062. Cic. de Orat. ii. 46. Изображение одной из таких масок см. в Agostini Gemme Antiche, pl. 17. Примеры отвратительных масок см. в Mus. Florent. t. i. pp. 45-51.
1063. Poll. iv. 141. Dubos, Reflex. Crit. sur la Poes. et sur la Peint. i. 603.
1064. Schol. Aristoph. Eq. 545. Acharn. 336. Cp. Dem. cont. Mid. § 4, et annot. Plut. Vit. x. Rhet. Lycurg.
1065. Винкельман, однако, полагает, что у них было что-то вроде афиши, Monum. Ined. iii. p. 86, основывая свое мнение на неверном толковании Поллукса, iv. 131.
1066. Аристоф. Acharn. 10, sqq.
1067. Sch. Æschin. Tim. p. 17. Orator. Att. t. xiii. p. 377. Vales. ad Harpoc. 99, 296. Suid. v. καθάρσιον, t. i. p. 1346. a. Poll. viii. 104.
-

КНИГА V. СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

ГЛАВА I. ВИЛЛА И КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР.

Если мы сейчас на мгновение оставим город и его развлечения и обратим внимание на тон и характер эллинской сельской жизни, то, возможно, обнаружим, что в античности существовал еще больший контраст между городом и деревней, чем в наше время. Из поэзии Афин, изобилующей образами сельской местности, мы, не меньше, чем из ее истории, узнаем, как глубоко они любили солнечный свет, спокойствие и тишину своих полей. Деревенское население, заключенное в городе во время Пелопоннесской войны, почти погибло от ностальгии, увидев свои деревенские дома. Половина метафор в их языке относится к деревенскому росту. Пчела журчит, куропатка жужжит, жаворонок, соловей, дрозд льют свою музыку по каналам стихов и прозы. Запахи спелых фруктов, нового вина, "пурпурного и пышущего", свежий бодрящий утренний ветерок с урожайных полей, с клеверных лугов, усеянных коровами, аромат молочницы, меда и медовых сотов, все еще сладко дышат над аттическими страницами и доказывают, насколько афинский народ был поражен домашними радостями,

"С плесаунсом дышащих полей питались".

Однако этот их мужественный и здоровый вкус постоянно, во время войны, подвергал их злобе врагов. Ведь долины и травянистые возвышенности Аттики, густо покрытые виллами и фермами,^[1068] первым действием вторгшейся армии было сжечь все эти прекрасные усадьбы в пепел. Так персы во время двух своих вторжений уничтожили все огнем и мечом. Но господа, сразу же по возвращении, отстроили свои жилища^[1069] с большим вкусом и великолепием, так что до начала Пелопоннесской войны, вероятно, ничто не могло сравниться с Аттикой в качестве сцены неамбициозного изобилия, вкуса, высокой культуры и деревенского довольства. Тут и там, по всей земле, на скалах или в тени деревьев стояли небольшие деревенские часовни, посвященные нимфам или сельским богам.^[1070] На горах, в уединенных лощинах и везде, где из скал били родники, руками неторопливых пастухов были вырыты пещеры,^[1071] и освящены связью с мифологией. Фонтаны, а также водотоки, алтари, статуи,^[1072] и священные рощи,^[1073] охраняемые одновременно религией и законами,^[1074] запечатлели на пейзаже черты поэзии и изящества.

Еще одной причиной, которая, по мнению афинян, придавала святость их землям, была практика захоронения в них своих умерших. Местом, выбранным для этой священной цели, обычно был фруктовый сад, где среди фиговых деревьев и виноградных лоз,^[1075] часто недалеко от границ поместья, можно было увидеть древние и почтенные памятники умершим. Поэтому вся Аттика в их глазах казалась святой, как усыпальница; а поскольку каждый хранил прах своих предков, продажа фермы стоила чувствам человека дороже, чем в странах, где люди хоронят любимых на общественных кладбищах; и это обстоятельство для многих действовало бы как закон о залоге.^[1076]

Но таким образом легко представить воображению общую картину страны. Нам же нужно отбросить все препятствия, рассеять неясность двух тысяч лет и поднять засов греческого сельского дома, такого, каким он был во времена Перикла.

Прежде всего, в Аттике было принято возводить загородные дома посреди рощи серебристых елей,^[1077] которые зимой защищают от холода, а летом привлекают бризы, имитирующие в своих ветвях шум струек или далекий рокот моря. В центре рощи, с просторным двором впереди и садом позади, стоял дом,^[1078] то с плоской, то с остроконечной крышей, украшенный живописным крыльцом и окруженный верандами или колоннадами. Иногда у богатых людей на южном фасаде дома росли большие цитрусовые деревья^[1079] в горшках, по обе стороны от двери, где их хорошо поливали и тщательно укрывали на зиму.^[1080] В более простых домах многочисленные пристройки, как конюшни, сараи для скота,^[1081] курятники, свинарники и т. д., простирались вокруг двора, в то время как задний фронтон, обычно на востоке главный, выходил в сад или огород.

При выборе места для фермерского дома обычно уделялось много внимания^[1082], хотя мнения, конечно, разнились в зависимости от того, на каком опыте они основывались. В целом наиболее благоприятными считались места, расположенные по соседству с морем, на вершинах или склонах гор,^[1083] особенно если они смотрели на север.^[1084] Избегали соседства с болотами и топями, по возможности с реками, а также курганов, пологих долин и склонов, обращенных на юг или к заходящему солнцу. Если в силу особенностей местности приходилось строить у берегов ручья, фасад жилища тщательно отворачивали от него, поскольку его воды создавали дополнительную суровость для ветров зимой, а летом наполняли атмосферу вредными испарениями. Излюбленное место было обращено на восток, откуда дули самые благоприятные бризы, а веселые лучи солнца, как только они появлялись над горизонтом, разгоняли промозглые туманы и муть в воздухе. Несмотря на теплый климат, они любили такие места, где солнце освещало их весь день, а от сирокко, влажного и вредоносного ветра, дующего через Средиземное море из пустынь Африки, старались оградиться. Тем не менее, в Италии фермер часто выбирал для своего особняка южные корни гор, защищенные от альпийских ветров пролеском.

Согласно моде, преобладавшей в античности, фермерские дома строились высокими, большими и просторными, хотя Катон^[1085] проницательно советует, что их величина должна иметь некоторое отношение к величине домена, чтобы вилле не пришлось искать ферму, а ферме - виллу.

Многое, однако, зависит от вкуса человека; но в простом фермерском доме, похоже, больше внимания уделялось существенному комфорту и чему-то вроде грубого джон-буллизма, чем холодному изяществу, которое некоторые люди любят ассоциировать с классикой. Аттический фермер настоящей старой республиканской школы был кем угодно, но только не изящным джентльменом. Он не презирал ни одно из занятий или производств, которыми жил. Войдя в его жилище, вы с немалым трудом пробирались между мешками с кукурузой,^[1086] грудями сыров, горками сушеных фиг^[1087] или изюма, а на стеллажах громоздились окорока^[1088] и беконные шкварки. Если они и походили на своих потомков,^[1089] то и в их спальные комнаты проникали какие-то виды провизии, так как и в наши дни там часто можно увидеть длинные нити дынь, подвешенные, как фестоны, к стропилам. В одном углу первого этажа стоял кронштейн, наполненный недавно выжатыми оливковыми лохмами, в другом - мешок с шерстью или груды выделанных шкур.^[1090] Вон там, в комнате, выходящей в сад, с медовой сизой, обвивающей открытую решетку, стояли ткацкий станок и прялка, чесальная машина и рабочие корзины мадам; И там с жаворонком^[1091] можно было увидеть ее, безмятежную и счастливую, сосущую своего юного демократа и качающую ногой колыбель второго, экономно дающую указания то Фратте, то Ксанфии, то "аккуратной" Филлис.^[1092]

На кухне, должно быть, иногда царил полный беспорядок: гуси и утки носились по полу, подбирая рассыпанное зерно или отбирая кусок хлеба с медом, который мой юный хозяин только что положил на табурет, чтобы поиграть в салки с Траттой. Там, в сумрачном углу, за огромным креслом или креслом, вы можете заметить очень подозрительный на вид загон, из которого время от времени доносится сдавленное хрюканье; это свинарник.^[1093] Но не обижайтесь; практика классическая, и свиньи, по моему мнению, такая же приятная компания, как гуси и многие другие животные. О том, что гусей кормили даже во дворцах, свидетельствует Гомер, чья Пенелопа, *образец* хорошей хозяйки, говорит: "Полных двадцать гусей у нас в доме."

"Полных двадцать гусей у нас дома, что кормятся

На пшенице в воде размоченной."

Но до нас дошла вся экономика кормления гусей^[1095]; во-первых, обычно предпочитали птиц, отличающихся размером и белизной.^[1096] Древние считали пестрых, или пятнистых, птиц менее ценными. То же правило применялось и к птицам. Загон или вольер, в котором содержались гуси, обычно располагался рядом с прудами или ручьями,^[1098] изобилующими сочной травой и водными растениями. Гуси, как было замечено, неприхотливы в еде, но охотно поедают почти все виды растений, хотя горох, пырей, лавр и лавровишня,^[1099] древние считали вредными для них. Из их яиц некоторые высиживали куры, но те, которые предназначались для высиживания самой гусыней (которая в период насиживания^[1100] питалась ячменем, размоченным в воде), помечались надписями или иным способом, чтобы отличить их от яиц соседей, которые, как считалось, она не будет высиживать. Первые десять дней после того, как они разбили скорлупу, молодых гусят держали в доме, где их кормили пшеницей, размоченной в воде, *полентой*, приготовленной из ячменной муки, высушенной на огне, и рублеными кресс-салатами. После этого их выгоняли на кормежку, а затем на водопой; те, кто ухаживал за ними, тщательно следили, чтобы их не ужалила крапива, не укололи колючки, не проглотили шерсть^[1101] свиней или детей, которая, по их мнению, была для них смертельной.

Когда взрослые гуси предназначались для откорма, их было принято заключать в темные и очень теплые клетки.^[1102] Их питание было научно разнообразным и регулируемым, от менее питательного к более питательному, пока они не были признаны пригодными для стола. Вначале их рацион состоял из препарата, состоящего из двух частей *поленты* и четырех частей отрубей, сваренных в воде. Им разрешалось есть столько, сколько они хотели, три раза в день и еще раз в полночь, а воду им давали в изобилии. Когда они некоторое время придерживались такого режима, их баловали более роскошным столом - ничем иным, как самыми изысканными сушеными фидами, которые, мелко нарезанные и растворенные в воде, подавались в виде желе в течение двадцати дней, после чего изнеженное животное само было готово к вертелу.

Иногда к этому деликатному и гуманному способу, благодаря которому Германия в наши дни приобрела столь завидную славу, - увеличению печени до невероятных размеров - прибегали древние; чей способ был следующим: в течение пяти-двадцати дней гусей, как и прежде, держали в помещении с высокой температурой, кормили пшеницей и ячменем, замоченными в воде, первые откармливали, а вторые делали их плоть нежно-белой. В течение следующих пяти дней им давали по семь штук в день, после чего их количество постепенно увеличивалось до пятнадцати, что и составляло весь их рацион на протяжении двадцати дней, а также определенные пирожки или шарики, называемые *collyria*,^[1104] состав которых точно не известен. К этому добавлялось самое необычное блюдо, состоявшее из

болванок квасного теста, смоченных в теплом отваре мальвы, которым они отдувались в течение четырех дней. Их питье, между тем, было еще вкуснее, чем еда, и представляло собой не что иное, как гидромель,^[1105] или воду, смешанную с медом. В течение последних шести дней в закваску добавляли сушеные фиги, мелко нарезанные, и, доведя процесс до конца, гурманы, для которых они предназначались, пировали нежнейшими гусями и самыми большими в мире печенками. Следует добавить, что перед приготовлением печень бросали в таз с теплой водой, которую *артисты* несколько раз меняли. Гуси, добавляет изобретательный гастроном, которому мы обязаны этими подробностями, как по мясу, так и по печени значительно уступают гандерам. Однако греки, подобно римлянам и современникам, отбирали для этого кулинарного апофеоза не молодых гусей, а птиц зрелого возраста и самых крупных размеров, от двух до четырех лет, что лишь доказывает превосходную силу и остроту их зубов.

Уток держали в прудах, тщательно огороженных и, возможно, накрытых, чтобы они не улетели. В центре находились зеленые островки,^[1106] засаженные пыреем, который древние считали столь же полезным для уток, сколь и вредным для гусей. Их обычная пища, которую бросали в воду, окружающую островки, состояла из пшеницы, проса, ячменя, иногда смешанных с виноградными косточками и виноградными шкурками. Изредка их баловали саранчой, креветками, креветками,^[1107] и всем остальным, чем обычно питаются водные птицы. Желая иметь прирученных уток имели обыкновение обходить озера и болота^[1108] в поисках гнезда дикой птицы. Отдав яйца курице, чтобы она на них сидела, они получали выводок утят, вполне одомашненных.^[1109] Диких уток иногда ловили, выливая красное вино или винный осадок в источники, куда они прилетали пить.

Что касается амбарной птицы, первоначально завезенной в Грецию из Индии и Мидии, то, как представляется, наибольшее внимание уделялось изменению и улучшению пород. Для этого петухов и кур импортировали^[1110] с берегов Адриатики, из Италии, Сицилии, Нумидии и Египта, а аттических птиц время от времени вывозили в другие страны. По-видимому, существовало предубеждение против содержания более пятидесяти птиц^[1111] на одном дворе, некоторые следы которого можно обнаружить и в практике арабов.^[1112] Птичник, оборудованный насестами,^[1113] как у нас, был устроен и расположен так, чтобы из кухни поступал сносный дым, который должен был быть приятен этим мидийским чужакам. Пища птиц^[1114] во всем мире во многом одинакова, поэтому нет необходимости говорить о том, что зеленые листья цитиса должны были способствовать их плодовитости. Чтобы уберечь их от паразитов, сок руты, как я полагаю, в качестве талисмана, посыпали на их перья.^[1115] Пропорция самцов птиц составляла один к шести. Куриц обычно высидивали в дни весеннего равноденствия, в первую четверть луны, в гнездах, тщательно сколоченных из досок и усыпанных свежей чистой соломой, в которую в качестве талисмана от грома бросали железный гвоздь, головки чеснока и веточки лавра.^[1116] В период насиживания яйца, которые до этого хранились в отрубях, переворачивали каждый день.

Другими обитателями хозяйственного двора были павлины,^[1117] обычно содержащиеся на красивых искусственных островах, снабженных изящными сараями; фазаны^[1118] с берегов Черного моря;^[1119] морские птицы из Нумидии,^[1120] хотя, по мнению других авторов, они изначально водились в Этолии;^[1121] куропатки, перепела и аттаги. Дроздов разводили в теплых помещениях с небольшими насестами, выступающими из стен, и лавровыми ветвями или другими вечнозелеными растениями, закрепленными в углах.^[1122] На чистом полу рассыпали их пищу - сушеные фиги, которые размачивали в воде и смешивали с мукой или ячменной мукой, а также ягоды мирта, чечевицы, плюща, лавра и оливы. Их откармливали просом, паниром и чистой водой.^[1123] Выращивали и откармливали подобным образом и

других, еще более мелких птиц. Кроме того, в каждом крестьянском доме имелись колумбарий и голубятня,^[1124] иногда настолько большие, что вмещали пять тысяч птиц. Обычно они представляли собой просторные здания,^[1125] крытые крышей и снабженные окнами, закрытыми решетками, сделанными так плотно, что ни ящерица, ни мышь не могли пролезть сквозь них. В полу были устроены каналы и тазы с водой, в которых эти нежные птицы^[1126] могли мыться и оперяться, а рядом находилась камера, в которую заманивали тех, кто требовался для продажи или стола. Во дворах держали даже галок, для которых, как и для обычных птиц, устанавливали насесты.^[1127]

Древние прилагали много усилий для улучшения породы животных.^[1128] Поликрат, тиран Самоса, завез на остров молосских и спартанских собак, коз со Скироса и Наксоса, овец из Аттики и Милета.^[1129] Тонкость и красота меринсов были также известны древним, которые покупали в Испании баранов для разведения по таланту за штуку, то есть около двухсот сорока одного фунта стерлингов.^[1130]

Лошадей в Греции во все времена было мало, и, следовательно, они были дороги; поэтому их редко использовали в сельском хозяйстве, а разводили и содержали главным образом для армии, для религиозных праздников и процессий, а также для гонок на колесницах в Олимпии. Первоначально, несомненно, лошадь была завезена из Азии, и вплоть до очень позднего периода с берегов Черного моря продолжали привозить всадников, отличавшихся красотой и духом.^[1131] Князья в гомеровскую эпоху, похоже, прославились красотой своих коней, как Лаомедон, Трос и Резос; для них было обычным делом иметь жеребцов с выводком кобыл на богатых пастбищах на берегу моря. Например, конюшня Приама находилась в Абидосе, на берегу Геллеспонта.^[1132]

О том, как высоко ценились лошади^[1133] в далекой древности, можно судить по многочисленным басням, придуманным по их поводу, - например, о кентаврах в Фессалии, о крылатом скакуне Беллерофонта и Муз, о чудесных конях, подаренных Посейдоном Пелею на его свадьбу с Фетидой. Кроме того, они считались одной из самых ценных жертв, приносимых в жертву богам. Так, мы видим, как троянцы погружают живых лошадей в водоворот Скамандра^[1134], чтобы отвратить гнев этого божества. Римляне и в более поздние времена приносили лошадей в жертву океану;^[1135] а во многих частях Азии, похоже, почти во все века было принято приносить, как в древности в Лаконии,^[1136] это великолепное животное на алтари солнца.^[1137] Так, среди армян, чья порода, хотя и меньше, чем у персов, но гораздо более энергичная, эта практика преобладала, как и сейчас в Северной Индии, и Ксенофонт,^[1138] религиозный человек, отмечает в "Анабасисе", что он отдал своего коня, изможденного усталостью похода, на корм и жертвоприношение Комарху, у которого он был несколько дней в гостях. Из рассказа Гомера о Пандаре мы можем сделать вывод, что владельцы прекрасных лошадей часто терпели большие неудобства, чем рисковали благополучием своих любимцев. Так, этот богатый принц, владевший одиннадцатью повозками и двадцатью двумя конями, пришел пешком на помощь Приаму, чтобы не найти в Трое обильного провианта.

Несколько стран славились^[1140] своей породой лошадей, например Кирена, Египет, Сирия, Фригия и Фазис.^[1141] Фессалия, особенно окрестности Трикке, тоже изобиловала барбами, как и Беотия. Но одной из самых замечательных рас была раса, произведенная в Нисейоне,^[1142] районе Медии, которая, похоже, была белой или ярко-кремовой,^[1143] и отличалась необычайным размером и быстротой. На одном из них Масистиос^[1144] был посажен во время экспедиции в Грецию. Аполлон в одном из оракулов, как говорят, говорил о красоте кобыл, ссылаясь, возможно, на кобыл из Элиса, которые отличались легкостью и изяществом форм; а Аристотель отмечает особую кобылу из Фарсатиса по имени Дикея,

которая славилась тем, что приносила жеребят, похожих на своих предков.^[1145] Среди гомеровских вождей Ахилл и Эвмелос могли похвастаться самыми благородными скакунами, как мы узнаем из живописного и поразительного отрывка в Каталоге:^[1146] "А теперь, о Муза, объяви, кто из вождей и их коней был самым прославленным. Если не считать коней Ахилла, самыми лучшими конями до Трои были кони Эвмела из Фере, быстрые, как птицы, одинаковые по гриве, по возрасту и по размеру, так что на их спинах могла бы стоять ровная линейка. Обе они были выведены Аполлоном в Пиерии, обе кобылы, и они несли в себе страх перед битвой. Однако самыми благородными были кони Ахилла. Но он на своих луноликих, проплывающих по морю кораблях по-прежнему негодует на Атреида, пастыря своего народа; его мирмидоны развлекаются на морском берегу тем, что бросают квоит, запускают копье и натягивают лук; их кони, стоящие рядом с колесницами, питаются лотосом, трилистником и болотной петрушкой; А сами колесницы, хорошо укрытые покрывалами, запряжены в шатры вождей, в то время как солдаты, вздыхая о предводительстве своего стремительного генерала, беспечно прогуливаются по лагерю, не принимая участия в военных действиях."

Пища гомеровских лошадей^[1147] мало чем уступала пище их хозяев, поскольку, помимо естественных луговых деликатесов, их баловали просеянным ячменем и лучшей пшеницей.^[1148] Недоуздок, которым во время кормления их привязывали к яслям, как правило, был кожаным. Аристотель^[1149] замечает, что лошади толстеют не столько от еды, сколько от того, что они пьют, и что, как и верблюды,^[1150] они любят грязную воду, из-за чего они обычно беспокоят поток, прежде чем попробовать его.

Греческое представление о красоте лошадей^[1151] мало чем отличалось от нашего, поскольку они любили лошадей тех цветов, которые до сих пор являются объектами восхищения: белоснежных, с черными глазами, как у резцов, которых Платон считал самыми красивыми; кремового цвета, светло-гнедых, каштановых и дымчато-серых. О породистости лошади судили по короткости шерсти и сумрачному блеску вен. Поскольку прекрасная большая грива значительно увеличивает великолепный вид этого животного, после мытья они тщательно расчесывали и смазывали ее^[1152], а лоб собирали в ленту из позолоченной кожи.^[1153] Полы в конюшнях обычно выкладывали круглой галькой, плотно скрепленной железными бордюрами.^[1154]

Лошадей, как правило, разбивали^[1155] исповедующие конюхи, которые заключали письменное соглашение с хозяевами, чтобы беспрекословно выполнять их указания.^[1156] Процесс был достаточно прост. Они начинали с полутороговых жеребят,^[1157] на которых при кормлении надевали недоуздок, а уздечку вешали рядом с яслями, чтобы они привыкли к ее прикосновению и не пугались от звяканья удила.^[1158] Следующим шагом было вывести их в шумные и буйные толпы, чтобы выяснить, достаточно ли они смелы, чтобы быть использованными на войне.^[1159] Операция не была полностью завершена, пока им не исполнилось три года. Когда на поле или в другом месте лошади хорошо пропотевали,^[1160] их приводили в место, отведенное для этой цели, и, чтобы высушить, заставляли кататься на песке. Владельцы лошадей имели обыкновение помечать их коппой,^[1161] или другой буквой алфавита, отчего их иногда называли коппатиями, самфорами и т. д.

Мул и осел часто использовались в сельском хозяйстве: первый - в телеге и на плуге, второй - для перевозки небольших тумб и дров^[1162] или других продуктов хозяйства в город.^[1163] К помощи дикого осла^[1164] иногда прибегали для улучшения породы мулов, которых в гомеровскую эпоху можно было встретить в естественном состоянии среди гор Пафлагонии.^[1165]

Но их забота распространялась даже на свиней, которые, если верить царю Птолемею, иногда отличались в Греции большими размерами и красотой. В своих "Мемуарах" он сообщает, что в городе Ассос видел молочно-белого борова длиной в два с половиной локтя и такого же роста; и добавляет, что царь Эвмен отдал четыре тысячи драхм, или почти двести фунтов стерлингов, за кабана такого огромного размера, чтобы улучшить породу свиней в своей стране.^[1166] Таким образом, мы видим, что эти великие полководцы, которых потомки обычно рассматривают только в кабинете или на поле боя, были в то же время в своей внутренней политике соперниками графов Спенсера и Лестера. Суеверие критян препятствовало совершенствованию бекона; поскольку, как говорили, свиноматка сосала младенца Юпитера и защищала его беспомощное младенчество, они, в знак благодарности,^[1167] воздерживались от свиного мяса.

Во всех хозяйствах уход за скотом обязательно составлял основное занятие. Волы^[1168] использовались для вспашки, утапывания кукурузы, вывоза навоза на поля и доставки домой урожая. Чтобы они не уставали во время работы, греческие земледельцы прибегали к определенным мерам, одной из которых было смазывание копыт волов составом из масла и теребинта, или воска, или теплой смолы.^[1169] , а для защиты от мух их шерсть помазывали собственной слюной или отваром из растертых лавровых ягод и масла.^[1170] Их дойных коров, при выборе которых проявлялось большое благоразумие,^[1171] обычно кормили цитизусом и клевером; и, чтобы еще больше увеличить их молоко, иногда привязывали к их бокам пучки травы диттани. Обычное время доения^[1172] - утром, сразу после рассвета, и вечером, ближе к сумеркам; хотя иногда и коров, и овец, и коз доили несколько раз в течение дня. При отъеме телят они использовали разновидность намордника,^[1173] как это делают арабы в случае с молодыми верблюдами. Их ведра, как и наши, были деревянными,^[1174] но несколько иной формы: узкие сверху и расширяющиеся к низу. Когда молоко доставляли в молочную, его наливали в кастрюли,^[1175] о форме которых я до сих пор не нашел сведений.^[1176] То, что они обезжиривали молоко, очевидно (что бы они ни делали со сливками), из упоминания о тонкой пелликуле, которая появляется на нем только при обезжиривании, независимо от того, ошпаренное оно или нет. "Вот, выпей это!" - сказала Гликера Менандру, когда тот однажды вернулся из театра в очень плохом настроении. "Мне не нравится морщинистая кожа", - ответил поэт даме, чья красота, надо заметить, в это время была на исходе. "Сдуйте ее, - ответила она, сразу поняв его смысл, - и возьмите то, что под ней". Молоко в этих теплых широтах прокисает быстрее, чем у нас; но древние заметили, что оно хранится три дня, если его ошпарить и помешивать тростником или ферулой до остывания.^[1178]

Греки классических времен, похоже, не использовали сливочное масло,^[1179] хотя уже в эпоху Гиппократы они были достаточно хорошо знакомы с его существованием и свойствами.^[1180] Даже в наши дни сливочное масло в Греции используется гораздо меньше, чем в большинстве европейских стран, его место занимает прекрасное оливковое масло. К сыру, однако, они, похоже, относились с пристрастием, хотя вполне вероятно, что лучшее, что они могли изготовить, сильно проигрывало в сравнении с хорошим Стилтоном или Чеширом, не говоря уже о Пармасане. Однако он был излюбленной пищей солдат в Аттике, которые во время войны снабжали себя как сыром, так и мукой.^[1181] Их сырная лоза или сычуг в большинстве случаев напоминал наш собственный, состоящий из жидкого вещества, содержащегося в руене новорожденных животных, таких как телята, дети или зайцы, который считался лучше бараньего сычуга.^[1182] Иногда для этой же цели использовали жженую соль или уксус, птичий помет или перец, цветы ублюдочного шафрана или нити, растущие на головке артишока. Иногда вместо них использовали сок фигового дерева;^[1183] или свежесрезанную ветку^[1184] использовали при помешивании молока во время нагревания на огне. Этот сыр, по-видимому, в основном ели свежим и мягким,^[1185] как сыр Нойфшатель,

хотя они были знакомы с различными способами его сохранения в течение значительного времени. Кислый творог сохраняли мягким, заворачивая в листья теребинта, погружая в масло или посыпая солью. Если хотели сохранить сыр надолго, его промывали в чистой воде и, высушив на солнце, раскладывали по глиняным кувшинам с тимьяном и летним чабером. Некоторые другие сорта хранились в своеобразном маринаде, состоящем из сладкого уксуса, оксимеля или морской воды, который заливали в банки, пока он полностью не проникал и не покрывал всю массу. Когда сыру хотели придать особую белизну, его клали в рассол. Сухой сыр становился более твердым и острым на вкус, если его помещали в дым. Если от возраста он становился твердым или горьким, его бросали в ячменную муку, затем замачивали в воде, а то, что поднималось наверх, снимали.^[1186]

О том, что греческие молочницы знали все тонкости своей профессии, можно судить по оставленным нам инструкциям о лучших методах определения наличия воды в молоке. Если, говорит Беритиос, окунуть в молоко острый ершик, и он легко стечет, значит, в нем есть вода. И еще, если налить несколько капель на ноготь большого пальца, чистое молоко сохранит свое положение, а фальсифицированное тут же улетучится!^[1187]

Откорм скота^[1188] производился следующим образом: сначала его кормили мелко нарезанной и вымоченной в уксусе капустой, к которой в течение пяти дней добавляли мякину и гурты. Затем этот рацион был заменен на ячмень, из которого в течение почти недели им давали по четыре кочана в день, а затем постепенно увеличивали количество в течение еще шести дней. Поскольку по необходимости олени рано вставали на ноги, даже зимой скот начинали кормить с петухами; второе количество корма давали на рассвете, когда их поливали водой, а оставшуюся порцию - ближе к вечеру. Летом первый прием пищи начинался на рассвете, второй - в середине дня, а третий - на закате. В это время года их заставляли пить в полдень и ночью воду, которая становилась несколько тепловатой; зимой она была значительно теплее.

Около Моссиноса во Фракии скот иногда кормили рыбой, которую также давали лошадям и даже овцам. Геродот, который упоминает о подобном факте, называет пищу такого рода *хóртоc*, "корм", , хотя сено или сушеная солома, несомненно, были его первоначальным значением. Корм для скота в районе Инии, по-видимому, был настолько полезным, что стада, которые им питались, никогда не страдали от грибка.^[1190]

К животным, одомашненным и полезным для греков, мы, несомненно, должны отнести пчел,^[1191] которые в героические века еще не были заключены в ульи. Ибо, когда Гомер описывает их, то либо там, где они вылетают из скалы,^[1192] либо оседают группами и гроздьями на весенних цветах. Так же и у Вергилия они

Охотятся за золотой росой;

В летнюю пору на верхушках лилий питаются,

И ползают в их колокольчиках, чтобы высосать благовонное семя.

У старого дикаря из Беотии, Гесиода,^[1193] однако, мы, несомненно, находим упоминание об улье, где он невежливо сравнивает женщин с трутнями.

Как если бы в своих хорошо крытых ульях пчелы

Поддерживают трутней в покое,
Пока золотое солнце
Вниз к западной волне свой путь проложив,
Наполняя свои сияющие гребни, в то время как уютно устроившись внутри
В своих благоухающих ячейках трутни с праздным гулом,
Как принцы веселятся над своими неоплаченными чашами,
На чужих трудах веселят свои никчемные души.

Поскольку мед Аттики в древности постоянно пользовался репутацией лучшего в мире,^[1194] разведение пчел, естественно, стало в этой стране важной отраслью сельского хозяйства. Более того, естественная история пчелы изучалась греками в целом с большим энтузиазмом. Аристомах из Соли, посвятивший ей пятьдесят восемь лет, и Филискос, тазианец, который провел свою жизнь среди пчел в пустыне, получили из-за этого имя Дикаря. Оба писали на эту тему.^[1195]

В Аттике эта отрасль сельского хозяйства была доведена до большого совершенства. Связанный с ней словарь^[1196] был обширен, поскольку каждая отдельная операция имела свой технический термин, изучение которого, в основном, позволяет понять их практику. Так, из некоторых выражений, использованных Аристотелем^[1197] и Поллуксом, становится ясно, что пчеловоды, которых мы иногда называем мелиттургами, составляли отдельное подразделение среди трудолюбивых классов; и эти люди, обученные постоянным опытом, вероятно, предвосхитили большинство усовершенствований, представленных в современности. Например, вместо того чтобы уничтожать ценных и трудолюбивых маленьких насекомых с целью завладеть их добычей, они в некоторых случаях заставляли их дымом на время удаляться из улья, откуда должны были забрать свои сокровища; а в горных районах около Лаурейона они постигли искусство, о котором, однако, ничего не известно, добывать девственный мед в чистом и незадымленном виде.^[1198]

Угодья мелиттургоса или пчеловода выбирались и обустроивались с особой тщательностью.^[1199] В защищенном месте, обычно на тимьяновом склоне холма, ульи располагались посреди цветов и пахучих кустарников. А если нужные виды не были разбросаны там от природы, их сажал садовник. Опыт скоро научил их, какие цветы и соцветия дают лучший мед,^[1200] и наиболее приятны для пчел. В Аттике это были дикая груша, бобы, клевер, бледноцветная лиана, сирия, мирт, дикий мак, дикий тимьян и миндальное дерево.^[1201] К ним можно добавить розу, бальзам нежный, галингалею или душистый камыш, базилик королевский, и прежде всего цитис,^[1202] который начинает цвести около весеннего равноденствия и продолжает цвести до конца сентября.^[1203] Из всех растений, на которые влияет пчела, ни одно не вызывает у нее такой благодарности, как тимьян, который так широко распространен в Аттике и Мессении^[1204], что благоухает по всей атмосфере. На Сицилии также все склоны и гребни ее прекрасных холмов от Палермо до Сиракуз укрыты мантией из тимьяна,^[1205] и других душистых кустарников, которые, по мнению Варро, придают превосходный аромат сицилийскому меду. Самшитовое дерево произрастало на горе Киторос, в Галатии и на острове Корсика, из-за чего мед последней страны был горьким.^[1206]

Выбирая место для ульев, древние придерживались правила, которое, как мне помнится, не упоминалось современными пчеловодами, а именно: избегать соседства с эхом,^[1207] которое,

повторяя собственное жужжание и журчание, наводило на мысль о невидимых соперниках. Не размещайте их, говорит Вергилий,^[1208]

Возле полых скал, что издают ответный звук,

И удвоенные образы голоса отбрасывают.

Позаботились о том, чтобы провести рядом с ульями небольшие каналы с чистой водой, не более двух-трех дюймов глубиной, с ракушками или камешками, возвышающимися над поверхностью, куда пчелы могли бы прилетать пить.^[1209] Когда по необходимости пасека располагалась на берегу озер или больших ручьев, прибегали к другим приспособлениям для удобства воздушных тружеников.

Тогда над бегущим ручьем или стоячим озером

Проход для твоих усталых людей сделай,

Осиновыми поплавками запруди стоячую воду,

Из массивных камней сделай мосты, если она течет,

Чтобы грелись на солнце твои пчелы.

И отдыхать там, чтобы их флагманские шестеренки высохли,

Когда, поздно возвращаясь домой, грузженный груз

Бушующими ветрами разбивается о берег.

Их ульи были разных видов и форм. Некоторые, как у современных черкесов, они делали из тонкой плетенки, круглой формы и тщательно оштукатуривали изнутри глиной.^[1210] Другие ульи строились из коры, особенно пробкового дерева, третьи - из фиго, оксии, бука и сосны,^[1211] четвертые, как сейчас в Испании, из ствола дуплистого дерева, пятые - из глиняной посуды, как принято в России; а другие - из плетеного тростника квадратной формы, три фута в длину и около одного в ширину, но так устроенные, что, если медовых материалов окажется мало, их можно будет сжать, чтобы пчелы не потеряли храбрости, если их будет окружать большое пустое пространство. Плетеные ульи иногда обмазывали изнутри и снаружи коровьим навозом, чтобы заполнить пустоты и выровнять поверхность.^[1212] Более красивый вид ульев иногда изготавливался из ляпис спекулярис,^[1213] который, будучи почти таким же прозрачным, как стекло, позволял любопытному владельцу наблюдать за движениями и работой пчел.^[1214] После завершения строительства их ставили на выступающие плиты, чтобы не задеть и не пошатнуть. Обычно на лицевой стороне стены располагались три ряда ульев, возвышавшихся друг над другом, как египетские гробницы, и существовало предубеждение против добавления четвертого.

Ограды пасек делались высокими и крепкими, чтобы защитить обитателей от набегов медведей,^[1215] которые иначе опрокинули бы ульи и пожрали все соты.^[1216] Другим врагом пчелы был меропс,^[1217] который появляется около Гиметоса в конце лета.^[1218]

В древние времена в пчельнике было два входа, по одному с каждой стороны, а сверху была крышка, которую мелиттургос мог снять, когда хотел взять мед или осмотреть состояние пчел. Лучшие из этих крышек были сделаны из коры, худшие - из глиняной посуды, которая зимой была холодной, а летом очень горячей.^[1219] Считалось, что весной и в последующий сезон пчеловод должен осматривать ульи три раза в месяц, слегка окуривать их и удалять всю грязь и паразитов. Кроме того, он заботился о том, чтобы уничтожать узурпаторов, если

их было больше одной королевы,^[1220] поскольку, по мнению Варро^[1221], они порождали смуту; но Аристотель считает, что их должно быть несколько, чтобы не погибла одна, а вместе с ней и улей. Пчелиные матки бывают трех видов: черные, румяные и пестрые; хотя Менекрат, пользующийся авторитетом, говорит только о черных и пестрых.^[1222] Аристотель, однако, называет красноватую пчелиную матку самой лучшей. Даже среди рабочих насекомых есть два вида: меньший, круглый по форме и пестрый по цвету, и больший, который представляет собой прирученную пчелу, менее активный и красивый. Первая, или дикая пчела,^[1223] обитает в горах, лесах и других уединенных местах, трудится неустанно и собирает мед в огромных количествах; вторая, которая кормится в садах и по соседству с человеком, наполняет свой улей медленнее.^[1224] Что касается трутней, или самцов, которых рабочие пчелы обычно изгоняют в определенное время года, то аттические мелиттурги избавились от них весьма изобретательным способом. Было замечено, что эти господа, хотя и не склонны к труду, все же иногда, в очень хорошие дни, выходят на улицу для упражнений, вылетают эскадрильями, поднимаются в воздух и там кружатся, играют и маневрируют на солнце.^[1225] Пользуясь их отсутствием, они расстилали над входом в улей тонкую сеть, ячейки которой, достаточно крупные, чтобы впустить пчелу, исключали трутней. Поэтому, вернувшись, они, согласно старой поговорке, оказались "на гладкой стороне двери" и были вынуждены искать новое жилье.^[1226]

Поздней весной, во время засухи или болезни, пчелы мало размножаются, но производят много меда, тогда как во влажное время года они больше сидят дома и занимаются расплодом. В Греции^[1227] рои появляются в период созревания оливок. Аристотель считает, что мед не производится пчелой, а выпадает в полном виде из атмосферы, особенно во время восхода или захода некоторых звезд, а также при появлении радуги. Он также отмечает, что мед не встречается до восхода Плеяд,^[1228] который происходит примерно тринадцатого мая.^[1229] Это мнение точно соответствует тому факту, что в определенные времена года сходит так называемая медовая роса, покрывающая густые листья дуба и некоторых других деревьев, которые в это время буквально капают медом. В таких случаях пчелам почти нечего делать, кроме как доставлять его в свои ячейки, и, соответственно, известно, что они заполняют улей за один или два дня. Кроме того, было замечено, что осенние цветы, которые дают очень мало аромата, также дают мало или совсем не дают меда. В царстве Понтос существовала раса белых пчел, которые делали мед дважды в месяц; а в Фемискире были такие, которые строили свои гнезда как в ульях, так и в земле, производя очень мало воска, но очень много меда.^[1230]

Когда наступило время года для грабежа пчел, оказалось, что одни ульи производят пять, другие - десять, третьи - пятнадцать кварт меда, и все равно остается достаточно для зимнего потребления.^[1231] И чтобы определить, какого количества будет достаточно, требовалась большая рассудительность; ведь если оставалось слишком много, работники становились ленивыми, если слишком мало - теряли бодрость духа. Однако в этом последнем случае пчеловоды, убедившись, что пчелы нуждаются в пище, добавляли в улей несколько сладких фиг и других подобных фруктов, как сейчас мы добавляем влажный сахар в расщепленный тростник. В других местах практиковалась варка нескольких сочных фиг в воде^[1232], пока они не превращались в желе, которое затем формировалось в лепешки и ставилось рядом с ульем. Вместе с этим некоторые пчеловоды ставили медовую воду, в которую бросали локоны пурпурной шерсти, на которых пчелы могли стоять и пить.^[1233] Некоторые мелиттурги, желая отличить своих пчел^[1234], когда они разлетались по лугам, посыпали их мелкой мукой. Упоминается человек, который ежегодно получал пять тысяч фунтов меда; а Варро^[1235] рассказывает о двух солдатах, которые, имея небольшой загородный дом и акр земли, оставленный им отцом, сколотили независимое состояние.

Теофраст во фрагменте^[1236] одной из своих утраченных работ говорит о трех разных видах меда: одном, собранном с цветов, другом, который, согласно его философии, спускался в чистом виде с небес, и третьем, производимом из тростника. Этот последний, который иногда называли индийским медом, является сахаром в наши дни. По-видимому, существовали и другие виды сахара, производимые из различных веществ, таких как тамариск и пшеница.^[1237] Медовая роса, о производстве которой древние^[1238] придерживались многих необычных мнений, должна была превосходить нектар пчелы.

Аминтас в своих "Путешествиях по Азии", цитируемых Афинеем, приводит любопытный рассказ об этом сорте меда, который собирали в различных частях Востока, особенно в Сирии. В одних случаях они собирали листья деревьев, главным образом липы и дуба, на которых роса была наиболее^[1239] найдена, и прессовали их вместе, как те массы сирийских фиг, которые назывались *palathè*. Другие позволяли ей капать с листьев и затвердевать в шарики, которые, когда хотели использовать, разбивали и, налив туда воды в деревянные чаши, называемые *табаймас*, пили эту смесь. В районах горного Ливана^[1240] несколько раз в течение года обильно выпадала медовая роса, которую собирали, расстилая под деревьями шкуры и стряхивая в них жидкий мед с листьев; затем наполняли ею многочисленные сосуды, в которых она сохранялась для употребления. В таких случаях крестьяне восклицали: "Зевс пролил медовый дождь!"

1068. Demosth. in Ev. et Mnes. § 15.

1069. Thucyd. ii. 65.

1070. В окрестностях Перешейка нынешние пастухи часто проводят зимние месяцы в горных пещерах.-Chandler, ii. p. 261.

1071. Theocrit. i. 143, seq.

1072. Ср. Илиада. β. 305, и далее.

1073. На диких оливковых и других деревьях, из которых состояли эти рощи, глаз пассажира обычно видел подвешенными несколько вотивных подношений. Аристоф. Ran. 943.

1074. Ср. Plat. Phæd. t. i. p. 9.

1075. Eurip. Bacch. 10, seq. Cp. Kirch. de Funer. Rom. iii. 17.

1076. Demosth. in Callicl. § 4.

1077. Schol. Аристоф. Eq. 406. О музыке сосновых рощ в Schol. on Theocritus, i. 1, есть забавный отрывок: ἡ πίτυς ἐκείνη, ἥδὲ τι μελουργεῖ, κατὰ τὸ ψιθύρισμα. κ. τ. λ.

1078. Называется по-латыни *pagus* от πηγὴ, фонтан. Serv. ad Virg. Georg. 182. См. также примечание Гиббона, т. iii. с. 410.

1079. Георг. х. 7. 11. Эти горшки, как и те, в которых выращивали пальму, были проколоты у дна, как и наши. Theoph. Hist. Plant. iv. 4. 3.

1080. Как апельсиновое дерево до сих пор на Лемносе. Walp. Mem. i. 280.

1081. Стойла для скота строились, как правило, рядом с кухней и выходили на восток, так как под воздействием света и тепла они становились гладкошерстными. Vitruv. vi. 9. Cp. Varro. i. 13.

1082. Geop. ii. 3. Cp. Vitruv. i. 4.

1083. Petatur igitur aer calore et frigore temperatus, quem fere medius obtinet collis, quod neque depressus hieme pruinis torpet, aut torret æstute vaporibus, neque elatus in summa montium perexiguus ventorum motibus, aut pluviis omni tempore anni sævit. Columell. De Re Rust. i. 4.

1084. Того же мнения придерживается Гиппократ, De Morbo Sacro. cap. 7. p. 308, ed. Foes. Ὁ Βορέης ὑγιεινότητος ἐστὶ τῶν ἀνέμων. Cp. Plin. ii. 48. Varro. i. 12.

1085. De Re Rust. 3. "Ita ædifices, ne villa fundum quærat, neve fundus villam". Cp. Colum. De Re Rust. i. 4. Здесь, кстати, можно заметить, что в периоды расцвета римского сельского хозяйства фермы, как правило, были скорее маленькими, чем большими. Plin. Hist. Nat. viii. 21. Schulz. Antiq. Rustic. § vii.

1086. Schol. Aristoph. Nub. 45.

1087. Филост. Icon. ii. 26. p. 851.

1088. Cp. Атен. iv. 38.

1089. Walp. Mem. i. 281.

1090. Aristoph. Nub. 45, seq. et Schol.-Schol. Eq. 803.

1091. Plat. De Legg. vii. t. viii. p. 40. Аристоф. Lysist. 18, sqq.

1092. Аристоф. Ахарн. 272. Vesp. 824. Pac. 1138. Thesm. 286, seq. Suid. v. Θράττα. t. p. 1330. a.

1093. Ἐπὶ τῆς ἐστίας τρέφουσι χοίρους.- Schol. Aristoph. Vesp. 844. Lysist. 1073, Poll. ix. 16.

1094. Odyss. т. 536.

1095. Cp. Vict. Var. Lect. p. 891.

1096. Geop. xiv. 22. Varro. iii. 10. Colum. viii. 14.

1097. Poll. ix. 16. Heresbach. De Re Rust. lib. iv. p. 285. a.

1098. Cp. Pallad. i. 30. Plin. x. 79. Plaut. Trucul. ii. 1. 41.

1099. Ælian. De Nat. Anim. v. 29. Этот изобретательный писатель, желая снять с гусей репутацию глупцов, рассказывает, что, пересекая гору Тавр, сознавая свою склонность к гоготу, они носят в клюве камни и таким образом часто спасаются от орлов, обитающих на этом высоком горном хребте. Поэт Филе берется подтвердить это в стихах:...

Λίθον δὲ τῷ στόματι μὴ κλάγῃ στέγων

Ὅνπερ καλοῦσι Ταῦρον, ἀμείβει πάγον

Τοὺς ἀετοὺς γὰρ φασὶ τοὺς χηνοσκόπους,

Ἐκεῖσε δεινῶς ἔλλοχᾷν πρὸ τοῦ ψύχους.

Iamb. De Animal. Proprietat. c. 15. p. 62.

1100. Который, согласно Аристотелю, составлял тридцать дней... - Hist. Anim. vii. 6.
1101. Pallad. i. 30. Cavendum est etiam, ne pulli eorum setas glutiant.
1102. Братья Квинтилиан, ар. Георг. xiv. 22. О судьбе этих прославленных авторов, Максима и Кондиана, см. Gibbon, i. 142. "Sint calido et tenebroso loco: quæres ad creandas adipēs multum conferunt." Colum. viii. 14.
1103. Eupolis, ар. Athen. ix. 32.
1104. Ср. Suid. v. κολλύρα. t. i. p. 1489. а. Poll. i. 248. Etym. Mag. 526. 26. Schol. Aristoph. Pac. 122.
1105. Ср. Dioscor. v. 30.
1106. Георг. xiv. 23. Bappon, iii. 11. Ælian. De Nat. Anim. v. 33. Аристотель. De Hist. Anim. viii. 3. Athen. ix. 52. Phile, De Anim. Proprietat. c. 14. p. 59.
1107. Athen. iii. 64. Κουρίδες- καρίδες, ἥ τὰς μικρὰς ἐγγλῶρας, τὰς δὲ ἐρυθρὰς καμμάρους. Хесич.
1108. Ср. Филост. Icon. i. 9. p. 776.
1109. Colum. viii. 15. Heresbach. De Re Rust. lib. iv. p. 288. а.
1110. Athen. vii. 23. Из этих птиц черные считались меньше белых. ix. 15. О бойцовых петухах. Plin. x. 24. Æsch. Eum. 864, 869. Schol. ad Æsch. Tim. Orat. Attic. t. xii. p. 379. Schol. Aristoph. Eq. 492.
1111. Георг. xiv. 7, 9.
1112. Арабские ночи, история об осле, быке и работнике, т. 1. с. 23.
1113. Ταρφοί. Sch. Aristoph. Nub. 227.
1114. Фасоль, однако, отвергалась, так как считалось, что она мешает им нестись.-Geoponic. ii. 35. Но петухам разрешалось питаться ими, по крайней мере, когда они принадлежали беднякам.- Luc. Mysic. § 4.
1115. Диоскор. iii. 52.
1116. Георг. xiv. 7. 11. Colum. viii. 5.
1117. Schol. Аристоф. Acharn. 63. Petit. Leg. Att. p. 277. Георг. xiv. 18. 1. Athen. xiv. 70. См. поэтическое описание этой птицы у Филе: De Animal. Proprietat. c. 8. p. 32, sqq.
1118. Георг. xiv. 19. Colum. viii. 12. Pallad. i. 28. Athen. ix. 37, seq. Suid. v. φασιανοί. t. i. p. 1083. а. b. Aristoph. Nub. 109.
1119. Согласно Диогену Лаэртию (i. iv. 51), фазаны и павлины были знакомы грекам еще во времена Солона.
1120. Athen. xiv. 71. Илиан. De Nat. Anim. v. 27. Aristot. Hist. Anim. vi. 2. Множество этих птиц содержалось на афинском Акрополе.- Suid. v. μελαγρίδες. t. ii. p. 122. а.
1121. Внутри вольера для этих птиц, вероятно, была посажена пеллитория, так как они любили скатываться туда и вырывать ее.-Theoph. Hist. Plant. i. 6. 11.

1122. Ср. Pollux. ii. 24.

1123. Георг. xiv. 24. 5, и далее.

1124. Король Тубана на Яве раньше окружал свою постель клетками с голубями-черепахами, которые сидели на жердочках из цветного стекла - Voyage de La Compagnie des Indes, i. 533.

1125. Варро. iii. 7. Columell. viii. 8. Паллад. i. 24.

1126. О пище, которой их снабжали, см. Георг. xiv. 1. 5. Иногда, когда птицам разрешалось улететь за границу, хозяева посыпали их благовониями или давали им поесть тминного семени, чтобы они могли привлечь и вернуть в свои клетки перелетных голубей или диких голубек - Id. xiv. 3. 1. Также Палладий: Inducunt alias, si cumino pascantur assidue, vel hirci alarum balsami liquore tangantur, i. 24. Ср. Plin. x. 52.

1127. Schol. Aristoph. Vesp. 129.

1128. Ср. Арист. Hist. Anim. vii. 6. 5.

1129. Athen. xii. 57.

1130. Strab. iii. 2. t. i. p. 231.

1131. Аристоф. Nub. 109. Suid. v. φασιανοὶ . t. ii. p. 1033. b. Thom. Magist. v. φασιανοὶ . p. 885. Blancard. Из комментаторов Аристофана, однако, некоторые под словом φασιανοὶ понимают лошадей, а некоторые фазанов. Вероятно, они подразумевали и тех, и других, а поэт хотел обыграть это слово.

1132. Илиада. δ. 500.

1133. См. также Илиада, ε. 358. Волк. Proleg. 80, seq.

1134. Илиада ф. 132.

1135. Fest. v. October, t. ii. p. 521, seq. v. Panibus, p. 555. Lomeier, de Lustrat. cap. 23. p. 292, seq. Propert. iv. i. 20, с примечанием Frid. Якоба, в чьем издании она находится, v. i. 20.

1136. Pausan. iii. 20. 4. Fest. v. October, t. ii. p. 520, говорит нам, что эта лошадь была принесена в жертву ветрам.

1137. Herod. i. 216. Brisson. de Regn. Pers. ii. 5. Причина, по которой лошадь была выбрана в качестве жертвы солнцу, заключалась в том, что ее быстрота напоминала быстроту бога: -ὥς ταχύτατον τῷ ταχύτατῳ. Bochart. Hierozoic. pt. i. l. ii. c. 10. Olear. in Philost. Vit. Apoll. Tyan. i. 31. p. 29. Justin. i. 10. Suid. v. μίθρου. t. ii. p. 162, f. О подобной практике упоминает и Овидий (Fast. i. 385, seq.).

Placat equo Persis radiis Hyperiona cinctum,

Ne detur celeri victima tarda deo.

Ср. Vigenere, Images des Philostrates, p. 773. Par. 1627.

1138. Anab. iv. 5. 35.

1139. Илиада. ε. 192, и далее.

1140. Sch. Пинд. Pyth. iv. 1.

1141. Sch. Aristoph. Nub. 110.

1142. Strab. xi. 13. p. 453. Τοὺς δὲ Νησαίους ἵππους, οἳ ἔχρῳντο οἱ βασιλεῖς ἀρίστοις οὔσι καὶ μεγίστοις. Ср. Herod. i. 189, о священных конях Персии.

1143. Suid. v. ἵππος Νισαῖος. t. i. p. 1271. d., который сообщает, что, по мнению некоторых, эта порода была найдена у Эритрейского моря.

1144. Herod. ix. 20. Ср. Ил. ε. 583. δ. 142 и др. У Филострата мы находим упоминание о черной нисейской кобыле с белыми ногами, большим пятном на груди и белыми ноздрями - Icon. ii. 5. p. 816.

1145. Hist. Anim. vii. 6.

1146. Il. β. 760, sqq.

1147. Илиада. θ. 560. Ср. ι. 123, seq. 265, 407. κ. 565, и далее.

1148. Ил. ε. 196. На древнем кристалле, выгравированном в Буонароти, изображен человек в шапке и коротких штанах, кормящий осла кукурузой. Оссерв. Istorich. sop. alc. Medagl. Antich. p. 345.

1149. Hist. Anim. viii. 10.

1150. Филе применяет то же наблюдение к слону:

Ὑδωρ δὲ πίνει πλῆθος ἄφθονον πάνυ-.

Πλὴν οὐ καθαρὸν, καὶ διειδὲς οὐ θέλει,

Ἀλλ' οὖν ῥυπαρὸν καὶ κατεσπλωμένον.

Iamb. de Animal. Proprietat. c. 39. p. 56, 165, seq.

1151. Георг. xvi. 2. Philost. Icon. i. 28. p. 804. Несмотря на восхищение греков лошадьми, мы не находим, чтобы они предприняли какую-либо попытку натурализовать среди них тех шетландцев древнего мира, которые, по словам одного очень серьезного натуралиста, были не больше барана. Эти уменьшенные бычки были найдены в Индии: - Παρά γε τοῖς φύλλοις καλουμένοις τῶν Ἰνδῶν, εἰσὶ γὰρ καὶ λιβύων ἕτεροι, ἵπποι γίνονται τῶν κριῶν οὐ μείζους. Aelian. de Animal. xvi. 37. Современные авторы рассказывают то же самое об определенной породе быков в Индии: "Натуралисты говорят об уменьшенной породе волов на Цейлоне и в окрестностях Сурата, размером не больше ньюфаундлендской собаки, которые, хотя и свирепые на вид, обучены возить детей в своих маленьких тележках". Hindoos, i. 23.

1152. Илиада, χ. 281 и др.

1153. Ил. ε. 358.

1154. Ксеноф. de Re Equest. iv. 4.

1155. Plat. de Rep. t. vi. p. 158.

1156. Xenoph. de Re Equest. ii. 2. Ср. Oeconom. iii. 11. xiii. 7.

1157. Geop. xvi. i. 11.

1158. Xen. de Re Equest. 10. 6. Poll. viii. 184.

1159. Плавательные способности боевых коней, вероятно, увеличивались благодаря упражнениям, поскольку мы находим их проплывающими из Регия в Сицилию. Plut. Timol. § 19. Однако этот подвиг не идет ни в какое сравнение с подвигом оленей, которые плыли из Сирии на Кипр! Ælian. De Nat. Anim. v. 56.

1160. Sch. Aristoph. Nub. 32. Cp. 25, 28.

1161. Аристоф. Eq. 601. Nub. 25. Spanh. in loc. Athen. xi. 30.

1162. В настоящее время волы заменяют ослов при перевозке древесины с горы Ида на Троаде, а кузова машин, которые они тянут, по форме напоминают древние автомобили и сделаны из плетня. Чандлер, i. 47.

1163. Лукиан. Luc. siv. Asin. § 43. Cp. Артемид. Oneirocrit. ii. 12. p. 97.

1164. Geop. xvi. 21. Varro ii. 6. 3. Чтобы объяснить эту заботу, можно заметить, что богатые люди иногда ездили, как это до сих пор делают на Востоке, на ослах, великолепно наряженных и украшенных колокольчиками. Лукиан. Luc. sive Asin. § 48.

1165. Il. β. 852.

1166. Athen. ix. 17. Cp. Steph. De Urb. 184. e.

1167. Athen. ix. 18.

1168. Scheffer, De Re Vehic. p. 80; et vid. Dickenson, Delph. Phænicizant. c. 10. p. 116, seq. Heresbach. De Re Rust. p. 236, sqq.

1169. Geop. xvii. 9, с примечанием Никласа. Аристоф. Hist. Anim. viii. 7. 23. Катон. De Re Rust. 72. Плин. xxviii. 81.

1170. African. ap. Geop. xvii. 11.

1171. Geop. xvii. 2. 8.

1172. Buttm. Lexil. p. 86.

1173. Hesych. v. πύσσαχος.

1174. Eustath. ad Odyss. ε. p. 219. Их молочные кубки иногда были из плюща. Eurip. Fragm. Androm. 27. Афины. xi. 53. Macrobian. Sat. v. 21. Cp. о молочницах и сырных чанах, Poll. x. 130; Theocrit. Eidyll. v. 87. Молочницы иногда назывались πέλλαι, ἄμολγοι, γαλακτοδόκα, и из них иногда пили. Schol. i. 25.

1175. Cp. Il. π. 642, et Schol. Venet. Etym. Mag. 659. 41. Athen. xi. 91.

1176. Даже Филострат, упоминая об этих сосудах, наполненных до краев молоком, на которых сливки лежат богатые и блестящие, не дает никакого намека на их форму: -ψυκτῆρες γάλακτος, οὐ λευκοῦ μόνον, ἀλλὰ καὶ στιλπνοῦ- καὶ γὰρ στίβειν ἔοικεν, ὑπὸ τῆς ἐπιπολαζούσης αὐτῷ πιμελῆς. Icon. i. 31. p. 809.

1177. Athen. xiii. 49.

1178. Geop. xviii. 19. 4.

1179. См. Бекман. Hist. of Inv. i. 372, seq. В настоящее время в Греции масло делают, наполняя кожу сливками и наступая на нее. Чандлер, ii. 245.

1180. Враги, Œconom. Hippoc. v. πικέριον, p. 306.

1181. Sch. Aristoph. Pac. 394.

1182. Bappo. De Re Rust. ii. 11. 4. Colum. vii. 8. Eustath ad Il. ε. p. 472. Hesych. v. ὀπὸς.-Mœris: ὀπὸς Ἀττικοὶ, πυτία Ἑλληνες. p. 205. Cp. Aristot. Hist. Anim. iv. 21.

1183. Сыр, приготовленный таким образом, назывался ὀπίας. Eurip. Cyclop. 136. Athen. xiv. 76. Schol. Аристоф. Весп. 353. Диоскор. i. 183. Plin. xxiii. 63. Плут. Sympos. vi. 10.

1184. Geop. xviii. 12. Эти сыры иногда делали в деревянных формах. Colum. vii. 8.

1185. Филострат описывает один из этих нежных маленьких сыров, только что приготовленный и дрожащий, как ломтик бланманже: -καὶ τρυφαλὶς ἐφ' ἑτέρου φύλλου νεοπαγῆς, καὶ σαλεύουσα. Icon. i. 31. p. 809.

1186. Geop. xviii. 19.

1187. Geop. xviii. 20.

1188. Geop. xvii. 12. Heresbach. p. 233. a.

1189. Herod. v. 16. Athen. vii. 72. Ælian. de Nat. Anim. v. 25. Cp. Sch. Aristoph. Pac. 891.

1190. Theoph. Hist. Plant. iv. 14. 3.

1191. Athen. iii. 59. Sch. Аристоф. Весп. 107.

1192. Il. β. 87. μ. 67. Odyss. v. 106.

1193. Theogon. 594, seq.-Pro σίμβλοισι, quod præbet R. S., cæteri Mss. σμήνεσσι. Schæferus tamen malebat σίμβλοισιν ἐπηρεφέεσι. Gœttling. Но Гоетт, рассмотревший этот отрывок, не считает, что имеются в виду "ульи", поскольку, если бы их использование было известно во времена Гесиода, он не преминул бы оставить нам некоторые указания на этот счет. Origine des Loix, t. iii. p. 399. Вольф, следуя по стопам Хейна, легко преодолевает трудности, объявляя весь отрывок, ст. 590-612, подделкой. Gœttling, p. 55. Cp. Schol. Aristoph. Nub. 937. Phile, de Animal. Proprietat. c. 28. p. 87, seq.

1194. Однако Павсаний считает, что пастбища Гиметтоса уступают пастбищам Алазонов на реке Галис, где пчелы были приручены и работали на полях сообща. i. 32. 1.

1195. Plin. Hist. Nat. xi. 9.

1196. Poll. i. 254. Артемид. Oneirocrit. ii. 22. p. 109.

1197. Hist. Anim. v. 22. ix. 40. Etym. Mag. 458. 44.

1198. Τοῦ δὲ μέλιτος, ἀρίστου ὄντος τῶν πάντων τοῦ Ἀττικοῦ, πολὺ βέλτιστον φάσι τὸ ἐν τοῖς ἀργυρέοις, ὃ καὶ ἀκαπνίστον καλοῦσιν ἀπὸ τοῦ τρόπου τῆς σκευασίας. Strab. ix. 2. t. ii. p. 246.- Уэллер описывает современный метод, применяемый афинянами для получения меда без уничтожения пчелы, но в таком длинном и неотесанном стиле, что я должен довольствоваться ссылкой на его путешествия. Книга vi. стр. 412, и далее.

1199. Об управлении пчелами в Черкесии и других странах на Черном море см. Pallas, Travels in Southern Russia, ii. p. 204.

1200. На побережье Черного моря пчелы сосут мед с винограда. Георг. v. 2.

1201. Arist. Hist. Anim. ix. 26, 27.

1202. Георг. xv. 2. 6.

1203. Варро, De Re Rust. iii. 16.

1204. Сибторп в "Мемуарах Уолпола", т. ii. p. 62. Георг. xv. 2. 5. Говоря о Гиметтосе, Чандлер замечает, что он производит череду ароматических растений, трав и цветов, рассчитанных на то, чтобы обеспечить пчелу питанием зимой и летом, ii. p. 143. "Les montagnes (des îles) sont couvertes de thym et de lavande. Абеиллы, которые летят по нюансам, вынашивают мизель, который так же прозрачен, как и наш гель". Della Rocca, Traité sur les Abeilles, t. i. 6.

1205. Это растение в Греции цветет примерно в середине лета, и те, кто держит пчел, гадали, будет ли мед обильным или нет, в зависимости от того, насколько оно пышное или менее пышное. Theoph. Hist. Plant. vi. 2, 3. Дикий тимьян в Греции был ползучим растением, которое иногда выращивали на столбах или изгородях, или даже в ямах, бока которых он быстро покрывал. Id. vi. 7. 5.

1206. Theoph. Hist. Plant. iii. 15. 5. Мед современного Крита считается очень качественным. Pashley, Travels, vol. i. p. 56.

1207. В мифологии Эхо, как говорят, была возлюбленной Пана, что молчаливо связывается с порождением панических ужасов Полиэном. Стратегема. i. 2. 1. Обидные запахи часто относят к числу отвращений пчел, но, боюсь, не без оснований. По крайней мере, иногда они выбирают странные места, где хранят свои сокровища сладостей. В книге Судей, глава xiv. стих. 8 и далее рассказывается, что, когда Самсон по дороге в Тимнат свернул в сторону, чтобы посмотреть на тушу молодого льва, которого он незадолго до этого убил, "вот, в туше льва был рой пчел и мед, и он взял его в руки свои и пошел есть, и пришел к отцу своему и матери своей, и дал им, и они ели, но он не сказал им, что взял мед из туши льва". В связи с этим отрывком можно привести следующее примечание: "Среди этой симпатичной коллекции природных диких вещей (на кладбище Алхесира) одна особенно привлекла наше внимание; это было содержимое небольшого непокрытого гроба, в котором лежал ребенок; полость груди была открыта, и в ней обитала трудолюбивая колония пчел. Расческа быстро продвигалась вперед, и я полагаю, что, согласно пословице поэта, они добавляли сладость к сладости, если не духи к фиалке". Napier, Excursions on the Shores of the Mediterranean, v. i. 127.

1208. Георг. iv. 50, с комментариями Сервия и Филаргия; и Варро, De Re Rust. iii. 16.

1209. Ср. Георг. xv. 2, 3, 4.

1210. Vir. Georg. iv. 34, seq. Варро, iii. 16. Colum. ix. 2-7. Sch. Аристоф. Nub. 295. Vesp. 241. Каллим. Hymn. i. 50. Ср. Wheeler, Travels into Greece. Книга vi. p. 411.

1211. Георг. xv. 2. 7. Ср. Theoph. Hist. Plant. iii. 10. 1.

1212. Георг. xv. 2. 8. Варро, iii. 16. Colum. ix. 14. Паллад. vii. 8. Катон. 81.

1213. Плин. xxi. 47.

1214. В настоящее время ульи, как нам говорят, стоят на земле рядами, заключенные в невысокую стену. Чандлер, ii. 143.

1215. Филе приводит длинный список врагов пчел, который начинается следующим образом:

Ὅφης, δὲ καὶ σφήξ, καὶ χελιδὼν, καὶ φύριος,
Μύρμηξ τε, καὶ σῆς, αἰγιθαλῆς, καὶ φάλαγξ,
Καὶ σαῦρος ὥχρὸς, καὶ φαγεῖν δεινὸς μέροψ,
Σμήνει μελισσῶν δυσμενεῖς ὁδοστάται.

Iamb. De Animal. Proprietat. c. 30, p. 104, seq.

1216. Arist. Hist. Anim. viii. 5. Plin. Nat. Hist. viii. 54.

1217. Кроме этого врага у американских пчел есть еще один, более дерзкий, - обезьяна, которая либо уносит их гребни, либо раздавливает их, чтобы окунуть свой хвост в мед, который потом высасывает по своему усмотрению. Schneider, Observ. sur Ulloa, t. ii. p. 199.- См. очень забавную главу о врагах пчелы в Della Rocca, iii. 219, sqq.

1218. Sibthorpe in Walp. Mem. i. 75. Кроме того, практика кражи ульев не была неизвестна древним. Plat. De Legg. t. viii. p. 104.

1219. Colum. ix. 6. Делла Рокка, однако, считает этот вид равным любому другому, за исключением того, что он более хрупкий. t. ii. p. 17.

1220. Geop. xv. 2. 15.

1221. De Re Rust. iii. 16, 18. Colum. ix. 9. 6. Hist. Anim. v. 19, 22. Ксеноф. Œconom. vii. 32.

1222. Ср. Geop. xv. 2, 6.

1223. О скромной пчеле см. Aristoph. Acharn. 831.

1224. Varro, De Re Rust. iii. 16.

1225. Арист. Hist. Anim. ix. 27.

1226. Arist. Hist. Anim. v. 21. Ср. Xenoph. Œcon. xvii. 14, seq.

1227. Ср. Sch. Аристоф. Vesp. 425. На острове Куба, куда прирученная пчела была первоначально завезена англичанами, было обнаружено, что она роится и размножается с невероятной быстротой, каждый улей иногда выпускает по два роя в месяц, так что горы абсолютно заполнены ими. Этот стремительный рост, по-видимому, произошел главным образом по соседству с сахарными плантациями, которые, как давно предполагалось, испортились из-за того, что они извлекают слишком много меда из тростника. Дон Уллоа, Философские заметки и т. д., т. I. с. 185. В Северной Америке, где пчелы известны среди туземцев под названием "английских мух", они проявляют неизменную тенденцию к миграции на юг. Kalm. t. ii. 427. Schneider, Observ. sur Ulloa, ii. 198.

1228. Hist. Anim. v. 22. Орион восходит 9 июля, Goettling ad Hesiod. Opp. et Dies, 598. Арктыр - 18 сентября. Id. 610.

1229. Подобного мнения иногда придерживаются и современники: "Я слышал, - замечает лорд Бэкон, - от одного человека, который был трудолюбив в хозяйстве, что труд пчелы связан с воском, и что он знал в начале мая соты, пустые от меда, а в течение двух недель, когда выпадают сладкие росы, заполненные, как погреб" - *Sylva Sylvarum*, 612.
1230. Arist. Hist. Anim. v. 22. В Крыму дикие пчелы водятся в большом количестве в расщелинах и пещерах гор.-Pallas, *Travels in Southern Russia*, iii. 324. Среди многочисленных видов диких пчел, встречающихся в Америке, есть один, который в высшей степени заслуживает того, чтобы быть завезенным в Европу и попасть под власть человека. Эта пчела, как и обычная, складывает свой мед не в соты, а в отдельные восковые ячейки размером и формой с голубиное яйцо. Поскольку мед этой пчелы отличается превосходным качеством, многие жители Южной Америки старались приручить ее создателя, и их труды оказались чрезвычайно выгодными.- Шнайдер, *Observ. sur Ulloa*, ii. 200.
1231. Arist. Hist. Anim. ix. 27. 24. В Аттике мед брали в день летнего солнцестояния; в Риме - в праздник Вулкана, в августе месяце.-Winkelmann. *Hist. de l'Art*, i. 65. Но комментаторы совсем не согласны со смыслом Плиния, на которого опирается этот писатель. xi. 15. Cp. Sch. Aristoph. Eq. 797.
1232. Arist. Hist. Anim. ix. 27. 19. Sch. Aristoph. Eq. 752. Cp. Meurs. *Græc. Ludib.* p. 13.
1233. Vappo, *de Re Rust.* iii. 16.
1234. Один джентльмен из Суррея, желая узнать своих собственных пчел, когда ему случилось встретить их в поле, прикасался к их крыльям киноварью, когда они выходили из улья. Будучи в один прекрасный летний день в Хэмпстеде, он обнаружил их густо разбросанными среди диких цветов на вереске.
1235. *De Re Rust.* iii. 16.
1236. Сохранилось у Фотия. *Biblioth. cod.* 278. p. 529. b.
1237. Ирод. vii. 31. Cp. iv. 194.
1238. О происхождении медовой росы см. в *Quarterly Journal of Agriculture*, No. XLIV. p. 499, sqq.
1239. Theoph. Hist. Plant. iii. 7. 6. Cp. Hes. Opp. et Dies, 232. seq. Cp. лорд Бэкон, *Sylva Sylvarum*. 496.
1240. Schneid. Comm. ad Theoph. Frag. t. iv. p. 822.
-

ГЛАВА II.

САД И ФРУКТОВЫЙ САД.

Лорд Бэкон, который любил быть окруженным растениями, деревьями и цветами, высказывает мнение, что научная культура садов является более надежным признаком прогресса цивилизации, чем любое улучшение в науке архитектуры, поскольку люди, замечает он, наслаждались роскошью великолепных дворцов раньше, чем живописными и упорядоченными садовыми участками. Так же считали и древние греки^[1241], в литературе которых мы повсеместно обнаруживаем следы страсти к сладострастному уединению,

которое люди вкушают в искусственных и уединенных насаждениях, среди цветочных клумб и беседок, свисающих лоз, фонтанов и ровных тенистых дорожек. Однако ни одного полного описания эллинского сада не сохранилось; даже поэты довольствовались тем, что давали нам представление об их "учтивых прогулках и тенях". Поэтому мы должны попытаться с помощью разрозненных намеков, случайных выражений, фрагментов и тщательного изучения естественных и неизменных продуктов страны составить для себя представление о том, какими должны были быть сады Пейсистрата, или Кимона, или Перикла, или Эпикура, которого Плиний^[1242] называет *magister hortorum*, или любого другого греческого джентльмена в лучшие века.

Та часть земли^[1243], которая отводилась под выращивание душистых кустарников и цветов, обычно подходила и выступала внутрь между задними крыльями дома, так что из окон взору открывались богатые и пестрые оттенки партеров^[1244], перемешанные с зеленью, а вечерний и утренний бриз разносил облака ароматов по квартирам.^[1245] Лужайки, кустарники, боскеты, заросли, аркады и аллеи в большинстве случаев были разбиты в живописной, хотя и искусственной манере, а главной целью, похоже, было совместить использование с великолепием и насладиться всеми оттенками и запахами, которые могли дать растения и деревья, акклиматизированные в Элладе. Защита летом от солнечных лучей является в этих южных широтах почти необходимым компонентом удовольствия, и поэтому многочисленные деревья, такие как кедр,^[1246] кипарис, черный и белый тополь,^[1247] ясень, липа, вяз и платан, росли то тут, то там на территории, кое-где поодиночке, кое-где кучками, соединяя свои ветви наверху и создавая прохладную и густую тень. Под этими мрачными арками воздух еще больше охлаждали брызжащие фонтаны,^[1248] чьи воды по многочисленным честным каналам, прямым или извилистым, в зависимости от того, какое применение им требовалось,^[1249] распространялись по всему саду, освежая взор и поддерживая вечную зелень. Рожи миртов, роз, агнус-кастуса,^[1250] и других пахучих кустарников, сгруппированных вокруг гранатового дерева, обычно располагались на возвышенных местах,^[1251] чтобы, будучи открытыми ветрам, они могли более свободно распространять свою сладость. Промежутки между деревьями иногда засаживали розами,^[1252] и лилиями, и фиалками, и золотыми крокусами,^[1253] а иногда представляли собой широкую полосу гладкого, плотного, зеленого болота, усыпанного дикими цветами, такими как фиалка и голубая вероника,^[1254] розовая и бледная примула, золотой пустырник, калужница, маргаритка, пимпернель и барвинок. Во многих садах было принято высаживать каждый вид деревьев отдельными группами, а для каждого вида цветника, как и сейчас в Голландии,^[1255] отводилось отдельное место; Так, здесь были клумбы с белыми фиалками,^[1256] ирисами, золотистым цинерарием,^[1257] гиацинтами, ранункулюсами, голубой кампанулой, или кентерберийскими колокольчиками, белыми жабрами, гвоздиками и ветвистым асфоделем.

Одной из главных причин, побудивших греков заняться выращиванием декоративных кустарников и цветов, было постоянное использование их в коронах и гирляндах.^[1258] Почти все их церемонии, гражданские или религиозные, проводились людьми, надевавшими на лоб определенные венки. Так, спартанцы во время праздника Промехии^[1259] затеняли лоб плетеными пучками тростника - жрецы и жрицы, прорицатели,^[1260] пророки и чародеи представляли в своем качестве перед богами в храмах или священных рощах с символическими венцами на голове, как жрецы Геры на Самосе с лавром,^[1261] и Афродиты с миртом,^[1262] а статуи самих божеств часто были увенчаны кругами из этих "земных звезд". В праздник Европы в Коринфе через весь город процессией пронесли корону из мирта тридцати футов в окружности.^[1263] Актеры, танцоры и зрители театра обычно появлялись увенчанными цветами,^[1264] как и каждый гость на развлечениях, а влюбленные вешали

множество гирлянд на двери своих любовниц, как и набожные люди на храмах и алтарях богов.^[1265]

Кроме того, большинство культивируемых цветов вызывали поэтические или мифологические ассоциации; ведь религия Греции связывала себя почти со всеми объектами природы, особенно с прекрасным, так что у грека, прогуливающегося по своему саду, в воображении постоянно возникала череда басен, связанных с нимфами и богинями и старыми наследственными традициями его графства. Так, лавр напоминал о сказке и превращении Дафны,^[1266] - объекте любви Аполлона - кипарисах, или грациях растительного царства,^[1267] - вечных представительницах дочерей Этеокла, которых постигла смерть за то, что они посмели соперничать с богинями в танцах - миртах^[1268] - прекраснейшей деве Аттики, справедливее всех своих соотечественниц, быстрее и терпеливее в труде, чем юноши, которые поэтом убили ее из зависти - сосна^[1269] была высокой и изящной госпожой Пана и Борея, мята - Плутона, роза-кампиньон - из ванны Афродиты, а скромная капуста - из слез Ликурга, врага Диониса.^[1270]

Иногда предполагается,^[1271] что цветок, который является величайшим украшением садов, был совершенно неизвестен в ранние века Греции. Но эта теория, придуманная с целью уничтожить претензии анакреонтических фрагментов на то, чтобы считаться подлинными,^[1272] полностью опровергается свидетельствами нескольких древних писателей, в частности Геродота,^[1273] который говорит о розе с шестьюдесятью листьями, найденной в садах Мидаса во Фракии, у подножия снежного Бермиса. В другом месте он также сравнивает цветок красного нильского лотоса^[1274] с розой; а Стесихорос,^[1275] более древний поэт, чем Анакреон, отчетливо упоминает о чашечках из этого цветка.

Много желтой айвы было там

На царском кресле,

Много зеленеющих миртовых ветвей,

Много венков из роз, увенчанных перьями,

С витыми фиалками, что растут

Там, где дышала весна.

Гомер,^[1276] тоже, очевидно, был знаком с розой, с чьими благоухающими лепестками он сравнивает пальцы утра, а не, как принято думать, с кроваво-красным цветком дикого гранатового дерева.^[1277]

Кроме того, согласно традиции, сохранившейся до более поздних времен, времена года, которых в далекой древности было всего три, символически изображались розой, колосом кукурузы и яблоком.^[1278] Считается, что это деление было заимствовано у египтян, в стране которых, однако, яблоко так и не прижилось настолько, чтобы стать эмблемой одного из времен года.

Но в какой бы период ни начали культивировать розу, она, очевидно, как только стала известна, поделила с фиалкой восхищение афинского народа, чьи обширные плантации этого благоухающего кустарника напоминают о розовых садах Фаюма или Серинагура. Кроме того, рано был открыт секрет, как ускорить или замедлить их созревание, чтобы получить обильный запас в течение каждого месяца в году.^[1279] Иногда бутоны роз клали среди зеленых стеблей барлеи, вырванных с корнем, в неглазурованные амфоры, чтобы

потом достать и заставить распуститься, когда захочется. Другие клали их между слоями того же материала на землю или окунали в жидкие остатки оливок. Другой способ сохранения розы был очень любопытным: отрезав верхушку большого тростника и расщепив его на части, они вставляли в углубление несколько бутонов роз, а затем обвязывали его мягко вокруг и сверху папирусом, чтобы их аромат не выдыхался.^[1280] Сколько разновидностей этого цветка^[1281] было у древних, сейчас, пожалуй, невозможно определить; но они были знакомы с обыкновенной, белой и моховой розой, последняя, по мнению Аристотеля^[1282], самая сладкая, а также с розой из ста листьев,^[1283] воспетой персидскими поэтами. В Греции даже дикая роза не была полностью лишенной аромата.^[1284] Розы искусственно бланшировали, подвергая их в распустившемся виде сильному и многократному окуливанию серой.^[1285] Считалось, что розы, выросшие на сухой почве, самые сладкие, а их аромат усиливался, если рядом с корнем сажали чеснок.^[1286] Чтобы заставить их цвести в январе или ранней весной (ведь даже в самых южных частях Греции сезон роз начинается только в апреле)^[1287] прибегали к различным средствам; иногда кусты поливали дважды в день в течение всего лета; в других случаях вокруг куста выкапывали неглубокую траншею на расстоянии около восемнадцати дюймов, в которую утром и вечером наливали теплую воду;^[1288] а третий, и, возможно, самый надежный, метод - сажать их в горшки или корзины, которые в зимние месяцы днем ставили в защищенных солнечных местах,^[1289] и заносили в дом на ночь; затем, когда сезон достаточно наступил, эти переносные сады закапывали в землю.

Другим любимым обитателем эллинских садов была лилия, которую, вероятно, завезли из Сузы или из Египта; девственный снег ее колокольчиков был вынужден с помощью искусства окраситься в различные оттенки, такие как глубокий красный и пурпурный,^[1290] - в первом случае путем введения киновари в луковицу перед посадкой, во втором - путем вымачивания ее в лимоне пурпурного вина. Этот цветок, естественно, начинает цвести^[1291] как раз в то время, когда увядают розы; но, чтобы получить череду лилий в разное время года, некоторые из них сажали у поверхности, которые сразу же вырастали и расцветали, а другие закапывали на разную глубину, в зависимости от времени, в которое они должны были расцвести.

Наряду с ними, у промозглых берегов ручьев или фонтанов, рос любимый цветок афинского народа, пурпурный, двойной, белый и золотой,^[1292]

"Фиалка тусклая,

Но слаще, чем веки глаз Юноны,

или дыхание Цитереи";

анютины глазки,^[1294] "взбесившиеся от струи;" пурпурный кипарис, ирис, водяная мята,^[1295] и гиацинт,^[1296] и нарцисс,^[1297] и иволистный, и голубой спидвелл, и болотный ноготок, или, храбрый базилик, и жасмин, и ранний нарцисс,

"Что прилетают раньше, чем ласточка осмелится, и принимают

Мартовские ветры с красотой".

Сетка дикого тимьяна^[1298], увенчанная сладкой мятой и майораном,^[1299] который, когда его раздавливали ногой, издавал восхитительный аромат, охватывала солнечные бугры, а тут и там поодиночке или на клумбах росло множество других трав и цветов, одни из которых ценились за свои лекарственные свойства, другие - за красоту, Герань, лаванда, розмарин,^[1300] с пурпурными и белыми цветами, базилик,^[1301] нежный цветок, иссоп, белая лиана, цитис, сладкий майоран, роза-кампиньон, или колумбин,^[1302] желтый амариллис и чистотел. Здесь же,

"Их глаза, похожие на драгоценные камни.

Фригийские мелилоты раскрывают",

с бальзамином нежным, анемоной красной, пурпурной и венечной,^[1304] конvolvулусом, желтым, белым, бледно-розовым и голубым, вместе с гвоздикой, цветком Троицы, южным деревом,^[1305] и летним шалфеем,^[1306] *œnanthe*,^[1307] *gith*, серебряный шалфей,^[1308] чертополох Святой Марии и амарант, а высоко над всем этим возвышались темные пирамидальные массы рододендрона,^[1309] с его гигантскими гроздьями пурпурных цветов.

Сколько прекрасных вечнозеленых растений^[1310], которыми изобилует Греция, обычно выращивалось в одном саду, мы не можем установить, хотя, похоже, все они время от времени привлекались, чтобы разнообразить картину. Мирт,^[1311] чьи темно-синие ягоды считались деликатесом,^[1312] в некоторых местах вырос в дерево, а в других его сажали густо, гнули и оформляли в беседки,^[1313] которые, осыпанные снежными цветами, в сочетании с жасмином, эглантинном и желтыми соцветиями широколистной филлиреи,^[1314] представляли собой одни из самых красивых объектов греческого рая. Заросли тамариска,^[1315] земляничного дерева,^[1316] можжевельника, самшита, лавра, стиракса, андрахны и белоцветкового лавра, в темных листьях которого собирается утренняя роса и блестит на солнце, как множество крошечных зеркал из полированного серебра, разнообразили поверхность лужайки, соединяя беседки, рощи, клумбы и травянистые склоны с более высокими кучами зелени, состоящими из сосны, смилакса, кедра, рожкового дерева, клена,^[1317] ясеня, вяза, платана,^[1318] и вечнозеленого дуба, которые то тут, то там возвышались на территории. Во многих местах виноградная лоза вздымалась вверх среди вязов и платан и протягивала свои длинные извилистые руки от ствола к стволу, как множество фестонов из переплетенных листьев и усиков и массивных гроздьев золотого или пурпурного винограда.^[1319] Чередуясь, возможно, с прекрасными любимыми Диониса, голубые и желтые клематисы^[1320] развешивали свои живые гирлянды вокруг стеблей или вдоль ветвей деревьев, в союзе или контрасте с повиликой, или жимолостью, или нежным и стройным брионином. А если в группу входила серебристая ель с ярко-желтыми цветами^[1321], то среди ее ветвей часто можно было увидеть крупные гроздья омелы, которая иногда служила пищей трудолюбивому волу^[1322]. В некоторых местах, вероятно, выращивали кверкус субер,^[1323] или пробковое дерево, с корой толщиной четыре-пять дюймов, которую сдирают раз в три года,^[1324] после чего она снова растет с новой силой. Изредка там, где ручьи и речушки^[1325] пробивались сквозь землю, по краям теснились черный и белый тополь, ива и лентискус, а также различные виды тростника, то тут, то там затеняя и скрывая воды.

Войдя в фруктовый сад, мы обнаружим, что вместо стен он, по крайней мере иногда, если касался границ чужого участка, был окружен живой изгородью^[1326] из черного и белого терна, брамберов и кустов барбариса, как в настоящее время^[1327] непроницаемыми заборами из индийского кактуса.^[1328] На берегах этих изгородей, как внутри, так и снаружи, были обнаружены особые племена растений и диких цветов, в некоторых местах украшающих гладкий дерн, в других - густо цветущих в промозглых зарослях, или взбирающихся вверх и

переплетающихся с высокими и выступающими колючками, таких как паслен чародейный, эуфорбия, ирис тубероза, красноцветковая валериана, почвопокровник,^[1329] физалис сомнифера, с его кораллово-красными семенами в раздутых чашечках,^[1330] глобулярная, ползучий гелиотроп, копеечник,^[1331] ярко-желтый цветок-скорпион и широколистный цикламен, или "сивуха", с розовым цветком, светло-зеленым листом, с белыми и желтыми прожилками внизу. Древние парфяне окружали свои сады живыми изгородями из ароматного ползучего кустарника, называемого филадельфой или братом любви,^[1332] длинные присоски которого они переплетались в своеобразную сеть, образуя достаточную защиту от людей и зверей. В горных районах, где требовалось защититься от дождевых потоков, ограждения часто представляли собой стены из сыпучих камней,^[1333] как это до сих пор происходит в Савойе на краю горных потоков.

Кроме того, как в Греции, так и в Италии существовал обычай высаживать на границе владений ряды оливковых или других деревьев,^[1334] которые не только служили обозначением границ территории человека, но и придавали красоту всей стране. Доказательство того, что такая практика преобладала в Аттике, с большой изобретательностью^[1335] было приведено из "Лягушек", где Вакх, обращаясь к поэту Эсхилу в тени, замечает: "Все будет хорошо, если твой гнев не унесет тебя за пределы олив". Можно также отметить, что в оливковых садах^[1336] деревья, за исключением священных, называемых *toriæ*, всегда сажали по прямой линии, на расстоянии от двадцати пяти до тридцати футов^[1337] друг от друга, потому что для созревания плодов^[1338] необходимо, чтобы ветер мог свободно обдувать их со всех сторон. Кроме того, поскольку они любят теплый сухой воздух, как в Ливии, Киликии,^[1339] и Аттике, лучшими оливковыми плантациями считались те, которые занимали быстрые склоны холмов, где почва от природы каменистая и легкая. Масло на равнинах обычно было грубым и густым.

Среди этих оливковых угодий летом часто слышна песня теттикса^[1340]; это музыкальное насекомое любит оливу, которая, как и сант в аравийской пустыне, дает лишь тонкую и теплую тень.^[1341] Теттикс, по сути, никогда не встречается в безлесной стране, как на равнинах около Киринеи, но в равной степени избегает густой тени леса.^[1342] Здесь же^[1343] обитают черный дрозд, валец и три разных вида мясных птиц - малая серая, пепельного цвета и рыжая.

В аттическом саду росло большинство деревьев, выращиваемых в Англии, а также многие, которые не выдержат сурового нашего климата. -Яблоня,^[1344] выращиваемая с особой тщательностью в окрестностях Дельф и Коринфа; груша,^[1345] вишня из Керасоса на южном берегу Черного моря,^[1346] которая иногда вырастала до высоты почти сорока футов,^[1347] дамасская,^[1348] и обыкновенная слива. Наряду с ними встречались айва,^[1349] абрикос, персик, нектарин, грецкий орех, каштан, филберта, привезенная из Понтоса,^[1350] лесной орех, мушмула и шелковица, которая, по словам Менандра, является самым ранним плодом в году.^[1351] К ним примешивались фи́га, белая, пурпурная и красная, гранат,^[1352] с северных берегов Африки, апельсин,^[1353] до сих пор посаженный под искусственным укрытием на Лемносе, цитрон, лимон,^[1354] финиковая пальма,^[1355] фисташка, миндаль, сервиз и кизилевое дерево.

Поскольку эти сады устраивались не только с целью получения удовольствия, но и прибыли, деревья высаживались в ряд, который при достаточном сближении образовывал ряд умбрагических аллей, переходящих то в лужайку, то в виноградник, что обычно составляло часть участка греческого джентльмена. И такой фруктовый сад, украшенный в своей летней гордости изумрудной и фруктовой листвой, румяной, пурпурной и золотой, ноты дрозда, соловья,^[1356] tettix, с "любовным трепетом зеленого сокола", порхающего по ветвям, и

ароматом агнуса-кастуса, мирта, розы и фиалки, обильно распространяющимся со всех сторон, - это был настоящий рай.

Нередко через эти сады и виноградники проходили обычные пешеходные тропы, и тогда проходим обычно, если не по закону, разрешалось собирать и есть плоды^[1358], что, судя по рассказу нашего Спасителя, также было принято в Иудее. В современной Европе дело обстоит иначе. В Бургундии и Швейцарии, где тропинки пролегают через виноградники, нередко можно увидеть виноград, намазанный чем-то, напоминающим белую известь, которая, как уверяют детей, является смертельным ядом. Находясь в стране, я считал это простой уловкой, призванной защитить виноградники от посягательств, хотя, похоже, есть слишком много оснований полагать, что эта гнусная практика существует в нескольких населенных пунктах. По крайней мере, двое детей недавно погибли в Фуа, съев отравленный виноград на обочине дороги.

Греки помещали большую часть своего счастья в места, подобные тем, которые мы описывали, как можно заключить из таких их сказочных преданий,^[1359] которые касаются сада Гесперид,^[1360] садов Мидаса с их великолепными розами и садов Алкиноя,^[1361] которые все еще проливают свой аромат на страницы "Одиссеи". С Востока, несомненно, они получили вместе с благороднейшими фруктовыми деревьями искусство их выращивания, и, возможно, священное предание об Эдемском саде, сохраненное в Писании, легло в основу многих эллинских легенд.^[1362] Сирийцы приобрели большую известность среди древних благодаря своим знаниям в садоводстве, в котором, по словам современных путешественников, они до сих пор преуспевают. О том, как выращивали фруктовые деревья в ранние века, известно очень мало. Несомненно, они вскоре обнаружили, что некоторые из них лучше растут на определенных почвах и в определенных условиях, чем в других, и извлекли из этого открытия пользу; но искусство правильного обучения и прививания деревьев является сравнительно современным.^[1363]

В Пятикнижии о нем не упоминается, хотя Моисей дает указания, как управлять фруктовым садом. Первые три года нельзя было допускать, чтобы цветки превращались в плоды, и даже на четвертый год все, что появлялось, было священо для Господа. Начиная с пятого года и далее они могли делать с ним все, что им заблагорассудится. Эти правила были призваны предотвратить раннее истощение деревьев. Гомер также умалчивает о практике прививок, нет упоминаний о ней и в сохранившихся произведениях Гесиода, хотя Манилий^[1364] ссылается на его поэмы в доказательство древности этой практики. Однако постепенно она вошла в обиход;^[1365] и в эпоху Аристотеля^[1366] уже была распространена, как и сейчас почти везде, кроме Греции,^[1367] поскольку ни один плод не считался превосходным, если дерево не было привито. Можно кратко отметить некоторые правила, которые они соблюдали в этом процессе.^[1368] Деревья с толстой кожурой прививали обычным способом, а иногда вставляя прививку между корой и древесиной, что называлось окулировкой.^[1369] Прививка, также, или введение почки одного дерева в кожуру другого, была распространена среди греческих садоводов.^[1370] Они были чрезвычайно разборчивы в выборе подвоев.^[1371] Так, фи́га прививалась только на платан^[1372] и шелковицу; шелковица - на каштан,^[1373] бук, яблоню, теребинт, дикую грушу, вяз и белый тополь (отсюда белая шелковица;) груша на гранате, айва, шелковица, (отсюда красные груши,) миндаль и теребинт; яблоки^[1374] на всех видах диких груш и айвы, (отсюда лучшие яблоки, называемые афинянами Мелимела,)^[1375] на дамасценах, также, и *наоборот*, и на платане, (отсюда красные яблоки.)^[1376] Еще один способ придать румянец этому фрукту - посадить вокруг корня дерева кусты роз.^[1377] Грецкий орех был привит только на земляничное дерево;^[1378] гранат на мирт^[1379] и иву; лавр на вишню^[1380] и ясень; белый персик на дамасское дерево и миндаль; дамаскин на дикой груше,

айве и яблоне; каштаны на грецком орехе, буке и дубе;^[1381] вишня на теребинте и персике; айва на оксиаканте; мирт на иве; абрикос на дамаскине и тасийском миндальном дереве. Лоза также прививалась на вишневые и миртовые подвои, которые в первом случае давали весной виноград,^[1382] во втором - смешанный плод, между миртовой ягодой и виноградом.^[1383] Когда садовник хотел получить черные цитроны, он вставлял цитронный подвой в яблоневый, а если красный, то в тутовый подвой.

Также цитроны иногда прививали на гранатовое дерево. В наши дни миндаль, каштан, инжир, апельсин и цитрон, а также многие другие виды фруктовых деревьев больше не нуждаются в прививке.^[1384]

В качестве иллюстрации плодородности эллинской почвы можно привести тот факт, что молодые безветвистые грушевые деревья, пересаженные с Мальты в окрестности Афин осенью 1830 года, на следующий год были густо усыпаны плодами, которые висели на стволе, как мотки лука.^[1385]

Несмотря на раннее время года, в которое Гея распределяет свои дары в Греции, здесь прибегали к многочисленным искусствам, чтобы предвосхитить летние плоды,^[1386] хотя природа большинства из них неизвестна. Однако несомненно, что они обладали средствами для созревания плодов в течение всей зимы, либо с помощью теплиц, либо других приспособлений, столь же эффективных.^[1387] Во время праздника, отмечаемого в честь любовника Афродиты, семена цветов высевали в серебряные горшки или корзины, называемые садами Адониса,^[1388] и с помощью искусственного тепла и постоянного полива заставляли их расцветать через восемь дней. Среди современных индусов кукурузу все еще заставляют взойти за несколько дней, используя аналогичный процесс, во время праздника Гури.^[1389] Чтобы получить крысиные фиги,^[1390] корни дерева обкладывали навозом, состоящим из голубиного помета, перца и масла. Другой метод, который до сих пор используется под названием "капрификация", упоминается Софоклом.^[1391] Для этой цели заботились о том, чтобы поблизости росло несколько диких фиговых деревьев, с которых можно было бы получить мух, используемых в этом процессе,^[1392] осуществляемом путем срезания гроздьев диких фиг и подвешивания их среди ветвей культурных видов,^[1393] когда муха, выпущенная из первого, уколола медленно созревающий плод и ускорила его созревание.^[1394] При выращивании различных видов фиг они старались сажать на равнинах челидонскую, эринскую, или дикую, фигу, лейкеринскую и фибалейскую^[1395]. Осенние королевы будут расти где угодно. Каждый сорт имеет свои особые достоинства. Лучшими были следующие: колурои, или усеченные, форминион, дифорой, мегарийские и лаконские, которые обильно плодоносили, если их хорошо поливать.^[1396] Родос славился своими превосходными фигами, которые даже считались достойными сравнения с аттическими.^[1397] Афиней, однако, утверждает, что лучшие в мире фиги были найдены в Риме. На острове Парос росли фиги с румяным цветом, такие же, как лидийские.^[1398] Лейкеринейцы выращивали белые фиги.^[1399]

Фантазия эллинских садоводов развлекалась тем, что производила многочисленные фантастические изменения во внешнем виде и природе фруктов. Так, цитроны, лимоны и т. д. с помощью глиняной формы принимали форму человеческого лица, птиц и других животных.^[1400] Иногда их, еще маленьких, помещали в горлышко бутылки с отверстиями для дыхания, фигуру которой они принимали по мере своего роста во все стороны. Более того, нас уверяют, что с помощью очень простого процесса они могли производить персики, миндаль,^[1401] и т. д., покрытые, словно по волшебству, письменными знаками. Действовали

они следующим образом: вымачивали косточку плода в воде в течение нескольких дней, затем осторожно разделяли ее и, вынув ядро, начертывали на нем медным пером любые слова или буквы, которые считали нужными. Сделав это, они снова закрывали косточку над ядром, обвязывали ее папирусом и сажали; и персики или миндаль, которые впоследствии вырастали на этом дереве, несли каждый из них - *mirabile dictu!* легенду, начертанную на ядре". Подобным же образом^[1402] они создавали персики без косточек, грецкие орехи без шелухи, фиги с одной стороны белые, а с другой черные, и превращали горький миндаль в сладкий.^[1403]

Правила посадки фруктовых деревьев были многочисленны.^[1404] Одни, по их мнению, лучше всего размножать семенами, другие - отростками, вырванными из корня родительского дерева,^[1405] третьи - ветками, выбранными из новой древесины на самых верхних сучьях. Грубая практика, достаточно распространенная в наших сельских районах, похоже, была очень популярна среди них: пригнув к земле длинный сук, они покрывали его часть тяжелым комком, оставляя, однако, крайнюю часть над землей. Когда сук пускал корни, его отделяли от дерева и пересаживали на другое место. В других случаях острия сучьев тянули вниз и закрепляли в земле, которые даже таким образом укоренялись и пускали соки в обратном направлении, после чего сук отрезали и получали новый отросток. Деревья, выращенные таким способом, а также посаженные во время убывающей луны,^[1406] должны были распространяться и расти ветвистыми, а посаженные во время растущей луны достигали, хотя и слабее, но гораздо большей высоты. Возможно, следует добавить, что все семена и растения сажали в землю, когда луна находилась под горизонтом.^[1407] Среди деревьев, которые было принято обновлять семенами, были фисташки, филберт, миндаль, каштан, белый персик, дамасское дерево, сосна и съедобная сосна, пальма, кипарис, лавр, ясень, клен и фи́га. Яблоня,^[1408] вишня, *rhamnus jujuba*, обыкновенный орех, карликовый лавр, мирт и мушмула размножались при помощи отростков; Более быстрый и надежный способ выращивания деревьев из сучьев часто применялся в отношении миндаля, груши, шелковицы, цитрона,^[1409] яблони, оливы, айвы,^[1410] черного и белого тополя, плюща, жуджуба, мирта, каштана, виноградной лозы, ивы, коробочки и ситиса.

Но экономные жители Эллады редко полностью посвящали садовый участок плодовым деревьям. По всей видимости, было принято разбивать весь участок на грядки и бордюры для выращивания овощей, а по краям и в углах с определенными интервалами сажать деревья. Эти грядки, кроме того, часто, как и у нас, окаймлялись петрушкой и рутой; отсюда пословица: "Ты не пошел дальше руты", потому что "ты ничего не знаешь об этом деле".

Древние деревенские жители, которые, как правило, очень верили в заклинания и талисманы, обладали необыкновенным обаянием для обеспечения неизменного плодородия своих садов; они закапывали голову осла глубоко в центре сада и поливали землю соком пажитника и лотоса.^[1412] Несколько большая эффективность, однако, может быть приписана их трудоемким методам удобрения и орошения.^[1413]

Вид такого сада мало чем отличался, за исключением, пожалуй, пышности, от аналогичного участка земли в Кенте или Мидлсексе. Здесь вы видели грядки репы, или капусты, или лука; там - латук, или эндивий, или суккори,^[1414] в процессе бланширования, или нежные головки спаржи, или широкую фасоль, или чечевицу, или горох, или почки, или артишоки. На самых солнечных местах стояли ряды ящиков или корзин для высадки огурцов.^[1415] Возле ручьев, где такие имелись, росли арбузы,^[1416] самые лучшие в мире; И тут и там, обхватив стволы деревьев,^[1417] и подвесив свои огромные листья и шары к ветвям, можно было увидеть тыкву,^[1418] как я часто видел ее в пальмовых рощах Нубии. Можно добавить, что тыкву, или обыкновенную тыкву, ели греки,^[1419] как и сейчас во Франции и Малой Азии.^[1420]

Огурцы^[1421] бланшировали, привязывая к верхушке или закапывая до определенного уровня в песок.^[1422] Кроме того, предполагалось, что они становятся более сочными и нежными, если их полить смесью вина и меда, как это делал гурман Аристоксен, который, сделав это на ночь, наутро разрезал их и говорил, что это столько зеленых пирожных, посланных ему матерью-землей.^[1423]

Греческие садоводы, судя по всему, с большим удовольствием выращивали чудовищные овощи. Так, в случае с огурцом их главной целью было вывести его без семян или необычной формы.^[1424] В первом случае они старательно следили за внешним видом растения над землей, а затем покрывали его свежей землей и повторяли ту же операцию три раза, в результате чего огурцы, которые оно приносило, оказывались без семян. Тот же эффект дало замачивание семян в сезамовом масле в течение трех дней перед посевом. Они вырастали до огромной длины, если сосуды с водой^[1425] ежедневно ставили на расстоянии нескольких дюймов от их остриев, которые, возбуждая в плодах своего рода нисус, тянули их вперед настолько, насколько садовник считал нужным.^[1426] Они также принимали всевозможные формы с помощью легких, фитилированных форм,^[1427] как в случае с лимоном. Другой способ заключался в том, что брали большой тростник,^[1428] расщепляли его и вычищали сердцевину; затем вводили в это углубление молодой огурец, части тростника связывали вместе, и плод проникал через трубку, пока не приобретал огромную длину. Теофраст заметил, что если семена огурцов вымочить в молоке или настое меда, это улучшит их вкус.^[1429] Кроме того, считалось, что в полнолуние они увеличиваются в размерах, как морской еж.^[1430] Считалось, что дыням можно придать ароматный запах^[1431], постоянно держа семена в сухих листьях розы. Чтобы сохранить семена надолго, их поливали соком лука-батона.

Мегарейцы, в чьей стране в изобилии растут дыни, тыквы,^[1432] и огурцы, привыкли насыпать пыль на корни во время господства этезианских ветров и находили в этом [недостаток](#) орошения.^[1433] Из следующей пословицы "Конец огурцов и начало помпиев" следует, что первые выходили из сезона, когда вторые входили.^[1434]

Чтобы получить обильный урожай спаржи, они закапывали стружку рога дикого барана и хорошо поливали ее.^[1435] Кроме того, укладывая стебли в банки сразу после срезания головок, они вызывали появление новых побегов и таким образом наслаждались свежими запасами в течение всего года. Это растение, вероятно, было завезено из Ливии,^[1436] где оно, как говорят, достигает в диком состоянии высоты двенадцати, а иногда и тридцати локтей;^[1437] а на склонах Ливана, в Сирии, в нашей глине его видели высотой от двенадцати до пятнадцати футов.

Предполагалось, что капуста, которую мы называем савойской, лучше всего растет в засоленных местах, поэтому садоводы просеивали толченую селитру^[1438] над грядками, где ее сеяли, как это делалось и в Египте. Однако в Александрии и ее окрестностях^[1439] говорили, что в земле есть какое-то особое качество, которое придает капусте горький вкус. Чтобы предотвратить это, они импортировали семена капусты с острова Родос, которые в первый год давали хорошие растения, но на второй год испытывали едкое влияние почвы.^[1440] Куме славился своими прекрасными кочанами, которые, когда полностью вырастали, были желтовато-зеленого цвета, как новая кожаная подошва сандалии. Брокколи, морская капуста и цветная капуста, по-видимому, широко культивировались в садах древних. Кроме того, среди них был сорт капусты, предположительно имевший некоторое отношение к дару пророчества;^[1441] и, вероятно, именно ею клялись некоторые комические персонажи, как Сократ - собакой, а Зенон - каперсовым кустом.

Редис^[1442] делали сладким, вымачивая семена в вине и меде или свежем соке винограда: Никандр говорит о консервированной репе.^[1443] Семена петрушки клали в землю в старой тряпке или в пучке соломы,^[1444] окружали навозом и хорошо поливали, отчего растение вырастало большим. Руту сеяли в теплых и солнечных местах, без навоза.^[1445] Ее защищали от зимнего холода, окружая кучей золы,^[1446] и иногда сажали в горшки, вероятно, чтобы держать в квартирах ради ее ярко-желтых цветов,^[1447] и потому, что, как говорили, ее запах излечивал от головной боли. Сок дикой руты, смешанный с женским молоком, по мнению древних, обострял зрение.^[1448] Сок сладкой мяты, садовой травы, выжатый в молоко,^[1449] должен был предотвратить свертывание, даже если в него после этого добавляли сычужный фермент.

Корень и бобы нимфеи нелумбо, или красного лотоса,^[1450] ели в Египте,^[1451] где его пунцовые цветы сплетали в венцы, которые распространяли приятный запах и считались очень освежающими в летний зной.^[1452] Это растение греки из Наукратиса называли мелилотом, чтобы отличить его от лотоса с белыми цветами. Теофраст^[1453] отмечает, что он растет на болотах до четырех локтей в высоту и имеет полосатые корень и стебель. Этот лотос в древности также встречался в Сирии и Киликии, но там не созревал. Однако в окрестностях Торона в Халкидике^[1454] он был найден в совершенстве на небольшом болоте.

Люпин,^[1455] и каперсовый куст, вероятно, культивируемый из-за красоты своих нежных белых цветов,^[1456] портились в садах,^[1457] как и мальвы,^[1458] которые, как говорят, вместе со свеклой приобретали в садах высоту небольшого дерева.^[1459] Стебель мальвы иногда использовался в качестве трости. Его крупный бледно-красный цветок, который

следит своей склоненной головой за солнцем,^[1460]

был одним из украшений сада.

Кроме них древние обычно выращивали на своих участках два вида цистуса, один из которых с бледно-красными цветами сейчас называется длинной розой, а другой, который в середине лета покрывается на листьях жирной росой, из которой делают лауданум;^[1461] вместе с голубым эринго,^[1462] ракитой, кресс-салатом, (который сажали в грядках), ублюдочной петрушкой, пенни-роялем, анисом,^[1463] водяной мятой, морскими луками, монашеским ревенем, портулаком, лист которого, положенный под язык, утолял жажду, садовым кориандром, чемерицей, желтый, красный и белый, origana кустарниковая,^[1464] с розовыми шишками, наперстянка огненного цвета, урсина, или медвежья лапа, восхищающая огромной пирамидой белых цветов, кервель, пустырник, скорбный девясил, гигантский фенхель, укроп, горчица и вейк-робин, которые были посеяны,

Вскоре, как пуническое дерево, чьи многочисленные зерна,

когда созревают, покрываются ярко-красной оболочкой,

Само оно кровавыми цветами покрылось.^[1465]

Среди других огородных трав были тмин, семена которого сеяли с поношениями и проклятиями,^[1466] семенник, дитандер, или перечник, репа,^[1467] и пастернак, (встречающийся в диком виде в Далмации)^[1468] с луком, чесноком и луком-пореєм.^[1469] Этими последними Мегара славилась, как Аттика медом, что послужило афинянам поводом для комплиментов в

свой адрес,^[1470] среди них ходила поговорка, что они настолько же превосходят мегарейцев, насколько мед превосходит чеснок и лук-порей.

Выращивание этого вида лука-порея, называемого гетиллис, было доведено до совершенства в Дельфах,^[1471] где был установлен обычай, очевидно, с целью улучшения садоводства, что тот, кто в день Феоксении^[1472] преподнесет Лето самый большой овощ этого вида, должен получить порцию со священного стола.^[1473] Полемо, который рассказывает об этом обстоятельстве, говорит, что видел в таких случаях лук-порей почти такого же размера, как репа. Причиной этой церемонии, как говорят, было то, что Лето, когда она была велика с Аполлоном, жаждала лука-порея.

Грибы^[1474] усердно культивировались древними, среди способов их получения были следующие. Они срубали тополь^[1475] и , положив его ствол в землю для гниения, усердно поливали его, после чего грибы в нужное время всходили. Другой способ заключался в орошении ствола фигового дерева после того, как он был покрыт навозом по всему периметру, хотя лучшими, по мнению других, были те, что росли у подножия вязов и сосен.^[1476] Те, что появлялись из верхних корней, не считались ценными.

В других случаях^[1477] выбирали легкую песчаную почву, привыкшую производить тростник, затем сжигали хворост и т.д., когда воздух был в состоянии, предвещающем дождь, этот неоднозначный вид овоща появлялся из земли с первым же ливнем. Тот же эффект был достигнут, если полить подготовленную таким образом землю, хотя этот вид считался более низким. Во Франции говорят, что самые нежные виды грибов происходят из разложившегося корня эрингиума.

Этот овощ, похоже, был любимым блюдом древних, наряду с трюфелем,^[1478] употреблявшимся как в вареном, так и в сыром виде;^[1479] и моррилом.^[1480] Этот особый вид, называемый геранион, является современным журавлиным биллом. Мису, другой вид трюфеля,^[1481] рос в основном на песчаных равнинах около Кирины, и, как итон,^[1482] встречающийся на возвышенных склонах Фракии, как говорят, источал приятный запах, напоминающий запах животной пищи. Эти причудливые предметы роскоши, которые производились среди дождей и гроз^[1483] осени, продолжали процветать в земле в течение всего года, но считалось, что сезон наступает весной. Трюфельное семя обычно привозили из Мегары, Ликии и Гетулии, но в Мителене жители были избавлены от этих расходов: их песчаные берега ежегодно засеивались ветрами и ливнями с соседнего побережья. Было замечено, что вблизи Геллеспонта не было найдено ни трюфелей, ни дикого лука.^[1484]

Какие методы использовали древние для обнаружения трюфеля, который растет без стебля и листьев в маленькой ячейке под поверхностью земли, я нигде не видел объяснения. В настоящее время^[1485] утверждает, что в Греции их существование обнаруживают не с помощью трюфельной гончей, а с помощью жезла для гадания. На сухих песчаных склонах Лимузена, Гаскони, Ангума и Перигора, а также в некоторых районах Италии^[1486] их собирают свинопасы; свиньи, которым они очень нравятся, радостно хрюкают и начинают выворачивать землю, как только почувствуют их запах, после чего пастухи отгоняют животных и бережно хранят деликатес для столов богачей. В другое время их обнаруживают следующим образом: пастухи, опустившись на землю и глядя горизонтально вдоль поверхности Ланд, замечают то тут, то там, на участках, оголенных от травы и полных трещин, тучи очень маленьких мушек, вылупившихся из трюфеля и все еще наслаждающихся его ароматом. В некоторых районах Савойи их находили по два фунта весом.

1241. Но см. д-р Нолан о греческой розе, Trans. Roy. Soc. ii. p. 330, и Poll. i. 229.

1242. Hist. Nat. xix. 4. Dr. Nolan, p. 330. Nic. Caussin. De Eloquent. xi. p. 727, seq. Cic. De Senect. § 17. Ælian. De Nat. Anim. xiii. 18, есть краткое, но интересное описание сада индийских царей, с его вечнозелеными рощами, прудами с рыбой и полетами павлинов, фазанов и попугаев, считавшихся священными у браминов. Ср. Ксеноф. Œconom. iv. 13, где он восхваляет любовь персидских царей к садам.

1243. Здесь иногда выращивали и овощи, такие как латук, редис, петрушка и т. д., и цветущие кустарники, например дикую розу или розу-лаурель, которая считалась смертельным ядом для лошадей и ослов. Лукиан. Luc. siv. Asin. § 17.

1244. Luc. Piscat. § 6.

1245. Geop. x. 1. 1. xii. 2.

1246. Кедр до сих пор растет на мысе Суниум. Чандлер, ii. 8.

1247. Sibth. Flor. Græc. t. i. pl. 4.

1248. Платон описывает, хотя и не в саду, фонтан и платан, языком столь живописным и гармоничным, что он пленил воображение всех последующих писателей, многие из которых пытались выразить свое восхищение, подражая ему в своем собственном стиле: "Ἡ τε γὰρ πλάτανος αὕτη μάλ' ἀμφιλαφὴς τε καὶ ὑψηλή, τοῦ τε ἄγνου τὸ ὕψος καὶ τὸ σύσκιον πάγκαλον, καὶ ὡς ἀγνήν ἔχει τῆς ἀνθης, ὡς ἂν εὐωδέστατον παρέχοι τὸν τόπον- ἢ τε αὖ πηγὴ χαριεστάτη ὑπὸ τῆς πλατάνου ῥεῖ μάλα ψυχροῦ ὕδατος, ὥς τε γε τῷ ποδὶ τεκμήρασθαι- νυμφῶν τε τινῶν καὶ Ἀχελώου ἰερόν ἀπὸ τῶν κορῶν τε καὶ ἀγαλμάτων ἔοικεν εἶναι- εἰ δ' αὖ βούλει, τὸ εὐπνουν τοῦ τόπου ὡς ἀγαπητὸν καὶ σφόδρα ἡδὺ- θερινόν τε καὶ λιγυρόν ὑπηχεῖ τῷ τῶν τεττίγων χορῷ πάντων δὲ κομψότατον τὸ τῆς πόας ὅτι ἐν ἡρέμα προσάντει ἱκανὴ πέφυκε κατακλινέντι τὴν κεφαλὴν παγκάλως ἔχειν. Phæd. t. i. p. 8, seq. Преобладающий образ в этом отрывке выражен Цицероном следующим образом: "Cur non imitamur Socratem illum, qui est in Phædro Platonis; nam me hæc tua platanus admonuit, quæ non minus ad opacandum hunc locum patulis est diffusa ramis, quam illa cujus umbram secutus est Socrates quæ mihi videtur non tam ipsa aquula, quæ describitur, quam Platonis oratione crevisse." De Orat. i. 7. Эта картина несколько изменена Аристинетом, который представляет ее в виде сада: "Ἡ δὲ πηγὴ χαριεστάτη ὑπὸ τῇ πλατάνῳ ῥεῖ ὕδατος εὖ μάλα ψυχροῦ, ὥς γε τῷ ποδὶ τεκμήρασθαι, καὶ διαφανοῦς τοσοῦτον, ὥστε συνεπινηχομένων καὶ διὰ διαυγὲς ὑδάτιον διαπλεκομένων ἐπαφροδίτως ἀλλήλοις, ἅπαν ἡμῶν φανερώς ἀποκαταφαίνεσθαι μέλος. Epist. Lib. i. Epist. 3. p. 14. Об эпитете ἀμφιλαφὴς, который, как замечает Рункен (ad Tim. Lex. p. 24), древние почти исключительно присваивали дереву Plane, см. Apollon. Rhod. ii. 733. Wellauer. et schol.

1249. Там, где не было возможности достать воду, они строили два сада: один для зимы, который зависел от ливней, другой - на северной стороне, где свежий, прохладный воздух сохранялся в течение всего лета. Geop. xii. 5.

1250. Используется деревенщиками в коронах. Афины. xv. 12. Прометей был увенчан agnuscatus. 13.

1251. Geop. xi. 7. Плин. xv. 18.

1252. Geop. x. 1. 3.

1253. Которые особенно восхищают края тропинок и протоптанных мест. Theoph. Hist. Plant. vi. 6.1.

1254. Sibth. Flor. Græc. t. i. pl. 5, sqq.

1255. Laing, Notes of a Traveller, p. 6.

1256. Geop. xi. 21, 23, sqq.

1257. Sibth. Flor. Græc. t. i. pl. 79. pl. 203. pl. 334, &c.

1258. Πρῶτον μὲν γὰρ ἀφ' ὧν ζῶσιν οἱ ἄνθρωποι, ταῦτα ἡ γῆ φέρει ἐργαζομένοις- καὶ ἀφ' ὧν τοίνυν ἡδυπαθοῦσι προσεπιφέρει. Ἔπειτα δὲ ὅσα κοσμοῦσι βωμοὺς καὶ ἀγάλματα, καὶ οἷς αὐτοὶ κοσμοῦνται, καὶ ταῦτα μετὰ ἡδίστων ὀσμῶν καὶ θαυμάτων παρέχει. κ. τ. λ. Xenoph. Œconom. v. 2, seq.

У Плиния есть любопытный отрывок об использовании короны у римлян, который Холланд перевел следующим образом: "Когда эти цветочные гирлянды были приняты и приняты во всех местах в течение определенного времени, вскоре появились те чашечки, которые называются египетскими, а за ними зимние короны, то есть когда земля не дает цветов для их изготовления, и они состояли из роговой стружки, окрашенной в различные цвета. И вот со временем в Рим мало-помалу проникло и название венчиков, или, как бы сказать, мелких гирлянд, ибо эти зимние венчики сначала были такими хорошенькими и маленькими: а вскоре после них - дорогие венчики и другие, венчики, то есть когда они сделаны из тонких листьев, пластин и лат, либо позолочены, либо посеребрены, либо украшены золотыми и серебряными блёстками и так представлены". xxi. 2. Поллукс приводит список основных цветов, использовавшихся греками в коронах: τὰ δὲ ἐν τοῖς στεφάνοις ἄνθη, ῥόδα, ἴα, κρίνα, σισύμβρια, ἀνεμῶναι, ἔρπουλος, κρόκος, ὑάκινθος, ἐλίχρυσος, ἡμεροκαλὲς, ἐλένειον, θρυαλὶς, ἀνθρίσκοι, νάρκισσος, μελίλωτον, ἀνθεμὶς, παρθενὶς, καὶ τᾶλλα ὅσα τοῖς ὀφθαλμοῖς τέρψιν, ἡρώσι ν ἡδεῖαν ὁσφρησὶν ἔχει. Кратин перечисляет среди цветов гирлянд цветы смилакса и космосандалона. Ономаст. vi. 106. Athen. xv. 32. Ср. Theoph. Hist. Plant. vi. 1. 2-6. 4. Людей, возвращающихся из путешествия, иногда увенчивали цветами. Plut. Thes. § 22. Воины также идут на битву. Ages. § 19. Ср. Philost. Icon. i. 24. p. 799. Плут. Sympos. iii. 1.

1259. Athen. xv. 15.

1260. Id. xv. 16.

1261. Id. xv. 13.

1262. Id. xv. 18.

1263. Id. xv. 22.

1264. Id. xv. 26.

1265. Афины. xv. 9.

1266. Geop. xi. 2. Овидий. Metam. 550.

1267. Geop. xi. 4.

1268. Geop. xi. 6.

1269. Geop. xi. 10. Ср. Plut. Sympos. vol. iii. 1, где он называет причину, по которой сосна была священна для Посейдона и Диониса. Листва сосновых лесов в Беотии была настолько густой, что сквозь нее не проникали ни снег, ни дождь. Theoph. Hist. Plant. iii. 9. 6. Поэтому тень таких деревьев была особенно желанна.

1270. Sch. Αριστοφ. Eq. 537. Geop. xii. 17. 16.

1271. Д-р Нолан. См. его статью о греческой розе. Trans. Roy. Soc. of Lit. ii. 327, sqq.

1272. Cp. Athen. xv. 11.

1273. Οἱ δὲ, ἀπικόμενοι ἐς ἄλλην γῆν τῆς Μακεδόνιης, οἴκησαν πέλας τῶν κήπων τῶν λεγομένων εἶναι Μίδεω τοῦ Γορδίου. ἐν τοῖσι φύεται αὐτόματα ῥόδα, ἐν ἑκάστον ἔχον ἐξήκοντα φύλλα ὁδμῇ δὲ ὑπερφέροντα τῶν ἄλλων- ἐν τούτοις καὶ ὁ Σιληνὸς τοῖσι κήποισι ἦλθω, ὡς λέγεται ὑπὸ Μακεδόνων. ὑπὲρ δὲ τῶν κήτων οὗρος κέεται, Βέρμιον οὖνομα, ἄβατον ὑπὸ χειμῶνος. viii. 138. Об искусстве и манерах этого Мидаса, который вместе с Орфеем и Эвмолпосом был основателем эллинской религии, см. J. G. Voss. de Idololat. i. 24, и Bouhier, Dissert. sur Herod. ch. 80.

1274. Cp. Theop. Hist. Plant. iv. 87.

1275. Athen. iii. 21. Стесихор жил до Рождества Христова около 632 года. Клион. Быстро. Эллин. ii. 5. Короны из роз упоминаются Кратином, который родился в 519 году до н. э., что показывает, что розы, должно быть, были широко культивированы в его время. Афины. xv. 27.

1276. Il. α. 477. ι. 703. Cp. Гесиод. Opp. et Dies, 610. Чтобы поставить этот вопрос вне споров, Гомер говорит о маслах, которые становятся ароматными благодаря духам розы: -ῥοδόεντι δὲ χρῖ ἐν ἐλαίῳ Ил. ψ. 186.

1277. Dioscor. i. 154.

1278. "Египтяне, в соответствии с делением своего Роя Гора, не встречали три (сезона): весна, осень и осень: они приписывали четыре месяца каждому из них и изображали розу, эспу и помму, или изюм". Les Images de Platte Peinture des deux Philostrates, par Vigenère, Paris, fol. 1627, p. 555.

1279. Geop. xi. 18. Говорят, что вид вечной розы был недавно открыт во Франции, где "парижскому флористу, как нам сообщили, удалось вывести новую гибридную розу из Бурбонской розы и Gloire de Rosomène, цветы которой он оплодотворил пыльцой некоторых дамасских и гибридных китайских роз. Растение чрезвычайно красиво, цвет ярко-малиновый, оттененный бордово-пурпурным, и дополнительно обогащен сильным ароматом". Таймс, 24 марта 1841 года.

1280. Geop. xi. 18. 12.

1281. Plinius varia genera commemorat, Milesia ardentissimo colore, Alabandica albicantibus foliis, Spermonia vilissima, Damascenæ albæ distillandis aquis usurpantur. Differunt foliorum multitudine, asperitate, lævore, colore, odore.-Heresbachius, de Re Rustica, lib. ii. p. 121. α.

1282. Problem. xii. 8. Theoph. Hist. Plant. vi. 6. 5.

1283. Афины. xv. 29. Plin. xxi. 10. Cp. Theoph. Hist. Plant. vi. 6. 4.

1284. Как полагает доктор Нолан. О греческой розе. Transact. Roy. Soc. ii. 328. Хотя Теофраст совершенно четко утверждает обратное. Hist. Plant. vi. 2. 1-6. 4-7. 5. Белая роза, по-видимому, в настоящее время широко культивируется в Аттике.-Chandler, ii. 181.

1285. Geop. xi. 18. 13.

1286. Geop. xi. 18. 1.

1287. Pashley, Trav. i. 8, который замечает, что роза обычна в феврале на Мальте.
1288. Geop. xi. 18. 5. Plin. xxi. 4. Паллад. iii. 21. 2.
1289. Geop. xi. 18. 4. Cp. xii. 19. 3.
1290. Geop. xi. 20. Heresbach. de Re Rust. p. 122. b. Theoph. Hist. Plant. vi. 6. 4, 8.
1291. Plin. xxi. 13.
1292. Colum. De Cultu Hortorum, x. 102.
1293. Зимняя сказка, iv. 5.
1294. Sibth. Flor. Græc. t. i. tab. 222, tab. 318. Schol. Аристоф. Eq. 1320. Theoph. Hist. Plant. vi. 6. 4. Самые лучшие фиалки, крокусы и т. д. в древнем мире, как полагают, были найдены в Киринее. Id. vi. 6. 5.
1295. Диоскор. ii. 155.
1296. О рождении Гиацинта см. у Евдокии в Anecdota Græca, i. 408.
1297. Theoph. Hist. Plant. vi. 6. 9. 8. 2. Этот цветок расцветает после захода Арктура, около осеннего равноденствия.- "Нас переправили через узкий ручей, окаймленный Агнус-Кастусом, в сад, принадлежащий монастырю. На его берегах уже распустилось множество весенних цветов; садовая ветреница окрасилась в необыкновенный цвет. Почва, представлявшая собой песчаный суглинок, была еще более оживлена иксией, травянистым ирисом и эмалево-голубым видом спидвелла, не замеченным шведским натуралистом". Sibth. Walp. Mem. i. 282, seq.
1298. Это растение было привезено с горы Гиметтос, чтобы выращивать его в афинских садах. Сицилийцы также пересадили его в свои сады с гор Пелопоннеса.-Theoph. Hist. Plant. vi. 7. 2.
1299. Theoph. Hist. Plant. vi. 7. 4.
1300. Dioscor. iii. 89. Sibth. Flor. Græc. t. i. tab. 14, tab. 192, seq. tab. 310, таб. 518, таб. 549. Column. x. De Cult. Hort. 96, sqq.
1301. Базилик нежный поливали в полдень, другие растения утром и вечером.-Theoph. Hist. Plant. vii. 5. 2.
1302. Dioscor. iii. 114.
1303. Colum. x. 399, seq. Англ. перевод.
1304. Анемона среди других цветов украшает поля Аттики уже в феврале. Чандлер, ii. 211. "Les campagnes et les collines sont rouges d'anémones."-Della Rocca, Traité sur les Abeilles, t. i. p. 5.
1305. Культивируется обычно в горшках, напоминая сады Адониса. Theoph. Hist. Plant. vi. 7. 3. Заросли этого кустарника составляют одну из величайших красот островов Архипелага. "Лавровые розы, которые во Франции берегут с особой тщательностью, растут в прериях и на берегах ручьев. Нет ничего более приятного, чем видеть эти прекрасные деревья, высотой от двух до пяти футов, с разнообразными цветами, румяными и голубыми, которые спускаются

по ветвям вниз, на руины или на листву фонтана, и делают берсо, которое длится четверть века". Della Rocca, *Traité Complet sur les Abeilles*, t. i. p. 6.

1306. Schol. Аристоф. *Acharn.* 253.

1307. Theoph. *Hist. Plant.* vi. 8. 2.

1308. Sibth. *Flor. Græc.* t. i. tab. 27.

1309. Известен также под названиями *νηρίον* и *ρόδοδάφνη*.-Dioscor. iv. 82. Geop. ii. 42. 1.

1310. Theoph. *Hist. Plant.* i. 9. 3.

1311. Cp. Clus. *Hist. Rar. Plant.* i. 43. p. 65.

1312. Plat. *De Rep.* t. vi. p. 85. Ягода, как мирта, так и лавра, приобрела, как нам говорят, черный цвет в саду Антандроса.- Theophrast. *Hist. Plant.* ii. 2. 6.

1313. Hemsterhuis, *Annot. ad Poll.* ix. 49. p. 943. Cp. Dion. Chrysost. i. 273.

1314. Sibthorp. *Flor. Græc.* t. i. tab. 2, tab. 367, таб. 374, seq.

1315. Theoph. *Hist. Plant.* i. 9. 3.

1316. Земляничное дерево расцветает на горе Геликон в великой красоте и совершенстве, а его плоды, как говорят, очень сладкие.-Chandler, ii. 290.

1317. Sibth. *Flor. Græc.* tab. 361.

1318. "Ἐνθα πλάτανος μὲν ἀμφιλαφὴς τε καὶ σύσκιος, πνεῦμα δὲ μέτριον, καὶ πόα μαλθακὴ, ὥρα θέρους ἐπανθεῖν εἰς ὠκυπύα. Aristænet. *Epist. lib. i.* *Epist.* 3. p. 13. Согласно Варро, на Крите было вечнозеленое дерево платан, i. 7. Тот же платан упоминается Теофрастом, который сообщает, что он рос у фонтана в Гортинии, где Зевс впервые откинулся на землю, высадившись из моря с Европой, i. 9. 5. Говорят, что недалеко от города Сибарис рос обыкновенный дуб, который пользовался привилегией быть неопadaющим. Там же.

1319. "Ἀμπελοὶ δὲ παμμήκεις σφόδρα τε ὑψηλαὶ περιελίττονται κυπαρίττους ὡς ἀνακλᾶν ἡμᾶς ἐπὶ πολὺ τὸν αὐχένα πρὸς θεᾶν τῶν κύκλῳ συναιωρουμένων βοτρῶν, ὧν οἱ μὲν ὀργῶσιν, οἱ δὲ περκάζουσιν οἱ δὲ ὄμφακες, οἱ δὲ οἰνάνθαι δοκοῦσιν.-Aristænet. *Epist. lib. i.* *Ep.* 3. p. 13, seq.

1320. Sibth. *Flor. Græc.* tab. 516.

1321. Theophrast. *Hist. Plant.* i. 13. 1.

1322. Dodwell, ii. 455. Sibth. in Walp. *Mem.* i. 283. Существовал вид омелы, называемый критским, который одинаково хорошо приживался в климате Ахайи и Мидии. Theoph. *Hist. Plant.* ix. 1. 3.

1323. То есть в поздний период, так как во времена Теофраста она, по-видимому, не была распространена в Греции, если вообще была введена. *Hist. Plant.* iii. 17. 1.

1324. Dodwell, ii. 455.

1325. Даже платан любит влажные места. Theoph. *Hist. Plant.* i. 4. 2. Говорят, что черный тополь плодоносит в некоторых частях Крита. iii. 3. 5.

1326. Geop. v. 44. Cp. Artemid. *Oneirocrit.* ii. 24. p. 112.

1327. Walp. Mem. i. 60.

1328. Кактус, как заметило большинство путешественников, пышно цветет на Сицилии даже среди пластов лавы, где мало что еще может расти; однако, похоже, он предпочитает вулканическую почву. Spallanzani, Travels in the Two Sicilies, "i. 209. На Эоловых островах растение процветает настолько хорошо, что обычно вырастает до десяти, двенадцати, а иногда и пятнадцати футов в высоту, со стеблем в фут и более в диаметре. Плоды, размером с индюшиное яйцо, сладкие и очень приятные на вкус. Хорошо известно, что плоды растут по краям листьев, их количество на каждом листе не постоянно, но они часто многочисленны, так как я насчитал два и двадцать на одном листе". iv. 97.

1329. Sibth. Flor. Græc. t. i. tab. 29. tab. 157. tab. 185.

1330. Sibth. in Walp. Trav. p. 73, seq. О временах года этих диких цветов см. Theoph. Hist. Plant. vii. 9. 2.

1331. Dioscor. ii. 186.

1332. Афины. xv. 29.

1333. Demosth. in Callicl. § 1. 3, seq.

1334. Cp. Varro. i. 15. Magii Miscellan. lib. iv. p. 187. b. Как в наше время считается, что хлопковое дерево не может расти на расстоянии более двадцати миль от моря, так и среди древних считалось, что олива не может процветать на расстоянии более трехсот стадий. Theoph. Hist. Plant. vi. 2. 4. Оба мнения, вероятно, ошибочны, поскольку оливковое дерево в совершенстве произрастает в Фаюме, а хлопчатник - в Верхнем Египте.

1335. Vict. Var. Lect. p. 874. Но Схолиаст (Aristoph. Ran. 1026) дает этому отрывку другое, хотя и менее вероятное толкование.

1336. Cp. Sibth. Flor. Græc. t. i. tab. 3.

1337. Катон. De Re Rusticâ 6. Иногда их также прививали, как нам говорят, на подвои чечевицы. Plut. Sympos. ii. 6. 1.

1338. Говорят, что в Сирии и некоторых других теплых странах олива плодоносит гроздьями. Theophrast. Hist. Plant. i. 11. 4. А когда эти плоды находили преимущественно на верхних ветвях, они предвещали урожайный год. id. i. 14. 2. Георг. ix. 2. 4. Древние питали необычайные представления о чистоте оливы, которая, по их мнению, плодоносила более свободно, когда ее возделывали люди с целомудренными помыслами. Так, считалось, что оливковые поля Аназарбоса в Киликии обязаны своим необычайным плодородием сдержанному и скромному нраву возделывающих их юношей. Id. ix. 2. 6.

1339. Георг. ix. 3. 1. Virg. Georg. ii. 179. Головки только что посаженных олив покрывали глиной, которую защищали от сырости ракушкой. Ксеноф. Сесопот. xix. 14. Ямы для посадки оливковых и других плодовых деревьев были значительной глубины и выкапывались задолго до посадки. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 1.

1340. Cp. Гесиод. Opp. et Dies, 582, seq.

1341. Οὐ γίνονται δὲ τέττιγες ὅπου μὴ δένδρα ἔστιν- διὸ καὶ ἐν Κυρήνῃ οὐ γίνονται ἐν τῷ πεδίῳ περὶ δὲ τὴν πόλιν πολλοί, μάλιστα δ' οὐ ἔλαϊαι- οὐ γὰρ γίνονται παλὶν σκίοι. Aristot. Hist. Anim. v. 30. Cp. Phile, de Animal. Proprietat. c. 25. p. 81.

1342. В Испании, однако, эти насекомые проявляют несколько иной вкус, их можно встретить среди листы самых лиственных деревьев. "Каждый дуб в пробковом лесу близ Гибралтара был если не обителью гармонии, то, по крайней мере, шума, и концерт, который поддерживали среди листы многочисленные травяные или, скорее, древесные кузнечики, был просто оглушительным". Napier, *Excursions on the Shores of the Mediterranean*, ii. p. 2.

1343. Sibth. in Walp. Mem. i. 75.

1344. О выращивании яблони см. Theophrast. Hist. Plant. i. 3. 3. Geop. xviii. 18.

1345. Athen. xiv. 63. Etym. Mag. 122. 20.

1346. Geop. x. 41. Plin. xv. 25. Афины. ii. 35.

1347. Theoph. Hist. Plant. iii. 13. 1.

1348. Etym. Mag. 211. 4, sqq.

1349. Geop. x. 3. 73.

1350. Geop. xiii. 19. Афины. ii. 38.

1351. Афины. ii. 12. Vid. Cœl. Rhodigin. vii. 15. Bochart, Geog. Sac. col. 629.

1352. Теофраст. Hist. Plant. i. 3. 3. Плоды гранатового дерева потеряли большую часть своей кислотности в Египте. Id. Hist. Plant. ii. 2. 7.

1353. В Греции апельсиновое дерево и лимон цветут в июне, Chandler, ii. 238.

1354. Ср. Чандлер, ii. 250.

1355. В Вавилонии пальма, по мнению некоторых, размножается отростками. Теофраст. Hist. Plant. ii. 2. 2. В Греции плоды редко созревали полностью. iii. 3. 5.

1356. "Ἐτι δὲ τὸ ἔμπνουεν τῆς αὖρας λιγυρὸν ὑπηχεῖ τῷ μουσικῷ τῶν τεττίγων χορῷ δι' ἣν καὶ τὸ πνίγος τῆς μεσημβρίας ἡπιώτερον ἐγεγόνει ἡδὺ καὶ ἀηδόνει, περὶ πετόμεναι τὰνάματα, μελωδοῦσιν. ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων ἡδὺ φώνων κατηκούμεν ὀρνίθων, ὥπερ ἐμμελῶς ὁμιλούντων ἀνθρώποις. Aristænet. Epist. lib. i. Ep. 3. p. 17.

1357. "Теперь уже отчетливо слышалось любовное трепетание зеленого зяблика. За стенами монастыря часто ухала сова. В реке внизу часто попадались выдры. По бокам берега были норы речных крабов, а среди травы резвилась зеленоспинная ящерица". Sibth. in Walp. Trav. p. 76.

1358. Plat. De Legg. t. viii. p. 107.

1359. Евдок. Ionia. 434.

1360. Плин. xix. 19. Athen. xi. 39.

1361. Boëttig. Fragm. sur les Jar. des Anciens, in Magaz. Encycloped. Ann. vii. t. i. p. 337. Кардинал Квирины, Primordia Corcyræ, c. vii. p. 60, sqq.

1362. Краткое описание садов Кира см. у Ксенофонта. *Æconom.* iv. 21. На этот отрывок наш соотечественник, сэр Томас Браун, написал подробный трактат.
1363. О различных способах размножения деревьев см. *Theophrast. Hist. Plant.* ii. 1. 2.
1364. *Astronomicon*, ii. p. 30. l. 4. *Scalig. et not.* p. 67.
1365. *Ср. Athen.* xiv. 68.
1366. *De Plantis*, ii. 6.
1367. Хобхауз, Путешествия, i. 227. *Thiersch, Etat Actuel de la Grèce*, t. i. p. 297.
1368. *Geop.* iii. 3. 9. *Clem. Alexand. Stromat.* l. vi. *Opera*, t. ii. p. 800. *Venet.* 1657.
1369. *Geop.* xii. 75. x. 75. 19.
1370. *Geop.* x. 77. *Colum.* v. 11. 1. *Паллад.* vii. 5. 2. *Плин.* xvii. 26. *Cato.* 42. *Virg. Georg.* ii. 73, sqq.
1371. *Geop.* x. 76.
1372. Завезен Дионисием Старшим в Региум, где, однако, не достиг больших размеров. *Theoph. Hist. Plant.* iv. 5. 6. Тот же натуралист говорит о двух платанах, одном в Дельфах, другом в Кафие в Аркадии, посаженных, как говорят, рукой Агамемнона, которые все еще процветали в его дни, iv. 13. 2. Это дерево достигает огромных размеров в Пелопоннесе. Чандлер, Путешествия, ii. 308. Нашему путешественнику помешало измерить ствол страх перед некоторыми албанскими солдатами, которые спали под ним; но Теофраст приводит размеры большого платана в Антандросе, ствол которого, по его словам, едва могли обхватить четыре человека, а высота до распускания сучьев составляла пятнадцать футов. Описав размеры дерева, он рассказывает о необычайном факте в естественной истории, а именно о том, что эта платана, снесенная ветрами и облегченная топором от ветвей, ночью самопроизвольно поднялась, пустила свежие ветви и расцвела как прежде. То же самое рассказывается о белом тополе в музее в Стагире и о большой иве в Филиппах. В этом последнем городе прорицатель посоветовал жителям принести жертву и поставить охрану вокруг дерева как благоприятное предзнаменование. *Theoph. Hist. Plant.* iv. 16. 2 и далее. *Ср. Plin.* xvi. 57. В подтверждение рассказа Теофраста Пальмериус сообщает, что зимой 1624-25 годов, когда Бреду осаждал Амброзио Спинола, он сам видел в Брабанте дуб высотой двадцать пять футов и три фута в окружности, поваленный ветром и восстановившийся точно так, как описал великий натуралист. Вульгарные люди, считавшие это чудом, сохранили части его коры или ветвей в качестве амулетов. - *Excercitationes*, p. 598.
1373. *Plut. Sympos.* ii. 6. 7.
1374. "Есть сведения, - замечает лорд Бэкон, - что в низких странах на подвой колеуса прививают яблоневый привой, и он приносит большое флаговое яблоко, ядро которого, если оно будет установлено, окажется колеусом, а не яблоком". Сильва Сильварум, 453.
1375. *Geop.* x. 20. 1. *Varro.* i. 59. *Mustea (mala) a celeritate mitescendi: quæ nunc melimela dicuntur, a sapore melleo.* - *Plin.* xv. 15. *Dioscor.* i. 161.
1376. *Plut. Sympos.* ii. 6. 1.
1377. *Geop.* x. 19. 15, cum not. *Niclas.*
1378. *Inseritur vero ex foetu uncis arbutus horrida.* *Virg. Georg.* ii. 69, с примечанием Сервия.

1379. Plut. Sympos. ii. 6. 1.

1380. Plin. xvii. 14.

1381. Castanea inseritur in se, et in salice, sed ex salice tardius maturat, et fit asperior in sapore. Pallad. xii. 7. 22. Cp. Virg. Georg. ii. 71. Плутарх рассказывает о неких садах на берегу Кефисса в Беотии, в которых он видел груши, растущие на дубе: ἦσαν δὲ καὶ δρύες ἀπίους ἀγαθὰς ἐκφέρουσαι. Sympos. ii. 6. 1.

1382. Geop. x. 41. 3. iv. 12. 5.

1383. Geop. iv. 4.

1384. Thiersch, Etat Actuel de la Grèce, t. i. p. 298.

1385. Idem. t. i. p. 288. Говоря о плодородии островов, Делла Рокка замечает: "Le terroir y est si bon, et les arbres y viennent si vite, que j'ai vu à Naxie des pépins d'orange de Portugal pousser en moins de huit ans de grands orangers, dont les fruits étoient les plus délicieux du monde, et la tige de l'arbre si haute, qu'il falloit une longue échelle pour y monter."-Traité Complet des Abeilles, t. i. p. 6.

1386. Об искусственном созревании фиников, Theoph. ii. 8. 4.

1387. Athen. iii. 19. Plut. Phoc. § 3. Ксеноф. Вектигал. i. 3.

1388. Ὁ νοῦν ἔχων γεωργός, ὧν σπερμάτων κήδοιτο καὶ ἐγκάρπια βούλοιο γενέσθαι, πότερα σπονδῇ ἂν θέρους εἰς Ἀδώνιδος κήπους ἀρῶν χαίροι θεωρῶν καλοῦς ἐν ἡμέραισιν ὀκτὼ γιγνομένου. -Plat. Phaed. t. i. p. 99. Suid. v. Ἀδώνιδ. κῆπ. t. i. p. 84. b. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 3. Caus. Plant. i. 12. 2. Eustath. ad Odyss. λ. p. 459. 4.

1389. Tod, Annals of Rajast'han, vol. i. p. 570.

1390. Cp. Athen. iii. 12. Theophrast. Hist. Plant. i. 3. 3. Плоды египетского платана, или фараоновой смоковницы, употреблялись в пищу как в древности, так и сейчас. Афиней, уроженец Дельты, рассказывает, что они срывали кожуру плода железным когтем и оставляли его в таком виде на дереве на три дня. На четвертый день его можно было есть, и он источал очень приятный запах". Deipnosoph. ii. 36. Теофраст добавляет, что на плод, вскрытый железом, также наливали немного масла. De Caus. Plant. i. 17. 9. ii. 8. 4. На Мальте инжир до сих пор иногда созревает путем введения небольшого количества оливкового масла в глаз плода или прокалывания его соломинкой или пером, смоченным в масле. Napier, Excursions along the Shores of the Mediterranean, vol. ii. p. 144. Cp. лорд Бэкон, Sylva Sylvarum, 446.

1391. Ap. Athen. iii. 10. Cp. Theoph. Hist. Plant. i. 8. 1.

1392. Aristot. de Gen. Anim. t. i.

1393. Suid. v. ἐρινεὸς. t. i. p. 1038. d.

1394. Cp. Tournefort, t. ii. p. 23.

1395. Schol. Аристоф. Acharn. 767

1396. Athen. iii. 7. Лаконская смоковница не была распространена в Аттике. Фрагмент. Аристоф. Georg. 4. Брунк. Этот вид фиго требует обильного полива, который, как выяснилось, ухудшает вкус других видов. Theoph. Hist. Plant. i. 7. 1.

1397. Athen. iii. 8.

1398. Athen. iii. 9. В фиговых садах Малой Азии пространства между деревьями засеваются, как в виноградниках, кукурузой, а кусты часто наполнены соловьями.-Chandler, i. 244.

1399. Athen. iii. 10. Существует также вид, получивший свое название из-за сходства с вороном по окраске. Sch. Aristoph. Pac. 611. Philost. Icon. i. 31. p. 809, где фигуры перечислены в его изящном описании Ксении. Cp. Pausan. i. 37. Vitruv.

1400. Geop. x. 9. Clus. Rar. Plant. Hist. i. 4.

1401. Geop. x. 14. 60. Pallad. ii. 15. 13.

1402. Geop. x. 16. 53. 76.

1403. Geop. x. 59. Theoph. Hist. Plant. ii. 8. 1. Caus. Plant. i. 9. 1. Plin. xvii. 43. Pallad. ii. 15. 11.

1404. Geop. x. 3. Cp. Xenoph. Oeconom. xix. 3.

1405. Плин. xvii. 13. Когда дерево было бесплодным или потеряло силу при цветении, его расщепляли у корня и вставляли в расщелину камень, чтобы она оставалась открытой, после чего говорили, что оно хорошо плодоносит. Theoph. Hist. Plant. ii. 7. 6. Кроме того, было принято ранить стволы миндальных, грушевых и других деревьев, как, например, служебное дерево в Аркадии, чтобы сделать их плодородными. 1d. ii. 7. 7. Ягоды кизила и служебных деревьев были слаще и созревали раньше в диком виде, чем при культивировании, iii. 2. 1.

1406. Древние считали, что луна созревает плоды, способствует пищеварению и вызывает гниение в древесине и животных веществах. Athen. vii. 3. Cp. Plut. Sympos. iii. 10.

1407. Geop. x. 2. 13.

1408. Cp. Vigenère, Images des Philostrates, p. 48.

1409. "Les orangers et les citronniers parfument l'air par la quantité prodigieuse des fleurs dont ils sont chargés, et qui s'épanouissent aux premières chaleurs."-Della Rocca, Traité sur les Abeilles, t. i. p. 5.

1410. Родом с Крита. Pashley, i. 27. κοδύμολον на древнем диалекте этой страны. Athen. iii. 2.

1411. Schol. Aristoph. Vesp. 480. Geop. xii. 1. 2.

1412. Geop. xii. 6. Pallad. i. 35. 16.

1413. Лукиан. Luc. siv. Asin. § 43.

1414. Geop. ii. 37. 40.

1415. Они были покрыты пластинами из ляпис спекулярис и снабжены колесиками, чтобы их было удобнее ввозить и вывозить из-под крыши. Colum. De Re Rust. xi. 3. p. 461: см. также Castell, Villas of the Ancients, p. 4.

1416. В настоящее время их можно найти растущими даже на кладбищах. "Водные дыни, которые растут там и сям на заброшенных могилах, напоминают по форме и цвету человеческие трупы, которым не дано было потрудиться, чтобы разглядеть их". Chateaub. Itin. i. 27. В Леванте эти плоды считаются настолько невинными, что их дают больным при лихорадке. Chandler, i. p. 77.

1417. Colum. De Cult. Hortor. 234.

1418. Sch. Аристоф. Ахарн. 494.

1419. Athen. iii. 1.

1420. Чандлер, i. 317.

1421. См. "Обращение Стратиса к гусенице". Афины. ii. 79. Theoph. Hist. Растения. vii. 2. 4. 5. 4.

1422. Георг. xii. 13. 3. Pallad. ii. 14. 2.

1423. Афины. i. 12.

1424. Георг. xii. 19. 1, sqq. Паллад. iv. 9. 8.

1425. Плин. xix. 23. Pallad. iv. 9. 8.

At qui sub trichila manantem repit ad undam,

Labentemque sequens nimio tenuatur amore,

Candidus, effoetæ tremebundior ubere porcæ.

Colum. x. De Cult. Hortor. 394.

1426. Лорд Бэкон, заметив этот факт, добавляет следующее мудреное замечание: "Если поставить кол или подпорку на определенном расстоянии от нее (виноградной лозы), она будет расти в ту сторону, что гораздо страннее, чем в другую: ведь вода может действовать по симпатии притяжения; но этот кол кажется разумным рассуждением". Сильва Сильварум, 462.

1427. Theoph. Hist. Plant. vii. 3. 5. Plin. Hist. Nat. xix. 24.

1428. Plin. xix. 23.

1429. Ср. Афины. iii. 5.

1430. Athen. iii. 2.

1431. Лучшие дыни, известные в настоящее время в Греции, - это дыни из Кефалонии, которые теряют свой вкус, если их пересадить. Hobhouse, Trav. &c., i. 227. Ср. Chandler, i. p. 14.

1432. Schol. Аристоф. Acharn. 494.

1433. Theoph. Hist. Plant. ii. 7. 5.

1434. Schol. Aristoph. Pac. 966.

1435. Георг. xii. 18. 2. Плин. xix. 42. Dioscor. ii. 152. Врач, однако, скромно исповедует свое неверие: ἔνιοι δὲ ἰστορήσαν, ὅτι ἑάν τις κριοῦ κέρατα συγκόψας κаторύξῃ, φύεται ἀσπάραγος - ἐμοὶ δὲ ἀπίθανον.

1436. Спаржа, однако, была найдена в современное время, растущая в диком виде среди руин Эпидауроса. Чандлер, ii. 249.

1437. Афины. ii. 62.

1438. Geop. ii. 41.

1439. Athen. ix. 9. Suid. v. κράμβη. t. i. p. 1518. b. Cp. Foës. Œconom. Hippoc. v. κραμβίων. p. 214. Dioscorid. ii. 146.

1440. Cp. Steph. Byzant. de Urb. p. 488. b.

1441. Cp. Casaub. Animadv. in Athen. ix. 9. t. x. p. 24.

1442. Theoph. Hist. Plant. vii. 1. 3.

1443. Athen. iv. 11.

1444. Theoph. Hist. Plant. vii. 4. 2. 6. 4. Aristoph. Concion. 355, et schol.

1445. Геоп. xii. 1.

1446. Geop. xii. 25. 1.

1447. Cp. Sibth. Flor. Græc. tab. 368.

1448. Dioscor. iii. 53. Geop. xii. 25. 4.

1449. Geop. xii. 24.

1450. Поэт Панкрат говорил, что розовый лотос был создан из крови льва, убитого императором Адрианом. Афины. xv. 21.

1451. Афины. iii. 1.

1452. Nicander in Georgicis ap. Athen. iii. 1.

Σπείρειας κύαμον Αἰγύπτιον, ὄφρα θερείης
Ἄνθεα μὲν στεφάνους ἀνύης- τὰ δὲ πεπτηῖα
Ἀκμαίου καρποῖο κιβώρια δαινυμένοισιν
Ἐς χέρας ἡῖθεοισι, πάλαι ποθέουσιν, ὀρέξης
Ῥίζας δ' ἐν θοίνησιν ἀφεψήσας προτίθημι.

См. примечание Швейгхойзера, т. vii. 10.

1453. Histor. Plant. iv. 10.

1454. Он также был найден в Thesprotia. Athen. iii. 3.

1455. Geop. ii. 39. Апулей рассказывает, что цветок люпина поворачивался вместе с солнцем даже в пасмурную погоду, так что он служил своего рода сельскими часами. Cp. Plin. xviii. 67.

1456. Каперсовый куст цветет в июне. Чандлер, ii. 275.

1457. Theoph. Hist. Plant. i. 3. 6. Cp. Sibth. Flor. Græc. tab. 488.

1458. Athen. ii. 52.

1459. Theoph. Hist. Plant. i. 9. 2. Cp. vii. 3, 3. Гесиод относит мальву и асфodelь к съедобным растениям. Opp. et Dies, 41. Поэтому Гетлинг (Gœttling, in loc.) считает, что Пифагор должен был запретить мальву. Cp. Aristoph. Plut. 543. Suid. v. θύμος. t. 1. p. 1336. e. Horat. Od. i. 32. 16.

1460. Colum. de Cult. Hortor. 253. Кардан в своем трактате De Subtilitate, взявшись объяснить причину, по которой некоторые цветы склоняются к солнцу, его антагонист, Ж. К. Скалигер, так отзывается о его философии: "De floribus, qui ad Solem convertuntur non pessime ais: tenue humidum ad Solis calorem, se habere, ut corii ad ignem. Cæterum adhuc integra restat quæstio. Rosis enim tenuissimum esse humidum testantur omnia. Non convertuntur tamen. Platonici flores quosdam etiam Lunæ dicunt esse familiares: qui sane huic Sideri, sicut illi suo canant hymnos, sed mortalibus ignotos auribus." Exercit. 170, § 2. "Причина (склонения гелиотропа) несколько неясна; но я полагаю, что она не что иное, как то, что та часть, на которую падает солнечный жар, становится более слабой и вялой в стебле и тем самым менее способна поддерживать цветок". Бэкон, "Сильва Сильварум", § 493.

1461. Sibth. Flor. Græc. t. 1. tab. 258, seq.

1462. Colum. x. de Cult. Hortor. 230, sqq. Sch. Aristoph. Nub. 235.

1463. Theoph. Hist. Plant. i. 72. 2.

1464. Schol. Аристоф. Acharn. 826, 837.

1465. Colum. x. De Cult. Hortor. 374. Английский перевод. Theoph. Hist. Plant. vii. 12. 1.

1466. Theoph. Hist. Plant. vii. 3. 3. Cp. Dioscor. iii. 68, seq.

1467. Athen. iv. 11.

1468. Athen. ix. 8.

1469. Theoph. Hist. Plant. vii. 4. 7, 10, 11. Аристоф. Plut. 283, et schol. Eq. 675. 494. Весп. 680. Acharn. 166, 500. Plut. 283.

1470. Schol. Аристоф. Pac. 246. 252.

1471. Cp. Schol. Аристоф. Eq. 675.

1472. Этот отрывок ускользнул от внимания Мурсия, Græc. Feriat. p. 150.

1473. Athen. ix. 13.

1474. Dioscor. ii. 200, seq. Плин. xix. 11.

1475. Athen. ii. 57. Schol. Аристоф. Nub. 189, 191. Eccles. 1092. Geop. xii. 36.

1476. Аналогичное наблюдение сделано во Франции в отношении трюфелей, лучшие из которых, как предполагается, растут у корней и под тенью дуба. Троллоп "Лето в Западной Франции", ii. 352.

1477. Geop. xii. 41. 2.

1478. Sch. Aristoph. Nub. 189.

1479. Особенно это было характерно для Херсонеса Таврического -Theoph. Hist. Plant. vii. 13. 8.

1480. Theophrast. Hist. Plant. i. 10. 7.

1481. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 13.

1482. Athen. ii. 62.

1483. Plut. Sympos. iv. 2. 1. который рассказывает, что ὕδνα достигла очень больших размеров в Элисе.

1484. Vid. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 13.

1485. Walp. Mem. i. 284.

1486. Valmont de Bomare, Dict. D'Hist. Nat. t. ii. p. 21, seq.

ГЛАВА III.

ВИНОГРАДНИК, УРОЖАЙ И Т. Д.

Одной из главных отраслей земледелия^[1487] в Греции была культура виноградной лозы, вероятно, завезенной из Финикии.^[1488] Задолго до исторической эпохи, однако, она распространилась по всей стране, а также в некоторых частях Малой Азии, как можно заключить из языка Гомера,^[1489] который часто перечисляет виноградники среди владений своих героев. Как и большинство вещей, происхождение которых неизвестно, виноградная лоза послужила для поэтов и простых людей предметом многочисленных басен, некоторые из которых считались достаточно важными, чтобы быть сохраненными и переданными потомкам. Так, среди озолийских локрийцев считалось, что^[1490] возникла из небольшого кусочка дерева, принесенного сукой вместо приплода. Другие полагали, что виноградная лоза появилась в местечке близ Олимпии^[1491], в доказательство чего жители утверждали, что ежегодно во время дионисийского праздника у них происходило чудо. Они взяли три пустых медных сосуда и, плотно закрыв и запечатав их в присутствии свидетелей, снова открыли их через какой-то промежуток времени, о котором не говорится, и обнаружили, что они полны вина. Согласно другим авторитетам, окрестности Плинине в Египте имели честь быть колыбелью Диониса, из-за чего древних египтян некоторые обвиняли в распутстве, хотя в эпоху Геродота^[1492] во всей долине Нила, похоже, не было виноградников. На самом деле^[1493] виноградная лоза является уроженкой всех умеренных климатических зон, как в Старом Свете, так и в Новом, и даже процветает^[1494] и дает прекрасный виноград в различных условиях тропиков, где гроздь в разной стадии спелости можно наблюдать на ее ветвях в любое время года.

Мнения греческих писателей о почве, наиболее подходящей для выращивания винограда, основанные на опыте, в целом совпадают с теми, которые преобладают в наши дни.^[1495] Они предпочитали для своих виноградников пологие склоны холмов,^[1496] где почва была хорошей, хотя легкой и пористой, и изобиловала источниками на не очень большой глубине от поверхности.^[1497] Значительная степень влажности всегда считалась необходимой, поэтому в засушливых районах в почву закапывали большие полые морские раковины и фрагменты песчаника^[1498], которые считались вместилищами влаги.

Некоторые даже считали, что виноградная лоза любит богатую аллювиальную почву равнин, как, например, в Египте,^[1499] где в более поздние времена берега Нила от Элефантины до

моря, кажется, представляли собой одну огромную череду виноградников.^[1500] Но превосходные виноградники были только в нескольких местах, как в Коптосе и в окрестностях озера Мареотис, где ливни песка, наносимые из пустыни или с морского берега, уменьшали жирность почвы. Что касается Коптоса, то мы не располагаем точными сведениями,^[1501] но нам прямо говорят, что мареотийские виноградники покрывали ряд песчаных валов, простирающихся на восток от озера в сторону Розетты.^[1502] На южной границе Египта, на скалистом и живописном острове Элефантине, виноградная лоза, как говорят,^[1503] никогда не сбрасывает своих листьев; но поскольку в настоящее время там ничего не растет, у путешественника нет возможности решить этот вопрос. В Греции виноградники на равнинах обычно отводились для выращивания зеленого винограда, а пурпурный, как предполагалось, предпочитал склоны холмов или даже гор, если не подвергался воздействию яростных ветров на их вершинах. Некоторые сорта белого винограда, такие как псиллийский, корсирийский и хлорианский, также предпочитали возвышенные виноградники,^[1504] хотя часто считалось необходимым отменить эти правила и заставить уроженцев холмов спуститься на равнины, в то время как уроженцы равнин, в свою очередь, подвергались воздействию климата гор.

При выборе места для виноградника необходимо было проявить немалую осмотрительность, хотя почти все зависело от климата и общей конфигурации местности, в которой он располагался. Так, в теплых странах, как в Пентаполисе Кирийском, виноградники склонялись к северу; в Лаконии они занимали восточную сторону горы Тайгетос, а в Аттике и на островах холмы часто оказывались окруженными лозами. В целом, однако, наибольшим уважением пользовались те, которые смотрели в сторону восходящего солнца и без помех принимали первые утренние лучи.^[1505] Так же обстоит дело и в Кот-д'Ор, где лучшие вина, такие как Шамбертен, Вин де Бон и Кло Вужо, выращиваются на восточных склонах. В некоторых частях Греции виноградная лоза сильно страдала от преобладания определенных ветров, например, восточных и западных в Фессалии, которые в сорок холодных дней зимы сопровождались морозами, убивавшими верхние конечности, а иногда и весь ствол. В Халкиде, в Эвбее, также дул западный ветер Олимпиас, который высушивал и сжигал, или, как выражаются греки, сжигал листья, иногда полностью уничтожая сам кустарник.^[1506] В таких ситуациях, соответственно, было необходимо защищать его покрытием^[1507] во время преобладания холодных ветров. В Метане, в Арголиде, когда весной с юго-востока дул ветер из Саронического залива,^[1508] жители, чтобы защититься от него, накрывали свои лозы невидимыми тегументами заклинания; это делалось следующим образом: взяв молочно-белого петуха и разрезав его пополам, двое мужчин брали каждый свою часть, а затем, встав спина к спине, расходились в разные стороны, обходили виноградник и, вернувшись, закапывали останки петуха в землю. После этого либс мог дуть, как ему заблагорассудится, поскольку не имел права причинять вред имуществу человека, находящегося в пределах освященного круга.^[1509] Преобладание северного ветра осенью считалось благоприятным, поскольку, по их мнению, он ускорял созревание плодов.

Решив разбить новый виноградник, земледелец, разумеется, сначала обводил место живой изгородью^[1510], которую делали густой и крепкой, чтобы отгонять стада и отары, которые, как и козы, лисы и солдаты, любили полакомиться виноградной лозой.^[1511] Следующей его заботой было выкорчевывание кустов орешника и маслины: предполагалось, что корни первого не подходят для дионисийского дерева, а маслянистая кора последнего делает его особенно восприимчивым к огню, благодаря чему виноградники часто превращались в пепел. Так, по крайней мере, говорит Вергилий.^[1512]

Выкорчуй дикие маслины из земель твоих, где ты трудился,

Ибо искрящийся огонь из неосторожных рук оленей

Часто рассыпается по их сочной коже,

И часто разносится бушующими ветрами;

Ибо сначала тлеющее пламя охватывает ствол,

Затем оно поднимается вверх и трещит в листьях;

И в конце концов победоносно устремляется к вершине,

вовлекая в дымный пожар все дерево.

Но чаще всего, подгоняемый ветрами, пламенный шторм

Длинных пил уничтожает прелестный вид;

В пепле лежит несчастный виноградник,

И не восстанут из руин загубленные растения,

И не засохшая поросль не зазеленеет вновь,

Но дикая маслина прорастает И затеняет неблагодарную равнину.

Следующей операцией^[1513] было рытье траншеи и насыпание земли на возвышенные гряды, которые под воздействием летнего солнца, а также дождей, ветров и морозов зимой становились мягкими и благодатными. Время от времени в землю вкапывали навоз, состоящий^[1514] из толченых желудей, чечевицы и других растительных веществ, чтобы придать почве тепло и плодородие, необходимые виноградной лозе.

Земля оставалась в таком состоянии в течение целого года, ее поверхность выравнивалась, и для лозы прокладывался ряд неглубоких борозд по линии, довольно близкой, на богатых аллювиальных равнинах, но расходящейся все больше^[1515] пропорционально возвышенности участка. Как правило, лоза размножалась отростками умеренной длины, посаженными иногда вертикально или à l'aiguille,^[1516] как говорят в Лангедоке, иногда наискосок,^[1517] что, как правило, считалось лучшим способом. Вместе с косой в борозду обычно бросали горсть виноградных косточек,^[1518] зеленых с пурпурной лозой, а пурпурных с зеленой, чтобы они быстрее укоренились. В некоторых случаях всегда ставили две лозы вместе, чтобы, если одна пропустит, другая могла укорениться, а когда обе вырастали, более слабую отрезали или удаляли. Несколько камней,^[1519] размером с кулак, клали вокруг лозы поверх навоза, полагая, что они помогут предотвратить выжигание корней солнцем в летнюю жару.^[1520] Некоторые смазывали нижнюю часть лозы кедровым маслом, которое предотвращало гниение, а также своим запахом отгоняло паразитов.

Чтобы получить виноград без косточек, нижний конец лозы расщепляли, а сердцевину осторожно вынимали с помощью ушной кирки.^[1521] Затем ее обвязывали листом папируса, вставляли в морскую луковцу и таким образом высаживали. Лозы, дающие лекарственный виноград, создавались путем извлечения косточки из нижней части лозы, но без расщепления, и введения в углубление определенных лекарств,^[1522] закрывая край папирусом и таким образом сажая его в землю. Вино, виноград, листья и даже пепел такой

лозы считались средством от укусов змей и собак, хотя и не защищали от гидрофобии. Другой способ получения бескосточкового винограда заключался в том, чтобы обрезать все ветви уже растущей лозы, извлечь косточки из их концов и раз в неделю заполнять полость соком сильфияна,^[1523] тщательно привязывая их к подпоркам, чтобы жидкость не могла вытечь. Также использовался способ получения зеленого и пурпурного винограда на одной грозди.^[1524] Для этого брали две лозы как можно более одинакового размера, одну из белого, другую из черного винограда, и, разделив их посередине, тщательно подгоняли половинки к их противоположностям, так чтобы почки, когда они разделятся, точно сошлись. Затем их крепко связывали папирусной нитью и помещали в землю в морском одионе,^[1525] чей клейкий сок способствовал срастанию разделенных частей. Иногда вместо лозы использовали отростки, отрезанные от ствола большой лозы, с прикрепленными к ним корнями. В других случаях лозу прививали, как и любое другое плодовое дерево, на различные подвои,^[1526] каждый из которых изменял качество и вкус винограда. Так, лоза, привитая на миртовом подвое,^[1527] давала плоды, напоминающие ягоды мирта. Привитый на вишневое дерево виноград претерпел иные изменения и созрел, как вишня, весной. Поскольку в жаркое лето глина в местах соединения этих прививок становилась сухой и немного трескалась, садоводы имели обыкновение каждый вечер увлажнять ее губкой, смоченной в воде.^[1528]

Древние земледельцы часто были несколько причудливы в своих действиях. Чтобы при создании питомника^[1529] побудить молодые растения к росту, грядки, на которые их пересаживали, формировали из пласта земли, принесенного с виноградника, откуда они и были взяты. Еще одной тонкостью было позаботиться о том, чтобы они занимали точно такое же положение по отношению к четвертям неба^[1530], как и при выращивании на родительском подворье.^[1531]

"Кроме того, чтобы посадить его так, как он был, они отмечают

Четыре четверти небес на нежной коре,

И на север или на юг восстанавливают сторону.

Которая при их рождении была теплой или холодной,

Так силен обычай; такое воздействие

В нежных душах податливых растений".

Когда хотели расширить плантацию на старом винограднике, вместо вышеописанных способов прибегали к другому, а именно: пригибали^[1532] ветку винограда и закапывали ее до самого конца в землю, где она пускала корни и давала начало новой лозе, и таким образом иногда получался длинный ряд листовенных аркад^[1533]. У подножия своих лоз некоторые земледельцы имели привычку закапывать три козьих рога^[1534] остриями вниз, а другим концом - над почвой. Они считали их вместилищами для приема и постепенной передачи воды к корням, а следовательно, и активной причиной плодородия лозы.

Относительно времени посадки^[1535] мнения разделились: одни предпочитали близкую осень, сразу после опадания листьев, когда сок покидал ветви и спускался к корням; другие выбирали для этой операции раннюю весну, как раз перед тем, как сок начнет выделяться; третьи откладывали ее до тех пор, пока почки не начнут набухать, и признаки весны не станут очевидными. На эти разновидности практики Вергилий делает намек.

Когда зимние морозы сковывают поле холодом,
И слабый корень не может устоять;
Но когда золотая весна открывает год,
И белая птица возвращается, которую змеи боятся,
В это время лучше всего сажать свои лозы;
Затем, когда осеннее тепло спадет,
Пока тепло не угасло и не начался холод,
Или Козерог впускает зимнее солнце.

Но вышеперечисленные правила были не единственными, которые соблюдались; ведь, помимо общего шествия времен года, они обращали внимание на фазы луны,^[1536] чье влияние на растительность вся древность считала очень сильным. Одни сажали растения в течение четырех дней, следующих за рождением новой луны, другие растягивали свои труды на первые две четверти. Акт обрезки^[1537] совершался, когда эта планета находилась на убыли.

В Греции существовали^[1538] три замечательные разновидности виноградной лозы, созданные благодаря различиям в способе выращивания.^[1539] Первая состояла из растений, всегда подстриженных и поддерживаемых на подпорках, как во Франции; вторая - из деревьев-скалолазов, отсюда название Anadendrades; третий сорт не пользовался ни одним из этих преимуществ,^[1540] но, будучи выращен главным образом на крутых и каменистых местах, раскидывал свои ветви по земле, как до сих пор принято на Сире^[1541] и других островах Архипелага.

Виноградные лозы^[1542], по-видимому, обычно состояли из короткого тростника, который, соответственно, широко культивировался как в Элладе, так и в ее колониях в Северной Африке, где музыкальная цикада, чрезмерное размножение которой предвещало болезненный год, прорывала кору и откладывала яйца в углубление внутри.^[1543] От неудобства, связанного с использованием такой опоры, произошла деревенская поговорка: "Опора обманула лозу"; ведь эти тростники иногда пускали корни, перерастали своих клиентов и монополизировали влагу в почве.

На богатых и ровных землях, особенно там, где культивировалась аминская лоза^[1546], стойки часто поднимались на высоту пяти или шести футов; но на холмистых виноградниках, где почва была легче и менее питательной, они не превышали трех футов. Если тростник было невозможно достать, на смену ему приходили ясеновые^[1547], но они всегда были тщательно обработаны корой, чтобы в них не устраивали гнезда кантариды и другие насекомые, вредящие виноградной лозе. Цена их, по-видимому, была немалой, так как мы находим слова одного крестьянина о том, что он выложил сто драхм за виноградные лозы.^[1548] Чтобы предотвратить их быстрое гниение, их обмазывали сверху смолой, а после сбора винограда тщательно собирали и складывали в дверях.^[1549]

Виноградник, полностью состоящий из анадендрасов, наиболее распространенных в Аттике, весной и летом представлял собой очень живописный вид, особенно если располагался на крутом склоне холма.^[1551] Деревья, предназначенные для поддержки виноградных лоз, посаженные по прямой линии и возвышающиеся друг за другом, терраса над террасой, с интервалом в три или четыре и двадцать футов, были красивы по форме и

разнообразны по характеристикам, в основном состояли из черного тополя, ясеня, клена, вяза,^[1553] и, вероятно, также платана, который все еще используется для этой цели на Крите.^[1554] Хотя в некоторых местах, где почва была скудной, их держали на низком уровне, в других им позволяли вырастать до тридцати или сорока, а иногда, как в Вифинии, даже до шестидесяти футов в высоту.

Лицо дерева, по которому карабкалась лоза, вырубалось отвесно, как стена, на которой висели пурпурные или золотые гроздья, пока молодые ветви ползли по сучьям или по мостикам из тростника,^[1555] соединяя дерево с деревом, и, когда они окрашивались в насыщенные оттенки осени, радовали глаз необычайным разнообразием листвы. Когда нижние ветви этих благородных деревьев были тщательно вырублены, образовался ряд высоких арок, под которыми свободно гуляли бризы, поскольку обильные потоки чистого воздуха считались не менее важными для идеального созревания винограда^[1556], чем постоянный солнечный свет. Иногда виноградная лоза, поднимаясь вверх, огибала ствол своего помощника, что, однако, наиболее благоразумные садоводы считали вредным, поскольку обилие лигатур, которые она выбрасывала при подъеме вверх, истощало ее силы, для предотвращения чего между стеблем и деревом то тут, то там вставляли деревянные клинья^[1557]. Кроме того, при прокладывании ветвей вдоль сучьев старались держать их как можно выше, чтобы они получали больше солнечного света и были более подвержены воздействию ветра.

Эти анадендрады,^[1558] которые, как предполагалось, производят самые лучшие и долговечные вина, вероятно, как и в настоящее время, созревали гораздо позже других сортов лоз из-за деревьев, которыми они были затенены. На современном Крите,^[1559] где, однако, их никогда не подрезают, виноград редко созревает раньше ноября, и иногда он снабжает базар в Хании свежими запасами до самого Рождества. То же самое происходит и в Египте.

Иногда, особенно на Кипре, анадендрады вырастали до огромных размеров. В Популонии, в Этрурии, была статуя Юпитера, вырезанная из одной лозы; колонны храма Геры в Метапонтуме состояли из множества лоз; а вся лестница, ведущая на крышу храма Артемиды в Эфесе, была построена из древесины одной лозы с Кипра. Чтобы сделать эти факты достоверными, нам сообщают, что в Арамбисе, в Африке,^[1560] была лоза двенадцати футов в окружности, а современные путешественники находили их таких же размеров в других частях света.^[1561] Во Франции, например, у знаменитой Анны, герцога де Монморанси, был стол, сделанный из одной плиты виноградного дерева, который спустя двести лет после этого Бротье^[1562] видел сохранившимся в городе Экуэн.

Вернемся, однако: широкие промежутки между деревьями не оставались в этом классе виноградников совершенно пустыми, их иногда засевали^[1563] кукурузой или засаживали бобами, тыквами, огурцами и чечевицей.^[1564] Капуста^[1565] была тщательно исключена,^[1566] как враг Диониса. В других случаях эти промежутки времени посвящались выращиванию фруктовых деревьев, таких как гранат, яблоня, айва и олива. Фиговое дерево считалось вредным, хотя его часто сажали рядами с внешней стороны виноградника.

О тех виноградных лозах, которые выращивались без помощи подпорок,^[1567] или деревьев, у нас мало сведений, кроме того, что такие были. Но поскольку они все еще встречаются в стране, вполне вероятно, что преобладающий сейчас способ их выращивания почти напоминает древний. В Сирии их обычно сажают вдоль крутых склонов гор, где они раскидываются и опираются на камни, а их плоды рано созревают под воздействием тепла, отраженного от земли. Нередко их сажают и на более ровных участках, и тогда, как только

виноград достигает какого-либо размера, муж проходит через виноградник с охажкой вильчатых деревянных подпорок, которые он искусно вводит под ветви и прочно закрепляет, чтобы гроздь не касались плесени. Причиной применения этого метода являются неистовые ветры, которые в определенное время года преобладают на многих греческих островах, препятствуя росту лесов и пригибая инжир и все другие фруктовые деревья к земле. Промежутки между линиями ежегодно обрабатываются особым плугом^[1568], запряженным волами, перед которым идет человек, поднимая лозы и придерживая их в стороне, пока он проходит. Таким образом уничтожаются сорняки, а заодно и все верхние корни лозы, что вынуждает ее спускаться глубже в землю, где она находит более прохладное и обильное питание. В этом отношении практика сиротов очень похожа на практику их предков. Некоторые земледельцы также старались при прополке^[1569] удалять крупные камни, хотя часто предполагается, что они, сохраняя влагу, приносят больше пользы, чем вреда.

Особенность характера древних заключается в том, что они любили приписывать низшим животным первые намеки на различные полезные практики. Так, они утверждали, что именно осел, объезжая конечности виноградной лозы, от чего она только пышнее плодоносит, научил их искусству обрезки, а также, возможно, питаться усиками и нежными ветками,^[1570] которые среди них считались деликатесом. В знак благодарности за это наставление они воздвигли в Науплии^[1571] мраморную статую в честь этого злосчастного четвероногого, к которому, боюсь, с того дня и по сей день редко обращались так хорошо. Правила обрезки^[1572] похожи на те, что используются до сих пор, поэтому нет необходимости повторять их, хотя, возможно, стоит упомянуть, что пастух, который жаждал обильного урожая, старался обрезать свои лозы^[1573] с бровями, затененными кроной плюща. Они считали признаком урожайного года, когда смоковница и белая лоза пышно распускались весной,^[1574] после чего им оставалось только молить богов о том, чтобы не было слишком много дождей или слишком много засухи,^[1575] и тех ужасных градов, которые иногда опустошали целые районы. Против этих бедствий, однако, у них было средство защиты, которое заключалось в привязывании амулета в виде ремешка из тюленьей шкуры или орлиного крыла к одному из подвоев,^[1576] после чего весь виноградник должен был быть защищен от повреждений. Тот же эффект производил удар куском железа по камню халезита при приближении бури, а также вывешивание в винограднике изображения виноградной грозди в момент захода созвездия Лиры.^[1577] Чтобы отбить восхождение паразитов по стволу, его обмазывали толстым слоем битума,^[1578] привезенного из Киликии, а чтобы уберечь ветви от ос, их обдували небольшим количеством оливкового масла.^[1579]

Пока виноград рос, древние, следуя примеру природы, полагали, что ему нужна тень, поскольку листья в это время распускались наиболее обильно, чтобы укрыть молодые плоды от палящего солнца; Но когда они начинали окрашиваться в золотистые или пурпурные тона, наблюдая, как листва сморщивается и сжимается вокруг них, чтобы позволить теплым лучам проникнуть в плоды, они тогда срывали ветви и торопили сбор винограда,^[1580] выщипывая гроздь по мере их созревания, чтобы они не опали и не пропали. Но этот частичный сбор винограда мог происходить только в их садах или там, где лоза была высажена вокруг дома; поскольку в обычных виноградниках сезон сбора регулировался законом,^[1581] как в Бургундии и на юге Франции, чтобы защитить население от пагубного мошенничества, которое в противном случае практиковалось бы. В Аттике этот день обычно совпадал с гелиакальным восходом созвездия Арктура.^[1582]

Когда магистрат объявлял, что наступил сезон сбора винограда^[1583], служители Вакха спешили на покрытые виноградом холмы, превращая свои труды в повод для обильного веселья и пиршества. Отряды виноградарей, состоящие из юношей и девушек, с коронами

из плюща на головах, в сопровождении сельских исполнителей на флейте или фисгармонии, двигались вперед с криками, танцами и песнями к священным загонам Диониса, окруженным плетеными живыми изгородями и голубыми ручейками.^[1584] Здесь, где

"- виноградные ливни

В вакхическом изобилии падает на землю

пурпурный и пышный".

они сразу же приступили к своей радостной работе. Острыми секаторами^[1585] они отделяли от лозы пышные гроздья, золотые или пурпурные, и, складывая их в плетеные корзины из осины или тростника, несли на своих плечах к винному прессу. В этой операции, как я уже говорил, участвовали и мужчины, и женщины; но к прессу прикладывались только мужчины,^[1586] которые, полупьяные от удовольствия,^[1587] и паров молодого вина, громко распевали свои древние национальные гимны в честь Вакха.

Винный пресс, стоявший под навесом, иногда состоял из двух вертикальных и многих поперечных балок,^[1588] которые, опускаясь с большим весом на виноград, выжимали из него все соки, а те, проходя через сито,^[1589] на наклонную плиту, выливались через небольшой канал, образованный для этой цели, в широкий открытый сосуд, сообщавшийся с чаном. В процесс виноделия^[1590] вдаваться нет необходимости. Достаточно, пожалуй, сказать, что после изготовления оно хранилось в шкурах или больших глиняных кувшинах до тех пор, пока не требовалось для использования. Вина современной Аттики и Мореи^[1591] сохраняются от закисания благодаря обильному вливанию смолы.^[1592]

Спортивные состязания^[1593], которые проводились во время сбора винограда, были шумными и веселыми и иногда отличались чрезмерной развязностью. На деревенскую зелень выносили несколько туго набитых винных шкур, и там, обильно намазав их маслом, шатающиеся деревенщины стремились, каждый в свою очередь, прыгнуть и встать на одну из них голой ногой.^[1594] Пропажи, соскальзывания и падения, неловкие фигуры, которые они иногда создавали на земле, шутки, крики и смех зрителей, смешанные со звоном деревенских инструментов и ревом вакхических песен, составляли очарование сельской Дионисии, из которой, через многие изменения и градации, возникла, как мы уже видели, греческая драма. Чтобы без стыда дать волю языку, они иногда закрывали лица масками, сделанными из коры деревьев, что, несомненно, привело к появлению тех, которые впоследствии использовались в театре. Иногда разыгрывался фарс^[1595], представлявший поиски афинянами тел Икария и Эригоны. Первый, по преданию, был человеком, научившим жителей Аттики употреблять вино, которым он по какому-то случаю угостил нескольких пастухов. Эти полузвери, видя, что их силы и разум не выдерживают, вообразили, что их отравили, и в отместку набросились на дарителя, предав его смерти. Его собака Мера сбежала и, приведя Эригону к месту убийства отца, тут же повесилась, обнаружив труп. После этого все они перенеслись на небо и превратились во множество созвездий: Боэты,^[1596] Собака и Дева, блеском которых мы до сих пор радуемся по ночам. Вскоре после этого девы Аттики были охвачены безумием и повесились в огромном количестве, после чего оракул, посоветовавшись, велел афинянам разыскать тела Икария и Эригоны. Не найдя их нигде на земле, они подвесили веревки к ветвям высоких деревьев, раскачиваясь на которых, казалось, что они ведут поиски в воздухе; но многие из этих отважных исследователей, получив сильные падения, впоследствии довольствовались тем, что подвешивали к веревкам маленькие изображения по своему подобию, которые они посылали в воздух то туда, то сюда в качестве их заменителей.

Но не весь урожай виноградников шел на изготовление вина: большое количество винограда^[1597] сохранялось для стола или превращалось в изюм.^[1598] Последний иногда делали, тщательно собирая после полнолуния и выкладывая сушиться на солнце, около десяти часов утра, когда испарялась вся роса. Для этой цели в каждом винограднике, саду и фруктовом саду было место, называемое Фелопедон,^[1599] которое, по-видимому, представляло собой гладкую приподнятую террасу, где не только виноград, но и миртовые ягоды, и все другие виды фруктов выставлялись на солнце на прекрасных барьерах. Здесь же заготавливали ягоды Palma Christi^[1600] для изготовления касторового масла. Еще один способ - скрутить стебель грозди^[1601] и дать винограду высохнуть на лозе. Затем их раскладывали в сосуды среди виноградных листьев, сушили также на солнце, закрывали пробкой и помещали в холодное помещение, где не было дыма.

Чтобы сохранить виноград свежим, одни срезали острым секатором гроздь отдельно, другие - ветви, на которых они росли, после чего, окунув стебель в смолу и удалив поврежденные виноградины ножницами, раскладывали их в прохладных и тенистых помещениях, на слоях бобовой пальмы, или сена, или соломы.^[1602] Обычно предпочитали чечевицу, потому что она твердая и сухая и отпугивает мышей. В других случаях ветки хранили в подвешенном состоянии, предварительно окунув их в сладкое вино. Виноград также хранили в смоляных сундуках, погружая его в сухие опилки смоляного дерева, серебристой пихты, черного тополя или даже в просяную муку. Другие погружали гроздь в кипящую морскую воду, а если ее не было под рукой, то в смесь вина, соли и воды, а затем укладывали их в ячменную солому. Другие кипятили пепел смоковницы или виноградной лозы, которым посыпали гроздь. Другие сохраняли виноград, подвешивая его в амбарах, где зерно под ним время от времени перекладывали, так как пыль, поднимающаяся от кукурузы, оседала на внешней стороне гроздей и защищала их от воздуха. Другой способ заключался в том, что дождевую воду кипятили до трети, а затем, охладив ее на открытом воздухе и перелив в выдолбленный сосуд, наполняли его гроздьями, которые были идеально очищены. Затем сосуд накрывали, обмазывали гипсом и ставили в холодное место. Виноград таким образом оставался совершенно свежим, а воду, приобретающую винный вкус, давали больным вместо вина. Иногда виноград, а также яблоки хранили в меду.

Самым необычным и, возможно, самым эффективным средством^[1603] было вырыть рядом с виноградной лозой яму глубиной в три фута, дно которой засыпали слоем песка. Затем в ней устанавливали несколько коротких кольев, к которым пригибали и закрепляли ветви виноградной лозы с гроздьями. Затем все это плотно накрывалось крышей, чтобы полностью уберечься от дождя, и таким образом виноград оставался свежим до весны.

Завершив работу по сбору винограда, земледелец переходил к сбору оливок и изготовлению масла. Этому в Греции придавали большое значение. Поэтому оливки для всех лучших сортов масла, собирались вручную, а не, как в Италии, падали. Когда их было собрано столько, сколько можно было с удобством прессовать в течение последующих ночи и дня, их раскладывали свободно на тонких плетенках, а не нагромождали, чтобы они не нагрелись и не потеряли нежность своего вкуса. Кроме того, их тщательно очищали от листьев и всех частиц дерева - предполагалось, что эти вещества ухудшают качество и долговечность масла. Ближе к вечеру оливки посыпали небольшим количеством соли, после чего помещали в чистую мельницу,^[1605] и так располагали, чтобы их можно было бить, не раздавливая косточек, от сока которых масло приобретало неприятный вкус. После того как они были достаточно отбиты, их в небольших сосудах переносили к прессу, где их накрывали загородками из зеленых ив, на которые сначала клали умеренный груз, - ведь то, что течет от небольшого давления, самое сладкое и чистое масло, поэтому его отбирали в чистые

свинцовые сосуды,^[1606] и хранили отдельно. Затем добавлялось большее количество массы, и, когда масса хорошо перемешивалась, второй осадок откладывался в отдельные сосуды. Следующим шагом должно было стать выпадение осадка, для чего в сырое масло добавляли немного соли и селитры. Затем его перемешивали куском оливкового дерева и оставляли отстаиваться, после чего амурка или водянистая часть опускалась на дно. Чистое масло снимали раковиной и раскладывали в стеклянные вазы, предпочитая это вещество за его холодность. При отсутствии таковых использовались кувшины для солений, покрытые гипсом, которые помещались в прохладные погреба, выходящие на север.^[1607]

Кроме оливкового, у греков было множество других масел: грецкого ореха, теребинта, сезама, фиалки, миндаля, пальмы Кристи, касторового масла, шафрана, лавра, датуры, чечевицы, мастики, мирта и горчицы. Кроме того, у них был^[1609] зеленого и дикого оливкового масла, сицилийского масла двойной очистки, а также подражания испанским и итальянским маслам.

Поскольку фрукты всех видов пользовались большим спросом у греков, они прибегали к многочисленным способам^[1610] для обеспечения их бесперебойной поставки в течение всего года. Многие из них могут вызвать улыбку у наших садоводов, но, тем не менее, большинство из них были изобретательны и, вероятно, эффективны, хотя сохраненные таким образом плоды могли быть дорогими, когда их доставляли на рынок. Вдаваться в подробности всех их методов нет необходимости: ниже перечислены основные и наиболее любопытные. Грецкие орехи, каштаны, филберты и т. д. собирались и хранились обычным способом. Они знали искусство бланширования миндаля, который затем высушивали на солнце. Медуницы, ягоды, зимние яблоки и т. п., тщательно собранные, просто укладывались в солому, на чердаке или в корзинах. Так же иногда поступали и с айвой, которую вместе с яблоками и грушами в других случаях укладывали в сухие фиговые листья. В случае с грушами и яблоками их часто заменяли листьями грецкого ореха, которые иногда складывали под и над ними в кучи, а иногда заворачивали и обвязывали вокруг фруктов, оттенок и запах которых они, как считалось, значительно улучшали.

Цитроны,^[1611] гранаты,^[1612] яблоки, айвы и груши хранились в кучах песка, граппа, дубовых, тополиных, дяляночных или кедровых опилок, иногда посыпанных уксусом, измельченной соломой, пшеницей или ячменем, или семенами растений, и все это было достаточно для исключения внешнего воздуха. Другой способ с яблоками^[1613] заключался в том, чтобы обложить их морскими водорослями в незапеченных банках, которые затем помещали в верхнюю комнату, свободную от дыма и всех дурных запахов. Если морской капусты было не достать, то каждое яблоко клали в отдельную маленькую баночку, плотно закрытую и замазанную. Эти банки с яблоками часто покрывали воском. Инжир, подобным образом, сохраняли зеленым^[1614], заключив его в множество маленьких тыкв. Цитроны и гранаты часто оставались всю зиму на дереве, защищенные от сырости и ветра маленькими фитильными вазочками, плотно прикрепленными к ветвям, чтобы они были устойчивы. Другие заключали эти плоды, как и яблоки, в толстый слой гипса, предотвращая их падение путем привязывания стебля к ветвям вьюнками. Нередко яблоки, айву и цитроны, даже собранные, обволакивали тем же материалом, или гончарной глиной, или глинистой землей, смешанной с волосом, иногда прокладывая между плодами и этой коркой слой фиговых листьев, после чего их сушили на солнце. Когда в конце, возможно, целого года, эта корка была разрушена и удалена, плод вышел совершенным, как только был сорван с ветки. Поэтому вполне возможно, что подобным образом манго, мангустины и другие хрупкие и нежные фрукты тропиков могут быть доставлены в Европу в свежем виде, причем в таком изобилии, чтобы сделать их доступными для большинства людей. Чтобы сделать груши и гранаты

долговечными, их стебли окунали в смолу, после чего подвешивали. В случае с последними иногда окунали и сам плод, а в другое время погружали в горячую морскую воду, после чего сушили на солнце. Один из способов сохранения фиг - окунать их в мед так, чтобы они не касались ни друг друга, ни сосуда, в котором находились; другой - накрывать груды фиг перевернутой вазой из стекла или другого прозрачного вещества, плотно прикрепленной к плите, на которой она стояла. Вишни собирали до восхода солнца и клали вместе с летним чабером сверху и снизу в кувшин или дупло тростника, которое затем заливали сладким уксусом и плотно закрывали. Тутовые ягоды хранили в собственном соку, яблоки и айву - в набивных сундуках, завернутыми в чистую шерсть, груши - в соли^[1615] на пять дней, а затем сушили на солнце, как и фиги, которые нанизывали за плодоножки на кусок шнура или ивовой ветки, подобно множеству мотков лука^[1616], как их продают в наше время. В других местах их сохраняли, как финики в Египте, спрессовывая в квадратные массы, как кирпичи.^[1617] Дамаскины хранили в сусле или сладком вине, как и груши, добавляя иногда немного соли и джуджубы, с листьями, сверху и снизу. Так же поступали с яблоками и айвой, которые придавали ликеру дополнительную прочность и самый изысканный аромат. Айву, чьи резкие выделения не позволяли поместить ее вместе с другими фруктами, часто клали в плотно закрытые кувшины и держали плавающей в вине, которому она придавала восхитительный аромат. Тот же обычай соблюдался и в отношении инжира, который срезали на плодоносящей ветке немного раньше, чем он созревал, и подвешивали, чтобы он не касался друг друга, в квадратном глиняном кувшине. По тому же принципу яблоки хранились в герметично закрытых кувшинах, которые для прохлады погружались в цистерны или глубокие колодцы.⁽

Возможно, стоит мимоходом упомянуть, что, как и мы, древние владели искусством извлекать перри и сидр^[1619] из груш и яблок, а из гранатов - вино, которое, как говорят, обладало чрезвычайно тонким вкусом. Египтяне также делали вино из плодов лотоса.^[1620]

1487. О важности этой отрасли культивирования в некоторых странах можно судить по тому факту, что во Франции, как говорят, она дает работу 2 200 000 семей, составляющих население в 6 000 000 человек, или почти пятую часть населения всего королевства. Таймс, 3 августа 1838 года. Количество земли, отведенной под культуру виноградной лозы, в 1823 году оценивалось в 4 270 000 акров, продукция которых составляла 920 721 088 галлонов, 22 516 220 фунтов стерлингов. 15s. sterling. Redding, Hist. of Modern Wines, chap. iv. p. 56. В греческом бюджете 1836 года налог на скот составил 2 100 000 драхм, на пчел - 35 000, на оливковые плантации - 64 776, а на виноградники и смородиновые плантации - 58 269.

1488. Или, согласно Афинею, с берегов Красного моря. Deipnosoph. xv. 17.

1489. Илиада. β. 561. γ. 184. ι. 152, 294. Ср. Пинд. Isth. viii. 108.

1490. Paus. x. 38. 1.

1491. Athen. i. 61.

1492. ii. 77.

1493. Ср. Реддинг История современных вин, гл. i. стр. 2. Интересная и способная работа.

1494. Nienhoff в коллекции Черчилля, ii. 264. Barbot. iii. 13. Ulloa, Memoires Philosophiques, t. ii. p. 15. Voyages, t. i. p. 487, 491.

1495. Virg. Georg. ii. 276.

1496. "Quòd colles Bacchus amaret". Manil. Astronom. ii. p. 31. 6. Скалиг.

1497. Георг. v. 1.

1498. Георг. v. 9. 8. Virg. Georg. ii. 348.

1499. Καλλίστη δὲ γῇ καὶ ἐ ὑπὸ τῶν ῥεόντων ποταμῶν χωσθεῖσα, ὅθεν καὶ τὴν Αἴ γυπτον ἐπαινοῦμεν.-Florent. ap. Георг. v. 1. 4.

1500. Джемаледдин. Maured Allatafet, p. 7. Следует помнить, что все эти виноградники были вырублены по приказу халифа Бимриллаха даже в провинции Фаюм. Однако некоторые остатки виноградников были обнаружены здесь Пококом. "Я заметил, - говорит он, - около этого озера (Mœris) несколько корней в земле, которые показались мне остатками виноградных лоз, которыми раньше славилась страна вокруг озера. Там, где в воздухе мало влаги, а дожди идут так редко, древесина может сохраняться долгое время, хотя неизвестно, как давно были уничтожены эти виноградники". Vol. i. p. 65.

1501. Хотя относительно природы самого вина нам говорят, что оно было настолько легким, что его давали людям в лихорадке, -ὁ δὲ κατὰ τὴν Θηβαῖδα, καὶ μάλιστα ὁ κατὰ τὴν Κόπτον πόλιν, οὕτως ἐστὶ λεπτός, καὶ εὐανάδοτος, καὶ ταχέως πεπτικός, ὥς τοῖς πυρεταίνουσι διδόμενος μὴ βλάπτειν. Athen. i. 60.

1502. Athen. i. 60. Horat. Od. i. 37. 14. Strab. xvii. 1. t. iii. p. 425.

1503. Theoph. Hist. Plant. i. 3. 5. Ватсо, i. 7.

1504. Георг. v. 1. 15. Ср. Георг. iii. 2. "Перемещение земли - средство для улучшения дерева и плодов, но с тем предостережением, что все вещи процветают лучше всего, когда они продвинуты к лучшему". Бэкон, "Сильва Сильварум", 439.

1505. Георг. v. 4.1.

1506. Theoph. Caus. Plant. v. 12. 5. Ср. Hist. Plant. iv. 14. 11. И все же соседство с морем считалось благоприятным для виноградной лозы. Георг. v. 5.

1507. Theoph. Caus. Plant. v. 12. 5.

1508. О распространенности этих ветров зимой и весной, а также о причинах этого явления см. Аристотель. Problem. xxvi. 16.

1509. Paus. ii. 34. 2. Чандлер, Путешествия, ii. 248.

1510. Вирг. Georg. ii. 371, sqq.

1511. Аристоф. Eq. 1073, seq. Кюст.

1512. Georg. ii. 299, sqq. Перевод Драйдена.

1513. Георг. iii. 4. Ср. Virg. Georg. ii. 259, seq. et Serv. ad loc.

1514. Георг. v. 24.

1515. Virg. Georg. ii. 274, seq.

1516. Скиппон в Черчилле, Сборник путешествий, vi. 730.

1517. Πότερα δὲ ὅλον τὸ κλῆμα ὀρθὸν τιθεὶς πρὸς τὸν οὐρανὸν βλέπον ἡγῆ μάλλον ἂν ῥιζοῦσθαι αὐτὸ, ἢ καὶ πλάγιόν τι ὑπὸ τῇ ὑποβεβλημένῃ γῇ θείῃς ἂν, ὥστε κεῖ σθαι ὥπερ γάμμα ὕπτιον; οὕτω νῆ Δία- πλείονες γὰρ ἂν οἱ ὀφθαλμοὶ κατὰ γῆς εἶεν- ἐκ δὲ τῶν ὀφθαλμῶν καὶ ἄνω ὁρῶ βλαστάνοντα τὰ φυτὰ. Xenoph. Œconom. xix. 9, seq.

1518. Георг. v. 9. На эту практику обращает внимание лорд Бэкон, который советует садоводам расширить эксперимент, положив "хороший запас" других зерен у корней деревьев того же вида. Sylva Sylvarum, i. 35.

1519. Верг. Георг. ii. 348.

1520. Аналогичное замечание делает лорд Бэкон: "Есть уверенный опыт, - говорит он, - что куча кремня или камня, положенная у основания дикого дерева, как дуб, вяз, ясень и т.д., при первой посадке, заставляет его процветать вдвое больше, чем без него. Причина в том, что он задерживает влагу, которая в любое время падает на дерево, и не дает ей выветриваться под воздействием солнца". Сильва Сильварум, 422.

1521. Георг. iv. 7. Упоминания о бескосточковых виноградных лозах Персии встречаются у многих путешественников, а у г-на Фаулера, одного из самых последних, они перечислены под названием *кусмис*, среди самых вкусных фруктов этой страны. Three Years in Persia, vol. i. p. 323. Здесь можно заметить, что некоторые сорта виноградной лозы, в том числе капнейон, дают иногда белые гроздья, иногда пурпурные. Теофраст. Hist. Plant. ii. 3. 2. Ср. de Caus. Plant. v. 3. 1. к. т. λ.

1522. Георг. iv. 8.

1523. Георг. iv. 7.

1524. Георг. iv. 14.

1525. Древние натуралисты отмечали, что фиговое дерево, посаженное в морском лукошке, растет быстрее и лучше защищено от вредителей. Theoph. Hist. Plant. i. 5. 5.

1526. Colum. v. 11.

-Adultâ vitium propagine

Altas maritat populos,

Inutilesque falce ramos amputans

Feliciores inserit.

Horat. Epod. ii. 9, seq.

1527. Георг. iv. 4, seq.

1528. Георг. iv. 12.

1529. Virg. Georg. ii. 265, seq.

1530. Лорд Бэкон отводит этому эксперименту место в своей философии, замечая, что "при удалении всех деревьев (особенно фруктовых) необходимо следить за тем, чтобы их стороны были расположены на север и юг, как они стояли раньше". *Sylva Sylvarum*, 471.

1531. *Virg. Georg. ii. 270, seq.*

1532. Аналогичная практика наблюдается в перечных садах Суматры: "Когда лозы, первоначально посаженные к какой-либо из чинкарен (или стоек), оказываются неудачными или пропадают; вместо того чтобы заменить их новыми растениями, они часто проводят один из побегов, или лопухов, от соседней лозы, к этому месту, через траншею, сделанную в земле, и там дают ему подняться заново, часто на расстоянии двенадцати или четырнадцати футов от материнской лозы". *Marsden, History of Sumatra*, p. 111.

1533. *Virg. Georg. ii. 26. Serv. ad loc.*

1534. *Геор. iv. 2.* Нимфы, как говорят, были кормилицами Вакха, потому что вода давала влагу виноградной лозе. Объяснение Афинейя вынужденное и холодное. *ii. 2.*

1535. *Геор. v. 7, seq. Virg. Georg. ii. 323, sqq.*

1536. *Геор. v. 10.*

1537. *Геор. iii. 1.*

1538. *Ср. Theoph. Caus. Plant. iv. 3. 6.*

1539. Низкие виноградные лозы Малой Азии теперь обрезаются весьма специфическим образом. "По мере приближения к Вурле маленькие долины зеленели кукурузой или были заполнены голыми виноградными лозами, расположенными в порядке, высотой около полутора футов. Люди работали, выстроившись в ряд, разворачивая землю или обмазывая стволы смолой, чтобы уберечь почки от грибков и червей. Зимой побеги, на которых растут плоды, снова срезают". *Чандлер, i. 98.*

1540. О выращивании коринфского винограда см. *Чандлер, ii. 339.*

1541. *Abbé Della Rocca, Traité Complet des Abeilles, i. 203.* Лорд Бэкон, который слышал о таком способе выращивания виноградной лозы, замечает, что в таком состоянии она должна была давать виноград превосходной величины, и советует распространить эту практику на хмель, плющ, лозу и т. д. *Сильва Сильварум, 623.*

1542. *Геор. v. 22. 27.* Тростник любит солнечные места и питается дождем. Их выращивали для реквизиции, и если их тщательно окуривали, то убивали насекомых, называемых ἵπες, которые в противном случае размножились бы в них, нанося большой вред виноградной лозе, *ст. 53. Plin. xviii. 78. Ср. Schol. Аристоф. Acharn. 1140. 983. Варро, i. 8.* На острове Пандатария виноградник был заполнен ловушками, чтобы защитить виноград от мышей. *Id. ib.*

1543. *Aristoph. Hist. Anim. v. 24. 3.*

1544. *Sch. Aristoph. Vesp. 1282. Ср. Thom. Magist. v. χάραξ. p. 911, seq. Blancard. cum not. Stieber. et Oudendorp. Ammon. v. χάραξ. p. 145, с примечанием Valckenaer. Liban. Epist. 218. p. 104 и далее. Вольф.*

1545. *Геор. v. 27.*

1546. Cp. Geop. iv. 1. Dioscor. v. 6. Virg. Georg. ii. 97. Сервий, основываясь на авторитете Аристотеля, сообщает, что аминские лозы были пересажены из Фессалии в Италию. Cp. Pier. ad loc.

1547. Ш. Аристоф. Vesp. 1116. Ахарн. 1177. На Эолийских островах виноградная лоза держится на каркасе из жердей и деревьев, по которому она распространяется с необычайной пышностью. Спалланцани, iv. 99.

1548. Sch. Aristoph. Pac. 1262.

1549. Virg. Georg. 408, seq.

1550. Которые обрезали в январе (Geop. iii. 1), и считались самыми полезными, iv. 1. Считалось, что самые крепкие и твердые лозы приносят меньше всего плодов. Theoph. Hist. Plant. v. 4. 1. Cp. Chandler, i. 98.

1551. Dem. in Nicostrat. § 5.

1552.

"Vitem viduas ducit ad arbores".

Hor. Carm. iv. 5. 30.

1553. Virg. Georg. ii. 361, seq. An amictâ vitibus ulmo. Hor. Epist. i. 16. 3.

1554. Pashley, Travels, ii. 22. В настоящее время дуб используется для той же цели в Малой Азии. Чандлер, i. 114.

1555. Goëttling ad Hesiod. Scut. Heracl. 298.

1556. Еще одно средство повышения плодovitости виноградной лозы подметил лорд Бэкон, чье прилежное изучение античности было по меньшей мере столь же примечательным, как и его превосходный интеллект. "Странно, что некоторые из древних заметили, что пыль способствует плодovitости деревьев и виноградной лозы; так как они специально бросают на них пыль. По-видимому, присыпка во время ливня делает своего рода почву на дереве, будучи землей и водой, которые хорошо ложатся на него. И они отмечают, что в странах, где поля и тротуары пыльные, растут лучшие лозы". Сильва Сильварум, 666.

1557. Geop. iv. 1. 16.

1558. Эти лозы также назывались ἀμαράξεις. Aristoph. Vesp. 325, et Schol. Деревенщины, занимавшиеся их обрезкой, чувствуя себя уверенно на своем высоком месте, осыпали прохожих грубыми насмешками и ругательствами. Гораций, Сатир. i. 7. 29 и далее.

1559. О виноградных лозах этого острова см. Meurs. Cret. c. 9. p. 103.

1560. Bochart. Geog. Sac. Pars Alt. l. i. c. 37. p. 712. Cp. Plin. Hist. Nat. v. i.

1561. Tozzeli, Viaggi. t. iv. p. 208.

1562. Not. ad Plin. xiv. i. 1.

1563. Geop. iv. 1. v. 7, seq.

1564. Ячмень и другие злаки и в наши дни сеют между виноградниками в Малой Азии. Chandler, i. 114. Та же практика была частично введена на Эолийских островах. Спалланцани, iv. 100.
1565. Suid. v. κράμβη, t. i. p. 1518. b.-παρὰ ἀμπέλω οὐ φυέται Etym. Mag. 534. 47.
1566. Так же и лавр. Theoph. Caus. Plant. ii. 18. 4.
1567. Эта ползучая лоза, культивируемая *sine ridicis*, была распространена в Испании. Варро, i. 8.
1568. Della Rocca, Traité Complet sur les Abeilles, t. i. p. 203, sqq. Cp. Thiersch, Etat Actuel de la Grèce, t. i. p. 288. 296. Damm. Nov. Lex. Græc. Etym. 1122.
1569. Geop. v. 19.
1570. Theoph. Caus. Plant. vi. 12. 9. У современных азиатов после сбора винограда козу и верблюда иногда пускают в виноградник, чтобы они покормили лозу. Chandler, i. 163.
1571. Paus. ii. 38. 3. См., однако, другое толкование этого отрывка в "Сказке о трубе", где автор серьезно настаивает на том, что под асом следует понимать критика. Sect. iii. p. 96.
1572. Cp. Plat. De Rep. t. vi. p. 53. Schol. Aristoph. Eq. 166. Точное изображение секатора в руке Вертумна см. Mus. Cortonens. pl. 36. Этот инструмент обычно использовался в период весеннего восхода Арктура. Гесиод. Opp. et Dies, 566, sqq.
1573. Geop. v. 24.
1574. Theoph. Caus. Plant. i. 20. 5.
1575. Sch. Aristoph. Nub. 1117. Küst.
1576. Geop. i. 14. Cp. Sch. Aristoph. Nub. 1109. Мужчины имели обыкновение прибавать головы и ноги животных к стволам деревьев, чтобы предотвратить их увядание от сглаза. Sch. Ran. 943.
1577. Geop. ii. 14.
1578. Theoph. De Lapid. § 49. Шнейд. Cp. сэр Джон Хилл, примечания, стр. 200. Его также получали из Селевкии Пиерии в Сирии. Strab. vii. 5. t. ii. p. 106.
1579. Geop. iv. 10.
1580. Ксеноф. Œcon. xix. 9.
1581. Plat. De Legg. t. viii. 106. Geop. v. 45.
1582. Cp. Geop. i. 9. 9.
1583. Cp. Plut. Thes. § 22.
1584. Il. σ. 561, sqq.
1585. Scut. Heracl. 291, seq. О современных способах сбора винограда см. в Redding Hist. of Modern Wines, chap. ii. 26, et seq.
1586. В Леванте до сих пор сохранилась та же практика: "Теперь начинался сбор винограда: черный виноград раскладывали на земле на открытых солнцу местах, чтобы высушить для

изюма; в то время как в другой части сок вырабатывался для вина: человек с голыми ногами укладывал плоды в своего рода цистерну, с отверстием или вентиляцией на дне и сосудом под ним для приема жидкости". Chandler, ii. p. 2.

1587. Анакреон, Од. 52. Изображение всего процесса см. в Mus. Cortonens, pl. 9, где виноградари одеты в шкуры; и ср. Zoëga, Bassi Rilievi, tav. 26.

1588. Antich. di Ercol. t. i. tav. 35, p. 187.

1589. Schol. Aristoph. Pac. 527.

1590. Для приготовления сладкого вина (Βιβλινός οἶνος), напоминавшего, возможно, нашу Констанцию или Малагу и пользовавшегося необычайной популярностью у древних, Гесиод дает особые указания. Opp. et Dies, 611, sqq. Colum. xii. 39. Plin. Hist. Nat. xiv. 8. Pallad. xi. 19.

1591. Sibth. in Walp. Mem. ii. 235. Чандлер, ii. 251.

1592. Древние полагали, что несколько капель масла, вытекающего из оливок без прессования, делают вино крепче и долговечнее - Георг. vii. 12. 20. О вареном вине - σίραιον. Ср. Sch. Aristoph. Vesp. 878.

1593. Virg. Georg. ii. 580, sqq. Hes. Scut. Heracl. 291, sqq. Cp. Schol. Theocrit. i. 48.

1594. См. кн. II. гл. 3.

1595. Serv. ad Virg. Georg. ii. 389.

1596. Æl. de Anim. vi. 25.

1597. Георг. iv. 15. Катон, 7. Colum. xii. 39. Pallad. 11. 22.

1598. В теплом климате Малой Азии виноград иногда превращался в изюм на стебле под воздействием солнца - Chandler, i. 77.

1599. Eustath. ad Odyss. η. p. 276. Schol. Aristoph. Nub. 51. κρεμάθρα. корзины с фруктами, 219.

1600. Dioscor. i. 38.

1601. Георг. v. 52. Мы видим, что на островах Архипелага до сих пор практикуется изготовление сладкого вина. Месье аббат делла Рокка, который упоминает об этом, в то же время перечисляет самые вкусные сорта винограда, выращиваемые сейчас в Греции: "On peut juger si les vins y sont exquis, and si les anciens eurent raison d'appeller Naxie l'île de Bacchus. Изюм здесь просто чудовищный, и часто бывает так, что в ресторане не наливают только один фрукт; кроме того, он покрывает всю глубину большого бассейна: зерна здесь такие же крупные, как и у нас. На островах есть изюм более чем десяти сортов: мускаты Тенедоса и Самоса превосходят все остальные; мускаты Тенедоса более амбровые, а мускаты Самоса - более деликатесные. Сенторинуа, чтобы придать изюму более изысканный вид, укладывают его в очередь после того, как он начинает созревать; через несколько дней после того, как засияет солнце, изюм становится деми-флетри, что делает его вином, которое не приближается к вину Съёта и Сен-Лорана. Другие сорта изюма - это *aïdhoni*, мелкий изюм, который собирают до середины июля; le *samia*, *samia*, крупный изюм, который собирают до конца; le *siriqui*, названный так потому, что он имеет вкус лазури; *l'ætonychi*, который имеет форму иглы аиглы, и который очень вкусный; le *malvoisie*, le *muscat violet*, le *corinthe*, et plusieurs autres dont les noms me sont échappés." *Traité sur les Abeilles*, t. i. p. 6, seq. Говоря о невероятной плодовитости виноградных лоз, Колумелла упоминает одну,

которая давала до двух тысяч гроздей, De Re Rust. iii. 3. В современном Египте лоза, дающая пятую часть этого количества, считается необычной: "Il n'est pas croyable combien rapporte un seul pied de vigne. В доме консула Франции есть один, который приносит 436 грамм изюма, а дает 300" - De Maillet, Description de l'Egypte, p. 17. * В Греческом архипелаге, однако, виноградная лоза дает более обильные урожаи, чем в Египте: "В течение трех лет, в течение которых проводились консультации, было собрано триста тридцать четыре грамма изюма с одной души; а с другого виноградника, посаженного в трехземельной местности, было собрано до четырех центнеров четыреста пятьдесят грамм; И интендант нашего острова заверил меня, что мы сделали шестьсот девяносто бутей вина с изюмом из одной косточки." Della Rocca, t. i. p. 65.

1602. Geop. iv. 15. 4.

1603. Geop. iv. 11. Pallad. xii. 12.

1604. Geop. ix. 19. 2.

1605. Плоды теребинта, как и оливу, измельчали на мельнице для получения масла. Ядра использовали для кормления свиней или в качестве топлива". Geop. ix. 18.

1606. Ср. Катон, De Re Rust. 66. Это прозрачное чистое масло, иногда придававшее запах духам (Il. ψ. 186), использовалось главным образом для смазывания тела. Так, у Гесиода мы видим девственницу, помазывающую свои конечности оливковым маслом, чтобы защититься от зимнего холода. Opp. et Dies, 519, sqq.

1607. Vitruv. vi. 9.

1608. Geop. ix. 18.

1609. Geop. ix. 19, seq. iii. 13. Диоскор. i. 140.

1610. Geop. x. 10-70. Ср. Mazois, Pal. de Scaurus, p. 182, seq.

1611. Палладий, iv. 10.

1612. В наше время мы находим упоминание о разновидности граната, ядра которого без косточек, свойственной, по-видимому, острову Сцио. "Их принято подавать к столу в тарелке, сбрызнутой розовой водой". Чандлер, i. 58.

1613. Ср. Филост. Icon. t. 31. p. 809. ii. 2. p. 812.

1614. Ficus virides servari possunt vel in melle ordinatæ, ne se invicem tangant, vel singulæ intra viridem cucurbitam clausæ, locis unicuique cavatis, et item tessera, quæ secatur, inclusis, suspensa ea cucurbita, ubi non sit ignis vel fumus. Pallad. iv. 10.

1615. Cato, 7. Varro. i. 59. Colum. xii. 14.

1616. Schol. Аристоф. Eq. 755. Sibth. in Walp. Mem. ii. 61.

1617. Phot. ap. Brunckh. ad Aristoph. Pac. 574.

1618. Pallad. iii. 25.

1619. Pallad. iii. 25. Colum. xii. 45.

1620. Theoph. Hist. Plant. iv. 3. i.

ГЛАВА IV.

ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕРМЕРА.

В других отраслях сельского хозяйства деревенские дворяне Аттики проявляли не меньший энтузиазм и мастерство. Действительно, во всей Греции преобладал подобный вкус. Каждый жаждал учить и быть обученным; и так велик был спрос на трактаты по земледелию, теоретические и практические, что многочисленные писатели, имена пятидесяти из которых сохранил Варро,^[1621] сделали его предметом своего изучения. Другие, не фиксируя результаты своего опыта в письменном виде, полностью посвящали себя его практическому улучшению. Они покупали пустующие или плохо обработанные земли и, исследуя природу почвы, умело приспособлявая к ней свои культуры, удобряя, орошая и осушая, превращали сравнительную пустыню в продуктивное поместье.^[1622] Мы можем, как настаивает доктор Джонсон, очень мало улучшить наши знания о сельском хозяйстве эрудированными исследованиями методов древних; хотя Мильтон был уверен, что даже здесь можно получить некоторые полезные подсказки. Описывая, однако, то, что делали греки, я не претендую на то, чтобы просветить нынешний век, но хочу дать ему возможность насладиться своим превосходством, начав сравнение с более грубыми практиками древности.

Уже в те времена люди опытные и рутинные^[1623] начали высмеивать философов за их глубокие исследования природы почв,^[1624] в которых, однако, они ни в коем случае не стремились увлечь земледельца, а только представить ему, в кратких и понятных изречениях, плоды своих трудов. Тем не менее практичный земледelec шел к работе более коротким путем. Он наблюдал за участками своего соседа,^[1625] смотрел, что растет на этой почве, что на другой, что улучшается при орошении, что в этом отношении можно смело оставить на попечение небес; и таким образом, за короткий срок, приобретал приблизительную теорию, с которой можно было начинать работу. Афиняне считали, что земледельцу не требуется особой эрудиции, хотя для полного успеха необходимо проявлять здравый смысл и тщательную наблюдательность. Каждый человек, несомненно, знает, в какое время года он должен пахать, сеять и жать, что земли, истощенные обработкой, должны лежать под паром, что смена культур полезна для почвы и так далее. Но великое искусство состоит в том, чтобы хорошо приспособить каждую операцию к изменчивому ходу времен года, обратить случайности на пользу, сделать ветры, ливни, солнечный свет подвластными вашим целям, овладеть знаками погоды и по возможности уберечься от ущерба, наносимого бурями с дождем или градом.

У греков был в ходу небольшой свод наставлений, адресованных в первую очередь земледельцам и призванных способствовать достижению истинной цели цивилизации. Несомненно, причудливые и невыразимо банальные, они сейчас покажутся таковыми, но, тем не менее, в ранние и грубые времена они служили для смягчения нравов и регулирования поведения деревенских эллинов. Кто первым начал собирать и сохранять их, конечно, неизвестно; они густо посыпаны в произведениях Гесиода,^[1626] и придают им воздух морального достоинства, который снимает монотонность, которая в противном случае была бы результатом простого набора сельскохозяйственных афоризмов. Главная цель поэта, по-видимому, состоит в том, чтобы способствовать миру и добрососедству, умножить среди обитателей полей случаи присоединения к "грубой правой руке", применить острую шпору к промышленности, и таким образом увеличить запасы, а вместе с ними и довольство родной земли. Будьте трудолюбивы, восклицает поэт, ибо голод - спутник праздных. Труд дает

плодородие стадам и отарам и является родителем изобилия. Тот, кто трудится, любим богами^[1628] и людьми, в то время как праздная рука вызывает у них отвращение. Лентяй завидует процветанию ближнего, но слава - награда добродетели. Благоразумие накапливает то, что расточает распутство. Будь гостеприимен к чужестранцу, ибо тот, кто отталкивает просителя от своей двери, виновен не меньше, чем прелюбодей, чем разоритель сирот или негодяй, хулящий своего престарелого родителя на краю могилы: таких людей ждет плачевный конец, когда Зевс отомстит им в воздаяние за их дурные поступки. Не забывай, что ты приносишь жертвы богам чистыми руками и со святыми помыслами, - возливай возлияния в их храмах, украшай их алтари и во всем оказывай им благосклонность. Когда ты собираешься взойти на свое ложе, чтобы насладиться сладким сном, и когда впервые появляется священный свет дневной весны, не забудь потребовать у небес чистое сердце и веселый ум, средства для расширения твоего имущества и защиты от потерь. Когда ты устраиваешь пир, приглашай друзей и соседей, и в трудную минуту они прибегут к тебе на помощь полуодетыми, а твои родственники будут медлить с застегиванием поясов. Займи у ближнего своего, но, возвращая ему долг, скорее превышай, чем уступай то, что ему причитается. Вставайте вовремя. Каждая мелочь приносит прибыль. Запасы не страшны. Припасенная кукуруза не нарушает сон. Пейте по большей части доверху и до дна кувшина; будьте скупы на середину:^[1629] скупое сдерживать своих друзей, когда вино кончается. Поступай с другими так же, как они поступают с тобой". Эти семена морали просты, как я уже сказал, и далеко не бесхитростны; но они породили воинов Марафона и Платеи и сохранили на века свободу и независимость Греции.

Другие отрасли знаний эллинского земледельца включали в себя нечто похожее на элементы натурфилософии: влияние солнца и луны, восход и заход звезд, движение ветров, возникновение и последствия росы, облаков, метеоров, ливней и бурь, происхождение источников и фонтанов, миграции и повадки птиц и других животных. Кроме того, ему необходимо было знать некоторые обычаи, распространенные в его стране с незапамятных времен и, вероятно, восходящие к векам, недоступным для традиций. Их источник мы обычно называем суеверием, хотя, пожалуй, правильнее было бы считать их порождением той живой и пластичной фантазии, которая породила поэзию и искусство и склонила их обладателей к созданию своего рода второстепенной религии, основанной на похвальном принципе, но проявляющейся главным образом в соблюдении почти всегда незначительных и пустяковых, а иногда и смехотворных предписаний. Подробно описывать все это было бы нецелесообразно, поэтому я лишь упомяну вскользь наиболее примечательные из них, связанные, в частности, с сельским хозяйством.

Знание почвы использовалось как при покупке поместий, так и при распределении их частей под различные виды культуры. Согласно их представлениям, которые, по-видимому, были основаны на долгом опыте и в большинстве пунктов, я полагаю, согласны с теми, которые преобладают до сих пор, богатая черная плесень, глубокая, рыхлая и пористая,^[1630] которая в равной степени противостоит воздействию дождя и засухи, была, для всех целей, наилучшей. Рядом с ней они считали желтую аллювиальную почву и ту сладкую теплую землю, которая лучше всего подходит для винограда, кукурузы и деревьев. Красная земля также высоко ценилась, за исключением древесины.

Их правила определения характера и свойств почвы, по-видимому, были разумными. Хорошую землю, считали они, можно узнать даже по внешнему виду, поскольку в засуху она не сильно растрескивается, а во время сильных и продолжительных ливней не становится мглистой, а позволяет дождю опуститься в свое лоно. Низшей они считали ту землю, которая в холодную погоду становится печеной и покрывается на поверхности панцирем, похожим на

инкрустацию. Кроме того, они судили о достоинствах почвы по пышному или чахлому характеру ее естественной продукции:^[1631] Таким образом, они благоприятно оценивали те участки земли, которые были покрыты огромными и высокими деревьями, в то время как те, которые производили лишь карликовую растительность, состоящую из скудных кустов, разрозненных зарослей и голодной травы, они считали почти бесполезными.

Не довольствуясь показаниями глаз, некоторые земледельцы привыкли ориентироваться на запах и вкус; выкопав яму определенной глубины, они брали оттуда небольшое количество земли, по запаху которой составляли благоприятное или неблагоприятное мнение. Но чтобы сделать уверенность вдвойне, они бросали ее в вазу и выливали на нее некоторое количество питьевой воды, которую затем пробовали, делая по вкусу вывод о плодородности или бесплодности почвы. Именно на этот эксперимент больше всего полагались, хотя многие считали сладкой ту почву, на которой растут камыш, тростник, лотос и мангольд. В некоторых случаях они использовали другой метод: делали небольшую выемку, а затем, выбрасывая землю в отверстие, из которого она была извлечена, наблюдали, заполняет ли она всю полость:^[1632] если это происходило, или оставался излишек, почва считалась превосходной; если нет, ее считали малоценной. Древние избегали засоленных почв, тщательно избегая добавлять соль в навоз, хотя земли такого типа справедливо считались хорошо приспособленными для выращивания пальм,^[1633] которые они производят в величайшем совершенстве,^[1634] как в Финикии, Египте и стране вокруг Вавилона.^[1635]

Еще одним искусством, в котором земледelec должен был хорошо разбираться, было обнаружение признаков скрытых источников,^[1636] существование которых необходимо было установить перед закладкой фундамента новой фермы. Исследование было сложным и проводилось разными способами. Во-первых, наиболее очевидным был вывод, сделанный на основе растений и природы самой почвы; Ибо эти земли, полагали они, пересекались внизу водными жилами, которые несли на своей поверхности определенные племена трав, трав и кустарников, таких как пырей, широколистный подорожник, гелиотроп, красная трава, агнус-кастус, брамбли, конский хвост, или бритвенная трава, плющ, кустарниковая каламинта, мягкий и стройный тростник,^[1637] девичий волос, мелилот, канава, сабельник, или пятилистник, широколистный кровохлебка, камыш, паслен, мил-фоил, жеребьяча нога или жеребьяча лапка, трилистник или прудовая трава, и черный чертополох. Всегда считалось, что весенние головки скрываются под жирным и черным суглинком, а также в каменистой почве, особенно там, где скалы темные и железистого цвета. Но в аргиллитовых районах, особенно там, где в изобилии встречается гончарная глина или много гальки и пемзы,^[1638] они встречаются редко.

К вышеперечисленным указаниям они в большинстве случаев старались добавить и другие. Поднимаясь перед восходом солнца на более высокий уровень, чем исследуемое место, они наблюдали при первых лучах и до сгущения света, не могут ли они обнаружить присутствие каких-либо выходов, которые безошибочно указывали на наличие источников внизу. Иногда дознание проводилось в яркий и ясный полдень, когда предполагалось, что летом подземные убежища наяд выдают себя облачками тонкого серебристого пара, а в зимнее время - вьющимися нитями пара. Таким образом аборигены южной Африки обнаруживают существование скрытых фонтанов в пустыне.^[1639] Еще одним признаком считались рои мошек, порхающих туда-сюда, или кружащихся вокруг и поднимающихся колонной.

Когда ни одно из вышеперечисленных средств их не удовлетворило, они прибегли к следующему эксперименту:^[1640] вырыли яму глубиной около четырех футов с половиной, взяли полусферическую сковороду или свинцовый таз и, помазав его маслом и прикрепив к дну воском длинную чешуйку шерсти, поставили его перевернутым в яму. Затем ее засыпали

землей на глубину около фута и оставляли на всю ночь. Утром, если внутренняя поверхность сосуда была густо покрыта шариками, а с шерсти капала влага, делали вывод, что под ней находятся источники, глубину которых определяли по скудости или обильности влаги. Аналогичный опыт был проведен с губкой, покрытой камышом.

Поскольку большинство ручьев и рек берут свое начало на возвышенных горах, которые, как считали древние, богаче источниками пропорционально количеству их вершин, то, казалось бы, вряд ли какая-либо страна в Европе должна быть лучше обеспечена водой, чем Греция. Опыт, однако, показывает, что в наше время это не так: несколько рек, которые, как предполагается, были огромного объема в древности, теперь превратились в простые ручьи, а бесчисленные ручейки и фонтаны совсем пересохли; по этому поводу часто ставится под сомнение заслуга греческих писателей, предполагается, что природные характеристики страны обязательно должны быть неизменными. Но это ошибка. Ведь существование источников и ручьев зависит, пожалуй, не столько от наличия гор, сколько от распространенности лесов, как давно заметил Демокритос^[1641]. Теперь же, в силу целого ряда причин, действующих до сих пор, хребты, холмы и низкие уступы современной Греции почти полностью лишились деревьев, вместе с которыми неизбежно исчезли и колодезные источники, и русла, и каскады, и речушки, и горные амбары, которые издревле осыпали красотой и плодородием лицо Эллады, чьи нагорья когда-то были так густо покрыты лесом^[1642], что крестьяне, нуждавшиеся в коротком пути из одной долины в другую, были вынуждены прокладывать себе дорогу топором.^[1643] Поэтому, чтобы вернуть Греции ее воды, красоту и богатство, зависящие от них, горы должны быть снова покрыты лесом и строго ограничены от безрассудства тех бродячих пастухов, которые постоянно подвергают огромные леса риску полного уничтожения ради того, чтобы добыть более нежную траву для своих стад.^[1644]

В Аттике^[1645] поля и сады орошались в основном с помощью колодцев, которые иногда, в чрезвычайно долгое и засушливое лето, полностью выходили из строя, вызывая нехватку овощей.^[1646] Вода, мы видим, набиралась точно такими же механизмами, которые до сих пор используются для этой цели. Изобретение этих удобств первой необходимости, предшествовавших рождению традиции, некоторые авторы приписывают Данаосу, который, как предполагается, эмигрировал из Египта в Грецию. Прибыв, как нам говорят, в Аргос, он, за неимением самопроизвольных фонтанов, научил жителей рыть колодцы, в результате чего был избран вождем. Но где сам Данаос мог научиться этому искусству? Говорят, что он был египтянином, а Египет - это страна, в которой нет источников, в ее пределах существует только два, и из них древним был известен только один. Колодцев у них не было. Поэтому Данаос, если он был египтянином, не мог знать ни источников, ни колодцев; а если он обладал такими знаниями, то должен был прийти из какой-то другой земли.^[1647]

Там, где не было ни колодцев, ни фонтанов, люди были вынуждены полагаться на дождевую воду, которую собирали и хранили в цистернах.^[1648] Для этой цели в некоторых крестьянских домах желоба проходили по карнизу как конюшен, амбаров и овчарен, так и жилища семьи, в то время как другие использовали только ту, что стекала с последней, крыша которой содержалась в тщательной чистоте. Вода поступала по деревянным трубам^[1649] в цистерны, которые, по-видимому, часто располагались в переднем дворе.^[1650] Плохую воду очищали несколькими способами: бросали в нее немного кораллового порошка,^[1651] маленькие льняные мешочки с ячменем или несколько лавровых листьев, или наливали ее в широкие кадки и подвергали воздействию солнца и воздуха в течение длительного времени. Когда в окрестностях ферм появлялись водоемы какой-либо величины, в них вводили угрей или речных крабов, которые вскрывали вены земли и уничтожали пиявок.

Не менее важной отраслью занятий фермера была та, что касалась погоды и общего хода времен года.^[1652] Прежде всего, он должен был тщательно наблюдать за восходом и заходом солнца и луны. Кроме того, он должен был внимательно следить за состоянием атмосферы при исчезновении Плеяд, поскольку ожидалось, что она останется такой же до зимнего солнцестояния, после которого иногда сразу наступали перемены, в противном случае обычно не происходило никаких изменений до весеннего равноденствия.^[1653] Затем происходило другое изменение в характере погоды, которая после этого оставалась неизменной до восхода Плеяд, претерпевая последовательно новые изменения во время летнего солнцестояния и осеннего равноденствия. По их наблюдениям, за дождливой зимой^[1654] последовала сухая и сырая весна, и наоборот; а за снежной зимой - год изобилия. Но поскольку природа отнюдь не следует этому курсу неуклонно, демонстрируя множество внезапных и резких колебаний, было признано необходимым подвергнуть ее беспокойные явления более строгому изучению, чтобы получить правила для предсказания приближения дождя, бури, засухи или продолжительности хорошей погоды. Некоторые из них, возможно, были основаны на несовершенных наблюдениях, случайных совпадениях или причудливом соединении причин и следствий; в то время как другие, в чем мы не можем сомневаться, возникли благодаря практическому знакомству с более тонкими и изменчивыми элементами натурфилософии.

Поскольку ничто так не интересует земледельца, как своевременный приход и уход дождей, все, что с ними связано, пусть даже отдаленно, наблюдалось и хранилось со скрупулезной точностью. Из всех обстоятельств, предвещающих их приближение, самым верным считался утренний пейзаж; если перед восходом солнца по краю горизонта тянулись клумбы пурпурных облаков^[1655], то дождь ожидался в этот день или на следующий день после полудня. То же самое предсказание, хотя и с меньшей уверенностью, они делали по виду заходящего солнца^[1656], особенно если зимой или весной оно заходило сквозь скопление облаков или с массами сумрачной дыбы слева. Кроме того, если при восходе солнце выглядело бледным, тускло-красным или пятнистым,^[1657] или если перед этим его лучи струились вверх,^[1658] или если сразу после этого под ним простиралась длинная полоса облаков, пересекавшая его нисходящие лучи; или если восток был мрачного оттенка; или если кучи соболиного пара возвышались над землей; или если облака были разбросаны по небу, как шерсть;^[1659] или поднимались с юга длинными извилистыми полосами - "кобыльими хвостами" из нашего морского словаря - земледелец с уверенностью рассчитывал на дождь, наводнение и бурные ветры. К признакам ливней, характерных для Афин, можно отнести следующие: если вал белых туманов укрывал ночью основание Гиметоса; или если его вершины были окутаны паром;^[1660] или если отряды туманов оседали в котловине меньшей горы, называемой Беспружинной; или если одно облако покоилось на фалине Зевса в Эгине.^[1661] Сильный рев моря на берегу был предвестником шторма, и они могли предположить, с какой стороны он будет дуть, по движению вод, которые отступали от берега перед северным ветром; в то время как при приближении сирокко они нагромождались на скалы выше, чем обычно. В других местах, в Аттике, они считали, что влажная погода предвещается вершинами Эвбеи, поднимающимися ясно, резко и необычно высоко сквозь плотный слой выделений, которые, когда они поднимались и собирались в ветреную погоду на вершинах Кафарей,^[1662] на восточных берегах острова, предвещали надвигающуюся бурю продолжительностью в пять дней. Но здесь эти приметы касались скорее мореплавателя, чем земледельца, поскольку скалы, протянувшиеся вдоль этого побережья, изрезаны и обрывисты, а подходы к ним настолько опасны, что немногие суда, попавшие на них, спасаются. Команды едва ли могут спастись, если только их кора не окажется очень легкой. Еще одним предзнаменованием плохой погоды было появление круга вокруг луны, когда из-за двойного отражения ее сферы на север и на юг это светило казалось умноженным на три.

Ночью также, если нубекула^[1663], называемая Ясли, в созвездии Краба светила менее ярко, это свидетельствовало о подобном состоянии атмосферы. Подобный вывод^[1664] делался, когда луна в трехдневном возрасте поднималась сумрачной, или с тупыми рогами, или с ободом, или со всем диском, красным, или испещренным черными пятнами, или окруженным двумя ореолами.^[1665]

Явления грома и молнии также наставляли земледельца, который был сведущ в языке небес: так, когда гром раздавался зимой или утром, он означал ветер; вечером или в полдень, летом, - дождь; когда он светил со всех концов неба, - и то и другое. Падающие звезды^[1666] также обозначали ветер или дождь, возникающие в той части неба, где они появлялись.

Среди наших деревенских жителей вся философия радуги сжалась до пары дистихов:

Радуга ночью

это радость пастуха.

Радуга утром

Это предупреждение пастуха.

А по этому поводу^[1667] крестьяне Эллады мало что могли сказать; их мнение было, что пропорционально количеству радуг, будет ярость и продолжительность ливней, которыми им угрожают.

Другие признаки изменений в атмосфере они обнаруживали почти во всех уголках природы; например, когда на поверхности реки поднимались пузырьки, они искали в них признаки дождя; так же как и в тех случаях, когда видели мелких сухопутных птиц, обливающих свое оперение; Когда видели, как ворон моет голову на каменистом берегу,^[1668] или как ворон хлопает крыльями, а голосом подражает стуку капель дождя; когда крестьянина будил по утрам крик пролетающего журавля,^[1669] или пронзительная нота зяблика в его жилища. Полеты островных птиц, слетающихся на континент,^[1670] предшествовали засухе; так же как множество галок и ворон, летающих вверх-вниз и подражающих крику ястреба, вызывали дождь. Непрекращающиеся крики пискунки и яростное карканье ворона, раздающиеся в безмятежную ночь, предвещали приближение бури. Птица, живущая в амбаре, и домашняя собака также играли роль прорицателей, обучая своего хозяина страху перед надвигающейся бурей, катаясь в пыли. Схожее значение имело стадо гусей, с шумом несущихся к корму, или плавание ласточек по поверхности воды.^[1671] Опять же, когда видели, что у берега катаются дельфины, или волю лижут передние копыта, или смотрят на юг, или с подозрительным видом обнюхивают стихию,^[1672] или с ревом несутся к своим стойлам; когда волки приближались к усадьбам; когда остро кусали мухи,^[1673] или громко квакали лягушки, или в воду забирались руддоки, или сухопутная жаба; когда появлялась ящерица-саламандра, а на деревьях слышалась нота зеленой лягушки, деревенский человек надевал свой капот и готовился, подобно Анаксагору в Олимпии,^[1674] к ливню. Полет штормовых птиц, *kerphoi*,^[1675] должен был указывать на бурю с той точки неба, к которой они летели. Когда в ясную и безветренную погоду по воздуху плыли облака паутины^[1676], земледелец предвидел, что его поля будут залиты водой, а также когда глиняные горшки и медные кастрюли испускали искры; когда лампы плевались; когда фитиль разводил грибы;^[1677] когда пламя окружалось ореолом,^[1678] или когда само пламя было сумрачным. О приближении града, обычно с

севера, хозяйку предупреждали по обилию ярких искр, появлявшихся на поверхности угольного костра; по тому, как вздымались ее ноги, она знала, что ветер дует с юга.^[1679] Груды облаков, как начищенная медь, поднимающиеся после дождя на западе, предвещали хорошую погоду; точно так же вершины высоких гор, таких как Афон, Осса и Олимпос, резко выделялись на фоне неба; а явное увеличение высоты мысов и количества островов предвещало ветер.

1621. De Re Rusticâ, i. 1. Cp. Colum. i. 1.

1622. Xenoph. Œconom. xx. 22, sqq.

1623. Cp. Plat. De Legg. t. vii. p. 111. t. viii. p. 103.

1624. Xenoph. Œconom. xvi. 1, sqq.

1625. Вид богатого и процветающего соседа также подстегивал его к труду:...

Εἰς ἕτερον γάρ τις τε ἰδὼν ἔργοιο χατίζων

Πλούσιον ὃς σπεύδει μὲν ἀρόμεναι ἡδὲ φυτεύειν,

Οἶκον τ' εὖ θέσθαι- ζηλοῖ δὲ τε γείτονα γείτων

Εἰς ἄφενον σπεύδοντ' ἀγαθὴ δ'

ἦ τις ἤδε βροτοῖσι.

Гесиод. Opp. et Dies, 21, sqq.

1626. Opp. et Dies, 298, sqq.

1627. Sch. Aristoph. Pac. 190.

1628.

Καὶ τ' ἐργαζόμενος πολὺ φίλτερος ἀθανάτοισιν.

ἦ σεαὶ ἡδὲ βροτοῖς- μάλα γὰρ στυγέουσιν ἀεργούς.

Opp. et Dies. 309, seq.

1629. Cp. Plut. Sympos. vii. 3.

1630. Георг. ii. 9. На этих богатых суглинках, особенно на берегах Стимфалийского и Копайского озер, пшеница давала пятидесятикратную прибыль. Thiersch, Etat Act. de la Grèce. t. ii. p. 17.

В других местах, опять же, доходность составляет тридцать раз. Sibth. in Walp. Mem. i. 60.

1631. Сосна указывает на легкую и голодную почву; кипарис - на глинистую почву. Филост. Icon. ii. 9. p. 775.

1632. Георг. ii. 11.

1633. Поэтому греческий земледелец, сажая пальму на любой другой, кроме песчаной, почве, сыпает землю вокруг солью. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 2.

1634. Geop. ii. 10.

1635. Ксеноф. Анаб. ii. 3. 16. Дубовая пальма, которая, как я полагаю, обычно свойственна Верхнему Египту и странам за катарактой, в древности культивировалась также на Крите. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 3.

1636. Geop. ii. 4, sqq.

1637. Филост. Icon. ii. 9. p. 775.

1638. Спалланцани в своем научном "Путешествии по двум Сицилиям" описывает и объясняет причину редкости источников в вулканических странах. В некоторых районах среди корней Итны женщины-крестьянки вынуждены в определенные времена года преодолевать десять миль в поисках воды, кувшин которой стоит, следовательно, почти день пути. vol. i. p. 299, sqq. В другой части той же работы он исследует происхождение источников на островах Эолии, что иллюстрирует на примере Стромболи. iv. 128. На этом острове есть два фонтана, один со слегка тепловатой водой, у подножия горы, другой - на ее склоне. "Я обнаружил, - замечает мсье Доломье, - в глубине острова один источник пенистой, душной, светлой и очень приятной воды, который не смолкает ни на минуту и является единственным средством спасения жителей, когда их груди опустошены и когда шалеры иссушают второй источник, находящийся у подножия горы, который прибывает в любое время года". Затем он резонно добавляет: "Этот маленький источник, расположенный на большой высоте в окружении вулканических ценностей, очень примечателен, он не может иметь своего резервуара только в изолированной части горы, состоящей из соболя и пористых пирсов, материалов, которые не могут удерживать воду, так как они позволяют окуривать ее". Voyage aux Iles de Lipari, t. i. p. 120. Затем он пытается объяснить его существование испарением. На острове Салине, среди той же группы эолийских островов, есть еще один неиссякаемый источник, который, поскольку в некоторые годы на этих островах в течение девяти месяцев не выпадает ни одного дождя, вызвал большое недоумение в теориях натуралистов. Однако Спалланцани полагает, что это явление можно объяснить обычным способом: "Мне кажется, - говорит он, - чрезвычайно вероятным, что во внутренних частях острова, который, как и этот, является результатом огня, могут быть огромные пещеры, которые могут заполняться водой во время дождей; и что в некоторых из них, расположенных над источником, вода может всегда оставаться на почти одинаковой высоте". Путешествия по Двум Сицилиям, т. iv. с. 136.

1639. Le Vaillant, t. viii. p. 162. Даже в южных провинциях Франции обнаружение скрытых источников - искусство немаловажное, а люди, владеющие им, считаются общественными благодетелями. Так, как я узнал от моего друга мсье Луи Фромана из департамента Лот, мсье Парамель, куратор, живущий в этой части страны, пользуется большим уважением благодаря его умению обнаруживать скрытые места источников. Он способен с определенного расстояния и без малейших колебаний указать на источник живой воды, определить глубину, на которой она находится, сказать, никогда не ошибаясь, каково ее количество и качество. Не пытаясь проникнуть в план, секрет которого он хранит, его соотечественники пользуются предложенными им преимуществами; а жители одной деревни, расположенной на известковой равнине, с помощью мсье Парамеля обнаружили источник на своей рыночной площади, в то время как раньше они были вынуждены искать воду на расстоянии пяти миль.

1640. Geop. ii. 4.

1641. Геоп. ii. 6.

1642. Ср. Гесиод. Opp. et Dies, 233, где он говорит о роях диких пчел на склонах гор.

В другом отрывке этот поэт описывает разрушения и опустошения, причиняемые ураганом среди фонтанирующих лесов:

Μῆνα δὲ Ληναιῶνα, κάκ' ἤματα, βουδόρα πάντα,

τοῦτον ἀλεύασθαι, καὶ πηγάδας, αἵ τ' ἐπὶ γαῖαν

πνεύσαντος Βορέας δυσηλεγέες τελέθουσιν,

ὅστε διὰ Θρήκης ἰπποτρόφου ἐυρέϊ πόντῳ

ἐμπνεύσας ὥρινε- μέμυκε δὲ γαῖα καὶ ὕλη.

πολλὰς δὲ δρυὺς ὑψικόμους ἐλάτας τε παχείας

οὔρεος ἐν βήσσης πιλνᾷ χθονὶ πουλυβοτείρῃ

ἐμπτίπτων, καὶ πᾶσα βοᾷ τότε νήριτος ὕλη.

Opp. et Dies, 504, sqq.

Сосна и смола, по словам Теофраста, часто выкорчевывались ветрами в Аркадии. Hist. Plant. iii. 6. 4.

1643. Theoph. Hist. Plant. iii. 3. 7. Во всех странах, малых и великих, прогресс цивилизации был неблагоприятен для лесов. Так, на маленьком острове Стромболи, где проживает около тысячи жителей, в конце восемнадцатого века были предприняты попытки увеличить площадь обрабатываемой земли за счет вырубki леса. Spallanzani, Travels in the Two Sicilies, vol. iv. p. 126, seq. Трудность истребления деревьев иллюстрирует Теофраст, который рассказывает, что в одном месте около Фенеона в Аркадии хорошо заросший лесом участок был затоплен водой, и деревья были уничтожены. На следующий год, когда наводнение спало и грязь высохла, каждый вид дерева появился на том месте, которое он занимал раньше. Ивы, вязы, сосны и пихты, растущие на своих местах, несомненно, от корней прежних деревьев. Hist. Plant. iii. 1. 2. Опять же: Нессос на территории абдеритов постоянно менял свое русло, и в старых руслах деревья росли так быстро, что за три года они представляли собой множество полос леса. Id. iii. 1. 5.

1644. Thiersch, Etat Actuel de la Grèce. t. i. p. 276. Теофраст, однако, отмечает, что сосновые леса, уничтоженные огнем, вырастали вновь, как это случилось на Лесбосе, на горе близ Пирры. Hist. Plant. iii. 9. 4.

1645. Ср. Chandler, i. p. 261. Аппарат, который сейчас используют для орошения скиоты, в точности похож на тот, что был у египетских арабов. Id. i. 315.

1646. Демосф. Adv. Polycl. § 16. О снабжении Афин водой у нас мало положительных сведений, хотя мы не можем сомневаться, что все возможные преимущества были извлечены из тех чистых источников, которые до сих пор находятся в их окрестностях. "Ни в одной стране необходимость не создавала гидрогического искусства в большей степени, чем в Аттике; и у нас есть свидетельства того, какое внимание уделяли афиняне своим каналам и фонтанам во времена Фемистокла, а также Александра Македонского". Кол. Лик, о некоторых спорных моментах в топографии Афин. Trans. Lit. Soc. iii. 189. Ср. Аристоф. Av.

Schol. 998. Плут. Themist. § 31. Arist. Polit. vi. 8. vii. 12. От Теофраста мы узнаем, что в его время в Ликее был акведук, возле которого росло несколько платанов. Theoph. Hist. Plant. i. 7. 1.

1647. Mitford, i. 33, seq. В Беотии, Вавилонии, Египте и Киренаике вместо дождя выпадала роса. Theoph. Hist. Plant. viii. 4. 6.

1648. Λακκοὶ . Махон. ап. Athen. xiii. 43.

1649. Geop. ii. 7.

1650. Sir W. Hamilton, Acc. of Discov. at Pompeii, p. 13.

1651. Вода охлаждалась, будучи подвешенной в сосудах над устьями колодцев; иногда ее предварительно кипятили, чтобы сделать процесс более полным. Ибо, согласно Перипатетикам, πᾶν ὕδωρ προθερμανθέν ψύχεται μᾶλλον, ὥσπερ τὸ τοῖς βασιλεῦσι παρασκευαζόμενον, ὅταν ἐψηθῇ μέχρι ζέσεως, περισωρεῦουσι τῷ ἀγγεῖω χιόνα πολλήν, καὶ γίνεται ψυχρότερον. Plut. Sympos. vi. 4. 1.

1652. Geop. i. 2-4. 11. Теофраст. De Signis Pluviarum et de Ventis, *passim*. Наши агрономы тоже раньше увлекались этими исследованиями. Так, "яблоки, разломанные на части в момент их увядания, предвещают продолжение года, как заметили опытные кентские земледельцы, по живым существам, найденным в них: Так, если они находят муравья, то предвещают обильное количество зерна; если целого червя, как гентилл или личинка, то предсказывают убийство зверей и скота; если паука, то (говорят они) у нас будет мор или какая-то подобная болезнь, которая последует среди людей. Эти вещи ученые также заметили и отметили: так, Матиолус, пишущий на Диоскорида, говорит, что прежде чем проделать в них отверстие, они обнаруживают в них либо муху, либо паука, либо червя; если муха, то война неминуема; если ползучий червь, то скудость продуктов; если бегущий паук, то следует большая болезнь и смертность". Gerrard, Herball, Third Book, c. 29. p. 1158. Ср. лорд Бэкон, Sylva Sylvarum, 561.

1653. Ср. Гесиод, Opp. et Dies, 486, seq.

1654. Ср. лорд Бэкон, Сильва Сильварум, 675. 812.

1655. Ср. Агато. Prognost. 102, sqq. Но, с другой стороны, "purus oriens, atque non fervens, serenum diem nuntiat". Plin. Hist. Nat. xviii. 78. Aristot. Проблема. xxvi. 8.

1656. Закаты солнца в Средиземноморье, как заметило большинство путешественников, демонстрируют множество великолепных явлений, которые, свидетельствуя об определенных состояниях атмосферы, служат многочисленными наставлениями для земледельцев. Солнце перед заходом "принимало, - отмечает доктор Чандлер, - самые разнообразные фантастические формы. Сначала оно было окружено золотым сиянием огромных размеров и пламенело на поверхности моря в виде длинного огненного столба. Вскоре после этого нижняя половина шара появилась на горизонте, а другая часть оставалась очень большой и красной, с половиной меньшего шара под ним и отдельным, но в том же направлении, круглым ободом, приближающимся к линии его диаметра. Постепенно они соединились, а затем быстро превратились в разные фигуры, пока не стали похожи на перевернутую вместительную чашу для пунша. Ободок дна, вытянутый вверх, и тело, удлиняющееся под ним, превратились в гриб на ножке с круглой шляпкой. Затем оно превратилось в пылающий котел, крышка которого, поднявшись вверх, раздулась почти до шара и исчезла. Другая часть приобрела несколько некруглых форм и, после множества мерцаний и слабых отблесков, медленно исчезла, совершенно покраснев, оставив облака, нависшие над темными скалами на барбарийском берегу, тонко окрашенными в яркий

кровавый оттенок". *Travels*, i. p. 4. Подобные зрелища, хотя и менее яркие и разнообразные, иногда наблюдаются в Западном полушарии. Описывая красоту вечера на канадском берегу, сэр Р. Х. Бонникасл замечает: "Сначала отражалось двойное солнце, каждый диск которого был одинаково отчетлив; затем, когда сфера достигла отметки х, твердое тело света, равное по ширине самому солнцу, но находящееся на большом расстоянии от берега, упало на море и оставалось в виде широкой огненно-золотой колонны или полосы, пока черная суша не скрыла само светило". *The Canadas in 1841*. v. i. p. 34.

1657.

Ille ubi nascentem maculis variaverit ortum

Conditus in nubem, medioque refugerit orbe;

Suspecti tibi sint imbres.

Virg. Georg. i. 441, sqq.

1658. *Plin. Hist. Nat. xviii. 78. Aratus, Prognost. 137, sqq.*

1659. *Cp. Plin. xviii. 82. "Si nubes ut vellera lanæ spargentur multæ ab oriente, aquam in triduum præsagient"; и Virg. Georg, i. 397:*

Tenuia nec lanæ per cœlum vellera ferri.

1660. Если горы Парнес и Брилесс оказывались окутанными облаками, считалось, что это предвещает бурю. *Theoph. de Sign. Pluv. iii. 6. Cp. Strabo. ix. 11. t. ii. p. 253.*

1661. *Pausan. ii. 30. 3. Pind. Nem. v. 10. Dissen.-Müll. Æginetica, § 5. p. 19.*

1662. *Дион. Chrysost. i. 222. Cp. Aristot. Prob. xxvi. 1.*

1663. Это объясняет лорд Бэкон. "Верхние области воздуха, - замечает он, - воспринимают сбор материи бури и ветра раньше, чем воздух внизу. Поэтому наблюдение меньших звезд является признаком того, что за ними последуют бури". *Сильва Сильварум, 812.*

1664. Подобные наблюдения были сделаны в большинстве стран, как мы видим из признаков погоды, собранных Эрра Патером и переведенных Лилли, часть iv. § 3-5.

1665. *Cp. Сенека. Quæst. Nat. i. c. 2.*

1666. *Аристотель. Проблема, xxvi. 24. Alexand. Афродита. Проблема. i. 72. Плин. xviii. 80. Вирг. Georg. i. 365, sqq.*

Sæpe etiam stellas, vento impendente, videbis

Præcipites cœlo labi, noctisque per umbram

Flammarum longos à tergo albescere tractus.

1667. О влиянии радуги древние придерживались любопытного мнения, которое лорд Бэкон излагает следующим образом: "Древние заметили, что там, где радуга как бы нависает или касается, ощущается сладкий запах. Причина в том, что это происходит только с некоторыми веществами, которые сами по себе имеют некоторую сладость, которую извлекает нежная роса радуги, и подобно мягким ливням, ибо они также делают землю сладкой, но ни один из них не является таким нежным, как роса радуги, когда она падает." *Сильва Сильварум. 832.* Его светлость здесь, как и во многих других местах, принимает объяснение перипатетиков, в

то время как он, похоже, сам назначает причину этого явления. Аристотель (Problem. 12. 3) подробно останавливается на этом вопросе, который, по-видимому, попал в поле зрения философов благодаря пастухам, заметившим, что, когда некоторые заросли были посыпаны пеплом, прохождение радуги над этим местом вызывало выдыхание из него сладкого запаха. На этот же факт обращает внимание Теофраст, De Caus. Plant. 6. 17. 7. Ср. Plin. Hist. Nat. 12. 52. 21. 18. 2. 60. Многим из древних философов это сравнительно редкое явление, лунная радуга, было неизвестно. (Arist. Meteor. iii. 2: νύκτωρ δ' ἀπὸ σελήνης ὡς μὲν οἱ ἀρχαῖοι ᾤοντο οὐκ ἐγίγνετο-), но во времена Аристотеля она была замечена, и причина ее жемчужной белизны исследована. Ср. Meteorol. iii. 4. 5. Senec. Quæst. Nat. i. 2, sqq.

1668. Ср. Ælian. De Nat. Anim. vii. 7.

1669.

Φράζεσθαι δ' , εὔτ' ἄν γεράνου φωνὴν ἐπακούσης
ὕψοθεν ἐκ νεφέων ἐνιαύσια κεκληγυίης-
ἦτ' ἀρότοιο τε σῆμα φέρει, καὶ χειμάτος ὤφην
δείκνυει ομβρηροῦ- κραδίην δ' ἔδακ' ἀνδρὸς ἀβούτεω.

Гесиод. Opp. et Dies, 448, sqq.

С той же целью Гомер:-Il. γ. 3, sqq.

Ἦυτε περ κλαγγὴ γεράνων πέλει οὐρανόθι πρὸ,
αἶτ' ἐπεὶ οὖν χειμῶνα φύγον καὶ ἀθέσφατον ὄμβρον,
κλαγγῇ ταίγε πέτονται ἐπ' Ὀκεανοῖο ῥοάων.

И Аристофан: (Av. 710, sqq.)

Прῶτα μὲν ὥρας φαίνομεν ἡμεῖς ἥρος, χειμῶνος, ὀπώρας -.
Σπείρειν μὲν, ὅταν γέρανος κρώζουσ' ἐς τὴν Λιβύην μεταχωρῇ,
καὶ πηδάλιον τότε ναυκλήρῳ φράζει κρεμάσαντι καθεύδειν.

1670. Все птицы, которые часто бывают на море, особенно те, которые летают высоко, по наблюдениям, стремятся на землю при приближении плохой погоды:-Ἀριστοτέλους ἀκούω λέγοντος, ὅτι ἄρα γέρανοι ἐκ τοῦς πελάγους εἰς τὴν γῆν πετόμενοι, χειμῶνος ἀπειλὴν ἰσχυραὶ ὑποσημαίνουσι τῷ συνιέντι. Ælian. De Nat. Anim. vii. 7. Перед великим землетрясением 1783 года, которое потрясло всю Калабрию и разрушило город Мессину, было замечено, что мятлики и другие водные птицы покинули море и укрылись в горах. Спалланцани, Путешествия по двум Сицилиям, т. iv. с. 158.

1671. Aut arguta lacus circumvolitat hirundo. Virg. Georg. i. 377. "Hirundo tam juxta aquam volitans, ut penna sæpe percutiat." Plin. xviii. 87.

1672. Plin. xviii. 88. Virg. Georg. i. 375.- Илиан, De Nat. Anim. vii. 8, описывает вола, который перед дождем нюхает землю, и добавляет: πρόβατα δὲ ἐρυττοντα ταῖς ὀπλάϊς τὴν γῆν, ἔοικε σημαίνειν χειμῶνα.

1673. Ср. Ælian De Nat. Anim. viii. 8.

1674. Диог. Laert. i. 3. 5. Илиан (De Nat. Anim. vii. 8) рассказывает любопытный анекдот о Гиппархе, который по какому-то изменению в плаще из козьей шкуры, который он носил, также предсказывал бурю с дождем к большому восхищению Нерона.

1675. Вероятно, это птица-штурм, которую часто можно наблюдать на крыльях, летящей вдоль Эгейского моря, особенно когда оно неспокойно. Sibth. in Walp. Mem. i. 76.

1676. Ср. Аристотель. Problem. xxvii. 63, где он исследует причины этого явления; и Plin. Nat. Hist. xi. 28.

1677. Вид. Аристоф. Vesp. 262. Схолиаст придерживается несколько иного мнения: -φασὶ ν ὅτι ὑέτοῦ μέλλοντος γενέσθαι οἱ περὶ τὴν θρυαλλίδα τοῦ λύχνου σπινθήρες ἀποπηδῶσιν, οὓς μύκητας νῦν λέγει, ὡς τοῦ λύχνου ἐναντιουμένου τῷ νοτερῷ ἀέρι- καὶ Ἄρατος "ἢ λύχνοιο μύκητες ἐγείρονται περὶ μύξαν, νύκτα κατὰ νοτίην."

1678. Аристотель. Meteorol. iii. 4. Seneca, Quæst. Nat. i. 2.

1679. Ср. Аристотель. Problem. xxvi. 17.

ГЛАВА V.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Если мы теперь перейдем к собственно сельскохозяйственным работам и орудиям, с помощью которых они обычно выполнялись, то обнаружим, что греческий земледелец не испытывал недостатка ни в изобретениях, ни в той изобретательности, с помощью которой люди во всех странах стремились уменьшить свой труд. Для того чтобы по дешевке приобретать все, что требовалось для нужд заведения,^[1680] кузнецов, плотников и гончаров держали на участке или в непосредственной близости от него; таким образом также избегали необходимости часто отправлять слуг в соседний город, где, как было замечено, они приобретали дурные привычки и становились более порочными и ленивыми.^[1681] Поэтому повозки, телеги, плуги и бороны строились на месте, хотя иногда приходилось доставлять издалека древесину для этих орудий, которая обычно заготавливалась в зимнее время. В выборе древесины они проявляли большую щепетильность. Так, для колес они использовали тополь или тутовое дерево, для осей - ясень, илекс и оксию, а для ярма волов - клен с мелкой зернистостью,^[1682] иногда вырезанный в виде змей, которые, казалось, обвивались вокруг шеи животных и высовывали свои головы обеих сторон.^[1683] Их бороны, вероятно, были похожи на наши собственные. Конструкция плуга^[1684] всегда оставалась чрезвычайно простой. В эпоху Гесиода^[1685] он состоял из четырех частей: рукоятки, гнезда, сошника и бруса; и, похоже, впоследствии в его форму и структуру вносилось очень мало изменений, вплоть до появления колесного плуга, который, как полагают, появился только после эпохи Вергилия. Однако более примитивное орудие, по-видимому, первоначально состояло только из двух частей, одна из которых служила рукояткой, гнездом и долей, а другая была балкой, с помощью которой она крепилась к ярму. В античном орудии^[1686] бревно иногда делалось из лавра или вяза, раструб - из дуба, а рукоять - из илекса.

До изобретения мельниц инструментом, с помощью которого кукурузу превращали в муку, была большая ступка, выдолбленная из ствола дерева, снабженная пестиком длиной до четырех футов, в точности похожим на тот, что до сих пор используется египетскими арабами. Для большего эффекта пестик был закреплен на поперечной перекладине длиной в

семь футов, и работали им два человека.^[1687] С помощью этого грубого приспособления можно было получить муку такой же тонкости, как и из самой совершенной машины. Кроме того, у них были веялки, косы, серпы, секачи, папоротниковые или бракенские косы, пилы и ручные пилы, используемые для обрезки и прививки, пики, лопаты, грабли, кирки, мотыги, мотыги с одним, двумя и тремя зубцами, скребки, вилы-скребки и колющие топоры.^[1688] Когда деревенские жители расчищали подлесок или рубили тормоза, они облачались в кожаные плащи с капюшоном, кожаные гетры и длинные перчатки.^[1689]

Что касается навоза^[1690], то греки, похоже, придерживались весьма справедливых представлений и оставили после себя многочисленные правила его использования и приготовления. На худых землях, которые больше всего нуждались в помощи искусства, они все же старались избегать излишеств в использовании навоза, разбрасывая его чаще, чем обильно; ибо как, предоставленные самим себе, они были бы слишком холодными, так и при чрезмерном обогащении искусством их плодородная сила, как считалось, была бы израсходована жарой. Внося его в растения, они старались присыпать их слоем земли, чтобы не обжечь корни. Из всех видов навоза лучшим они считали птичий,^[1691] кроме водного, который, однако, при смешивании не отвергался. Большинство земледельцев придавали особое значение вымету из голубятен,^[1692] который в небольших количествах часто разбрасывали по полям вместе с семенами.

Большое внимание они уделяли подготовке навозных ям.^[1693] Зарывая их достаточно глубоко в местах, обильно снабжаемых водой, они бросали туда большое количество сорняков со всеми видами навоза, к которым они относили даже саму землю, когда она полностью пропитывалась влагой. Когда они лежали достаточно долго, чтобы полностью перегнили, они становились пригодными для использования. К ним иногда добавляли древесную золу, отходы кожевников, очистку конюшен и коровников, а также измельченную в прах щетину, колючки и терновник. В морских условиях морские водоросли,^[1694] также хорошо промытые в пресной воде, смешивались в большой пропорции с другими материалами, и, где возможно, делался канал, проводящий грязь и лужи^[1695] соседней дороги в яму, что сразу ускоряло гниение навоза и увеличивало его. У аттических земледельцев был способ обогащения своих земель^[1696], несколько дорогостоящий и, насколько мне известно, свойственный им самим; засеяв поле, они позволяли кукурузе взойти и достигнуть значительной высоты, после чего снова вспахивали ее в качестве своеобразной жертвы земле. Практика, не совсем похожая на эту, до сих пор преобладает в Неаполитанском королевстве, где земледельцы иногда закапывают свои бобы и люпины перед самым цветением в качестве навоза.^[1697]

Пахота отличалась большим разнообразием, а в небольших хозяйствах, где почва была легкой, прибегали к тому, что можно назвать лопатным земледелием. Большинство земель пахали трижды: во-первых, сразу после снятия предыдущего урожая, во-вторых, через удобный промежуток времени, и, в-третьих,^[1698] в сезон сева, когда пахарь разбрасывал зерно в борозды, когда они были открыты, а за ним по пятам шел парень с мотыгой, разбивая комья и прикрывая семена, чтобы их не пожрали птицы.^[1699] Иногда, в очень жаркую погоду и в некоторых ситуациях, фермер пахал всю ночь;^[1700] во-первых, из заботы о волах, чье здоровье пострадало бы от солнца; во-вторых, чтобы сохранить влагу и богатство почвы; и, в-третьих, с помощью росы, чтобы сделать ее более податливой. В таких случаях было принято использовать две пары волов и более тяжелую долю, чтобы проделать более глубокие борозды и вывернуть скрытый жир земли. Выбирая пахаря, они заботились о том, чтобы он был высоким и сильным,^[1701] чтобы он мог глубже втыкать лемех в землю и ловко управляться с ним: и при этом они не хотели, если ВОЗМОЖНО, чтобы он был моложе сорока лет, чтобы вместо того, чтобы заниматься своими обязанностями, его взгляд метался туда-сюда, а ум

блуждал за его товарищами.^[1702] Когда пахарь особенно спешил выполнить свою задачу, он часто носил под мышкой длинный каравай, который, подобно французским крестьянам, ел на ходу.^[1703] В этом виде сельского труда, как можно заметить, иногда использовались мулы, а также волы.^[1704] И те и другие направлялись и поддерживались в порядке с помощью острого козла.^[1705]

Поскольку греки хорошо понимали, что такое пахота, их земли тогда, как и сейчас, получали возможность восстановить свои силы, полежав некоторое время без дела;^[1706] и, похоже, у них был такой же обычай, как и у их потомков,^[1707] по крайней мере у бедняков, бродить по этим непаханным землям, собирая крапиву,^[1708] мальву, осот или зазубренный латук,^[1709] одуванчиков, морского портулака, столоверчения, полыни, луковичных ростков, нежного раkitника, обычно встречающихся в окрестностях городов, во дворах домов, садах и развалинах, с другими дикими травами для салатов или для употребления в пищу в качестве овощей.

Правила, соблюдаемые при посеве, были многочисленны, а во многих случаях и любопытны. Разумеется, они тщательно подбирали зерно к почве:^[1710] таким образом, богатые равнины отводились под пшеницу, а в промежутках засеивались овощами; средние участки - под ячмень,^[1711] а бедные и голодные места отдавались под чечевицу, вику, люпин и другие бобовые, которые выращивались в больших масштабах. Фасоль и горох, однако, должны были лучше всего расти на тучных и ровных землях. Основным временем сева^[1712] была осень; как только равноденственные дожди увлажняли землю, сеятель немедленно отправлялся сеять, закладывая в землю надежды на будущий год. Лучшее время для разбрасывания пшеницы они определяли где-то в ноябре, около захода созвездия, называемого Короной. При этом они старались избегать времени, когда дул южный ветер^[1713], и вообще всякой холодной и сырой погоды, поскольку она делала землю неблагоприятной и мало склонной к плодоношению того, что ей поручалось. Для разбрасывания семян требовалось большое мастерство: во-первых, чтобы они были распределены равномерно, а во-вторых, чтобы ни одно не попало между рогами волов - суеверие внушало им веру, что такое зерно, которое они называли Kerasbolos,^[1714] если оно вообще взойдет, даст кукурузу, которую нельзя будет ни печь, ни есть. Любимое сито для посева было сделано из волчьей шкуры и пронизано тридцатью отверстиями размером с кончики пальцев. В более поздние века считалось, что много добродетели заключено в варварском термине Phriel,^[1715] который, соответственно, писали на плуге. Выбор зерен для посева обязательно давал много упражнений^[1716] их изобретательности: пшеница, по их мнению, должна быть насыщенного золотого цвета, полная, гладкая и твердая; ячмень - белый и тяжелый; оба зерна не старше одного года, так как они быстро портились и после третьего года, как они полагали, не вырастали. Это, однако, было ошибкой, поскольку ячмень, как известно, сохраняет свою жизнеспособность до двух тысяч лет.

Было принято часто обновлять семена, высевая продукцию с гор на равнины, из сухих мест во влажные, и наоборот.^[1717] Чтобы проверить сравнительную ценность различных сортов зерна^[1718], они брали образец каждого и высевали все на отдельных участках одной грядки, немного раньше восхода звезды Пса. Если результат любого из этих образцов увядал, как они предполагали, под влиянием Сириуса, пшеница, которую он представлял, отвергалась. Поскольку кукуруза, попавшая в землю, подвергается нападению многочисленных врагов, они прибегали к различным способам ее сохранения: чтобы защитить ее от птиц, мышей и муравьев,^[1719] замачивали ее в соке домашних лилий, или смешивали с листьями чемерицы и кипариса и рассыпали по кругу, или поливали водой, в которую в течение восьми дней бросали речных крабов, или порошком из рога или слоновой кости. Не довольствуясь этими

мерами предосторожности, они прибегали к помощи пугала: устанавливали на полях то тут, то там длинные тростники, к которым за ноги подвешивали мертвых птиц. Этот длинный список приспособлений они завершали заклинанием: взяв живую жабу, они ночью обходили с ней поле, после чего тщательно закрывали ее в банке, которую закапывали посреди поля.

Когда кукуруза начинала всходить, ее старательно пропалывали^[1721] первый и второй раз. Однако они не стали полностью полагаться на ловкость своих рук, а призвали на помощь некоторые характерные чары, два или три из которых, возможно, стоит описать. Во-первых, чтобы усмирить рост душистой травы, они сажали веточки лаурел-розы в углу и в середине полей или ставили несколько горшков, на которых мелом была нарисована фигура Геракла, душащего льва. Но самым действенным из всех заклинаний было то, что молодая женщина, обнаженная и с растрепанными волосами, брала в руки живого петуха и несла его вокруг полей, после чего не только исчезали душистая трава и рестхерроу,^[1722] но и все продукты земли становились более качественными.^[1723]

Поскольку древние хорошо понимали ценность сена, они уделяли много внимания формированию лугов и управлению ими. Прежде всего, все камни, пни, кустарники и брамбли^[1724] старательно удалялись, как и все остальное, что могло помешать свободной игре косы при кошении. Кроме того, они избегали пускать на эти участки свиней, которые, как выяснилось, выворачивали почву и уничтожали корни молодой травы. На влажных землях не пускали даже крупный рогатый скот, так как ямы, проделанные его копытами^[1725] при опускании, разрушали тонкий уровень дерна. Старые сенокосы в районах, где выпадало много осадков, со временем покрывались мхом,^[1726] который некоторые фермеры пытались удалить, удобряя землю золой; Но более ученые земледельцы вспахивали их и предпринимали точно такие же шаги, как и при создании нового луга, то есть засевали землю бобами, репой или рапсом, которые на второй год сменялись пшеницей; на третий ее тщательно расчищали и засевали сеном, смешанным с викой, после чего все поле тщательно выравнивалось бороной.

При сборе сена^[1727] они придерживались следующих правил: во-первых, косить до того, как трава или клевер засохнут, когда они становятся менее богатыми и питательными; во-вторых, следить за тем, чтобы риксы не были ни слишком сухими, ни слишком влажными, поскольку в первом случае они были чуть лучше соломы, а во втором - подвержены самовозгоранию.^[1728] Далее можно заметить, что клевер^[1729] обычно сеяли в марте или апреле, и хотя его обычно скашивали шесть или, по крайней мере, пять раз за двенадцать месяцев, его не требовалось обновлять менее чем через десять лет.^[1730]

Сбор урожая обычно начинался в Греции в момент восхода Плеяд,^[1731] когда кукуруза уже приобретала глубокий золотистый цвет, хотя еще не созрела настолько, чтобы упасть с колоса, что у ячменя происходит раньше, чем у пшеницы, так как зерно не имеет рукава.^[1732] У римлян операции предшествовало жертвоприношение^[1733] молодой свиноматки Церере, с возлияниями вина, сжиганием ладана и подношением пирога Юве, Юноне и Янусу. При этом они обращались с молитвами к упомянутым богам, почти в следующих словах: "О отец Янус или Юпитер, делая приношение из этого пирога, я возношу свои молитвы о том, чтобы ты был благосклонен ко мне и моим детям, моему дому и моей семье!"

В Афинах, как только наступал сезон жатвы^[1735], те выносливые граждане, которые жили тем, что сдавали свою силу в наем,^[1736] собирались в группы на агоре, куда прибегали окрестные крестьяне в поисках сборщиков урожая. Затем, в связи с жаркой погодой, они полуголые^[1737] отправлялись на поля, где, взяв в руки серп и разделившись на два отряда, располагались по

обе стороны от участка кукурузы, подлежащего жатве, и начинали свою работу с энергией и подражанием, причем каждая сторона стремилась достичь центра поля раньше своих соперников.^[1738] В других случаях они пользовались ветром,^[1739] двигаясь вместе с ним, что, как считалось, приносило им значительную пользу: они избегали бород или мякины, которые могли попасть им в глаза, и под его действием высокая солома гнулась под их рукой.

Во многих частях Греции, хотя эта практика и не была повсеместной, женщины участвовали в этих работах. Жнецы, продвигаясь вперед, укладывали кукурузу длинными рядами на стерню, а за ними следовали два других класса комбайнов, один из которых связывал ее в снопы, которые другие несли назад и складывали в копны. Все эти действия, вместе с обильным пиром, который прерывал или завершал их труды, Гомер оставил нам наглядное изображение в "Илиаде".^[1740]

Там, в поле, посреди возвышенной кукурузы, Стоят жатвенные жнецы,

С серпом в руках, с радостью трудятся.

Некоторые из них выстраиваются в шеренги, когда они идут вперед, с толстыми горстями позади,

А за их пятками тяжелые снопы связывают их веселые товарищи.

Их к покосам отряд мальчишек спешит,

Складывая на золотой глебе победы дня.

Среди них, овеянный тихой радостью, появляется их сметливый король,

Видя в нагромождении куч запасы будущих лет.

Могучего быка под дубом глашатаи убивают,

Благодарной жертвой завершая труды дня.

А пока рядом готовят трапезу мужу деревенские служанки,

Посыпая мукой жарящиеся пирожки, аромат которых наполняет воздух.

В те далекие и беспокойные времена крестьянину следовало внимательно следить за снопами, оставленными на поле, поскольку в соседних лесах и зарослях обычно таились бродяги,^[1741] готовые наброситься и унести все, что им покажется незащищенным.

Для срезания пшеницы, по-видимому, всегда использовался серп, а для ячменя и других низших злаков - коса. В некоторых частях древней Галлии, где солома не ценилась, кукурузу собирали с помощью своего рода повозки,^[1742] вооруженной спереди косами с наклоненными вверх краями, которые, когда их вез бык, запряженный сзади, срезали колосья кукурузы, которые попадали в тумбрил. Таким образом, за день можно было легко собрать урожай с целого поля. Жатва у древних жителей Италии^[1743] осуществлялась тремя способами: сначала жали вплотную, как в Умбрии, и аккуратно укладывали горсти на землю, после чего колосья отделяли от соломы и несли в корзинах к молотильному полю. В других местах, например в Пиценуме, использовали рыхлитель или зубчатый крюк с длинной

ручкой, которым срезали только колосья, оставляя солому, чтобы потом собрать ее и сгрести в копны.

В окрестностях Рима жали обычным серпом, держа верхнюю часть соломы в левой руке и срезая ее посередине. Эту высокую стерню затем скашивали и уносили, чтобы использовать в качестве корма или подстилки для скота. В Верхнем Египте и Нубии стебли доуры оставляют высотой около двух футов, чтобы поддержать урожай бобов, который выращивается следующим по порядку. Среди афинян^[1744], когда кукуруза вырастала высокой, стерню оставляли, чтобы сжечь для навоза; но когда она была короткой, ценность соломы заставляла их жать поближе.

Для отделения зерна от соломы древние использовали лошадей, волов и мулов, которые, проходя круг за кругом по молотильному полю, выгребали кукурузу. Рабочему оставалось только направлять движения скота и следить за тем, чтобы ни одна часть снопа не осталась не убранной.^[1745] Из очень гуманного закона Ветхого Завета мы узнаем, что у некоторых народов было принято завязывать рты животным, которых они использовали для этого труда, что было запрещено израильтянам: "Ты не должен, - говорит Писание, - душить вола, который метет кукурузу". Не практиковалось это и среди греков в эпоху Гомера,^[1746] у которого мы находим описание волов, ревущих, когда они совершают свой неустанный круг. Молотильня, имевшая круглую форму,^[1747] стояла на ветреном возвышении, в открытом поле, где, как и сейчас, в современной Греции и в Крыму,^[1748] в центре устанавливался высокий столб, к которому скот привязывался веревкой, определявшей протяженность круга, который он должен был описать.^[1749] Конец шнура был прибит, и при каждом повороте скот наматывал веревку на шест и уменьшал радиус действия, пока, в конце концов, не подводился совсем близко к центру, после чего головы поворачивались, и, двигаясь в противоположном направлении, шнур разматывался. При строительстве молотильного поля были приложены большие усилия, и оно было несколько приподнято в центре, чтобы, как замечает Варро, дождь мог быстро стекать. Иногда его мостили камнем или выкладывали кремнем, но чаще всего покрывали штукатуркой, выравнивали катком и хорошо пропитывали масляной сывороткой, которая одновременно препятствовала росту сорняков и травы, предохраняла от растрескивания и отталкивала мышей, муравьев и кротов, для которых масляная сыворотка губительна.^[1750] Хотя некоторые авторитеты советуют держать его под присмотром хозяина или, по крайней мере, управляющего, обычно считалось целесообразным держать его на расстоянии от дома и садов, поскольку мелкие частицы мякины, густо разносимые по воздуху, вызывали офтальмию, а часто и слепоту,^[1751] и были очень вредны для всех растений и мясистых плодов, особенно винограда. В некоторых частях древнего мира, подверженных вероятности летних дождей, молотильный пол накрывали; и даже в Италии рядом всегда строили умбракулу^[1752] или навес, в который можно было убрать кукурузу в случае непогоды. Но в более солнечном климате Греции это было сочтено излишним. В соответствии с распространенным среди эллинских земледельцев представлением, снопы складывали соломой к югу, считая, что таким образом зерно увеличивается в размерах и освобождается от рукава. Когда у крестьянина не хватало скота, он использовал молотильную машину^[1753], которая состояла из тяжелых саней, утыканных снизу острыми камнями или железом. Изредка использовалась и молотилка^[1754], особенно в случае с кукурузой, которая хранилась в амбаре и обмолачивалась зимой.

При просеивании^[1755], когда дул ветерок, они просто подбрасывали зерна в воздух совком, пока ветер полностью не убирал мякину. В спокойные дни они прибегали к помощи веялки, которая, хотя и вращалась вручную, была очень мощной, о чем можно судить по тому, что ее использовали для очистки вики и даже бобов.^[1756] Для приема мякины, которая была

слишком ценной, чтобы ее терять, вокруг молотильного поля были вырыты ямы, которые для прохода людей и скота были закрыты, кроме как со стороны ветра.^[1757] Когда кукуруза предназначалась для немедленного использования, одного обмолота считалось достаточно; но та, что предназначалась для хранения в зернохранилище^[1758], подвергалась этой операции во второй раз.

На строительство и подготовку зернохранилищ^[1759] древние тратили много сил. Они испробовали все средства, которые могли придать зерну прочность и долговечность; и их успех был обусловлен их усердием, так как в их зернохранилищах пшеница сохранялась в совершенстве пятьдесят, а просо - сто лет.^[1760] Их методы, однако, были различными; одни складывали зерно в полые скалы и пещеры, как во Фракии и Каппадокии; Другие зарывали глубокие ямы в землю^[1761] там, где она была совершенно свободна от влаги, как в Дальней Испании, а третьи, как в Дальней Испании, Апулии и Греции,^[1762] возводили свои зернохранилища на возвышенных цоколях, обращенных к востоку, и с отверстиями для северных и западных ветров.^[1763] На крыше обычно располагался ряд многочисленных маленьких окон, чтобы свободно выходить нагретому воздуху, а в полу во многих случаях имелись небольшие отверстия для проникновения прохладных бризов, дующих снизу. Стены были построены с надлежащей прочностью, и после того, как они вместе с полом были оштукатурены грубым раствором,^[1764] сделанным обычно из волос, которые иногда заменялись мякиной, получили слой тонкой штукатурки, на приготовление которой было потрачено много усилий. Обычно она состояла из извести, песка и мраморной крошки, смоченной в масле, особый вкус и запах которого, как предполагалось, отталкивал мышей,^[1765] долгоносиков и муравьев. Вместо него часто использовалась обычная штукатурка, сделанная из глины. Иногда зерно упаковывали в корзины или большие кувшины,^[1766] такие, как, можно предположить, до сих пор используются для этой цели в Африке, где их обычно держат в углу за дверью. Бобы и другие бобовые хранились в кувшинах с маслом, натертым золой.^[1767]

Перед тем как завезти продукты нового года, амбары, тщательно выметенные, обмазывали со всех сторон маслицем. Для защиты священных даров Деметры от посягательств принимались и другие меры предосторожности: на полу рисовали мелом широкие линии,^[1768] или разбрасывали вокруг куч горсти дикого origana, или посыпали их пеплом дубовых веток или сухим коровьим навозом, или веточками полыни и южного дерева, или, в большем количестве, листьями вечнозеленого дерева. Вместо них в некоторых случаях использовали порошкообразную глину^[1769] или сухие листья граната, мелко натертые и пропущенные через сито, ченик которых рассыпали над бушелем кукурузы. Однако, по-видимому, больше всего нравилось расстилать на полу слой полузасохшего флибана, на который насыпали около десяти бушелей пшеницы, затем слой флибана и так далее, пока зернохранилище не заполнялось.^[1770] Предполагалось, что уложенная таким образом пшеница не только пролежит много лет, но и сохранит свой вес при выпечке хлеба. Чтобы придать ячменю прочность, его посыпали лавровыми листьями или пеплом лаврового дерева, а также вечным, каламином и гипсом, или ставили в середину кучи плотно закупоренную бутылку с уксусом^[1771]. Чтобы придать большую упругость всем видам зерна, они посыпали кучи смесью, состоящей из селитры,^[1772] струи селитры и мелкой земли, которая также служила консервантом. Чтобы сделать муку более прочной, в нее втыкали маленькие кленовые веточки, очищенные от листьев, или маленькие лепешки из соли и тмина.^[1773]

После того как плоды земли были надежно укрыты в дверях, благодарные земледельцы праздновали в честь своих сельских богов, Деметры и Диониса, праздник, который, возможно, можно назвать праздником Дома Урожая. В Аттике он проходил в большом храме

в Элевсисе и продолжался течение нескольких дней. По этому случаю не приносились кровавые жертвы, а вместо них приносили лепешки и фрукты с другими деревенскими подношениями, призванными одновременно выразить благодарность за прошлые благодеяния и сделать богов благосклонными к ним в будущем. Первый каравай, приготовленный из новой кукурузы, вероятно, был съеден или принесен в жертву в этот день, поскольку он получил название Thargelos, или Thalusios, от Thalusia, обозначения праздника.^[1774]

Прежде чем мы оставим ферму, следует отметить, что древние держали некоторое количество рабов, составлявших своего рода сельскую полицию, чье занятие полностью состояло в охране границ поместий.^[1775] У римлян они назывались егерями, или лесничими. Были и другие, которым поручался уход за плодами; и оба эти класса лиц были, вероятно, пожилыми людьми, отличавшимися усердием и верностью, которые были вознаграждены назначением на эту более легкую обязанность за честное выполнение в молодости более мучительных и трудоемких. Мальчиков иногда ставили сторожить виноградники,^[1776] как мы можем видеть в первом "Эйдице" Феокрита, где он дает нам живую зарисовку такого сторожа, замышляющего против двух лисиц.

1680. Георг. ii. 49. Иллюстрируя жалкое положение тирана, живущего среди народа, который его ненавидит, Платон рисует картину, как человек находится в отдаленной части страны с женой и детьми, окруженный бандой из пятидесяти или шестидесяти рабов, и почти не имеет под рукой свободного соседа, к которому в случае необходимости он мог бы убежать. В каком ужасе, говорит он, должен жить этот человек, чтобы рабы не набросились на него и не убили со всей его семьей! De Repub. t. vi. p. 439.

1681. Телеги иногда крыли шкурами. Scheffer, De Re Vehic. p. 246, seq. Юстин, ii. 2.

1682. Theoph. Hist. Plant. v. 7. 6.

1683. Scheffer, De Re Vehic. p. 114.

1684. Pollux, x. 128. Goguet, Orig. des Lois, i. 189, seq. Pallad. i. 43. Colum. ii. 2.

1685. Opp. et Dies, 467, seq. Vid. Gœttl. ad v. 431. Etym. Mag. 173, 16. Poll. i. 252. Сирийцы использовали небольшой плуг, которым они прокладывали очень неглубокие борозды. Theoph. Hist. Plant. viii. 6. 3.

1686. Гесиод, Opp. et Dies, 435, seq.

1687. Idem, 423, seq.

1688. Poll. x. 129. Pallad. i. 51. Brunckh. not. ad Aristoph. Pac. 567. Cp. Eurip. Bacch. 344. Sch. Aristoph. Pac, 558, seq. 620. Plat. de Repub. t. vi. p. 81. Артемид. Oneirocrit. ii. 24. p. 111. Лютет.

1689. Pallad. i. 43. Colum. i. 8.

1690. Георг. ii. 21, seq. Theoph. Hist. Plant. vii. 5. 1. i. 7. 4. В качестве примера важности навоза этот писатель отмечает, что кукуруза, удобренная навозом, созревает на двадцать дней раньше, чем та, которая лишена этого преимущества, viii. 7. 7.

1691. Георг. ii. 21. 4. Из речи графа Раднора в Палате лордов 25 мая 1841 года мы узнаем, что наши фермеры начали проводить эксперименты с этим видом навоза на землях Великобритании, и что корабли с птичьим пометом были завезены для этой цели из Тихого

океана. Скалы и небольшие острова вдоль американского побережья иногда бывают белыми от этого вещества. Кеппель, Жизнь лорда Кеппеля, i. 48.

1692. Георг. xii. 4. 3. v. 26. 3.

1693. Xenoph. Œconom. xx. 10. Ср. Artemid. Oneirocrit. ii. 26. p. 114.

1694. Георгон. ii. 22.

1695. Практика смешивания воды с навозом была широко распространена среди древних, особенно на острове Родос, при выращивании пальм. Theoph. Hist. Plant. i. 6. 3.

1696. Ксеноф. Œconom. xvii. 10. Ср. граф Абердин, Walp. Mem. i. 2.50. В таких землях крестьяне заставляли свой скот объедать молодую кукурузу, чтобы предотвратить ее чрезмерную пышность. Theoph. Hist. Plant. viii. 7. 3.

1697. Swinburne, Letters from the Courts of Europe, i. 144.

1698. Ср. Xenoph. Œconom. xvi. 10, seq. Theoph. Hist. Plant. vi. 5. 1.

1699. Гесиод. Opp. et Dies, 469, seq.

1700. Георг. ii. 28.

1701. Георг. ii. 2.

1702. Гесиод. Opp. et Dies, 443, sqq.

1703. Гесиод. Opp. et Dies, 442. "Vide Athenæum, quem Lanzius laudavit, iii. p. 114. e. hæc ex Philemone referentem: βλωμιλίους ἄρτους ὀνομάζεσθαι λέγει τοὺς ἔχοντας ἔντομάς, οὓς Ῥωμαῖοι, καδράτους λέγουσι. ὀκτάβλωμον Spohnius intelligit de servo celeriter edente. Minime verò. Panes rustici incisuras suas habent, ut servis omnibus æquas partes frangendo possis dirimere. v. Philostrat. Imagg. p. 95. 16. Jacobs." Goettling in loc. p. 173.

1704. Гесиод. Opp. et Dies, 46. Dickinson. Delphi Phœnicizantes, c. 10. p. 101, sqq.

1705. Scheffer. de Re Vehic. 186, seq. Schol. Aristoph. Nub. 449. Шеи этих животных, пораженные ярмом, излечивались листьями черной брioniи, смоченными в вине. Диоскор. iv. 185.

1706. Ксеноф. Œconom. xvi. 13, seq. Ср. Schulz. Antiquitat. Rustic. § 7.

1707. Sibthorpe, in Walp. Mem. v. i. p. 144.

1708. Sch. Аристоф. Eq. 420. Гесиод упоминает об этой диете, когда восхваляет неполноценность половины по сравнению с целым:...

Νήπιοι, οὐδὲ ἴσασιν ὅσῳ πλέον ἥμισυ παντός,

Οὐδ' ὅσον ἐν μαλάχῃ τε καὶ ἀσφοδέλῳ μεγ' ὄνειρα.

Opp. et Dies, 40, seq.

Ср. о пословице в первом стихе, Diog. Laert. i. 4. 2. Aristot. Ethic. Nicom. i. 7. Овидий. Fast. v. 718.

1709. Theoph. Hist. Plant. vi. 4. 8.

1710. Георг. ii. 12.

1711. На равнине Марафона выращивали прекрасный сорт ячменя, который получил название ахиллея, как полагает д-р Чандлер, из-за своей высоты. ii. 184. Аттика, по сути, производила лучший ячмень, известный древним. Theoph. Hist. Plant. viii. 8. 2.

1712. Георг. ii. 14. -Ἐπειδὴν ὁ μετοπωρινὸς χρόνος ἔλθῃ, πάντες που οἱ ἄνθρωποι πρὸς τὸν θεὸν ἀποβλέπουσιν, ὅποτε βρέξας τὴν γῆν ἀφήσει αὐτοὺς σπεῖρειν. Xenoph. Œconom. xvii. 2. Весной был второй срок сева, а летом - третий для проса и кунжута. Theoph. Hist. Plant. viii. 1. 2, sqq. В Фокисе и других холодных частях Греции сеяли рано, чтобы кукуруза успела окрепнуть до наступления зимы. § 7. В древней Италии кукурузу высевали в основном в сентябре и октябре, хотя в мягкое время года посевная работа продолжалась всю зиму. Schulze, Antiquitates Rusticæ, § 4. p. 6.

1713. Сп. Аристотель. Проблема, ххvi. 3.

1714. Plat. de Legg. t. viii. p. 119. Tim. Lex. Plat. p. 85. Ruhnck. Plut. Sympos. vii. 2.

1715. Георг. ii. 19.

1716. Георг. ii. 16.

1717. Георг. ii. 17.

1718. Георг. ii. 15.

1719. Георг. ii. 18. "По соседству с кукурузными полями на низких кустарниках часто встречаются попрыгунчик, желтохохлик и почти родственный ему вид эмберизы". Sibth. in Walp. Mem. i. 77.

1720. Среди земледельцев Малой Азии люди нанимаются отгонять птиц, когда созревает кукуруза. Chandler, i. 100.

1721. Георг. ii. 24. Сп. Xen. Œconom. xv. 1. 13, seq.

1722. Сп. Schulz. Antiquit. Rustic. § vii.

1723. Георг. ii. 42. Theoph. Hist. Plant. vi. 5. 3.

1724. Colum. ii. 18. Vappo, i. 49.

1725. Сп. Гесиод. Opp. et Dies, 489.

1726. Лорд Бэкон, Сильва Сильварум, 539.

1727. В Эвбее было заготовлено много сена для потребления в зимние месяцы - Дион Хризост. i. 225.

1728. Colum. ii. 19.

1729. Καὶ τὴν βοτάνην δὲ, τὴν μάλιστα τρέφουσιν τοὺς ἵππους ἀπὸ τοῦ πλεονάζειν ἐνταῦθα ἰδίως Μηνδικὴν καλοῦμεν. Strab. xi. 13. t. ii. p. 453.

1730. Pallad. v. 1. Schol. Аристоф. Eq. 604.

1731. Георг. ii. 25. Гесиод. Opp. et Dies, 383. xiv. cal. Июнь. Сп. Plin. Hist. Nat. xviii. 69.

1732. Pallad. vii. 2.

1733. Обычай, которым современные греки встречают наступление лета, живописен и прекрасен: "Первого мая в Афинах нет ни одной двери, которая не была бы увенчана гирляндой, и молодежь обоих полов, с упругостью духа, столь характерной для грека, забывает или отваживает своих турецких хозяев, пока с гитарами в руках и коронами на головах,

"Они ведут танец в честь мая".

Douglas, p. 64.

1734. Катон, 134.

1735. В Саламине сбор урожая начинался раньше, чем в окрестностях Афин. Theoph. Hist. Plant. viii. 2. 11. Chandler, vol. ii. p. 230. В Египте ячмень собирали на шестой месяц после посева, а пшеницу - на седьмой. Theoph. Hist. Plant. viii. 2. 7. В Греции ячмень созревал семь или восемь месяцев, пшеница - еще больше. В Сицилии этот последний злак созревал быстрее и приносил тридцатикратную прибыль. § 8. В одном из районов на острове Родос ячмень собирали дважды в год. § 9. В Аттике урожай собирали на тридцать дней раньше, чем в Геллеспонте. 8. 10. В Эвбее был сорт пшеницы, который созревал очень рано; а из Сицилии в Ахайю был завезен другой сорт, который становился пригодным для серпа через два месяца. Id. viii. 4. 4. Пшеница в Вавилонии возвращалась даже нерадивым земледельцам в пятьдесят раз, а тем, кто правильно обрабатывал свои земли, - в сто раз. Id. viii. 7. 4.

1736. Dem. De Cor. § 16.

1737. А может быть, и полностью, если они были жителями теплых низин на берегу моря и в долинах. По крайней мере, так считает Гесиод, который советует земледельцу: γυμνὸν σπεῖρειν, γυμνὸν δὲ βῶωτεϊν, γυμνὸν δ' ἀμάαν, εἴ χ' ὤρια πάντ' ἐθέλησθα ἔργα κομίζεσθαι Δημήτερος. Opp. et Dies, 391, sqq.

Аристофан ссылается на тот же обычай. Lysist. 1175.

Ἦδη γεωργεῖν γυμνὸς, ἀποδὺς βούλομαι. И Вергилий. "Nudus ara, sere nudus", Georg, i. 299, на что Сервий замечает: "Non dicit nudum esse debere, quasi aliter non oporteat aut possit; sed sub tanta serenitate dicit hæc agenda, ut et amictus possit contemni." Однако, как бы то ни было, предписание Гесиода и Вергилия буквально соблюдается в Египте, где деревенские жители часто выполняют свою работу обнаженными.

1738. Il. λ. 67, seq.

1739. Πότερα οὖν τέμνεις, ἔφη, στὰς ἔνθα πνεῖ ἄνεμος, ἢ ἀντίος- οὐκ ἀντίος, ἔφην, ἔγωγε- χαλεπὸν γὰρ, οἷ μαι, καὶ τοῖς ὄμμασι καὶ ταῖς χερσὶ γίγνεται, ἀπτιον ἀχύρων καὶ ἀθέρων θερίζειν. Xenoph. Œconom. xviii. 1.

1740. σ. 550, seq.

1741. Ἡμερόκοιτοὶ ἄνδρες, изящный эвфонизм для "воров". Гесиод. Opp. et Dies, 605. Ср. примечание Гетлинга к стиху 375.

1742. Pallad. vii. 2.

1743. Varro. i. 50.

1744. Καὶ ἀκροτομοίης δ' ἂν, ἔφη, ἢ παρὰ γῆν τέμνοις; ἦν μὲν βραχὺς ἢ ὁ κάλαμος τοῦ σίτου, ἔγωγ', ἔφην, κάτωθεν ἂν τέμνοιμι, ἵνα ἱκανὰ τὰ ἄχυρα μᾶλλον γίγνηται. Ἐὰν δὲ ὑψηλὸς ἦ, νομίζω

ὁρθῶς ἂν ποιεῖν μεσοτομῶν, ἵνα μήτε οἱ ἀλοῦντες μοχθῶσι περιττὸν πόνον, μήτε οἱ λικμῶντες, ὧν οὐδὲν προσδέονται. Τὸ δὲ ἐν τῇ γῇ λειφθὲν ἡγοῦμαι καὶ κατακαυθὲν συνωφελεῖν ἂν τὴν γῆν καὶ εἰς κόπρον ἐμβληθὲν τὴν κόπρον συμπληθύνειν. Xenoph. Œconom. xviii. 2.

1745. Xenoph. Œconom. xviii. 4. Этот же обычай до сих пор преобладает в Южной Европе и на Востоке. "В Гранаде кукурузу срывают на молотилках круглой формы, на открытых полях; в качестве животных используются мулы или волы". Napier, Excursions, &c., i. 156. Опять же, в Троаде: "Волы или лошади, запряженные в своего рода сани, нижняя часть которых вооружена острыми кремнями, едут по кукурузе, причем человек, который ведет скот, балансирует сам с большой ловкостью, пока его быстро затягивает во вращающиеся круги". Id. ii. 171. Ср. Fowler, Three Years in Persia, i. 173, и Chandler, i. 320. ii. 234.

1746. Илиада, v. 495, seq. Гесиод. Opp. et Dies, 599.

1747. Suid. v. ἀλωὰ t. i. p. 186. c. Philoch. Frag. Siebel. p. 86. Etym. Mag. 73. 56, seq. Colum. ii. 20. Geop. ii. 26. Senec. Quæst. Nat. i. 2.

1748. Граф Абердин в Walp. Mem. i. 150. Паллас, Путешествие в Юж. России, т. iv. с. 148, и далее.

1749. Schneid. ad Xenoph, Œcon. xviii. 8.

1750. Varro. de Re Rust. i. 51.

1751. Geop. ii. 26.

1752. Varro. i. 51. Pallad. i. 36.

1753. Mathem. Vett. p. 85. Theoph. Hist. Plant. iii. 8.

1754. Colum. ii. 21.

1755. Plat. Tim. t. vii. p. 65. Xenoph. Œconom. xviii. 8.

1756. Il. v. 588.

1757. Il. ε. 562.

1758. См. о сосудах, в которых получали урожай, Pollux. x. 129.

1759. Ср. Pallad. l. 19. Colum. i. 6. Зернохранилище, обычно σιτοφυλακεῖον, Менандр в своем "Евнухе" обозначил σιτοβόλιον; у сицилийцев и греческих колонистов Италии - ῥογος; как в Бусирисе Эпихарма. Poll. ix. 45.

1760. Varro. i. 57.

1761. Подобная практика до сих пор встречается на некоторых греческих островах. "Они выставляют в шампурах труху, пропорциональную количеству крови, которую они хотят сжечь; она обычно составляет девять фунтов в диаметре, на два или три фунта в диаметре. Он заклеивает внутреннюю поверхность примерно одним демисезонным куском пайелы, очищенным от кожицы; затем он засыпает зерно, таким образом, чтобы оно находилось на поверхности земли, на высоте, равной глубине тру; он покрывает его одним демисезонным куском пайелы, на который накладывает три или четыре пуда земли". Della Rocca, Traité Complet sur les Abeilles, t. i. p. 198, seq.

1762. Geop. ii. 27.

1763. Ср. лорд Бэкон. Hist. Жизнь и смерть, стр. 5.

1764. Но, по словам Теофраста, кукуруза лучше всего хранится в зернохранилищах, не засыпанных известью. Hist. Plant. viii. 10. 1. В определенной части Каппадокии, называемой Петрой, кукуруза сохраняется пригодной для посева сорок лет, а для еды - шестьдесят или семьдесят, хотя в этом районе ткани и другие изделия быстро разлагаются. Id. viii. 10. 5.

1765. Среди прирученных животных, призванных защищать усадьбу от паразитов, иногда использовалась ласка. Hom. Batrachom. 52. Овидий. Met. ix. 323. Люк. Тимон. § 21. Perizon. ad Ælian. Var. Hist. xiv. 4. Muncker, ad Anton. Liber. 29. Plin. Hist. Nat. xix. 16. Welcker. ad Simon. Amorg. p. 43.

1766. От которых они тщательно очищали паутину: ἐκ δ' ἁγγέων ἐλάσειας ἀράχνια. Гесиод. Opp. et Dies, 475. Ср. 600. Подобный метод все еще преобладает на островах Архипелага, когда зерно предназначено для рынка: "Те, кто хочет отнести свое зерно в город, кладут его в вазы из куска земли, которые ставят на расстоянии двух-трех футов; затем они кладут на дно несколько кусков сосисок, называемых *орни*, а по-латыни *капрификус*; В завершение они заменяют вазы на вазоны, покрывая их ардоизом, более прочным и более прочным, чем тот, что используется во Франции для покрытия домов." Della Rocca, Traité Complet sur les Abeilles, t. i. p. 200.

1767. Varro. i. 57.

1768. Geop. ii. 29.

1769. Это вещество было привезено из Олинфа и Церинфа в Эвбее. Говорят, что оно улучшало внешний вид пшеницы, хотя и ухудшало ее качество как продукта питания. Theoph. viii. 10. 7.

1770. Зернохранилища острова Сира с приспособлениями, с помощью которых кукуруза сохраняется в настоящее время, описаны Делла Рокка: "Зернохранилища, называемые по-гречески θερονέα, имеют общую длину в двадцати футов, высотой и размером в шесть футов. Они выкладываются до середины их высоты из пайеток, сильно обгоревших: используется пространство в три или четыре пяди, которое выкладывается из зерна. Сбоку формируется еще один, который заполняется тем же самым, и так далее, в зависимости от состояния гранжа и количества зерна, которое у него есть; таким образом, при помощи выемок, которые делаются на крышке, он собирает из пайела всю кровь, вплоть до того, что гранж точно заполняется. Если нужно приступить к использованию, то начинают с таза, расположенного ближе к порту; при этом укладывают пайетки с особой осторожностью: чем дальше, тем больше усиливается эта осторожность; в конце концов, для того, чтобы вымыть последние кисти из пайеток, можно использовать балай-де-миллепертуй или другие растения, которые нужно прорастить; И если, несмотря на все эти меры предосторожности, поверхность зерен не слишком чиста, то следует убрать все эти пайетки и завязать их в шапочку, так как жители наших островов носят, как и здесь, в шампанском, шапочки из фетра; они носят и пайетки, которые обрабатывают с большой любовью в Сифанто." Traité Complet sur les Abeilles. t. i. p. 199, seq. Среди племен Северной Африки преобладает более совершенная система хранения зерна. "Арабы, вместо зернохранилищ, хранят все свое зерно в ямах: их делается сорок или пятьдесят, каждая из которых вмещает около тысячи бушелей: Место выбирается сухое, песчаное, яма формируется в форме большого земляного

кувшина, бока оштукатуриваются раствором толщиной около фута, и пшеница или зерно заполняются до горлышка, которое остается достаточно большим, чтобы человек мог в него войти, и находится примерно на три фута ниже поверхности земли; теперь оно также оштукатуривается и заполняется землей до того же уровня, что и окружающая местность. Земля, вынутая при создании ям, удаляется на расстояние, и, будучи разбросанной по округе, через месяц или два зарастает травой, и никто, кроме тех, кто зарыл это сокровище, не может представить, что под их ногами что-то есть. Зарытое таким образом зерно сохраняется в течение многих лет. Я ел хлеб в Эсмаиле из пшеницы, которая была зарыта в год рождения султана, и она была так же хороша, как и мука из урожая этого года". Полковник Скотт, Дневник пребывания в Эсмаиле Абд-эль-Кадера. стр. 155, и далее. Мандельсло (lib. ii. с. iii.) обнаружил кукурузные хранилища подобной конструкции на Азорских островах; и большинство путешественников, посетивших остров Мальта, наверняка заметили в укреплениях Валетты ряд любопытных и красивых зернохранилищ, выкопанных в виде бутылки в твердой скале.

1771. Геоп. ii. 30, seq.

1772. Геоп. ii. 28.

1773. Геоп. ii. 30.

1774. Вид. Theoc. Eidyll. vii. 3. Etym. Mag. 444. 13. Athen. xiii. 65. iii. 80. Meurs. Græc. Fer. p. 15. p. 142. Dem. adv. Neær. § 27, с авторитетами, собранными Тейлором.

1775. Те из них, кто отвечал за древесину, могут быть названы дровосеками, термин, который очень хорошо соответствует латинскому *Saltuarius*. Рабы-охранники лесов на Крите назывались эргатонами. Hesych. ap. Meurs. Cret. p. 190.

1776. Casaub. ad Theoph. Char. p. 223, seq. Theocrit. Eidyll. xxv. 27. Cp. Feith. Antiq. Hom. iv. i. 276, sqq. Виноградники в Афинах до сих пор нуждаются в охране. Рассказывая о своем приближении к Афинам со стороны Пейреев, Чандлер замечает: "На дереве стояло нечто вроде кушетки, укрытой ветвями, принадлежавшей человеку, нанятому сторожить там во время сбора винограда". ii. 27.

ГЛАВА VI.

ПАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ.

Но в кругу эллинской деревенской жизни^[1777] существовал своего рода родительский быт, остаток старых кочевых привычек, некогда общих, возможно, для всей расы, - я имею в виду пасторальную жизнь, о которой мы так часто получаем представление через лиственные поляны и травянистые аллеи греческой поэзии. Несомненно, фантазия людей, жаждущих простоты и счастья в большей степени, чем они находят вокруг себя в городах или деревнях, склонна разжигать и проливать слишком яркий свет на приближение к спокойным уединенным местам, сосновым лесам, горным полянам, скрытым озерам, шумным ручьям, которые прыгают и резвятся по диким скалам страны, столь изобилующей красотой, как Греция. Тем не менее, если строго придерживаться правды и реальности, в таких регионах есть много интересного для пастушеской жизни. Прежде всего, занятия древнего пастуха оставляли ему большой досуг, и он, как правило, по привычке, не меньше, чем по

склонности, стремился к тому "dolce far niente", которое во всех южных климатах составляет главное удовольствие от существования.

И действительно, во всем мире отдых, как душевный, так и телесный, сладок. Но не полный покой. Поэтому греческий пастух, чьи стада спокойно кормились, чье состояние, обеспеченное и не стесненное никакими нуждами, оставляло ему свободу советоваться с собственными вкусами в своих развлечениях, укрывался от безделья в музыке и песнях.^[1778] Сначала, а может быть, и всегда, их напевы были грубы; но природа, их единственный учитель, влила в них оригинальность и страсть, какие мы находим у единственного поэта древности, кроме Гомера, в стихах которого еще дышит аромат леса. Независимо от того, держали ли они, подобно Парису и Анхису, свои стада или брали на себя заботу о других, в горах они все равно были совершенно свободны. Их воспитание было своеобразным. Находясь долгое время в темноте,^[1779] в климате, где летние ночи мягки и приятны до невозможности, а звезды, кажется, с любовью теснятся вокруг земли, они неизбежно становились романтичными и суеверными.^[1780] События, происходившие в начале их собственной жизни или переданные им по традиции, долго обдумывались, и в конце концов наделялись сверхъестественными свойствами. При подобных обстоятельствах, вероятно, впервые сформировалась их национальная религия. Таким же образом в каждом кантоне они создали свою местную религию.^[1781] Их вероучение было поэзией. Дерево, камень, гора, источник - все было наделено инстинктом божественности, не мистически, как в некоторых философских системах, а буквально; и, как они верили, бессмертная раса, их невидимые спутники в любое время суток, могла, когда им заблагорассудится, сделать видимость или, скорее, снять с их глаз пленку, которая мешала им привычно созерцать их.

Хорошо известно, что и в наши дни среди кочевых народов Азии сыновья вождей по-прежнему следуют за своими стадами в пустыне. И в героические века так было и в Греции,^[1782] где юноши из самых знатных семей присматривали за овцами и скотом своих отцов. Так, Буколион, сын Лаомедона, пас стада своего отца, а в уединении Фригийских гор его встретила и полюбила нимфа.^[1783] Этим же занятием занимались и два сына Приама;^[1784] а у евреев Давид, сын Иессея, проводит свою юность в овчарне, а зрелость - на троне. В этой уединенной и одинокой жизни им стали знакомы виды и звуки природы: голос внезапных потоков, несущихся с гор,^[1785] рев львов, бросающихся на них, или сладкий лунный свет, серебрищий горы и долины. Именно с жизнью пастуха Гомер связывает то благородное описание ночи, которое так перевел Чепмен:

Как при серебряной луне, когда воздух свободен от ветра,^[1786]

И звезды сияют ясно,^[1787] чьим сладостным лучам открываются высокие перспективы и брови
Всех крутых холмов и вершин,

И даже одинокие долины радостно сверкают в их лучах,

Когда безмерная твердь раскрывает свой свет,

И видны все небесные знамения, что радуют сердце пастуха.

Мелькающие картины пастушеской жизни, хотя и слишком редкие, все же часто встречаются у Гомера, который любит, когда это возможно, иллюстрировать свою тему, вызывая в памяти образ пастуха. Так, Гектор, поднимающий большой камень, сравнивается с пастухом, несущим руно барана.^[1788]

Как когда руно, хоть и большое, но легкое, Осторожный пастух поднимает,

обеими руками погрузив в его складки, так и он скалу вздымает.

И снова троянские войска, следующие за своим вождем Энеем, наводят его на мысль о бесчисленных стадах, несущихся за бараном, чтобы напиться.^[1789]

Люди шли за ним, как стадо за лохматым бараном,

Кто к берегу прохладного ручья шерстяной народ ведет.

(И сердце пастуха радостью пышет) С пастбища на лугах.

В другом месте он описывает отряд голодных волков, нападающих на стада в горах:

Как когда голодные волки, на оставленные дозором складки

Спускаются, детей и нежных ягнят воровской силой похищают;

Или когда робкие бражники разбегаются в разные стороны,

и их хватают безрассудные пастухи, оставшиеся на склоне горы.

А в другом месте они изображены сражающимися со львом ночью за тело одного из своего стада.^[1791]

Так ночные пастухи пытаются, но тщетно, отразить

Разъяренного льва, которого жала нужды и ярости влекут,

На тушу он набрасывается: его сердце никакой страх не успокоит.

Там, где численность стада требовала ухода нескольких человек, назначался главный пастух ἑπίτορμῆν, который наблюдал за остальными.^[1792] Среди древних считалось, что двадцать овец требуют внимания мужчины и мальчика;^[1793] но в наше время трем мужчинам и мальчику с четырьмя или пятью собаками иногда доверяют отару в пятьсот голов, из которых две трети составляют овцы.^[1794] Пропорция баранов к овцам в настоящее время составляет четыре к ста.

С давних времен пастухи научились пользоваться помощью собак,^[1795] которые на фермах обычно были снабжены деревянными ошейниками.^[1796] Порода, обычно используемая для этой службы, по крайней мере в более поздние века, была молосской,^[1797] которая, хотя и была очень сильной и свирепой по отношению к чужакам, была признана своими хозяевами достаточно ласковой и послушной. Не менее необходимым аккомпанементом служила пастушья труба^[1798], часто сделанная из донакса, или обыкновенного речного камыша,^[1799] который также использовался для обшивки коттеджей. Другим их музыкальным инструментом была флейта, изогнутая в верхней части, тонко отполированная и натертая пчелиным воском.^[1800]

Поскольку аркадяне, потомки пеласгов, извлекали из музыки одно из своих главных удовольствий,^[1801] разумно предположить, что прародительский народ, прежде всего пастушеский, также был пристрастен к этой науке. Кормление стад и отар было основным занятием Проселенои,^[1802] которые мало занимались сельским хозяйством, о чем можно судить по их привычкам поедания желудей; ведь ни один народ никогда не продолжал питаться мачтой после того, как смог добыть хлеб. В древнем мире бытовало мнение, что аркадяне отличались поэтическим темпераментом, на что Вергилий ссылается в известных стихах

Arcades ambo,

Et cantare pares et respondere parati.

И как импровизаторы они, возможно, преуспели, хотя Греция ничего не знала об аркадской литературе. Однако, следуя в основном примеру Вергилия, поэты нового времени всегда с удовольствием превращали Аркадию в своего рода пасторальную утопию, что делали Саннадзаро, Тассо, Гуарини, сэр Филипп Сидней, Даниэль и многие другие. Palmerius à Grentmesnil^[1803] обнаруживает нечто похожее на потомков аркадийцев среди ирландцев, чей пасторальный вкус к музыке, по его мнению, символизирует треугольная арфа в национальных знаках отличия.

Их обычная одежда состояла из diptheræ, или выделанных овечьих шкур,^[1804] так же, как в наши дни у нубийских пастухов, которых можно увидеть одетыми таким образом, бродящими по песчаным впадинам Ливийской пустыни. На внутренней стороне этих шкур предатель Гермийон писал письма, которые выдавали замыслы его соотечественников врагу в Лаконии.^[1805] Другие носили плащи из козьих шкур, которые они также использовали в качестве покрывала ночью.^[1806] Еврипид представляет хор сатиров, жалующихся на этот жалкий наряд.^[1807]

"Любимый Вакхос, где ты

Одиноко живешь вдали,

Тряся золотыми локонами в ночи

Как пылающая звезда?

Пока я, твой служитель, готов

Служить этому одноглазому циклопу,

Рабу, которого судьба пригнала к земле.

В жалком плаще из козьей шкуры".

И таким простым было их появление на Востоке. Но, как я уже намекал выше, их очень большой досуг,^[1808] случайности их занятий, а также грандиозное и регулярное движение природных явлений в тех странах, часто развивали их интеллект сверх того, что делает правдоподобным состояние современного любителя путешествий по пустошам. Так, в горах Халдеи астрономия и все ее паразитические науки зародились среди пастухов. В силу темперамента и обстоятельств жители малонаселенных районов, если их не беспокоят войны, глубоко задумываются. То, что они созерцают в безмятежном безразличии, постепенно пробуждает их мысли и, представляясь снова и снова, сопровождаемое всегда, как явления неба, одними и теми же случайностями, заставляет их учиться.^[1809]

Но уединение - не столько кормилица науки, сколько суеверий. Закваска, которая в густонаселенных городах едва заметно разбухает в груди, безудержно бродит в глубине лесов, в высоко расположенных углублениях гор, во мраке пещер, где природа наделяет себя атрибутами, которые властно обращаются к сердцу, и кажется, что она почти общается со своим потомством. Отсюда дикие мифологии кочевых народов, которые не являются свободно висящими верованиями, которые можно надевать и снимать, как плащ, но вера, вбитая в их души, часть их самих, и, возможно, лучшая часть, поскольку именно из нее истекает все достоинство и поэзия их жизни. Во всех странах басни зарождаются в

полях, чтобы затем перетечь в города и затеряться в них. Обратите внимание на дикую картину, которую Платон в своем "Академическом сне" представляет нам в виде группы лидийских пастухов. В ней есть все поэтические элементы арабской сказки.

По преданию, Гигес, предок Крёза, был наемным пастухом, который вместе со многими другими охранял императорские стада в отдаленных районах страны. В это время произошло сильное землетрясение, сопровождавшееся ливнем, который в тех местах, где они находились, открыл огромную пропасть в земле. Гигес, в одиночку добравшийся до устья пропасти, был поражен ее глубиной и величиной, но, заметив удобный спуск, спустился вниз и стал бродить по ее подземным ходам. Много дивных вещей, согласно мифу, увидел он там, и среди прочих - полую медную лошадь с дверями в боку, через которые, заглянув внутрь, он увидел колоссальный обнаженный труп с драгоценным кольцом на руке. Переложив его на свой палец, Гигес удалился.

Вскоре после этого, все еще надев печатку, он отправился на собрание пастухов, которое собиралось ежемесячно, чтобы выбрать человека для обычного отчета о стадах перед царем. Сидя среди остальных, он случайно повернул к себе бисер своего перстня, после чего стал невидим для своих собеседников,^[1810] как он ясно понял из их разговора, который велся как бы об отсутствующем человеке. Пораженный удивлением, он вернул драгоценный камень на прежнее место и снова стал видимым. Он проделывал этот эксперимент снова и снова, и всегда с успехом; после чего, подобно другому Макбету, в его голове мрачной тенью пронесся огромный план амбиций, и перед ним проплыла корона, слегка окрашенная кровью. Однако не похоже, что, подобно Кавдорскому тану, он мучился угрызениями совести. Он не говорит.

"Почему я поддался этому предложению,

Чей ужасный образ распускает мои волосы,

И заставляет сердце стучать в ребра,

Вопреки природе? Настоящие факты

Меньше, чем ужасные фантазии.

Моя мысль, чье убийство еще только призрачно,

так сотрясает мое единственное состояние человека, что его функции

Задумана в догадках, и ничего нет,

а только то, чего нет".

Гигес, с беспощадной решимостью восточного человека, сразу же разрабатывает свой план и хладнокровно приводит его в исполнение. Он добивается избрания себя одним из посланников царя, а прибыв в столицу, бесчестит царицу, убивает своего господина и восходит на престол.^[1811]

Это можно считать образцом пастушеских сказок.^[1812] Но в большинстве своем они жили в атмосфере суеверия, у них были свои церемонии, своя мифология, и в целом их пронизывал дух любви. В высокоцивилизованных сообществах эта страсть обычно превращается в игрушку, которую презирают, когда она слаба, и причиняют зло, когда сильна. На ранних стадиях развития общества дело обстоит иначе. Там, в меру своей свободы от стремлений и

тревог честолюбия, мужчины ищут счастья в культивировании привязанностей. Общество женщин - это для них все. И зло, которое заражает их, нарушает их покой и порождает преступления, тоже проистекает из одного и того же горько-сладкого источника, который течет медом или желчью в зависимости от нрава тех, кто его пьет. Следовательно, рассматривая пастушескую жизнь Греции, мы должны остерегаться, чтобы не упустить из виду пастушек,^[1813] тех героинь буколической поэзии, чья свежесть и характер все еще сохранились в "Феокрите" и других фрагментах античности и могут действовать как противовоздействие против того бесплодного отродья, чьи любовь и причитания воздействуют на нас, как ипекакуана в современных пасторалях.

По крайней мере, в этих широтах общества женщины пользовались свободой, и представленный нам взгляд на них в том виде, в каком они существовали, можно считать одним из главных очарований греческой поэзии. Посмотрите, например, на картину, которую рисует поэт-цветочник Херемон, изображающий группу прекрасных девственниц, занимающихся спортом при свете луны:

"Там одна откинулась в стороне, я видел, в бледном свете луны,

И лоно ее сквозь расстегнутый халат казалось снежно-белым;

Другая танцевала, и свободные одежды ее развевались на ветру.

Она казалась такой же плавучей, как волна, прыгающая по летним морям.

В то время как сумрачные тени вокруг отступали назад,

преследуемые сияющим великолепием, проливающимся, как солнечный свет, с ее лица:

Рядом с этой живой картиной стояла прекрасная дева.

С нежными круглыми руками; четвертая - свободная и грациозная,

Как Диан, когда она бежит по утренней росе,

Проникала сквозь прореху одеяния, чтобы увидеть свои прекрасные конечности.

И о! образ ее прелестей, как облака на небе,

отраженный в потоках, оставил на моей душе отпечаток безнадежной любви.

А рядом с ними дремали другие, на ложах из сладчайших цветов,

Сумрачная фиалка с лепестками, роза из пафийских чащоб.

Инулы и шафрана цветы, что на одеждах их лежат,

И вуали, такие оттенки, что украшают небо, когда день быстро угасает;

А вдали и вблизи высокий майоран украшает сказочную землю,

Насыщая сладостями бродячие ветры, резвившиеся повсюду".

В обычных буколических поэтах женщины, конечно, нарисованы грубым карандашом, хотя и кокетливым, как королевы, чему мы имеем пример в изображении на чашке пастуха:^[1815]

А там, в тени плюща, сидит дева божественной работы,

С вуалью и цирком на бровях, Двух влюбленных ищут.

Оба прекрасны с ниспадающими волосами, оба просят, чтобы их выслушали,
С этой стороны один, с другой - другой, но ни один не предпочитает другого.
Ибо то на того, то на другого она льет свою колдовскую улыбку,
Как солнечный свет на бутоны надежды, В лживости все и коварстве,
Хотя беспрестанно, с прищуренными глазами, они стремятся тронуть ее сердце,
Всеми нежными и трогательными искусствами, что завоевывают девичью любовь.^[1816]

Здесь нет стремления к идеалу. Как и тициановские красавицы, эти пастушки - существа земные, крепкого здоровья, темноглазые, теплые, бесстрастные и немного сдержанные. Они прекрасно понимают, как вести себя в диалоге. На каждый выпущенный в них болт они могут ответить другим, не менее метким. Каждая беседа и болотистая местность словно благоухает их улыбками, их смех пробуждает эхо, их румяные губы и жемчужные зубы, как видение, витают над каждым бурлящим источником и скрывающей любовь чащей, в которой они часто бывали. Отсюда и очарование Феокрита. И еще более сильное очарование, возможно, принадлежало бы страницам того, кто должен был изобразить пастушескую жизнь более отдаленной эпохи,^[1817] когда никто не был выше такого занятия, которое, следовательно, объединяло сразу все достоинство возвышенной независимости с беспечной свободой манер и беспечным наслаждением, в котором заключается тайный источник всего удовольствия, которое доставляют деревенские картины. Большинство его творений, хотя и не все, лишены этого. Идеи бедности^[1818] проскальзывают и, посреди богатой поэзии, препятствуют развитию приятных чувств. Ведь музыкальные лебеди, хотя, казалось бы, и не претендуют ни на что, кроме репутации песен, позволяют нам понять, что они всего лишь наемники, пасущие чужие стада. Контраст между людьми этого класса и теми, кто является владельцем овец, которых они пасут, убедительно показан в священном языке Христа: "Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый отдает душу свою за овец. А кто наемник, а не пастырь, и кому овцы не принадлежат, тот, увидев приближающегося волка, оставляет овец и бежит, и волк ловит их и рассеивает овец. Наемник бежит, потому что он наемник, и не заботится об овцах. Я - пастырь добрый, знаю овец Моих и знаю Моих. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и Я полагаю жизнь Мою за овец". Та же ласковая нежность приписывается пастырям в пророческих писаниях: "Он будет пасти стада свои, как пастырь, будет собирать агнцев на руку свою и носить их на груди своей, и нежно вести молодых"

В том, что касается добродетелей и пороков, пастухи древности, несомненно, были очень похожи на других людей. Их привычки были такими, которые естественным образом вытекали из их положения. К чему бы ни вели их чувства, они шли решительно и с той непоколебимостью цели, которая присуща людям с простым и решительным характером.^[1821] Они слишком часто существами простого импульса. От своеобразной формы их общения с природой, которая, подобно массам египетской архитектуры, была непрерывной и однообразной, они приобрели своеобразие душевного темперамента, теплого, как бы, в частях, и холодного в частях. Все окружающие их обстоятельства были склонны возбуждать, разжигать и разжигать страсть желания и сопутствующие ей явления; парные стада, птицы, дикие звери, чьей смелости или свирепости они боялись; их собственный досуг в сочетании с избытком здоровья, влияние климата, уговоры случая побуждали их к излишествах; и, соответственно, их мораль в этом отношении опустилась до низкого уровня и сделала их ничем иным, как образцами золотого века. Разум, конечно, был сравнительно мало развит,

и, не имея другого сдерживающего фактора для чувств, часто происходили самоубийства, убийства на почве ревности и другие свидетельства плохо регулируемой страсти.^[1822]

Но по мере того, как мы углубляемся в древность, этих трагических происшествий становится все меньше: не только потому, что наши знания о тех временах более скудны, но и потому, что в более грубые времена мораль была сравнительно мягкой, а вкус людей - менее прихотливым. Жесткие законы брака тогда соблюдались мало. Женщины переходили от мужа к мужу, не теряя ни характера, ни касты; а когда у них появлялось незаконнорожденное потомство, они приписывали отцовство какому-нибудь богу и едва ли считали это обстоятельство несчастьем. Половина принцев гомеровской эпохи были незаконнорожденными, ведь именно это всегда подразумевалось, когда говорили, что они происходят от богов. Эней был сыном какой-то девушки, которую Анхис встретил в горах, где он пас стада своего отца и притворялся, что был любим Афродитой.^[1823] Люди в таком положении, несомненно, были способны на большую романтику. Нимфы и богини населяли их воображение, а их воображение выпускало свой выводок в леса. Впоследствии поэты, способные вложить душу в эти деревенские традиции, давали местное обиталище и имя каждой красивой легенде, которую им удавалось собрать. Отсюда и солнечная картина - беседа Афродиты и Анхиза среди возвышенностей, травянистых склонов, искрящихся ручьев и старых густых лесов горы Ида. Однако уже тогда была известна сила одежды, которую впоследствии отметил Монтень; ведь гомеровский бард, собираясь записать беседу богини и ее пастуха-любовника, вместо того, чтобы предположить, что она была

"Когда не украшена, украшена больше всех".

описывает все искусства роскошного туалета.

Однако картина пастушеской жизни, которую он скорее предлагает, чем описывает, проработана штрихами большой простоты. Все остальные пастухи расходятся по своим делам, оставляя Анхиза одного в сарае для скота,^[1824] просторном и со вкусом построенном, где он развлекает свой одинокий досуг музыкой китары. Занимаясь этим, он видит приближение богини^[1825] и сразу же поражается ее красоте и великолепию одеяний. Неземное видение воспламеняет его любовь; но поэт, искушенный в тайнах сердца, умиряет его страсть, преодолевая чувства благоговения, которые неизбежно присущи неискушенной юности. Анхис представляет собой поистине *идеал* героического пастуха, простого, высокоумного, бесхитростного, смелого и бесстрашного в поединках с людьми и зверями, но в общении с женщинами нежного, благоговейного,

"И в порту он кроток, как дева".

На самом деле, галантные рыцари романа, скорее, были созданы по образцу героических воинов Греции, чем на основе каких-либо реалий рыцарских веков. Автор "Гимна" тщательно описывает диван пастуха, чтобы намекнуть, какой огромной силой и мужеством он был наделен. Он откидывается, как нам говорят, на шкуры медведей и львов, убитых его собственной рукой, хотя поверх них были наброшены, для видимости, одежды из самой мягкой ткани.^[1826]

На протяжении всей этой работы мы видели, как влияние климата и положения совпадало в формировании греческого характера. Мы сами можем доказать эту доктрину, наблюдая, как влияют на наш разум те отражения пейзажей, которые появляются в языке; грубые бореальные сцены возбуждают дух соперничества и энергии; в то время как мягкие долины, рощи и благоухающие сады Юга производят на наши мысли спокойствие,

благоприятствующее более благожелательным эмоциям. Поэтому эллинские пастухи, если бы не другие причины, могут в целом считаться гуманными.

Действительно, очень любопытные приключения софиста^[1827] в горах Эвбеи, сохранившиеся среди литературных обломков античности, открывают нашему взору картину пастушеской жизни, которая, несмотря на грубость и нищету, демонстрирует греческий характер в его первоначальной грубости и простоте, полный доброты, полный мягкости, полный гостеприимства, которые сделали бы честь самому благородному арабскому шейху. Да и сама материальная сцена, во всех чертах греческая, точно гармонирует с нравственным пейзажем.

Восточные берега острова Негропонт, увенчанные горой Кафарей,^[1828] и не имеющие ни одного ручья или гавани, в древности были печально известны кораблекрушениями, несмотря на то, что являлись главной станцией пурпурных рыбаков.^[1829] На этом берегу софист Дион, за свое красноречие прозванный златокудрым, сошелся с пастушеским охотником, который, щедро развлекая его, дал в то же время полное представление о грубом пастухе, сохранившем в окрестностях высочайшей цивилизации, известной старому миру, простоту гомеровских абантов. Кроме того, этот дикий спортсмен, преследующий со своими огромными собаками оленя вдоль скал, мощный в конечности, здоровый, с длинными волосами, рассыпающимися по плечам, казался естественным потомком тех героических воинов.^[1831] Вооружившись охотничьим ножом, он разделяет оленя на месте, а шкуру и самые вкусные куски оленины оставляет на берегу. По мере того как они идут, он демонстрирует знания, которыми опыт хранит деревенский ум. Он понимает приметы погоды и по облакам, закрывающим вершины Кафареуса, предсказывает, как долго море будет оставаться несудоходным.^[1832]

Грубый, как житель американской глубинки, он, благодаря редкой удаче встретиться с незнакомцем, в равной степени проявлял любознательность и грубость. Он задавал вопросы, не дожидаясь ответа. Он сплетничал о своих собственных заботах, объяснял без спросу всю экономику своей жизни и проявлял весь тот энтузиазм благодеяния, который присущ человеческой природе, когда она не испорчена жадной золотом. В этом описании есть редкая правда; слишком много того, что могло бы украсить сказку софиста, если бы природа не предоставила модель.

"Нас двое, - говорит он, - мы живем в одном захудалом уголке, женились на сестрах, от которых у нас есть и сыновья, и дочери. Мы добываем себе пропитание главным образом охотой, уделяя мало внимания сельскому хозяйству, поскольку у нас нет собственной земли. В этом отношении наши отцы также не были в лучшем положении, чем мы сами; ведь, хотя они и были свободными гражданами, они были бедны и по своему положению вынуждены были ухаживать за стадами другого человека, человека с большим имуществом, владевшего огромными стадами скота, множеством лошадей и овец, несколькими прекрасными поместьями и многими другими владениями, а также всеми этими горами, какие только можно увидеть. Однако эта роскошь стала его гибелью. Ибо император, устремив жадный взор на его владения, предал его смерти, чтобы иметь предлог для их захвата. Наши немногочисленные животные ушли вместе с хозяином, а причитающееся нам жалованье некому было выплатить.

"Здесь, таким образом, по необходимости мы остались^[1833], где нам оставили две или три хижины с небольшим деревянным сараем, в котором телята жили летними ночами.^[1834] Ибо зимой мы привыкли спускаться на пастбища на равнину, где в надлежащее время года заготавливали сено; но с наступлением лета мы снова возвращались в горы. Место, ставшее

нашей основной стоянкой, теперь стало нашим постоянным жилищем. С обеих сторон от него ответвляется глубокая и тенистая долина, в центре которой протекает речушка, настолько мелкая, что по ней легко может пройти как скот, так и его молодняк. Этот ручей, вытекающий из расположенного неподалеку источника, чист и многолетен и охлаждается летним ветром, постоянно дующим из оврага. Окружающие его дубовые леса простирают свои ветви далеко вверх, над ковром мягкой зелени, которая спускается пологим склоном к ручью, рождая несколько слепней,^[1835] или других насекомых, вредящих стадам. Вокруг простираются многочисленные прекрасные луга, усеянные высокими деревьями, где трава зеленая и пышная в течение всего года".

Красноречие этого описания, я имею в виду в оригинале, недостойно сравнения с описанием в Phædrus^[1836], которое дало вечное цветение платановому дереву и agnus castus на берегах Илиссоса.

Превращение этих пастухов в охотников описано Дионом с терпеливой простотой, достойной Дефо. Воздух уединения, заимствованный с острова Робинзона Крузо, словно дышит по его приказу над Эвбеей. Одно и то же воспитание производит странные изменения как в человеке, так и в собаке; а вступление их во враждебный контакт с волками, кабанами, оленями и другими крупными животными придает последнему вкус к крови, делает его свирепым и разрушительным. Добывая пропитание погоней, они занимались ею летом и зимой, выслеживая зайцев и ланей по их следам на снегу. В перерывах между отдыхом они укрепляли и благоустраивали свои жилища, наблюдали, как их дети вступают в брак и вырастают, чтобы стать их преемниками, ни разу не приближаясь к городу или даже деревне.

Стиль гостеприимства, распространенный среди таких людей в древности, мало чем отличается от того, который сейчас можно встретить в хижине добродушного албанца.^[1837] Их промышленность делала их независимыми, а их независимость делала их щедрыми. Постепенно их деревенские домики были окружены садом и фруктовыми деревьями, двор обнесен стеной, а над окнами и крыльцом свисают роскошные лозы с листвою и пурпурными плодами. При появлении незнакомца жена занимает место за столом рядом с мужем. Их замужняя дочь, в расцвете и красоте юности, помогает своим братьям в ожидании за столом, где хозяин и гость возлежат на высоко поднятых диванах из листьев, покрытых шкурами зверей. Юная дева, подобно деревенской Гебе, разливает вино, темное и ароматное, а юноши подают блюда и затем накрывают стол для себя и обедают вместе. И софист, сведущий в дворах сатрапов и царей, считал этих грубых горных охотников счастливейшими и завиднейшими из людей.

Но пасторальная картина неполна без любви. Юная красавица Кафарей, скрытая, как и другой Нуронихар^[1838] от мира, соответственно, любима своим кузеном, таким же отважным охотником, как и ее отец, который присоединяется к семейному кругу вечером в сопровождении отца, неся в руке зайца в подарок своей хозяйке. Старик приветствует гостя, юноша подносит свой подарок с поцелуем и тут же берет на себя обязанности девушки, которая в этот момент вновь занимает место рядом с матерью.

Наблюдая за этим, незнакомец спрашивает, не собираются ли ее вскоре выдать замуж за какого-нибудь богатого крестьянина, который мог бы принести пользу семье, на что юноша и девушка краснеют, а ее отец отвечает,

"Нет, но она возьмет себе мужа, скромного по званию и такого же охотника, как мы сами", - бросив при этом взгляд на любовника.

"Как же ты ждешь?" - спросил незнакомец. "Ждете ли вы его из деревни?"

"Нет, - ответил отец, - он уже недалеко, и как только мы назначим удачный день, свадьба будет отпразднована".

"А как вы определяете удачный день?"

"Луна должна приближаться к полной, погода - хорошей, а атмосфера - прозрачной".

"А этот юноша на самом деле умелый охотник?"

"Я, - отвечал юноша, - в погоне за оленем или кабаном, как вы сами, если вам будет угодно, рассудите завтра. "[завтра](#)".

"И вы взяли этого зайца, друг мой?"

"Взял", - ответил он с улыбкой, - "поставив для него джинна на ночь";^[1839] погода была на редкость прекрасной, а луна - больше, чем когда-либо прежде".

На это оба старика рассмеялись, а влюбленный в смущении замолчал.

"Но, - заметил отец девицы, - я не виноват, что торжественное событие откладывается; мы лишь ждем по желанию твоего отца, пока не будет куплена жертва, ибо жертва должна быть принесена богам".

"Что касается жертвы, - вмешался младший брат девы, - то он уже давно приготовил ее, и притом благородную, которая сейчас кормится за домом".

"И это действительно так?" - спросил старик.

"Да", - ответил парень.

"А где, - спросил старик, обращаясь к юноше, - ты его добыл?" - спросили они.

"Когда мы взяли дикую свиноматку^[1840], за которой следовал ее приплод, - ответил он, - и большее число их, более быстрых, чем зайцы, бросилось бежать; я ударил одного камнем, и мои товарищи, подойдя, набросили на него шкуру. Эту шкуру я забрал и обменял в деревне на молодую домашнюю свинью, которую откормили в хлеву за домом".

"Теперь я понимаю, - воскликнул отец, - причину веселья твоей матери, когда я удивлялся, что это за хрюканье и как так быстро исчезает ячмень".

"Тем не менее, - заметил молодой человек, - чтобы как следует откормиться, нашим эвбейским свиньям нужны желуди."^[1841] Однако, если вы пройдете сюда, я покажу вам ее".

После чего они отправились в путь, мальчики бегом и в полном ликовании.

Тем временем девица, зайдя в другой домик, принесла туда множество расколотых ягод,^[1842] мушмулы,^[1843] и зимних яблок, и гроздья превосходного винограда, лопающегося от спелости,^[1844] и, почистив стол, разложила их там на слое чистого папоротника. В следующий миг парни вернулись и принесли свинью, много шутили и смеялись. Затем пришла и мать юноши с двумя его младшими братьями, они принесли с собой красивые белые булки, вареные яйца в деревянных солонках и много перченого гороха. Обняв брата с его женой и дочерью, она села рядом с мужем и сказала,

"Вот жертва, которую мой сын долго готовил к свадьбе, и все остальное тоже готово: и ячменная мука, и мука. Немного вина, может быть, не хватает, но и его мы легко достанем в деревне".

А ее сын, стоявший рядом с ней, с тоской смотрел на своего тестя.

Тот с улыбкой заметил

"Все промедления теперь на стороне любовника, которому, возможно, не терпится откормить свою свинью".

"Что касается ее, - ответил юноша, - то она лопается от жира".

На это софист, желая помочь влюбленному, вмешался и заметил

"Но ты должен позаботиться о том, чтобы, пока свинья нагуливает жир, сам не исхудал".

"Замечание незнакомца справедливо, - сказала его мать, - ибо он и так уже более скуден, чем раньше, а в последнее время я заметила, что он бодрствует по ночам и уходит из домика".

"О! Это, - сказал он, - когда собаки лаяли, и я выходил посмотреть, в чем дело".

"Не ты!" - сказала его мать, - "а ты пошел хандрить". Поэтому, - продолжала она, - не будем больше подвергать его испытаниям".

И, обняв свою сестру, мать девицы, она поцеловала ее, после чего та, обращаясь к мужу, сказала.

"Давай исполним их желание".

Он согласился, и было решено, что брак будет торжественно заключен через три дня, а незнакомца пригласили остаться и засвидетельствовать его, что он и сделал.

Приведенная выше картина жизни безвестного пастуха в ее обнаженной простоте, лишенной всяких прикрас, вероятно, будет считаться более достоверной, чем замысловатые описания поэтов, несмотря на то, что даже в них легко отделить реальное от вымышленного.

В оценке греков пастух^[1845] обычно занимал место перед пастухом, а тот - перед козопасом, - ибо мечта о звании преследует человека даже среди тишины полей, - и предполагается, что их манеры соответствовали друг другу. Поллукс,^[1846] однако, считает козла следующим после пастуха и снова меняет порядок. Варро, с другой стороны, отдает предпочтение пастуху как самому древнему, поскольку овца, по его мнению, была самым ранним прирученным животным.

По полезности коза в некоторых частях древнего мира соперничала с овцой, давая тонкую шерсть, которую стригли как шерсть.^[1847] Могу также мимоходом заметить, что крупнохвостые овцы, до сих пор распространенные в Малой Азии, а также на мысе, в древности были многочисленны в Сирии, где, по словам великого натуралиста,^[1848] их хвосты достигали локтя в ширину. В некоторых частях Аравии была найдена еще одна более любопытная порода, с хвостами в три локтя длиной, для перевозки которых изобретательность пастухов снабжала их деревянными повозками.^[1849]

В большинстве районов Греции, как и на Востоке, было принято приводить овец с пастбища ближе к вечеру и закрывать их на ночь в теплых и просторных загонах, которые окружали плетеными заборами,^[1850] крепкими и высокими, чтобы они не могли перепрыгнуть через них, и чтобы не допустить диких зверей, которые в более отдаленные времена водились в горах. Их тщательно накрывали крышей и принимали все меры, чтобы сделать их совершенно сухими; пол обычно выкладывали камнями и слегка наклоняли. Подстилка^[1851] состояла из

каламина, асфоделя, пеннирояла, полиона (травы, листья которой утром белые, в полдень пурпурные, а на закате синие^[1852]), флебана, южного дерева и ориганы,^[1853] - все они отпугивают паразитов. Для более полного достижения той же цели они также имели привычку время от времени окуривать коты, сжигая в них несколько локонов волос какой-нибудь пастушки,^[1854] вместе с аммиаком, рогом, копытами или шерстью коз, битумом, кассией, флебаном или каламином, запах которых, как считалось, вызывал у змей особое отвращение.^[1855] Их обычная пища, когда они находились в складках, состояла из зеленого клевера и цитизуса, пажитника, овсяной и ячменной соломы, стеблей овощей,^[1856] которые, как предполагалось, улучшались, если их посыпать на молотильном поле рассолом, фиг, сдутых ветром, и сухих листьев.

В короткие и резкие дни зимы^[1857] их не выводили на пастбище, пока не исчезали роса и иней; летом же пастухи старались выходить в поле с рассветом, пока роса еще лежала на траве. В Аттике^[1858] и окрестностях Милета, где производилась самая тонкая и дорогая шерсть в древнем мире, овец^[1859] защищали от дождя, пыли, грачей и всего остального, что могло повредить их шерсть^[1860] кожухами из пурпурной кожи.^[1861] Такая же практика преобладала и в Мегарии, где Диоген, увидев стадо овец^[1862], одетых таким образом, в то время как дети, подобно египетским крестьянам, были вынуждены бегать голыми, сказал: "Лучше быть мегарейским бараном, чем его сыном". Илиан^[1863] ссылается на это изречение, чтобы отметить невежество и недостаток образования, распространенные среди мегарейцев. У Плутарха^[1864] мы также находим другую версию анекдота, в котором дорийцы обвиняются в скупости и подлости. Август подражал изречению Диогена и применил его к Ироду, услышав о жестокости которого к своей семье, он сказал: "Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном". Но если мегарейцы жили бедно, то строили грандиозно: так что о них говорили, что они едят так, будто умрут завтра, а строят так, будто будут жить вечно.^[1866]

Овцы, как, вероятно, заметило большинство людей, знакомых с этой страной, имеют обыкновение в жаркие летние дни уходить во время сильного солнечного удара под тень раскидистых деревьев,^[1867] в это время зеленая полоса возвышенности, усеянная старинными дубами или буками,^[1868] каждый из которых окружен частью стада, отдыхающей на своих шерстинках, представляет собой картину необыкновенной красоты и спокойствия. Живописность этой сцены в старые времена усиливалась добавлением нескольких аккомпанементов, ныне нигде не встречающихся, состоящих из статуй, алтарей или часовен, воздвигнутых в честь сельских богов или нимф.^[1869] Фонтаны, кроме того, с прозрачной водой^[1870] во многих местах били из-под деревьев, где обычно было несколько сидений для размещения пастухов и пастушек. В этих уединениях они обычно проводили знойные часы дня, играя на пастушеской флейте или сириноксе, распевая свои дикие песни или развлекая друг друга рассказами о странных легендах, населявших леса и одинокие горы Греции.^[1871] Среди них преобладало суеверие, запрещавшее нарушать своей музыкой или иным способом ту тихую неподвижность, которая, по мнению большинства людей, характеризует летний полдень. В этот час дня бог Пан,^[1872] по мнению греческих пастухов, отдыхал после трудов погони, лежа под деревом в уединенном лесу,^[1873] и, поскольку его считали торопливым и холеричным, они воздерживались в это время от пира из страха вызвать его гнев. Считалось, что и другие боги в это время наслаждаются коротким сном, как мы видим в случае с нимфой Аурой в "Дионисиях".^[1874]

Из отрывка из Евангелия от Иоанна следует, что среди восточных пастухов преобладала практика различать несколько членов своих стад по отдельным именам: "Овцы слышат голос его, и он называет овец своих по имени и выводит их. И когда он выводит своих овец, то идет перед ними, и овцы идут за ним, потому что знают голос его". Мы также находим следы того

же обычая на Сицилии, Крите и в других частях Греции, где козы, телки и овцы пользовались привилегией имени, как, например, Синефа, Амалтея и другие. В более поздние времена было признано предпочтительным, чтобы стадо следовало за своими пастухами по глазам, для чего они привыкли набивать уши шерстью.^[1875] Чтобы бараны не задирались, в их рогах возле корней проделывали отверстие^[1876]. Овец обычно стригли^[1877] в мае, а после стрижки шерсти их обычно помазывали вином, маслом и соком горького люпина.^[1878] В более отдаленные века преобладала практика выщипывания шерсти вместо стрижки; этот варварский метод, одновременно столь болезненный для овец и столь трудоемкий для пастуха, не был полностью оставлен и в эпоху Плиния.^[1879] Среди пастушеских племен существовало правило, что численность их отар должна быть неодинаковой.^[1880] Пастухи Греции дали название секитаи,^[1881] (от σῆκος - загон) ягнятам, взятым рано от овец и выкормленным вручную. Обычно их держали в загоне отдельно от других овец.

Поскольку в большинстве районов Греции стада подвергались нападению волка,^[1882] пастухи прибегали к необычному средству, чтобы уничтожить это свирепое животное; разжигая большие костры из древесного угля на открытых местах в лесу, они бросали туда порошок из некоторых мелких рыбок, которых в большом количестве ловили вдоль травянистых берегов Греции, вместе с небольшими кусочками ягненка и козленка. Привлеченные ароматом, который они могли учуять на расстоянии, волки в большом количестве слетались к кострам, вокруг которых они с громким воем рыскали в ожидании разделить добычу, запах которой их привлекал. Одурманенные дымом древесного угля, они падали на землю в летаргическом сне, когда подходившие пастухи стучали их по голове.^[1883]

1777. Очарование покоя и свободы от забот, которые, как предполагается, можно вкушать в уединении деревни, во все века приводило к убеждению, что в полях и лесах есть нечто более естественное, чем в городах, хотя человеку так же необходимо иметь жилища, как и возделывать землю. Парадокс, однако, выражен Варро следующим образом: *Divina natura dedit agros, ars humana ædificavit urbes*. *De Re Rust.* iii. 1, который Каупер, возможно, бессознательно, перевел таким образом,

Бог дал страну, а человек создал город.

1778. Путешественники находят среди современных пастухов Востока во многом те же вкусы и привычки. "Холмы, - замечает д-р Чандлер, говоря о Лидии, - оживлялись стадами овец и коз и звучали грубой музыкой лиры и трубы; первый был струнным инструментом, похожим на гитару, и держался точно так же, но обычно на нем играли смычком". *Chandler*, i. p. 85. Ср. *Theocrit.* *Eidyll.* i. 7. viii. 9.

1779. Те же привычки преобладают до сих пор: "На Лесбосе, как и прежде на нескольких островах и мысах, мы могли видеть костры, разводимые главным образом рыбаками и пастухами, которые много живут на воздухе, чтобы сжигать крепкие стебли турецкой пшеницы и сухую траву на горах". *Chandler*, i. 11. Ср. с. 320.

1780. Кроме всего прочего, мы видим, что они больше всего верят в сны - по крайней мере, мы можем предположить, что рыбаки у Феокрита, которые так много внимания уделяют ночным видениям, придерживаются вероучения, почти схожего с вероучением пастухов. *Eidyll.* 21. v. 29. sqq.

1781. Основными богами, которым они поклонялись, были Пан, Музы и Нимфы. Нимфам и Пану они приносили жертвы как богам, возглавляющим горы, где они сами обычно странствовали. Пан, кроме того, был искусен в игре на трубе, инструменте их расы. Музам они поклонялись как богиням поэзии и музыки. Schol. Theoc. i. 6. В стихе 12 того же "Эйдила" о нимфах говорится там, где речь идет о служении муз, что легко объяснимо. Ведь Музы - это, собственно, нимфы тех фонтанов, которые вдохновляют поэтов своими песнями. Cp. Voss. ad Virg. Eclog. iii. 84. У лидийцев Музы назывались нимфами. Schol. Theoc. Eidyll. vii. 92. Cp. Eidyll. v. 140. Lyc. Cassand. 274. ibique Schol. et Potter. Kiessl. ad Theocrit.

1782. Lycoph. Cassand. 91 и др., как и Гомер и другие античные поэты, изображают принцев пастухами. Охрана стад была тогда, по сути, царским занятием. Дидимос, ad Odys. v. 223, замечает, что τὸ παλαιὸν καὶ οἱ τῶν βασιλέων παῖδες πανάπαλοι (l. παναίπολοι) ἐκαλοῦντο, καὶ ἐποίμαινον. Meurs. ad Lycoph. p. 1181. Varr. De Re Rust. ii. 1.

1783. Il. ζ. 25. Odys. o. 385, seq.

1784. Ил. δ. 106.

1785. Илиада. δ. 452, далее ε. 137. θ, 555.

1786. Следующая картина Мильтона, кажется, почти создана для контраста с вышеприведенной:

Как когда с горных вершин сумрачные облака

Восходящие, пока северный ветер спит, простерли

Небесный веселый лик, смиренная стихия

Набрасывает на омраченный пейзаж снег или ливень;

Если случайно лучезарное солнце, прощаясь с нами,

Протянет свой вечерний луч, поля оживут,

Птицы возобновят свои песни, и блеющие стада

Засвидетельствуют свою радость, что холмы и долины звенят.

Parad. Lost, ii. 488, sqq.

Илиада θ. 559, sqq. Здесь *пастух*, замечает схолиаст, используется для обозначения *пастуха*. Ποιμήν εἶπεν ἀντὶ τοῦ βουκόλος διὰ νουκτὸς γὰρ αἱ βόες νέμονται, in loc. i. 238.

1787. По этому отрывку Ἀρίσταρχος τὴν κατὰ φύσιν λαμπρὰν λέγει καὶ μὴ πλήθουσα ἢ εἰ γὰρ πληροσέληνος ἦν, ἐκέκрупτο ἅν μᾶλλον τὰ ἄστρα. Schol. Bekker. t. i. 238. Cp. Eustath. in Iliad. θ. t. i. p. 621.

1788. Илиада, μ. 451, seq.

1789. Илиада, ν. 491, sqq.

1790. Илиада. π. 354, sqq.

1791. Илиада. σ. 161, и далее.

1792. Одиссея. μ. 131. Обязанности этого слуги описаны Варро, который также указывает физические качества, необходимые для пастухов. Contra, pernoctare ad suum quemque gregem esse omnes sub uno magistro pecoris cum esse majorem natu potius quàm alios et peritiorem quàm reliquos, quod iis qui ætate, et scientia præstant animo æquiore reliquis parent. Ita tamen oportet ætate præstare ut ne propter senectutem minus sustinere possit labores. Neque enim senes, neque pueri callium difficultatem, ac montium arduitatem, atque asperitatem facile ferunt: quod patiendum illis qui greges sequuntur præsertim armenticios, ac caprinos quibus rupes ac silvæ ad pabulandi cordi. De Re Rust, ii. 10. Cp. Colum. ii. 1.

1793. Георг. xviii. 1. Однако у Демосфена мы находим упоминание о пастухе с отарой из пятидесяти овец под его присмотром. В Everg. et Mnes. § 15.

1794. Leake, Travels in the Morea, vol. i. p. 17.

1795. Plat. de Rep. iv. t. vi. p. 204. Колумелла с поэтическим энтузиазмом описывает характер и качества пастушьей собаки, которую он отказывается причислять к бессловесным животным, поскольку ее лай, по его словам, полон смысла: "Canis falso dicitur mutus custos nam quis hominum clarius, aut tanta vociferatione bestiam vel furem prædicat quam iste latratu? quis famulus amantior domini? quis fidelior comes? quis custos incorruptior? quis excubitor inveniri potest vigilantior? quis denique ultor aut vindex constantior? Quare vel in primis hoc animal mercari tuerique debet agricola, quod et villam et fructus familiamque, at pecora custodit." De Re Rusticâ, 7. 12.

1796. Sch. Aristoph. Vesp. 897.

1797. Aristot. Hist. Animal. ix. 1.

1798. Luc. Bis Accus. § 11.

1799. Plat. Rep. iii. § 10. Stalb.

1800. Theocrit. i. 129. Plat. de Rep. t. vi. p. 132. Mosch. Eidyll. iii. 54.

1801. Athen. xiv. 22.

1802. Etym. Mag. 690. 11.

1803. "Sic et hodie audio Hibernos, qui pecuariam exercent, musicæ deditos, et triangulari cithara (quam vocamus *harpe*) plerumque se oblectare solere, unde aiunt insignia regni Hiberniæ fuisse olim et esse adhuc tale musicum instrumentum." Desc. Græc. Ant. p. 61.

1804. Schol. Aristoph. Nub. 73. Cp. Vesp. 442. Küst.-Eq. 398. Bekk. Luc. Tim. § 8. Упоминается также плащ из волчьей шкуры. Филострат. Вит. Софист. ii. 6.

1805. Suidas. v. διφθέρα. t. i. p. 757. e.

1806. Harless. ad Theocrit. v. 2.

1807. Cyclop. 79, seq.

1808. Лорд Бэкон считает, что пастушеское состояние в некоторых отношениях предпочтительнее земледельческого: "Два самых простых и примитивных жизненных ремесла: пастух (который, благодаря своему досугу, отдыхает на месте и живет с видом на небо, являя собой живой образ созерцательной жизни) и земледелец; где мы видим, что

благосклонность Бога досталась пастуху, а не землепашцу" -Advancement of Learning, p. 64. Пастухи совершали возлияния молоком Музам. Theocrit. i. 143, seq.

1809. И все же мы видим, что пастухи Греции сохранили некоторый привкус классической образованности: "После ужина я отправился с мальчиком-пастухом за гербарием; мой пастуший ботаник не мало удивил меня своей номенклатурой; я проследил имена Диоскорида и Теофраста, испорченные, правда, в некоторой степени произношением и длинной *seriæ annorum*, прошедшей со времен этих философов, но многие из них остались неизменными, а их достоинства верно переданы в устных традициях страны. Мой пастушок вернулся в свое стойбище не менее довольный тем, что я дал ему несколько параграфов, чем тем, что нашел в таком деревенском местечке хранилище древней науки" - Sibth. in Walp. i. 66, seq. В книге сэра Джона Фортеस्कью "De Laudibus Legum Angliæ", переведенной Робертом Малкастером в царствование королевы Елизаветы, есть отрывок, описывающий пастушеские привычки наших предков и порожденное ими интеллектуальное превосходство, который кажется мне настолько превосходным, что я не могу удержаться от соблазна привести его здесь: "Англия настолько плодородна и плодовита, что, сравнивая количество с количеством, она превосходит все другие земли по плодovitости. Да, она приносит плоды сама по себе, лишь в малой степени вызванные человеческим трудом и работой. Ибо там земли, поля, рощи и леса так обильно разрастаются, что необработанные приносят своим владельцам больше прибыли, чем обработанные, хотя они и бывают наиболее урожайны на кукурузу и виноград. Есть также пастбища, обнесенные изгородями и канавами, с посаженными и растущими на них деревьями, которые служат защитой для овец и скота от бурь и солнечного зноя; пастбища обычно поливаются, так что скот, запертый и закрытый на них, не нуждается в содержании ни днем, ни ночью. Ибо там нет ни волков, ни зверей, ни леонов, поэтому их овцы лежат ночью в полях, не укрытые в своих пастбищах, где их земля удобрена. По этой причине люди той страны не испытывают никаких мучительных трудов, поэтому они живут более духовно, как древние отцы, которые предпочитали содержать и кормить скот, чем нарушать спокойствие ума заботами о мужестве. Отсюда следует, что люди этой страны более склонны и пригодны к разбору сомнительных дел, требующих больших исследований и испытаний, чем люди, целиком отданные копанью в земле, у которых это грубое занятие порождает грубость ума и разума". гл. 29.

1810. В этом месте читатель, возможно, вспомнит мечту Руссо об удовольствии, которое доставило бы ему обладание таким кольцом; после того как он довел свои рассуждения до предела, он пришел к выводу, что ему гораздо лучше без него. -Rêveries du Promeneur Solitaire, iii. 137.

1811. Plat. Rep. ii. § 3. Cp. x. § 12. Stallb. Среди богов аналогичную силу приписывали шлему Аида. Так, у Гомера Афина скрывается от Марса благодаря действию этого заколдованного доспеха - Илиада, ε. 845. Аполлод. ii. 4. 2.

1812. К этому же классу относится предание о медной табличке, выброшенной фонтаном в Ликий и предсказывающей свержение персидской монархии греками. -Plut. Alexand. § 17.

1813. Cp. Varr. De Re Rust. ii. 10.

1814. Athen. xiii. 87.

1815. Это был κύπελλον, кубок или чаша, выточенная из плющевого дерева. Обычно его натирали воском и полировали, чтобы подчеркнуть красивую резьбу, украшавшую его. Cp. Etym. Mag. 515. 33.

1816. Theocrit. i. 32, sqq.

1817. Хотя даже здесь мы обнаруживаем присутствие наемников; Гомер замечает, что среди лестригонов те пастухи, которые могли обходиться малым количеством сна, получали двойную плату. Одиссея. к. 84, и далее.

1818. На самом деле черные рабы из Африки иногда работали пастухами, по крайней мере, на Сицилии. Theoc. i. 24.

1819. Иоанн, х. 11, sqq.

1820. Исая, xl. 11.

1821. Гиббон, старательно изучавший пастушеские народы Азии в их общих привычках и особенностях, заметил, что честолюбие и дух завоевания мощно возбуждаются пастушеским образом жизни. "Пастухи севера неоднократно свергали троны Азии, а их оружие наводило ужас и опустошение на самые плодородные и воинственные страны Европы. По этому случаю, как и по многим другим, трезвый историк насильно пробуждается от приятного видения и вынужден с некоторой неохотой признать, что пастушеские нравы, украшенные самыми прекрасными атрибутами мира и невинности, гораздо лучше приспособлены к свирепым и жестоким привычкам военной жизни". Decline and Fall of the Roman Empire, iv. 348. Гиппократ в своей краткой, но энергичной манере представил нам картину жизни скифского пастуха в древние времена (De Aër. et Loc. § 92, sqq.), а от современных путешественников мы узнаем, что она мало чем отличалась от той, которую они ведут в настоящее время. См. о путешествиях Рубрикиса в Hakluyt, i. 101, sqq. См. также заметки Корея о Гиппократе, т. ii. 280, и далее.

1822. Феокрит описывает Дафниса, умирающего от любви. Eidyll. i. 135.

1823. Hom. Hymn. ad Ven. 54, sqq.

1824. Сравните Троллоп, Заметки о святом Иоанне, х. i.

1825. Алеуас, фессалиец, как говорят, был удостоен визитов совсем другой госпожи, когда пас свои стада на горе Осса, недалеко от источника Гемон; дракон огромных размеров, очарованный его красотой и золотыми волосами, часто подходил к пастуху с подарками из пойманной ею дичи. Положив свои дары к его ногам, она целовала его локоны и облизывала его лицо языком, что, поскольку фонтан находился так близко, можно надеяться, было делом суеверия. Илиан. De Nat. Animal. viii. 11.

1826. Hymn. ad Vener. 158, sqq.

1827. Дион Хризостом. Orat. vii. t. i. p. 219, sqq. Phot. 166. a. 24.

1828. Об этой горе и связанных с ней мифологических легендах см. Æn. xi. 260, с примечанием Сервия. Овидий. Metamorph. xiv. 472. Cp. Propert. v. 115, sqq. Якобс. Plin. iv. 21. Древний схолиаст, цитируемый Мореллом, так рассказывает о мести Науплиоса: Ναύπλιος τοῦ υἱέος δὴ τοῦ Παλαμήδους τοῦ φόνου ἀμυνόμενος τοὺς Ἑλλήνας τοῦ ἀνέμου αὐτοῖς ἐνστάτος- ἐπεὶ τοῦτον διὰ θαλάττης ἐγέλων. αὐτὸς οὗτος τὸν Καφηρέα καταλαβὼν εἴτα νυκτὸς πυρσεύων ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε πετρωδῶν πάγων, ἡπάτα προσχεῖν, ὡς δὴ τινι εὐπροσόδῳ ἀκτῇ τοῖς ἀποτόμοις κρημνοῖς εἰς βάθος ἐρρίζωμένοις καὶ χοιράσι διειλημμένοις. καὶ οὕτως ἀπρόοπτως ἀπωλόντο. Schediasm. &c., in Dion. t. ii. p. 580, seq. Cp. Strab. viii. 6. t. ii. p. 195. Аполлодор. ii. i. 5. Орф. Argonaut. 204, sqq.

1829. О пурпурных промыслах Эвбеи см. Feder. Морелл. Шедиазм. и т. д., в Дион. ii. 576. Reiske. и Aristot. Hist. Animal. v. 15.

1830. Столь же простую жизнь ведут албанские пастухи и в наши дни. "Они живут на горах, в долине или на равнине, в зависимости от времени года, под беседками или навесами, покрытыми ветвями, ухаживают за своими стадами за границей, доят овец и коз у себя дома, делают сыр и масло для снабжения города". Chandler, ii. p. 135.

1831. Илиада. β. 541. δ. 464. О длинных волосах этих древних воинов упоминает гомеровский схолиаст: τὰ ὀπίσω μέρη τῆς κεφαλῆς κομῶντες ἀνδρείας χάριν. ἴδιον δὲ τοῦτο τῆς τῶν Εὐβοέων κορυφῆς, τὸ ὀπίσθεν τὰς τρίχας βαθείας ἔχειν. t. i. p. 83. Bekker.

1832. Cp. Theoph. De Sign. Pluv. i. 22.

1833. Читал ли это Бернарден де Сен-Пьер, когда писал свой "Индийский коттедж"?

1834. Степень довольства, равная той, которую в этом рассказе демонстрируют эвбейские пастухи, в наше время все еще проявляется грубыми крестьянами Липарских островов посреди гораздо больших лишений: "В то же время невероятно, насколько довольны эти островитяне при всей своей бедности. Улисс, возможно, не питал большей любви к своей Итаке, чем они к своим Эоловым скалам, которые, какими бы жалкими они ни казались, они не променяли бы на острова Фортуната. Я часто заходил в их хижины, которые похожи на птичьи гнезда, подвешенные к скалам. Они сложены из кусков лавы, плохо соединенных между собой, одинаково лишены украшений как внутри, так и снаружи, и едва пропускают слабый неясный свет, как какая-то мрачная пещера". Спалланцани, Путешествие по двум Сицилиям, iv. 147.

1835. Отсутствие этих мучителей скота считалось у древних делом огромной важности. Вергилий, когда он дает указания относительно лучших пастбищ, подходящих для молодых матерей стад, восхваляет подвиги овода:

Saltibus in vacuis pascant, et plena secundum

Flumina: muscus ubi, et viridissima gramine ripa,

Speluncæque tegant, et saxea procubet umbra.

Est lucos Silari circa, ilicibusque virentem

Plurimus Alburnum volitans, cui nomen asilo

Romanum est, æstrum Graii vertere vocantes:

Asper, acerba sonans: quo tota exterrita sylvis

Diffugiunt armenta; furit mugitibus æther

Concussus, sylvæque et sicci ripa Tanagri.

Georg. iii. 143, sqq.

См. примечание Филаргирия на сайте. Aristot. Hist. Животные, iv. 4. v. 19.

1836. Plat. Opp. t. i. p. 9. Чтобы защитить от загрязнения места, затененные благородными деревьями, они имели обыкновение посвящать их какому-нибудь богу и воздвигать под

нависающими ветвями статуи и алтари. Id. ib. На Крите фонтаны часто затенены величественными платанами. Пэшли, ii. 31.

1837. Или даже в сарае турецкого пастуха в Малой Азии. У доктора Чандлера есть отрывок, иллюстрирующий гостеприимство пастушеских племен, который одновременно настолько живописен и лаконичен, что у меня возникает желание его переписать: "Около двух часов ночи все наше внимание было приковано к лаю собак, который, по мере нашего продвижения, становился все более яростным. Обманутые светом луны, мы решили, что видим деревню, и были очень огорчены, обнаружив там лишь стоянку бедных козопасов, у которых не было даже навеса, а нашим лошадям нечего было есть. Они лежали, завернувшись в свои толстые капоты или свободные плащи, у мерцающих углей, среди кустов в долине под раскидистым деревом у складки. Они приняли нас радушно, насыпали свежего топлива, принесли каймак или кислый творог и грубый хлеб, который поджарили для нас на углях. Мы приготовили скудный ужин, сидя на земле, освещенной огнем и луной, после чего сон внезапно одолел меня. Проснувшись, я обнаружил своих спутников рядом с собой, под удобным покровом плаща Джанизари, который он заботливо расстелил над нами. Меня поразили дикий вид этого места. На дереве висела деревенская утварь, козы в загоне чихали, блеяли и ржали; кусты, возле которых стояли наши лошади, были без листьев, а земля голая; на огне кипел черный котел с молоком, а рядом с нами какая-то фигура, более чем исхудавшая или дикая, боролась на земле с ребенком, которому он отрезал уши и пытался прижечь куском раскаленного железа". Chandler, vol. i. 180, seq.

1838. История халифа Ватека. стр. 102.

1839. Ср. Филост. Икос. ii. 26, p. 851.

1840. Дикий боров до сих пор является одним из самых распространенных животных в лесах Греции и Малой Азии. Chandler, i. 77. Даже дикие быки иногда появляются в последней стране. 176.

1841. На эту лучшую и самую экономичную пищу для свиней Гомер намекает, представляя богиню Цирцею, присматривающую за своим кувшином, который она наполнила превращенными спутниками Одиссея:

τοῖσι δὲ Κίρκη

Πᾶρ ῥ' ἄκυλον, βάλανον τ' ἔβαλεν, καρπὸν τε κρανείης

Ἔδμεναι, οἷα σύες χαμαιευνάδες αἰὲν ἔδουσιν.

Od. к. 241, sqq. Ср. v. 409.

Илиан в своем сочинении "Nat. Animal. v. 45, отмечает эти гомеровские лакомства как пищу свиньи, к которой он в другом месте добавляет плоды ясеня. viii. 9.

1842. Ср. Theoph. Hist. Plant. ii. 2. 10. ii. 7. 7-iii. 6. 5-vi. 3. 11.

ἽΟα, ἀκροδρύων εἶδος μήλοισ μικροῖς ἐμφερές

Tim. Lec. Platon. in voce с примечанием Ruhnken.

1843. О трех видах медларов, Theoph. Hist. Plant. iii. 12. 5.

1844. Филост. Icon. i. 31, p. 809. ii. 26, p. 851.

1845. В пастухи обычно выбирали крепких людей с громкими голосами, а в козлы - за их легкость и ловкость. Георг. ii. 1. Пастухи получили у греков название ποιμένες; в то время как смотрители других отар и стад назывались αἰπόλοι. Schol. Theoc. i. 6.

1846. Onomast. i. 249.

1847. Arist. Hist. Anim. viii. 27. 3. Вещи, изготовленные из шерсти этого животного, назывались κηλίκια. Etym. Mag. 513. 41.

1848. Арист. Hist. Anim. viii. 27. 3. Говоря о окрестностях Смирны, "овцы, - замечает д-р Чандлер, - имеют широкие хвосты, свисающие вниз, как фартук, некоторые весят восемь, десять и более фунтов. Их едят как лакомство, а жир, пока они еще не выросли, считается таким же вкусным, как костный мозг". Travels, i. 77. Из широкохвостых овец, упоминаемых древними, наиболее примечательными были индийские, где, по словам Ктесия, обладающего хорошей памятью, и они, и козы были крупнее ослов: - τὰ πρόβατα τῶν Ἰνδῶν καὶ αἱ αἴγες μείζονες ὄνων εἰσὶ, καὶ τίκτουσιν ἀνὰ τεσσάρων καὶ ἕξ ὥς ἐπὶ τὸ πολὺ, ἔχουσι δὲ οὐρὰς μεγάλας - διὸ τῶν τοκάδων ἀποτέμνουσιν ἵνα δύνωνται ὀχεύεσθαι. Phot. Biblioth. Cod. 72. p. 46. b. Bekker. Ælian. de Nat. Animal, iv. 32, рассказывает, без каких-либо признаков недоверия, точно о том же факте; а затем добавляет обстоятельство, которое может поддержать абиссинскую историю Брюса о вырезании костреца из живой коровы, - ибо индейцы, замечает Элиан, имели привычку отрезать хвосты баранам, извлекать весь жир, а затем снова зашивать их так ловко, что через короткое время не оставалось никаких следов разреза.

1849. Ирод. iii. 113. Ælian. Hist. Anim. x. 4.

1850. Связаны вместе, вероятно, диким суккорием или цнеороном, как в наше время остроухим ветром. Theoph. Hist. Plant. vii. 11. 3. vi. 2. 2.

1851. Георг. xviii. 2.

1852. Plin. xxi. 7.

1853. Диоскор. iii. 32.

1854. Георг. xviii. 2.

1855. Аристоф. Eccles. 644. Георг. xviii. 2.4.

1856. Георг. xviii. 2. Относительно Цитиса Эсхилид замечает в Ælian. de Nat. Animal. xvi. 32, что у деревенских жителей Киоса из-за засушливости острова было мало стад. Однако те, что у них были, питались исключительно листьями цитиса, смоковницы и оливы, изредка смешивая их с соломой и мякиной овощей. Ягнята, выращенные на этом острове, отличались необыкновенной красотой и продавались по более высокой цене, чем в большинстве других мест. В Лидии и Македонии овец иногда откармливали на рыбе, что, должно быть, придавало баранине в этих странах несколько неприятный запах. Илиан. De Nat. Animal. xv. 5. Другой излюбленной пищей овец были листья белой нимфеи, нежные побеги которой ели свиньи, а сами люди питались плодами. Theoph. Hist. Plant. iv. 10. 7. Говорят, что дети также считали деликатесом стебли флеоса, тифы и бутомоса. Корни этого плода давали в пищу скоту". Id. ibid.

1857. Георг. xviii. 2.

1858. Сп. Афины, т. 60. Hom. Il. β. 305, sqq.

1859. В настоящее время, однако, более высоко ценятся овцы из соседней страны Беотии. "На равнине паслись стада овец, чьи шерстинки были удивительно черными; по красоте и размерам эта порода значительно превосходила аттическую". Sibth. in Walp. i. 65. Видеть во сне овец такого цвета древние считали несчастьем. Артемида. Oneirocrit. ii. 12. p. 96. Самые лучшие черные овцы в древнем мире были найдены в районе Фригии в окрестностях городов Колоссы и Лаодикеи, шерсть которых не только превосходила милетскую по мягкости, но и имела блестящий струйчатый цвет, как у вороньего крыла. Φέρει δ' ὁ περὶ τὴν Λαοδίκειαν τόπος προβάτων ἀρετὰς, οὐκ εἰς μαλακότητος μόνον τῶν ἐρίων, ἧ καὶ τῶν Μιλησίων διαφέρει, ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν κοραξὴν χροάν ὥστε καὶ προσοδεύονται χροάν ὥστε καὶ προσοδεύονται λαμπρῶς ἀπ' αὐτῶν- ὥσπερ καὶ οἱ Κολοσσηνοὶ ἀπὸ τοῦ ὁμωνύμου χρώματος πλησίον οἰκοῦντες. Strab. xii. 8. t. iii. p. 74. Plin. Nat. Hist. viii. 73. Cp. Chandler, Travels in Greece and Asia Minor, i. 262. Страна вокруг Абидоса также славилась своими черными стадами, среди которых нельзя было обнаружить ни одной белой овцы. Ælian de Nat. Animal. 3. 32.

1860. Varro. de Re Rust. ii. 2.

1861. Гораций говорит о "pellites oves Galesi". Od. ii. 6. 10.

1862. Диог. Laert. vi. 41. Эту практику отмечает и Плиний, который говорит: "Ovium summa genera duo, tectum et colonicum; illiud mollius, hoc in pascuo delicatius, quippe quum tectum rubis vescatur. Operimenta ei ex Arabicis præcipua". Nat. Hist. viii. 72. Колумелла также упоминает об этих покрытиях: "Molle vero pecus, etiam velamen quo protegitur, amittit atque id non parvo sumptu reparatur." reparatur. vii. 3, seq.

1863. Var. Hist. xii. 56.

1864. De Cupiditate. § 7.

1865. Macrob. Sat. ii. 4.

1866. Тертулл. в Apolog. ap. Menag. ad Laert. vi. 41. t. ii. p. 141. b. c.

1867. Георг. xviii. 2.

1868. В Малой Азии тень деревьев также не всегда считается достаточной. "Мы пришли, - говорит д-р Чандлер, - к навесу, сооруженному из сучьев вокруг дерева, чтобы укрыть стада и отары от солнца в полдень". Путешествия, i. 25.

1869. Schol. Theoc. i. 21. Cp. Plat. Phædr. t. i. p. 9.

1870. Не могу удержаться от соблазна представить в этом месте миниатюрную картину греческого пейзажа из живописного и прекрасного дневника д-ра Сибторпа: "Мы обедали под скалой, со стороны которой спускался журчащий источник среди фиалок, примул и звездчатых гиацинтов, смешанных с черным силириумом и разноцветными орхидеями. С боков горы свисал цветущий ясень, под тенью которого цвели камнеломки, снежный изопирум и пирамидальная кампанула; это последнее растение теперь называется χαρίσσην; оно дает обильную сладкую молочную жидкость и, как говорят, способствует выделению молока, что впервые было приписано ему по учению о сигнатурах. Наш проводник закладывал в нос ароматные листья фраксинеллы; обычная крапива не была забыта в качестве травы, но Imperatoria, похоже, была любимым салатом. Среди кустарников я заметил наше крыжовниковое дерево, а среди скал дико разросся Cellis Australis". Walp. Mem. i. 63.

1871. См. Гесиод. Opp. et Dies, 582, sqq.

1872. Сон об этом божестве считался пастухами благоприятным. Артемида. *Oneirocrit.* ii. 42. p. 133.
1873. *Schol. Theoc.* i. 15. *Cal. Hymn. in. Lav. Poll.* 72. *ibique interp.* *Nem. Eclog.* iii. 3. *Cp. Hom. Il.* т. 13. *Od.* т. 9. Пастух в Антологии (*Jacob. t. ii. no. 227. p. 694*) не так религиозен, как козопас Феокрита, ибо он смело трубит утром и в полдень *χω ποιμὴν ἐν ὄρεσσι μεσαμβρινὸν ἀγγόθι παυῶς συρίσδων.* *Kiessling. ad Theoc.* i. 15.
1874. *Nonn.* xlviii. 258, sqq. *Cp. Филост. Icon.* ii. 11. et *J. B. Carpzov. Disp. Phil. De Quietate Dei*, p. 16, sqq.
1875. *Geop.* xviii. 4.
1876. *Ferocia ejus cohibetur cornu juxta aurem terebrato.* *Plin. Nat. Hist.* vii. 72. *Cp. Geopon.* viii. 5. С той же целью пишет и Колумелла: - *Epicharmus Syracusanus qui pecudum medicinas diligentissime conscripsit affirmat pugnacem arietem mitigari terebra secundum auriculas foratis cornibus qua curvantur in flexu.* *Columell.* vii. 3.
1877. Древние заметили, что длинная шерсть указывает на силу овцы, а кудрявая - наоборот. *Geop.* xviii. 1, seq.
1878. *Geop.* xviii. 8.
1879. *Duerat quibusdam in locis vellendi mos.* *Plin. Nat. Hist.* vii. 73. *Veliae unde essent plures accepi caussas inquires quod ibi pastores palatim ex ovibus ante tonsuram inventam vellere lanam sint soliti, ex quo vellera dicuntur.* *Varr. de Ling. Lat.* iv. *Cp. De Re Rust.* ii. 11. *Isidor.* xix. 27.
1880. *Geop.* xviii. 2.
1881. *Schol. Theoc.* i. 9.
1882. Из рассказов путешественников следует, что способ, которым древние греки избавлялись от волка, больше не известен их потомкам, хотя опасения по поводу их разрушительности и свирепости так же велики, как и прежде. Известно, что Солон в своих законах установил цену за голову волка, которая, по-видимому, варьировалась в разные эпохи (*ср. Plut. Solon. § 23. Schol. Aristoph. Av. 369*), но никогда не могла достигать суммы в два таланта. Однако какой бы ни была древняя цена, ее платили магистраты; но "теперь крестьянин сдает шкуры на базар или рынок и получает вознаграждение в виде добровольных взносов". *Chandler, ii. p. 145.* Недалеко от хана на горе Парнес, поросшей соснами, сэр Джордж Уилер видел очень любопытный фонтан, к которому обычно спускаются пить волки, медведи и кабаны. *Id. p. 197.*
1883. *Geop.* xviii. 14. Тем не менее, когда волк кусал овцу, не убивая ее, плоть становилась более нежной и деликатной, что Плутарх объясняет горячим и огненным дыханием зверя. *Sympos.* ii. 9.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА.

ЛОНДОН:

Напечатано С. и Дж. Бентли, Уилсоном и Фли,

Примечание транскриптора

В типографии использовались скорописные формы бета (β) и тета (θ), иногда в одном отрывке со стандартными β и θ . Они были заменены стандартными формами.

Гифенизированные слова иногда встречаются и без дефиса, например, "оливковые земли" и "оливковые земли". В случае явного перевеса дефис либо сохраняется, либо удаляется в соответствии с предпочтениями. В случае отсутствия такового дефис оставлен в том виде, в котором он был напечатан.

Комментарии

91.10 Оригинальные кавычки ("Wretch, would you make me a "Phaselitan for a farthing?") были правильно расставлены.

355.n3.64 Звездочка, по-видимому, не служит никакой цели. Возможно, она относится к внутренней сноске, которая так и не была напечатана. Тем не менее, она была сохранена.

Незначительные пунктуационные ошибки и несоответствия в аппарате сносок были исправлены без дополнительного упоминания.

Те ошибки, которые считаются наиболее вероятными ошибками типографии, были исправлены и отмечены здесь. Ссылки даны на страницу и строку оригинала. Исправления внутри примечаний обозначены символом "n" и номером оригинального примечания.

36.n1	καὶ πᾶσαν τῇν οἴκιν/ίκιν	Заменено.
61.15	быть гребнем[.]	Добавлено.
63.31	Ægle[,] Pede и	Добавлено.
65.11	в Ликий[.].	Заменен.
71.29	столкнулись с противоположной крайностью[,/.]	Заменено.
86.7	знаковые яйца)	Удалено.
119.20	отражались самым блестящим образом[,/.]	Заменено.
133.8	вспоминается	Вставлено.
134.n3	Ἄλα[]λείχειν	Добавлен пробел.
135.n3.10	Profluit.["].	Добавлено.
139.30	Как много [мой,/, мой] друг,	Транспонировано.
163.31	Грецкие орехи и каштаны.	Перевернуто.
164.20	["]но мы называем это	Добавлено.
185.37	Катится по комнате, как обруч[,/.]	Заменены.
201.31	на сковородку	Вставлено.
209.n5.1	Sc[ol/h\]. Аристоф. Nub. 1337, seq.	Заменено.
209.n6.1	Ilgen, De Sc[h]ol. Poes. p. 156.	Удалено.

242.1	дружбу Демосфена[.]	Добавлено.
242.34	"Охотник за изгнанниками"[.]	Добавлено.
249.n7.2	['/'] chez les anciens Atheniens	Заменено.
257.n5	Μ[ε/έ]σοισιν	Заменено.
274.18	чъя Пенелопа, та ["та"] <i>красавица-идеал</i> .	Удалено.
286.n8	и из [из] них они иногда пили.	Повтор.
290.n4	следуя по стопам Хейна.	Вставлено.
328.16	нашел этот ответ из [из] орошения.	Удалено.
355.n3.38	le <i>samia</i> [,] gros raisin	Добавлено.
385.15	не стал бы, если бы это было возможно,	Удалено.
423.38	буду судить завтра[.]"	Добавлено.
429.n6.14	non parvo sumptu reparatur.["].	Добавлено.